

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παράλοπον

*Варвара
Малахиева-Мирович
Хризалида*

СТИХОТВОРЕНИЯ

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παλιπομένων

*Варвара
Малахиева-Мирович*

Дом-музей Марины Цветаевой

*Варвара
Малахиева-Мирович*

Хризалида

СТИХОТВОРЕНИЯ

*Водолей
Москва
2013*

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
И. Е. Будницкий (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
А. Гришин (США),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
А. Л. Соболев (Россия),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
А. Б. Устинов (США),
Л. С. Флейшман (США)

Издательство искренне благодарит
Юрия Сергеевича Коржа и **Алексея Геннадьевича Малофеева**
за поддержку настоящего издания

Составление, подготовка текста, статьи и комментарии:
Т. Нешумова

ISBN 978–5–91763–131–8

- © Т. Нешумова, составление, подготовка текста, статьи и комментарии, 2013
- © М. и Л. Орлушины, оформление, 2013
- © Издательство «Водолей», оформление, 2013

РАННИЕ СТИХИ

(1883–1915)

* * *

Задумчиво стою у райского порога.
Перешагнуть его нет сил.
Как погляжу в лицо всеведущего Бога,
Когда он спросит: «Как ты жил?»

[1883]

* * *

Кончен день бесполезной тревоги
И ненужного миру труда,
Отшумел, на житейской дороге
Не оставив живого следа.

И в прошедшем так много их было,
Не оправданных будущим дней...

.....

Тщетно солнце доньше светило
Над бесплодной душой моей.

[1887]

* * *

Тихо плачут липы под дождем.
Сладко пахнет белая гвоздика.
А над ней по ставне за окном,
Расцветая, вьется повилика.

Вот и ночь. Душиста и темна,
Подошла неслышными шагами,
Обняла уснувший мир она
И кропит, кропит его слезами.

[1888–1889]

[Дача под Киевом]

* * *

Как тихо. Оливы сплетают
Серебряно-серый убор
По склонам террас, что сбегают
Ступенями желтыми с гор.

Как будто своею стеною
Мою оградить тишину
Им велено было судьбою,
Пока здесь навек не усну.

Не слышно ни птиц щебетанья,
Ни чистых мелодий цикад.
Лишь ветер прилива дыханье
Доносит в Забвения сад.

1896
Оспедалетти

* * *

В серебре пушистом инея
На лесной опушке ель
Смотрит в дали бледно-синие,
Где взмелась уже метель.

Разыгралась, разметалась,
Крылья к небу подняла,
По дорогам разостлалась,
С плачем к ели подошла.

«Жутко в поле ночку темную
Коротать, царица Ель!
Приголубь меня, бездомную,
Бездорожную метель.

Пуховой лесной тропинкою
Легче зайки я скользну,
Ни одной сухой былинкою,
Ни листком не шелохну.

Под сосною, под высокою
Лягу в чаще отдыхать,
Жутко в поле одинокою
Меж сугробов ночевать».

Ель задумалась, качнулась,
Путь-дорогу ей дала,
А метель к земле пригнулась,
По тропинке поползла.

Вьется тихая, несмелая,
Плачет тонким голоском.
Впереди поляна белая
Расстилается ковром.

Как метель к ней подобралась,
Сразу крылья развела,
Разыгралась, разметалась,
По верхам гулять пошла.

С визгом, с ревом, с завываньем
Над вершинами кружит,
Похоронными рыданиями
В чаще эхо ей вторит.

Вся от ужаса шатается
На лесной опушке ель,
И над нею издевается
С долгим хохотом метель.

[до 1898]

* * *

Шевелится дождик под окном.
Ночь темна.
Что-то шепчут липы под дождем
У окна.
Голос ночи, жалобен и тих,
Говорит:
Отчего утрата дней былых
Всё болит?
Отчего оторванный цветок,
Что упал
С серебристой липы на песок,
Не завял,
Но, оторван, дышит и живет,
И в тоске
Милосердной смерти к утру ждет
На песке?

1893

*Имение Линдфорс
в Черниговской губернии*

* * *

Я люблю полусон,
Полусвет, полумглу
Освещенных окон.
В полумгле, на полу –
Зачарованный блеск,
Нежный говор и плеск –
Струй ночных дождевых.
И дыханье живых
Ароматных цветов
У забытых гробниц.
Улетающих птиц
В небе жалобный крик.

Недосказанность слов.
В лицах тайны печать –
И всё то, что язык
Не умеет сказать...

[1897–1898]

[Петербург]

ОСЕНЬЮ

I

Тихо шиповник коралловый,
Тихо роняет плоды
В лоно туманно-опаловой,
В лоно холодной воды.

Шепчутся ивы плакучие,
Шепчутся в сонной тиши:
Чьи это слезы горячие
Так хороши?

Тихо камыш колыхается,
Тихо засохший звенит:
Кажется, лето кончается,
Кажется, жизнь улетит?

Шепчутся травы поблекшие,
Шепчутся: как же нам быть?
Чем же нам лето усопшее,
Чем воскресить?

II

Золотясь и пламенно краснея,
Смотрит лес в синеющую даль.
Как тиха пустынная аллея!
Как светла в ней осени печаль!

Словно реет в воздухе остывшем
Воскресенья радостный обет
И сердцам, безвременно отжившим,
Говорит, что смерти больше нет.

[1897]
[Петербург]

ЖАННА АСКУЭ

Я Жанна Аскуэ, 26 лет от роду, не желаю
смерти, но и не боюсь ее; умираю с твер-
достью, как обреченная Христу.

Из процессов об еретиках

Заря алеет над горами,
Внизу шумит дубовый лес,
И реет ласточка кругами
В прохладе утренних небес.

Как хорошо ей, как отратно
Про жизнь и утро щебетать
И воздух синий и прохладный
Крылами вольно рассекать.

Заботы нет у Божьей птицы –
Не жнет, не сеет, и готов
На башне сводчатой темницы
От непогод ей тихий кров.

За ней следит глазами Жанна,
Спокойна духом и ясна:
Пускай свобода ей желанна,
Но и тюрьма ей не страшна.

У Жанны – скованные руки,
Кругом – солома, камень, сор...

Сегодня – пыток долгих муки,
А завтра ждет ее костер.

В долине Рейна за горою
Теперь семья о ней скорбит
И завтра с утренней зарею
На площадь казни поспешит.

Какою тьмою несказанной
Покроет душу им печаль!..
Детей глубоко любит Жанна,
Но ей покинуть их не жаль:

Пути укажет им прямые,
И хлеб, и жизнь им даст Христос,
Одевший лилии лесные
В живой атлас и жемчуг рос.

Заря всё выше над горами
Встает, румянит темный лес,
И реют ласточки кругами,
И свод безоблачен небес.

На лес, на небо смотрит Жанна
И с верой думает она,
Что жизнь прекрасна и желанна,
А смерть – близка и не страшна.

[1898]

[Петербург]

СУМЕРКИ

... Часы таинственной отрады,
Когда молчанье говорит,
Тепла вечерняя прохлада,
И сумрак ласковый разлит
В аллеях дремлющего сада.

Часы, когда во мгле тумана
Любовь печальна, грусть ясна,
И, как прибоем океана,
Душа в тот мир унесена,
Где нет надежд и нет обмана...

БЕЛАЯ НОЧЬ

По Неве, где даль речная,
Поздним золотом сверкая
    Догорающего дня,
Дымкой вечера оделась, –
Над гранитом загорелась
Блеском чистым
И лучистым
    Цепь огня.

Белых сфинксов изваянья
Потеряли очертанья;
    С белым сумраком слились
Зданий темные громады,
Их колонны и аркады
Стали тише,
Легче... Выше
    Поднялись.

Зыбь угрюмого канала
Почернела, задрожала
    Вереницей фонарей.
Желтый свет их заструился,
И под ним зашевелился
Беспокойный
И нестройный
    Мир теней.

[1898]

[Петербург]

ДЕТСТВО

Помнишь юные, говорящие,
Вдаль спешащие
Золотые на солнце лучи?
Помнишь сказки их торопливые
И счастливые
Всепобедной всемирной любви?
Сердца детского ликование
И сияние
Куполов с голубой вышины?
И в саду с заалевшими почками
Пух травы с золотыми цветочками,
Утро жизни и утро весны!

[до 1900]

* * *

В полдень жарко смола растворяется
И по красным колоннам стволов
Благовонным елеем спускается
К божеству, что в дубраве скрывается
Меж зеленых увлажненных мхов.

В полдень травы сплетаются гибкие
И пытаются у сонных ручьев:
Кто под нашею порослью зыбкою,
Кто уснул с золотою улыбкою
Меж зеленых увлажненных мхов?

Нежно пчелы звенят неустанные,
Словно арфы далекой струна:
Поклонитесь, травы избранные,
Колосистые, серебротканые,
Богу сна.

[до 1900]

* * *

Упала ночь горячей тенью.
Еще местами небосклон
Кротовой розой и сиренью
Сквозь сумрак ночи напоен.

Но всё властней, всё горячее
Объемлет жаждущая тьма
Садов роскошные аллеи,
Селений скудные дома.

Уже крылом ее одеты
Престолы грозные вершин.
На дальней башне минарета
Сзывает верных муэдзин.

И голос дикий и унылый
Средь виноградников густых
Звучит уверенною силой
Из глубины веков седых.

И сердце грустное тревожит
Наивной веры торжество,
Что нету Бога, кроме Бога,
И Магомет – пророк его!

[до 1900]

* * *

Нежная былинка тихо задрожала
Ночью под землею раннею весной.
Смерть над ней склонилась, смерть ее позвала,
И взошла былинка в миг тот над землей.

Дивными звездами небо шевелилось,
Раскрывались почки, радуясь весне,

Зашептала травка: где же смерть сокрылась?
Засмеялись звезды в темной глубине.

1901
Мещерское

* * *

Седая изморозь ложится на траву.
Так холодно в лесу, так тихо по утрам.
И так не верится, что были наяву
Весеннее тепло, цветы и птичий гам.

Хоть неба синего бессмертная весна
На смену дней с улыбкою глядит,
Лесная чаща ей не верит и грустна,
Вся обнаженная, застывшая, молчит.

И только мертвый лист, сорвавшись с высоты,
Порою шепчется с кустарником сухим:
Быть может, вечен мир, но где же я и ты?
Быть может, вечен мир, но мы прошли, как дым.

1901
Воронеж

* * *

Перед грозою
В лесу тревога:
Шумят деревья,
Пылит дорога,

Трепещут травы,
Дрожат былинки,
Сухие листья
Вниз по тропинке

С горы сбегают,
Спешат, теснятся.
Жизнь потеряли,
А бурь боятся.

1902
Воронеж

В КАМЫШАХ

Там, в тени речного сада,
В полумгле зеленых вод
Бледнолицая наяда
Косу длинную плетет.

Расплетает, заплетает,
И коварна, и грустна,
Гостя в омут поджидает,
В пышный сад речного дна.

Брежит лунное сиянье
В полумгле зеленых вод,
Томной жалобой шуршанье
В камышах плывет, плывет...

Зыбь темней. Плеснули травы,
И мохнаты, и влажны,
Тихо вздрогнули купавы,
Закачался диск луны.

Тише, тише – осторожно...
В полумгле зеленых вод
Невозможное возможно,
Схороненное живет.

[1902]

* * *

Когда живешь в своей пустыне
Ты, неприветный и немой,
Позволь коснуться мне душой
Твоей печали, как святыни.

Я к ней сойду зеленой сенью,
Миража зыбкою красой,
Летучей облачною тенью,
Прохладной белою росой.

И над гробницами былого,
Над колыбелью мертвых снов,
Среди увянувших цветов
Пройду, как вздох цветка живого.

[1902]

* * *

Белеют призрачно березы
В объятьях сумерек и сна,
Могил таинственные грёзы
Пугливо шепчет тишина.

Туманно вдаль плывут аллеи,
Чернеют старые кресты,
И ангел мраморный, белея,
Простер крыло из темноты.

А вот и свежая могила –
На ней цветок, еще живой...
О, сердце! Что же ты застыло
Пред миром тайны роковой?

Зачем довериться не смеешь
Ее безмолвной глубине,

О чем так горестно жалеешь
В блаженно-грустной тишине?

Иль голос вечного покоя
Тебе один поведать мог,
Как жарко любишь ты земное,
Живое, полное тревог?...

[1903]

ИЗ КНИГИ ИОВА

Разве у Тебя плотские очи
и Ты смотришь, как смотрит человек?

[Книга Иова.] 10, 4

О, Боже! Плотскими ли смотришь очами,
Пристал ли Тебе человеческий суд!
Кого обвиняешь? Я тень меж тенями,
Пройду, и назавтра меня не найдут.
Не Ты ли создал меня? Плотью и кожей,
Костями и жилами дух мой скрепил?
Зачем же, как лев разъяренный, о, Боже,
Ты ныне свой бег на меня устремил?

[1902–1903]

ИЗ КНИГИ ЭККЛЕЗИАСТА

Суета и томление духа пустое,
Всё, что было и есть, и что будет потом.
Солнце всходит, заходит всё той же стезею,
Путь свершит и выходит на месте своем.

Ветер к югу несется и к северу мчится,
И кружится по дальним пределам земли.
Но откуда умчался, туда возвратится,
Возвратится на круги свои.

Реки в море стремятся, но лоно морское
Отсылает к истокам в дожде их волну.
И опять возвращаются прежней рекою
Те же воды в его глубину.

Всё, что было и есть, уже было когда-то,
Что свершается ныне, свершилось в веках,
Только память о бывшем прошла без возврата,
И что было живым, обратилоя в прах.

Ничего нет под солнцем, что было бы ново,
Если скажут: «вот это» иль «это» – не верь.
Неизменны пути дня творенья земного,
И что было и будет, то есть и теперь.

[1902–1903]

* * *

Испугано сердце твоей красотой,
Редующий, гибнущий, призрачный лес.
Овеян улыбкой вершин золотою,
Простор побледневших высоких небес

Уходит всё дальше, уходит всё выше
В немую пустынную чистую даль.
А здесь, на земле, всё прекрасней и тише
О жизни, о сне улетевшем печаль.

На тихой поляне просторно и гладко,
В березовой чаще так странно светло.
И таинство смерти так жутко и сладко,
Так близко к душе подошло.

1904
Кудиново

* * *

Лететь, лететь, но не во сне,
Не на тисках аэроплана,
Лететь – как птица в вышине,
Лететь – как ветер океана.

Услышу в трепетных плечах
Прилив знакомого усилья,
И это будет первый взмах,
И это будут крылья, крылья!

[1905?]

* * *

Живая лазурь над вершинами елей
Тепла и бездонна, как любящий взор.
В ней чудная тайна святого веселья.
В ней сумраку духа небесный укор.

И ласково светит душе омраченной,
И шепчет живая лазурь с высоты:
«Отдайся мне, любящей, теплой, бездонной,
Отдайся мне, вечной, как ты».

[до 1906]

* * *

Коршун всё ниже, всё ниже кружится.
Вот он – последний миг.
И всё так же, ликуя, струится
Сон цветов полевых.
Знает ли небо, знают ли травы
Предсмертный, смертный страх?
Свято ли им убийства право?

Свершилось! И всё та же сила и слава
И мир на земле. И в небесах.

[до 1906]

ЦЮРИХСКОЕ ОЗЕРО

Словно опал драгоценный,
В смутной оправе темнеющих гор
Переливом красы несравненной
Блещет озера тихий простор.

В нем растаяв, лазурь побледнела,
Стало золото чище, нежней.
И заря, умирая, одела
Его розовой тканью теней.

И красив он, опал драгоценный,
И изменчив, как радость людей.
Миг – и нету красы несравненной,
И вода его – ночи темней.

1906

* * *

Больная нежная заря
Зеленым пламенем хрустальным,
Не угасая, не горя,
В своем томлении печальном
Не говорит ли нам о том,
Что снится небу жизнь иная,
И мы, как сны его, плывем
К вратам утраченного рая?

[ок. 1906]

* * *

Я умираю, умираю,
О, душность гробовых пелён!
Какая тьма вокруг сырая,
Как тяжек мой могильный сон!

Всё глуше в нем воспоминанья –
И свет, и тень, и сок листвы,
Все утоленья, все желанья
Без пробуждения мертвы.

Но нет в гробу моем покоя,
Тревогу каждый миг несет.
И что за грозное, чужое
В груди трепещет и растет?

Страшусь бесплодности усилья,
Бороться с тьмою не хочу.
...Но что за мной трепещут – крылья?
Я умираю... Я лечу!

[1906* или 1916*]

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Темные ризы у Господа.
Взор омраченный поник.
Ангелы с крыльями черными
В страхе теснятся вокруг.

Слава померкла небесная.
Стелется вихрь по земле...
С темного Лика Господнего
Тяжко упала слеза.

[1907]

ТРИ ПАРКИ

Вынула жребий Лахезис слепая,
Клото прядущая нити взяла;
Клото безмолвная, Клото глухая,
Черные нити покорно свила.

Парка седая, привратница Ночи,
Пряжи коснулась Атропа сквозь сон.
Черная мгла застилает мне очи...
Слышу, как веслами плещет Харон...

[1907]

* * *

Не всё ли равно, где умирать
И где умереть.
Да свершится всё, что суждено,
И ни о чем не надо жалеть.

Крепка небесная твердь,
А слабую нашу нить
Работница Божья Смерть
Поспешит обновить.

[1908*]

* * *

Опасно сердце открывать:
К сердцам открытым близок нож.
Опасно душу отдавать:
Отдавши душу, не вернешь.
И будешь по свету кружить,
И будешь ночью ворожить,
Чтоб след души своей найти,
Чтоб сердце как-нибудь спасти...

* * *

Такая тишина, что ловит чуткий слух,
Как вереск отцветает,
Как за стеклом окна легко, легко, как пух,
К земле снежинка приникает.

Душа глаза раскрыла широко
И смотрит вдаль.
И ей светло, и чудно, и легко
Нести свою печаль.

Святой алтарь глядит в мое окно
Созвездием лампад.
А сердцу было встретить суждено
Любви нездешней взгляд.

1911
Москва

* * *

Мой спутник, светлый и таинственный,
Тропой, неведомою нам,
Тропой бездумной и единственной
Меня ведущий к небесам,

Земного нет тебе названия,
Но ты во мне, и я в тебе.
Моя душа – твоё дыхание,
Твоя судьба в моей судьбе.

1911
Крюково

* * *

Колыбель моя качается
В безднах света мировых.
Кто-то Светлый наклоняется,
Сторожа заветный миг,

Чтобы взять дитя уснувшее
В свой таинственный покой,
Где покоится минувшее
И веков грядущих рой.

[1912* или 1922*]

* * *

О дух, исполненный гордыни,
Не для тебя Христос Воскрес.
Твоей отверженной пустыни
Не увлажнит роса небес.

Твои молитвы не угодны
Первоисточнику любви,
Твои скитания бесплодны,
Пути неправедны твои.

Иди во мрак, задув лампаду.
Быть может, с высоты высот
Тебя в кругу последнем ада
Отец отыщет и спасет.

*1913, Пасха
Воронеж*

* * *

О листья, листья золотые,
Вы пили воздух и лучи,
В шатры сплетенные густые,
Шептались с ветрами в ночи,

Но в дни сияющие лета
И в утра алые весны
Не знали вы такого света,
Такой блаженной тишины.

И ваше легкое шуршанье
Над этой светлой тишиной
Звучит таинственной молчанья,
Звучит как голос неземной.

1913

Крюково

* * *

Жизнь твоя – чаша хрустальная.
Вино ее – кровь моя.
Да святится жертва пасхальная
Для исхода в иные края.

Плоть моя – агнец заклания.
Нож ее – жизнь твоя.
Да свершится твое дерзание
Для исхода в иные края.

Дух наш в едином горении,
Не знаю, где ты, где я.
Да святится огонь все소жжения.
Да святятся иные края.

1913

Крюково

* * *

Это ветер, ветер позёмный
Гонит блеклый лист золотой.
Это к зимней постели укромной
Проскользнула змея на покой.

Это пара стрекоз запоздалых
Надломила сухой стебелек
В былинках бронзово-алых.
Это хрустнул под белкой сучок.

Это отзвук души, упоенной
Гармонией сил мировых.
И сквозь пламень листвы обагрённой
К ее смертному ложу подходит Жених.

1913
Крюково

* * *

Если с ветки упала жемчужина
И в дорожной грязи растворилась,
Это – радость, это – нужное,
Не жалея, что так случилось.

Если с яблони белой слетели
Ароматные рои цветов –
Ближе к гибели, ближе к цели,
К дальней жатве неведомых цвету плодов.

1913
Крюково

* * *

Еще, еще один стремительный,
Один неотвратимый круг.
Еще, еще один губительный
Удар твоих любимых рук.

И трубный глас гремит из вечности,
И разверзается земля.
Спасешься ль ты от уз конечности,
Душа плененная моя?

1913

Крюково

* * *

Когда я с тобой говорила,
Когда я тебя целовала,
Это всё прощание было,
Всё на волю тебя отпускала.

Но испить ли чашу прощания
Смертному сердцу до дна?
Глубже радости, глубже страдания,
Глубже смерти она.

1913

Крюково

* * *

Не троньте эту былинку, не рвите.
Ее сердце к земле примято.
Ее стебля разрушены нити.
Ей не дожить до заката.

Но пока не устанут дождинки
Ее влагой небесной поить,
Не троньте эту былинку,
Не рвите. Ей сладко жить.

1913

Крюково

* * *

Когда сознание не вмещает
Того, что жизнь ему несет,
Как вихрь, безумье налетает
И тесный дом наш потрясает,
И паутину мысли рвет,
Всеразрушающим дыханьем
Срывает наш уютный кров.
И то, что звали мы сознанием,
Умчится в вихре мироздания,
Сольется с пламенем миров.

1913

Крюково

* * *

Здесь, на этом камне придорожном,
Я хотела бы уснуть.
Утомил меня тоской о невозможном
Долгий путь.

Милый друг мой, страннический посох,
Знак моей беспечной нищеты,
У кладбища на рассветных росах
Примешь ты.

Небосклон предутренней звездой
Озарит любви твоей печаль,
Но уже синее за рекою
Новой жизни даль.

И венец зари жемчужно-алой
Над тобой всё шире, всё ясней,
Мир душе моей усталой,
Дальний светлый путь – твоей.

1913

Крюково

* * *

И снилось мне, что надо мною
Господних сил архистратиг
Небесной молнии стрелою
Пронзил врага у ног моих.

Бессильно тяжко задыхалось
Во прахе мировое зло,
И что-то в сердце загоралось,
И было сердцу тяжело.

Врага ли падшего жалело
Оно сквозь тонкий шорох сна,
Иль биться с ним само хотело,
Иль выпить чашу зла до дна...

Ужасен был среди темной ночи
Архистратига яркий лик,
И молнии метали очи,
И тьму пронзил победный крик.

[1913]

* * *

Кипят мои наговорные травы.
Обступает несметная рать.
Сумрачно-сладкой отравой
Наступает мой час колдовать.

Что вам до меня, легионы,
Живущие в грозных провалах небес,
Вашей власти тяжка мне корона,
Мне не нужно ваших чудес.

Я неведомый миру странник
По окраинам дальним земли.
Я бреду, как нищий изгнанник,
От соблазнов мира вдали.

Но ткете вы паутину свершений
Из огня моего бытия.
И я слышу вздохи рождений,
Которых причиною – я.

И вижу простертые руки,
И в них призраки ваших даров,
И свидания, и разлуки,
И обманы желаний и снов.

Скройте, бездомные силы,
Развейтесь в дыму мирового огня,
Я вас не звала, я вас отпустила,
Крестом осеня.

*1913
Москва*

* * *

Танечке Лурье

Смотрит месяц к нам в окошко.
Таня спит или не спит?
А от месяца дорожка
Через комнату бежит.

Той дорожкой сны проходят –
Серый, белый, голубой.
И шарманочку заводят
Над кудрявой головой.

1913
Москва

* * *

Мне снится часто колыбель пустая.
Я знаю – в ней дитя мое спало.
Но где оно – во сне напрасно вспоминаю.
Быть может, отнято, быть может, умерло.
Во сне я помню глаз его сиянье
И нежный пух младенческих кудрей.
И звездный свет, и Божьих уст дыханье
В бездонном сумраке сомнений и страстей.
Но кто-то очи властно мне смежает,
И я уснуть должна. О, эти сны во сне!
Кем отнято дитя – могильный сон мешает,
Могильный сон мешает вспомнить мне.

1913
Москва

* * *

Когда в полночный час младенца Самуила
Воззвал Твой глас,

Его душа во тьме глаза открыла,
И умерла, и к жизни родилась.

1913

Москва

УПАВШЕЙ СОСНЕ

Триста лет стояла она
И сегодня упала.

Е. Гуро

Конец и бурям, и покою,
Звездам, и солнцу, и луне,
И трепету растущей хвои,
И вздохам в зимней тишине.

Но гордость стройного свершенья
В бездумном теле разлита,
И дышит силой поражение,
И в смерти дышит красота.

1913

Финляндия

* * *

Ловлю потаенные знаки
В склоненьи дорожных берез,
В тоскующем взоре собаки
И в радуге собственных слез.

Недаром заря, пламенея,
На озеро кровь пролила.
Недаром лесная аллея
Была так безумно светла.

Упали две тонкие хвои,
Упали, скрестились на пне...
Крещение ждет нас с тобою,
Крещенье в слезах и в огне.

1913
Уси Кирка

* * *

Паруса утопают крылатые
В лиловой полуденной мгле.
Бездумным покоем объятое,
Сердце радо жить на земле.

С безбрежностью моря тающей
Сливается синяя твердь.
Но в этом же круге сияющем
Слепота, безумие, смерть.

1913
Гунгебург

* * *

О, печальные спины покинутых людей,
Их неверный, связанный шаг,
И развязанность с ними всех вещей,
И решимость не жить в их очах.

Улица пред ними слишком длинна,
Подъезды молчат томительно-глухо.
Бездонна, как смерть, тишина
Отверженье познавшего духа.

1913
Гунгебург

* * *

На песках бесплодных у моря
Жизнь творит чудеса.
В напоенном солнцем просторе
Молочайные зреют леса.

Бурый колос, испытанный бурей,
Выше леса возносит крыло.
В безграничное царство лазури
Все метелки его унесло.

А под ним тонконогие дива,
Два жемчужно-седых паука,
Пробегают воздушно-пугливо
Через мост золотой стебелька.

На холме колокольчик лиловый,
Несмолкаемый трепетный звон.
Это месса полудня морского,
Это моря полуденный сон.

1913
Гунгсбург

* * *

Велико избрание быть красивым.
Но больше – быть прекрасным.
Глубоко познание быть счастливым,
Но глубже – быть несчастным.

Царствен удел вкусившего
Миг достижения торжественный,
Знамя победы раскрывшего.
Но удел пораженья – божественный.

1913
Гунгсбург

* * *

Тане Лурье

Мы утонули в свете первозданном.
Усыновил божественный покой
В одном сиянии слиянном
Мой дух и твой.

Сыновна ль мне душа твоя родная,
Сестра ль она предвечная моя,
Иль связывает нас любовь иная,
В иных пределах бытия –

Доверься мигу. Свято и блаженно
Сужденное причастие вкуси
И этот мир, и этот свет нетленный
Во тьме земной не погаси.

27 июня 1913

Удриас

* * *

Сомкнулись воды надо мною.
Далеко убегает круг.
Следит ли за его чертою
Иль к берегам спешит мой друг?

Какою чистотой хрустальной
Всё дышит в царстве водяном!
Как в свежести первоначальной
Всё чудно, зелено кругом!

В безумно-быстром сочетаньи
Промчались изжитые дни.
О, как пленительно сознанье,
Что не воротятся они.

Стихии властной поцелуи
Всё неотступней, всё грозней.
«Люблю тебя, одну люблю я», –
Обманный голос шепчет в ней.

1913
Воронеж

СТРАСТЬ

Отовсюду веют, реют крылья,
Тьмы и тысячи незримых сил.
Что решенья воли, что усилья?
Да свершится всё, что рок судил.

Из глуби времен воспоминанья
Жгучий вихрь несет. Земля моя!
Раскаленные немые содрогания
Сил твоих в истоках бытия.

Но несет, несет нас хор незримый
Выше солнца и планет.
Слышишь пенье «иже херувимы»,
Видишь свет, неизреченный свет?

[1913]
Москва, «Ницца»

* * *

Всё триедино во Вселенной,
Как триедин ее Господь
Как Бог, рождающий нетленно,
Как Сын распятый, погребенный,
Как Дух, животворящий плоть.

За чудом каждого явленья
Тройное скрыто единство:

Его предвечное рождение,
Его распятие, погребенье
И воскресенья торжество.

1913
Москва

* * *

А.В. Романовой

Кораблик белый
Средь темных вод
Поник несмелый
И бури ждет.

К пристаням дальним
Спешат корабли.
Кораблик печальный
Стоит на мели.

Но скоро, скоро
Вихрь налетит,
В открытое море
Его умчит.

Кораблик милый,
Пусть даст тебе Бог
Новые силы
Для новых тревог,

Для странствий дальних
Безвестных путей
И для печальных
Новых мелей.

1913
Варшава

ВЕЧЕРНИЙ БЛАГОВЕСТ

Первый колокол – во имя Господне.
Медом и елеем напоил он закат.
Второй – за тех, что в преисподней
В неугасимой смоле кипят.
Третий колокол тем, что отдали
За грех мира душу и плоть,
Обагрились их кровью медвяные дали.
Прими их жертву, Господь!

1913

Варшава

* * *

Тихой благовест с морей былого
Недоснившийся приносит сон.
Сердце плачет, сердце просит снова
Услыхать навек замолкший звон.

Все цветы, не знавшие расцвета,
Все надежды, спящие в гробах,
Все укоры песни недопетой
И сердца, что ныне стали прах,

Тихий благовест по морю слез приносит
С недостижно дальних берегов.
Сердце плачет и в безумьи просит
Прежних мук, невозвратимых снов.

1913

Варшава

* * *

Милый друг, мне жизнь не полюбить,
Но люблю я жизни отраженье.

И мила мне золотая нить
Меж земным и неземным свершеньем.

И дворец, что в зеркале пруда
Опрокинул ясные колонны,
Пусть не будет нашим никогда,
Тяжесть царской знаем мы короны.

На престол тобой возведена,
Я тебя венцом моим венчаю.
Милый друг, земная жизнь темна,
Но светла над нею жизнь иная.

Убаюкай зыбь души моей,
Тайну неба пусть она лелеет,
Пусть святая нить любви твоей
Между мной и небом не слабеет.

1913
Варшава, Лазенки

* * *

Как вожделенна страна познания,
Как многозвездно она светла,
Ее сокровищам нет названия,
Ее обителям нет числа.

Как беспощадна страна познания,
Ее пути – огонь и кровь,
Ее закон – самосжигание,
И дышит смертью в ней любовь.

И как чудотворна страна познания,
В ней прах и пепел встает живым
И улетает, как ветра дыхание,
Что звали мы жизнью и сердцем своим.

1913
Варшава

* * *

Запустил мое окошко
Пух сквозного серебра.
Где была в саду дорожка,
Стала белая гора.

Рыжий кот, глаза сощеля,
Тянет песню у огня.
Улеглись мои метели.
Тихо в сердце у меня.

Золотой глазок лампы
Зеленеет сквозь стекло.
Ничего мне здесь не надо,
Мир всему, что отошло.

1913
Яхонтово

* * *

Всё бред и сон. Душа сломалась
И тяжко мечется во сне.
И это было иль казалось,
Что сердце в саван облекалось,
Что эшафот воздвигнут мне?

И это не было иль было,
Что властно руку палача
Твоя рука остановила,
И тьма, бледнея, отступила,
И жизни вспыхнула свеча.

И снова бури задувают
Дыханье робкое свечи,
Где сон, где явь – душа не знает,

Душа во тьме не различает,
Где Ты, где Бог, где палачи.

[1913]

* * *

Тяжела работа Господня,
И молот Его тяжел.
Но день, где грозное имя «сегодня»,
Милостью Божьей прошел.

Если мы его пережили,
Нам жизнь еще суждена,
Но, помни, о, друг, мы еще не испили
Гефсиманской чаши до дна.

1913

* * *

Ты дал нам белые одежды,
Крестил водою и огнем,
Твои нетленные надежды
На сердце выжжены моем.

Зачем же взор склоняет долу
Моя причастница-душа
И у Господнего престола
Безмолвно никнет, чуть дыша?

О, Боже, в день преображенья
Ты дал узреть ей горний свет,
Но в мире дольного свершенья
Ей части нет.

1913

* * *

Полоски бледные зари
Как след недавнего недуга
И знак, что мы с тобой внутри
Неразмыкаемого круга.

Блок

Чужой души таинственный порыв,
Священный страх у храма запертого.
Ее младенчески молитвенный призыв
И первой нежностью обвеянное слово.

Зачем так больно мне? Какой безумный круг
Неразмыкаемых погибших упований
Душа испуганно почувствовала вдруг,
На зов чужой души ответствуя молчаньем.

Как поле мертвое во сне Езекииля,
Былое ожило в стенаньях и тоске,
И оттого рука моя забыла
Ответить «нет» его пылающей руке.

1913

* * *

Держи крепко, что имеешь,
дабы не восхитил кто венца твоего.

Откровение Иоанна. III, 11

Держи неослабной рукою,
Высоко держи наш венец
Над темною бездной морскою,
Над ужасом слова «конец».

Венец сохранивший – у Бога
Не раб, а возлюбленный сын,

На подвиг твой призванных много,
Избранник один.

1913

* * *

Я в мире всё быстрее и быстрее.

Ив. Коневской

Каким безумием движенья
Окрылена душа моя?
Встанут ли райские виденья
Пред ней за Гранью бытия?

Иль ждут ее воспоминанья
О жизни в прахе и в пыли,
О темном жребии изгнания
Средь чуждых ей пустынь земли?

Или от них она стремится
В ужасной скорости своей
Туда сокрыться, где присниться
Уж ничего не может ей?

1913

СЕВАСТОПОЛЬ

«Слава павшим, слава убиенным» –
На гробнице четкие слова
Оселяет миром неизменным
Кипарисов дымная листва.

Известково-палевые дали
Беспощадно выжженных полей
И лилово-белые эмали
Знойной бухты, полной кораблей,

Сочетавшись в гимне отдаленном,
Панихиду вечную поют:
«Слава павшим, слава побежденным».
Струны сердца отклики несут.

1913

НОЧЬ

[ПЕРЕВОД ИЗ МИКЕЛАНДЖЕЛО]

Мне сладко спать, но слаще умереть
Во дни позора и несчастья.
Не видеть, не желать, не думать, не жалеть –
Какое счастье!
Для этой ночи нет зари.
Так не буди меня –
Ах! Тише говори!

[1913?]

* * *

Как зрелый плод на землю упадает,
Огонь небес преобразив в зерно,
И гибелью паденья не считает,
Так умереть и мне, быть может, суждено.

Уже огонь последнего свершенья
Коснулся моего склоненного стебля,
И жаждет дух освобожденья,
И кличет сердце мать-земля.

1914

* * *

В полярный круг заключена
Душа, отправшая от Бога.
Средь ледяных пустынь она,
И в Ночь, и в Смерть ее дорога.

Но кто посмеет ей сказать,
Что круг полярный не от Бога?
Быть может, гибель – благодать,
И Ночь и Смерть – ее дорога.

1914
Воронеж

* * *

О, каким несчастным и преступным
Ты бываешь, сердце, любя,
И само становишься подкупным,
И судьба спешит предать тебя.

Но ясна в покое величавом,
Как луна над выюгою степей,
Ты, чей свет – безумия отравя,
Ты, любовь, владычица скорбей.

И, когда развеяв все надежды,
Сердце в белом саване умрет,
Ты одна мои закроешь вежды,
Улыбаясь с высоты высот.

1914
Москва

* * *

Птицей залетной из края чужого
Лечу я в твоей стране.
Ты зовешь меня в храм. Но храма земного
Не нужно мне.

Медно-багряные тучи заката
Осенили мой путь багряным крылом.
Помяни усопшего брата
Во храме твоём.

1914
Тула

* * *

Разве сердце наше знает,
Что находит, что теряет,
Где его Голгофский путь?

Кто его иссушит страстью,
Кто оденет царской властью,
Кто велит ему уснуть?

Нет написанных заветов,
Нет обещанных ответов,
Безглагольна неба твердь.

Мера жизни – лишь терпенье,
Мера смерти – воскресенье,
Сердца мера – только смерть.

1915
Москва

* * *

Зачем говорить об уродстве жизни,
Когда мы и сами уроды?
Не братья ль нам гады, и черви, и слизи,
Не наша ль стихия – стоячие воды?

Так мало значат наши взлеты,
Бессильные взмахи бумажных крыл
Над черной зыбью и рябью болота,
Где спит непробудный творения ил!

Так мало значат наши дерзания,
И все обеты, и все слова,
Пока не угаснет в душе алкание
Того, чем болотная слизь жива.

1915
Москва

* * *

Лестница моя шатается.
Один конец в небесах,
Другой конец упирается
В земную глину и прах.

Земля под ней зыбучая
Скользит и дрожит,
А вверху за тучею
Божий гром гремит.

Ангелы мои хранители,
Святые стрелы огня!
Не достойна я вашей обители,
Покиньте меня.

1915
Москва

* * *

О, как мне странно, что я живу,
Что эти стены – мое жилье,
И всё, что есть – всё наяву,
И жизнь, и ты, и сердце мое.

О, как мне чужд докучливый стук
Его биений глухонемых,
Его слепых горячих мук.
О, как мой мир внемирно тих.

И нету слов, чтоб рассказать
О том, где я и что со мной,
И смерть ли это иль благодать,
Иль сон о жизни прожитой.

[1915]
Москва, Заглухино

* * *

Я знаю ужас низвержения
С недостижимых высот.
Я знаю рабское смирение
Тех, кто в отчаяньи живет.

Я знаю сумрак безнадежности,
Всё затопившей впереди,
И сталь холодной неизбежности
В живой и трепетной груди.

И все слова, и все сказания
О том, как, жизнь утратив, жить.
Предел достигнув познания,
Хочу не знать, хочу не быть.

1915

* * *

Могильное упокоенье,
Курганы выжженных степей,
И пепел вечного забвенья,
И чернобыльник, и репей.

Душа не верит, что когда-то
Была здесь жизнь, цвела любовь,
И, лютой казнию объята,
Сгорало сердце вновь и вновь.

Такое мертвое, чужое
В стекле вагонного окна
Твое лицо глухонемое
Прошло, как бред чужого сна.

[1915]
Москва

МОНАСТЫРСКОЕ

І. ЧЕРНИЦЫ

1

С колокольни нашей высокой
О Пасхальной седмице звон
По степям разнесется далеко,
Залетит и на тихий Дон.

На Дону в селенье Расстанном
Выйдет Ваня с женой молодой.
Помяни черничку Татьяну,
Как заслышишь колокол мой.

2

Кудрявый плотничек Гриша
На припеке спит, на песке.
Уснуть бы ему под вишней
В моем цветнике.

Строгая мати Аглая
О полдне идет к[о] сну.
Занавеску бы отвела я,
Села бы шить к окну.

Всё глядела бы, как он дышит,
Как уста раскрылись во сне...
Прости меня, Господи, Гриша
Сегодня приснится мне.

3

Вчера полунощное бдение
Служил отец Автоном.
Три года сестрица Евгения
Умирает по нем.

Пояса расшивает шелковые,
Его матушке розы дарит,
Отец Автоном хоть бы слово ей,
В сторону даже глядит...

Вчера на полунощном бдении,
Как только врата он раскрыл,
Прошла я пред ним, как видение,
Со свечою, в дыму от кадил.

На миг наши очи скрестились,
Сурово нахмурил он взор,
Но точно ко мне возносились
Его возглашенья с тех пор.

И как будто следил с опасением
Он за пламенем свечки моей.
Расскажу сестрице Евгении:
Поплачем вместе с ней.

4

Господи Иисусе Христе! Мать Христодула,
Благословите горох голубям.
– Что это, Аннушка, только я уснула,
Не даешь ты покоя дверям.

Словно в миру егозишь с голубями,
Вот тебе горох, а вон там и порог.
Промаялась целую ночь с просфорами,
Без поясницы лежу, без ног.

Чернобровая Аннушка рассыпает
Горох на тающий снег сквозной,
Голубей с берез, с колокольни сзывает,
Любуется стаей цветной:

Сизые, белые, рябоватые,
С голубым, с кирпичным пером,

Эти гладкие, те – мохнатые,
А любимчик с хохолком.

Клюют, воркуют, целуются;
Любимчик утешней всех.
Сам архиерей на них любитесь.
Божьей птице любовь не в грех.

5

На дверях у них три пустые катушки.
Это вывеска – шьют белье.
Три белошвейки-подружки
Поровну делят доход за шитье.

Честно записывает грамотная Даша:
Пять копеек булка, восемь снетки,
Три с половиною гречневая каша,
Нитки, иголки, шнурки.

Беленькая Даша тонко распевает
Стихири хвалитные, тропари,
В майские вечера тихо вздыхает,
Не может уснуть до зари.

Старшая Фленушка о земном забыла,
Ей бы только купчихам угодить –
Кашляет всю ночь, шьет через силу,
Не ленится к ранней обедне ходить.

В крохотной келье тепло, приветно,
Белые постели, пол как стол.
В послушании годы бегут незаметно –
Фленушке пятый десяток пошел.

6

Радуйся, Невеста, Невеста Невестная!
Венчик Тебе вышьем мелким жемчугом,

Уберем Владычицу–Заступницу Небесную
Белыми ромашками, синим васильком.

Матушка Ненила накроила розанов.
Слова нет, что в розанах больше красоты,
Только не пристали розы Богородице:
Приснодеве к личику девичьи цветы.

Хвалят Тебя ангелы-архангелы небесные!
Чрево Твое – небо, Сын Твой – сам Господь.
Радуйся Невеста, Невеста Неневестная,
Просвети и нашу темную плоть.

7

Всю ночь нынче соловушек
На калиновом кусту щебетал.
На полу моей келейки месяц
Серебряный плат расстилал.

Синелевый куст за оградой
Как облак вставал голубой,
В часовне у брамы лампада
Разгоралась зеленой звездой.

Вишня в уборе невестном
Под окном отряжала свой цвет.
В такую-то ночь с благовестием
Архангел летел в Назарет.

8

Звонко плещется ведро
В глубине колодца черной;
Быстрых капель серебро
На кайме пушистой дерна.

Напоили резеду,
И гвоздики, и левкой.

У игуменьи в саду
Маки в огненном бреду
Славят царствие земное.

У колодца шум растет,
Словно улей в час роенья:
Лизавета в мир идет,
Замуж дьяк ее берет –
Искушенья! Испушенья!

II. НЕВЕСТЫ ХРИСТОВЫ

1

Зашумели снега ручьями узывными,
Омыли корни водами живыми,
Голосами птичьими, переливными
Славит дубрава Воскресшего Имя.
Обновляйся, новый Ерусалиме!

Все деревья званые и все избранные
Вчера были сырыми и нагими.
Сегодня уборы на них сребротканые
С подвесками жемчужными и золотыми.
Обновляйся, новый Ерусалиме!

На могилах травы умильно зеленые
Рвутся из-под камня с вестями благими,
Чует сердце мое вознесенное
Новую весну за веснами земными.
Обновляйся, Новый Ерусалиме!

2

Душа моя – свечечка малая
Перед иконою Спасителя темною.
Сегодня она пасхальная, алая,
Вчера была – страстная, зеленая.

Вчера омыло ее покаяние,
Омыло чистой водой, нетленную,
И стало радостью испытание,
И радость стала совершенною.

Лучится мой дух, слезами теплится,
Огарочек малый перед иконою.
Сейчас догорит и опять засветится
Страстной – покаянной свечой зеленою.

3

Сказывают в песнях, сестрица Мариша,
Про земную любовь поют соловьи,
А я всегда в их щебете слышу,
Что мало и им земной любви.

Слыхала я тоже: в лунные ночи
Иных мечтанья плотские томят.
– А мне, как закрою очи,
Всё невидимый видится Град.

Рассказать про него не умею,
Но в снах я в нем живу
И, проснувшись, одно лелею:
Узреть его наяву.

Скоро уж смертушка милая
Мне двери к нему отопрет:
Сама я и от роду хилая,
И кашляю третий год.

4

Послушание наше – идти по крапиву.
Две корзинки с верхом набрать.
Аннушка нынче ленива и сонлива...
Угнездилась под елкой спать.

Скоро за двоих я урок скончала.
Лес-то, лес как шумит!..
Сколько бы плоть ни отдыхала,
Душа всё равно не спит.

То она – колокол на колокольне,
То она – страж у белой стены,
То кружит над теми, кому душно и больно,
То разгадывает сны.

И еще есть дела безымянные,
Конец им не может быть.
Спит Аннушка в елке, как розан, румяная,
Надо бы, да жалко – будить.

5

В третьем годе
Мучилась я, Пашенька, головой;
Прямо скажу, что была я вроде
Порченой какой.

Голова болеть начинает –
Сейчас мне лед, порошки,
А я смеюсь, дрожу – поджидаю,
Прилетят ли мои огоньки.

День ли, ночь ли – вдруг зажигается
Вокруг звезда за звездой,
В хороводы, в узоры сплетаются,
Жужжат, звенят, как пчелиный рой.

Церковь над ними потом воссияет,
Невидимые хоры поют –
Не то меня хоронят, не то венчают,
Не то живую на небо несут.

И так я эту головную боль любила,
Срывала лед, бросала порошки,
Но матушка-сиделка усердно лечила –
Так и пропали мои огоньки.

6

Лампады алой моей сияние,
Как сердца пронзенного кровь,
Перед Спасом Благого Молчания
Зажигает любовь.

Всё, чем сердце пронзенное полно,
Всё, чего не постигнуть уму –
Тебе, Господи, Спасу Безмолвному,
Тебе одному.

7

Не грустите, милые сестрицы,
Что березки в сережки убрались,
Что по-вешнему запели птицы
И ручьи с гор понеслись.

Много весна обещает,
Да обманно ее естество,
Как дым, проходит и тает
Образ мира сего.

Недаром Спаситель мира
Земные утехи презрел,
Не оделся в виссон и порфиру,
Где голову приклонить – не имел.

Догорайте, зори хрустальные,
Доцветай, весна!
Не грустите, сестрицы мои печальные,
Что дорога к Богу тесна.

III. РЯСОФОРНЫЕ

1

Ударила в колокол мать Аглая,
К ранней обедне время идти.
Всю долгую ночь не спала я,
Читала «Спасенья пути».

Спасутся праведники, пустынножители,
Мудрые девы, святые отцы,
Священномученики, церковноучители,
Вся верная паства до последней овцы.

Но в книгах священных нигде не сказано,
Чем нераскаянный дух обелить,
И то, что печатью смерти связано,
Может ли жизнь разрешить?

И кто согрешил без покаяния,
Кто вольною смертью запечатлен,
Спасут ли того любви воздыхания
И всё, чем ангельский чин силен?

Рясы моей воскрылия черные!
Скорей бы в незнаемый путь улететь...
Устало сердце мое непокорное –
Устало скорбеть.

2

Росами Твоими вечерними
Сойди, Сладчайший Иисусе,
На волчцы мои и тернии,
На каменное мое нечувствие.

Не вижу света закатного,
Не слышу церковного пения,

Как смоковница, Богом проклятая,
Засыхаю в постылом терпении.

Очи слепым отверзавший,
По водам ходивший Христос,
Дочь Иаира от смертного ложа воззавший,
Коснись меня чудом слез!

3

В тонком виденьи мне нынче приснилось:
Входит Иванушка в келью мою.
«Ты, – говорит он, – Христу обручилась,
Я же тебя, как и прежде, люблю».

«Что ж, – говорю я, – мое обручение?
Некую тайну вместить мне дано.
– Он – как заря, ты – как снег в озарении.
Ты и Христос в моем сердце – одно».

Он говорит мне: «Пустое мечтание!»
Тут я открыла глаза.
Вижу – на небе зари полыхание,
В окнах морозовых веток сияние,
Льдинкой висит на ресницах слеза.

4

За высокою нашей оградой,
Словно крин монастырского сада,
Процвела Мария-сестра;
Великая постница, молчальница,
Обо всех молитвенница и печальница.
И пришла ей уснуть пора.

Собрались мы к ее изголовью
С умилением и с любовью
Назидания некого ждать:

Когда праведный кто преставляется,
Превеликая изливается
На притекших к нему благодать.

Долго молча на нас глядела она –
Вдруг открыла уста помертвелье
И сказала с великой тоской:
– Много было молитв, и пощения,
И вериг, и церковного бдения,
А кончаюсь в печали мирской.

Не грехами томлюсь в покаянии,
Не молюсь о блаженном скончании,
Об одном лишь скорблю и ропщу,
Что у смертного ложа души моей
Нет единого, нет любимого,
И что всё я его не прошу.

5

В мою келью неприветную,
В мой безрадостный приют
Каждый день лучи рассветные
Тот же благовест несут –

Про постылое, ненужное
Мне дневное житие,
Про унылое недужное
В мире странствие мое.

Но дождусь луча закатного –
На кресте монастыря
Засияет благодатная
Света тихого заря.

6

Небеса нынче синие, синие,
Как вишневый цвет облака,

Георгина моя на куртине
Вся в серебряной паутине,
Осенняя пряжа тонка, легка.

Веретенце мое кружится, кружится,
Но все тоньше – тоньше нить,
У колодца замерзла лужица.
Скоро сердце с небесным сдружится,
О земном перестанет тужить.

7

Такая лежит она пригожая
В глазетовом белом гробу,
С Богоматерью личиком схожая,
Царский венчик на лбу.

Тень от ресниц колыхается –
Пламя свечи высоко –
И как будто уста усмеваются,
Что стало сердцу легко.

В облаках голубого ладана
Сокрылся земной рубеж...
Радуйся, радостью обрадованная,
Блажен путь, в он же грядешь.

IV. СТАРИЦЫ

1

Глаша и Луша – такие насмешницы –
Всё меня на смех поднять норовят.
Прости меня, Господи, великую грешницу,
Думаю давеча: «Пусть егозят,

Всё за ограду да за ограду –
Будет обители срам через вас».
Мысли такие подальше бы надо.
Сирий Ефрем, упаси от проказ

Эту глазастую Глашку глумливую.
Душеньку Божия Матерь блюдет.
Ангельский голос, как ангел красивая,
Впрочем, и светские песни поет.

Молодость – глупость. Прости меня, Господи,
Тоже и я ведь была молода,
В роще гуляла невенчаной с Костею,
Очень смешлива была и горда.

Старой вороной осмелились девушки
Вслед меня нынче назвать.
Господи, дай мне вперед не прогневаться,
Если услышу ворону опять.

2

Ходила я, старица недостойная,
К старцу юродивому Гордиану.
– Отче, – говорю я, – душа беспокойная,
Сердце многими скорбями пьяно.

Он же в ответ мне: будет похмелье,
Будет и вечный покой.

Жди терпеливее дня новоселия,
Скоро придут за тобой.

– Батюшка, смерть моя близко, у входа,
Как же мне черной пред Богом предстать?
– Плачешь? И плачь. Это Божья забота
Грех твой слезой отмывать.

Дал на прощанье просвирку мне черствую.
– Скинь, – говорит, – полдесяточка гирь.
Стало легко – на девятую версту
Шла, как летела, к себе в монастырь.

3

Есть у нас могилка безымянная,
Меньше всех, и крестик победней.
Но такая мне она желанная,
Точно внучек или внучка в ней.

Крошки хлеба к ней ношу с обеда я,
Рассыпаю птицам дар святой.
Как иду ко всенощной, проведуя,
Навещу и с утренней зарей.

Раз она приснилась мне в сиянии,
Как в росе, в бурмицких жемчугах,
И над нею в белом одеянии
Ангелочек в золотых кудрях.

И сказал он так приветно: бабушка,
Ты ко мне ходи, не отставай,
И мою гробовую палатушку
В жемчуга пред Богом убирай.

4

Золотые маковки обители
По-над ельничком мелькнули и пропали.

По крутым холмам к ней до ночи дойти ли мне?
Что-то ноженьки мои гудут, пристали.

Птичьи гласы правят повечерие.
Засинели дремы по кустам.
Дай мне, Господи, по вере и усердию
Крепость духу, силушку ногам.

Отзвонили звоны колокольные,
Отгорела в небе зорька алая.
Вы, луга, леса мои привольные,
Вы, былинки и букашки малые!

Новым слухом дух мой наполняется,
Тайнопевный слышу ваш канон,
Сердце песнью вашей причащается,
Как пасхальным хлебом и вином.

5

Расписала Аннушка игуменье писанку
Черною глаголицей: Христос воскрес!
По красному полю золотые листья,
Золотые гвозди, и копьё, и крест.

Всё-то мы хлопочем, всё-то украшаемся,
Писанки да венчики, пасхи, куличи,
В этих куличах-то всё и забывается.
В сердце Божьей Матери стрелы и мечи.

Божий Сын во гробе, ангелы в смятении,
По церквям рыдальные гласы похорон,
Славят страсти Господа и Его терпение.
А у нас-то скалок, мисок перезвон.

6

Гроздия белого инея
Алеют рассветным лучом.

С тобою, Господи, ныне я,
Во свете Твоем.

Гроздия белого инея
Истают при свете дня.
Покину я Твою скинию,
Но Ты не покинь меня.

Гроздия белого инея
Стекают на землю с высот.
Но из праха земного уныния
Твой луч меня воззовет.

7

Вот и кончилось мое послушание.
Отжала полосыньку до конца.
Приими, Господи, мое покаяние,
Не отжени от Твоего лица.

Призри на долгое мое смирение!
А если гореть повелишь в аду,
Пошли мне для адových мук терпение:
С именем Твоим во Ад сойду.

Глашенька, свечку зажги мне отходную,
Стань в головах, отпускную прочти –
Девичьи молитвы до Бога доходные,
Дурость мою и гневливость прости.

8

Кладбищенской тропкой мать Феодора
Идет меж сугробных холмов,
Провожают ее лампадные взоры
Изумрудных, рубинных глазков.

Прилежной рукой подливает
Неугасимый елей,

Всех усопших по имени знает,
Крестит их на ночь, как малых детей.

«Здесь упокоилась мать Неонила».
– Многоболезненная была.
С ангельским терпением нédуг сносила,
Отболелась и к Богу ушла. –

Тут приютилась сиротка Малаша,
Детский мор ее скосил.
Тут – Божья свечечка, радость наша,
Юродивенькой Луши прах опочил.

Вот – слепая старица Леонада,
Зрячая в Боге давно.
Ярче всех полыхает ее лампада,
Больше всех ей видеть дано.

Спите, могилки, белые, пушистые,
Отгоняет лампадный свет
Далеко от вас сны нечистые,
Суету сует.

ЭПИЛОГ

Вокруг пустыня снежная,
Сугробная волна.
Бездумная, безбрежная
Забвенья пелена.

Во благостном успении
Почиет жизни даль –
Земное устремление,
Греховная печаль.

Проснулись звезды млечные,
Сияют и горят.
За аркой их – Предвечного
Воздвигся Новый Град.

1915
Воронеж, Киев, Москва

[ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ 1928 г.,
ОТНЕСЕННЫЕ К КНИГЕ «МОНАСТЫРСКОЕ»]

* * *

Матушка Сепфора стоит у плиты.
Щи со снетком кипят, раскипаются.
Батюшка намедни: «Знаешь ли ты,
Как Моисея жена прозывается?»

– Где уж нам, – краской лицо залилось, –
Батюшка, простите, я ведь не начетчица.
Батюшка премудрый: Библию насквозь
Всю отрубил и назад воротится.

«Ты, – говорит он, – Сепфора, и есть
Жена Моисея, ты, несуразная».
Сел и велел мне страничку прочесть,
Где про меня с Моисеем рассказано.

Надвое море он палкой рассék.
Воды как стены стоят нерушимые.
Господи, был же такой человек,
И жена у него, Сепфора. Любимая.

–...Ой, покати́лась волна по плите...
Снеток за снетком разбегаются.
...Чуть позабудешься в грешной мечте,
На кухне беда приключается.

1 октября 1928

* * *

Рассыпала четки черница.
Смутилась, не знает, как быть.
«Начни-ка без четок молиться,
Вражонок того натворит...

Пока перенижешь все бусы,
Чего не нашепчет тут бес.
О, Господи мой, Иисусе,
Надену из Киева крест,

Почаевским ладаном буду
Анчутке курить на беду.
Успел, бедокур, напрокудить,
Трех бусин никак не найду».

10 октября 1928

СТИХИ
1916–1930

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Молнии с неба слетают.
Молнии землю пронзают
Синим, лиловым огнем.
В пламени сад твой и дом.

Не спасти колыбельку твою.
Баю-баюшки, баю-баю.

Тихая встала могила,
Крест над сыпучим холмом.
В мире почило, что было
Бурей, мечом и огнем,

Что сожгло колыбельку твою,
Баю-баюшки, баю-баю.

1916
Москва

* * *

Л. Шестову

Если мы дети Бога, значит, можно
ничего не бояться и ни о чем не
жалеть.

Л. Шестов

Зачем душа боится муки,
К столбу костра пригвождена?
Вся жизнь минувшая порукой,
Что пытку вынесет она.

В былых мистериях страданья
Уже открылось ей давно,
Что нету врат иных познания,
Чем те, где сердце сожжено.

Страшиться ль призраков утраты
Того, что звали мы своим,
Когда огнем костра объята
Сама душа – огонь и дым.

А если вечное в ней было,
Она, отвеяв прах земной,
Из почерневшего горнила
Блеснет, как слиток золотой.

1916

* * *

То нездешнее меж нами,
Что лазурными крылами
Рвется ввысь из глубины,
Овеяя жизни сны,

Что звучит нам издалека,
Что поет у нас в груди
И горит звездой востока
Впереди.

Вечно то же, вечно внове,
Многолико и одно,
Не от плоти, не от крови –
Духом в духе нам дано.

1916

Оптина Пустынь

* * *

Он поляной шел в часы заката,
И за Ним нетленные снега
Расцветали жемчугом и златом,
Где ступала Господа нога.

Он прошел долиной бирюзовой
За черту смарагдовых небес –
Приклоняясь на Пути Христовом,
Засинел кадилльным дымом лес.

И когда разверзлись невидимо
Перед Ним небесные врата –
Там запела арфа серафима
И возшла вечерняя звезда.

* * *

Я бреду уединенно
В час предутренний, ночной
По тропинке, затененной
Монастырскою стеной.

Нет веленья затвориться
Мне в стенах монастыря.
Но к тебе мой дух стремится,
Света горнего заря.

У высокого обрыва
Рассекается тропа.
Всё, что суетно и живо,
Всё, чем жизнь была слепа,

Всё останется отныне
За предельною чертой.
Здравствуй, белая пустыня
Под рассветною звездой.

Февраль 1917
Звенигород

* * *

Я иду одна тропинкой белой.
Под ногой моей кристаллы льда.
За чертой лесов заиндевелых
Золотятся в туче купола.

Тишины великой несказанной
На полях померкнувших печать.
Было больно, непостижно, странно,
Было страшно сердцу умирать.

А теперь под белым покрывалом
Спит оно и в зимнем сне своем
Помнит только город небывалый,
Над земным вознесшийся путем.

19 февраля 1917
Звенигород

* * *

Бабочка крылом меня задела,
Пролетела мимо глаз,
На плече, трепещущая, села
И взвилась, и в сумрак унеслась.

Где она? Куда, мой дух овея,
Смутной тайной спряталась она?
Из Аида пленная Психея
Иль из гроба вставшая от сна?

Или это весть о близком чуде,
О свободе, вечной и святой?
Я уйду, исчезну, я не буду
Никогда, нигде ничьей рабой.

[1917]
Киев

* * *

Много ли нужно раненой птице?
Кусочек неба, кусочек земли,
Капля воды, через силу напиться,
И нужно, чтоб люди к ней не пришли.

Чтоб не коснулись крыла больного,
Дробинку в сердце не стали искать,
Чтоб не посмели ни вздохом, ни словом
Таинству смерти мешать.

[1917]

Киев

* * *

Ливень, проливень. Шумные всплески
На стекле дождевой занавески,
Молний яростный блеск.
Оглушительный треск
Исполинского грома
Близко-близко от нашего дома
Старый дуб расколол пополам.
Любо тешиться в небе громам!

[1917]

Киев

* * *

Хорошо вечереющим лугом
Одному, навсегда одному,
Разлучившись с единственным другом,
Уходить в многозвездную тьму,

И дышать придорожной полынью,
И омыться душистой росой

Перед тем, как в небесной пустыне
Затеряться незримой звездой.

[август] 1917
Злодиевка

* * *

Наташе

Светлой, гордой и счастливой
Я во сне тебя видала
И молитвой усмирjala
Сердца трепет боязливый.

Ты во сне была царицей,
Вся в парче и в жемчугах.
Были глаз твоих зеницы
Как зарницы в небесах.

Я была рабыней пленной
И на твой приветный зов
Подняла глаза смиренно
От цепей и жерновов.

И, дивясь красе и власти,
Долу взор не отвела...
...И с улыбкою участья
Ты кинжал мне подала.

[1917]
Киев

* * *

В сердце лезвие измены
Вскрыло вновь былую боль.
Стали тесны жизни стены,
Снится даль надмирных воль.

Без желанья и преграды
Колесниц небесных ход,
Храма звездного лампы,
Чистых духов тихий лет.

1917
Киев

ОБЛАКО

Алле Тарасовой

Помнишь знаменье из света
В час закатный в облаках?
В жемчуг розовый одетый
Ангел Нового Завета
С арфой пламенной в руках.

Ангел, тающий на тверди,
В темно-блеклой бирюзе,
Был он гнев и милосердые
И в молитвенном усердии
Таял в радужной слезе.

И в лесу, в упавшем мраке,
Над волной немых песков
Вдруг раздался вой собаки,
И прочли мы в этом знаке
В тьму и пламень чей-то зов.

1917
Злодиевка

* * *

Л.И. Шестову

Он всех бесправней на земле,
Его схватили и связали,
Как Прометея на скале,
На камне быта приковали.

И дали меры и весы,
И малых страхов трепетанье,
И разделили на часы
Полет всемирного скитанья.

Но место есть, где он орел,
Где в непостижном раздвоеньи
Он крылья мощные обрел
И нет преград его паренью.

*1917
Киев*

* * *

М.В.Ш.

Слышен песен лебединых
За прудами дальний зов.
Успокойся, мой родимый,
Отдохни от наших слов.

Встали белые туманы
От уснувшего пруда.
Спи, мой светлый, мой желанный,
Успокойся навсегда.

Там, где нежно плачут ивы
Над кристальной водой,

Буду ждать я терпеливо
Дня свидания с тобой.

1917
Киев

* * *

Всё это сон. Любовь, борьба,
Возврат, и Смерть, и воскрешенье...
Молчи, Душа. Творись, судьба.
Расти, могильное томленье.

Уж замер вздох в твоей груди,
Уж запечатана гробница.
Еще немного подожди,
И пробуждение свершится.

[1917–1918]
Киев

* * *

Господи, высоко Твой престол.
Долетит ли вздох моей молитвы?
Господи, последний час пришел.
Одолеет дьявол в этой битве?

Новой мукой, пламенем скорбей,
Закали еще мой дух лукавый
Иль сожги его рукой своей,
Но пускай не одолеет дьявол.

[1918]
Киев

* * *

Как тень убитого от места не отходит,
Где кровь его лилась, где взяли жизнь его,
Так и моя душа и днем, и ночью бродит
Вкруг сердца твоего.

Что нужно ей в храмине тленья,
Следов ли ищет крови пролитой
Или укрыться хочет на мгновенье
От вихрей стужи мировой?

Мой дух о ней, как о тебе, не знает,
Кто жив, кто мертв, и где ваш бедный прах.
Он в каждом взмахе крыльев улетает
Туда, где Солнце Солнц сияет
Ему в нездешних небесах.

[1918]
Киев

* * *

Не задуй моей лампы,
Не гаси моей свечи,
Дел не надо, слов не надо.
– Веруй, мучайся, молчи.

Только в смерти Божье слово
Разрешит нас до конца
От меча пути земного,
Нам пронзившего сердца.

[1918]
Киев

СТАРОСТЬ

Ночи стали холоднее,
Звезды меньше и бледнее,
Все прощания легки,
Все дороги далеки.

Крики жизни дальше, тише,
Дым кафельный вьется выше.
И молитва в час ночной
Жарче солнца в летний зной.

Всё, чему увянуть – увяло.
Всё земное малым стало.
И с далеких берегов
Неотступный слышен зов.

1918
Киев

* * *

В бессолнечной угрюмости осенней
Тяжелая свинцовая вода,
Как счастья, ждет волны оцепененья
И панциря из голубого льда.

Скуют тоску могучие морозы,
Былую муть заворшат снега.
И белых дней потянутся обозы...
О, как зима долга!..

1918
Киев

* * *

*Памяти январских дней
Во дни войны гражданской*

Точило ярости Господней
Еще не доверху полно,
Еще прольется и сегодня
Убийства древнее вино.

Ты, засевающий над нами
Твои незримые поля
Земною кровью и слезами,
Ты, чье подножие – Земля,

Зачтешь ли ей во искупленье
Ее кровавые ручьи,
И каждый вздох ее терпенья,
И каплю каждую любви?

*1918
Киев*

ОСЕНЬЮ

Инночке

Грустно без тебя мне, крохотный мой друг,
Проходить песчаными желтыми холмами.
Всё переменялось, всё не то вокруг,
Всюду смотрит осень сизыми очами.

Ветки поредели. Буро-золотой
Скатертью покрылся наш лужок зеленый.
Божия коровка над сухой травой
Зимнего приюта ищет полусонно.

Вот ко мне на палец медленно вползла.
Ухает за дальним лесом молотилка.

Божия коровка, осень к нам пришла,
Божия коровка, где моя могилка?

Ветряные мельницы веют над горой.
Все изломы крыльев так близки и четки.
Слитые с правдивой осени душой,
Мысли так бесстрастны, так просты и кротки.

У пеньков, где вечером ждали мы овец,
Волчьих ягод рдеют злобные кораллы.
Мертвых листьев шорох говорит: «конец».
Звезды твоих глазок говорят: «начало».

1918
Киев

* * *

Звонят, звонят у Митрофания,
В Девичьем плачет тонкий звон.
Чье сердце жизнью смертно ранено,
Тот любит праздник похорон.

Хоругви черные возденутся,
И плащаницы черный плат
Научит плакать и надеяться,
И смертью смерть свою поправить.

1918
Киев

* * *

Спит твоя девочка там, меж крестами,
К ней заросла на кладбище тропа.
Бродит другая нездешними снами,
Третья под церковью бродит, слепа.

Всех ты баюкала песнями нежными,
Всех ты оплакала в ночи без сна.
Приняло ль сердце твое Неизбежное?
Выпило ль чашу до дна?

Свечечку тонкую перед иконою
В день погребенья Христа
Молча затеплишь с земными поклонами,
Стань с Богородицею возле креста.

1918
Киев

* * *

Кто счастливей этой нищей,
Что к Почаеву ушла?
Ей не нужен кров жилища,
Мир и все его дела.

Корка хлеба, Божье слово
От монаха иль дьячка,
Ноша бремени земного
Ей, как сон, уже легка.

Все морщины как улыбка,
Тихий свет идет от глаз.
«Там по трахту грабят шибко,
Отберут твой рубль как раз».

И даяния на свечи
Юродиво не взяла.
Подняла суму на плечи,
Поклонилась и ушла.

Перед ней не наши зори
И не наши небеса.

И какие явит вскоре
Смертный час ей чудеса...

1918
Киев

* * *

Наташе

Да будет так. В мистерии кровавой
Согласна ты мечом закланья быть.
Так суждено. И есть у сердца право,
И кровь и смерть переступив, любить.

Да будет так. Но снилось мне иное:
И ты, и я торжественным путем,
Предав земле сожжение земное,
В далекий Монсальват идем,

Где, Грааль святой ревниво сохраняя
И не сходя с заоблачных вершин,
Тебе и мне дорогу озаряет
Грааля рыцарь Лоэнгрин.

1918
Киев, Труханов Остров

* * *

Зачем ты ко мне наклоняешься
И в глаза мне глядишь горячо?
И так долго со мною прощаешься,
И целуешь еще и еще?

Или сказка твоя недосказана,
Или там, где ее эпилог,

Повернется Судьбой еще разное
На распутье минувших дорог?

И на первой измена мне встретится,
И разлука, и гибель моя.
На второй твоя гибель наметится,
А на третьей – твоя и моя.

[1918]

[Киев]

* * *

Зацвели мои белые тернии,
Заалела закатом река.
И печаль, как молитва вечерняя,
Мне сладка.

Златоверхая церковь над кручею,
Замирающий звон
Овекает надеждой певучею
Жизни сон.

Там вдали, где в зарю облакается
Белый ангельский клир,
Боль земная вся претворяется
В ясный мир.

[1918]

Киев, Труханов Остров

* * *

Я тебя не знаю, я тебя не знаю,
Чем была, чем будешь, кто ты, жизнь моя.
Только знает кто-то, в сердце умирая,
Что, со мною слитая, ты была не я.

Солнце и движение. Муки и утраты,
Дальние и высшие, светлые и мечты,
Отдаю тебе я полно, без возврата,
И смеюсь, и знаю: я была не ты.

[1918]
Киев

* * *

Кукушка летала,
Деток созывала,
Сидя на березке,
Слезки проливала.

Кукушкины слезки
Выросли потом
Золотым ковром.

Прилетали детки.
Кто сидит на ветке,
А кто на суку.
Все кричат «ку-ку».

На ковер слетали,
Слезки поклевали.

[1918]
Киев

* * *

Воеет ветер неумный,
Бездорожный и бездомный,
Бьет и рвет железо с крыши.
Отвечает сердце: «Слышу.
Это голос тьмы беззвездной,
Бесприютность тучи слезной,

Далей черное кольцо,
Смерти близкое лицо,
Это стуки топора...
Тише, тише – спать пора».

1918
Киев

* * *

Тоскует дух, и снятся ему страны,
Каких в пределах жизни нет.
Но в час, когда сквозь алые туманы
В речной дали пурпуровый рассвет

Конец бессонной ночи возвещает,
Там, на востоке, тонких облаков
Живое золото, как остров, возникает,
Над океаном призраков и снов.

Припав к нему в томленьи беспредельном,
Забытый рай на миг я узнаю.
И всё, чем сердце ранено смертельно,
Звучит как пенье ангелов в раю.

Но крепнет день, и гаснет рай мой дальний,
И лишь перо жемчужного крыла
Плывет в дали безбрежной, беспечальной,
Куда и жизнь ушла.

[1918]
Киев, Трехсвятительская ул.

* * *

Ходят стаями и парами,
Одиночками бредут
Колеями душно старыми,
На ногах веревки пут.

Цель указана, приказана:
Размноженье, труд, покой.
Навсегда глаза завязаны
Чьей-то тяжкою рукой.

И просторов Бесконечности,
Голубых воздушных рек,
Солнца Жизни, далее Вечности
Не видав, уснут навек.

1918

Киев, Владимирская горка

* * *

На Илью Пророка сын мой родился.
Без чувств я лежала, в бреду сгорая.
Слабый ребенок тут же крестился.
Белая рубашка, лента голубая.

Священник, подруги, все мне пророчили
Страшное что-то. И были сны:
Месяц не месяц, серпик отточенный
На небо вышел. И с левой стороны.

Спрашиваю я Пресвятую Деву:
Кого этим серпиком будут жать?
А она говорит мне тихонько без гнева:
Сына и грешную мать.

[1918]

* * *

Душно мне, родненький, сын мой Иванушка,
Тошно, и нету в груди молока.
Ранней зарей на лесную полянушку
Выйду с тобой на руках.

Белой росой напою ненаглядного,
Трав чудотворных нарву...
Что это? Юного, крепкого, стройного
Вижу тебя наяву.

Ты ль надо мною любовно склоняешься,
Перстень в руке задрожал.
Ты ли со мною, мой сын, обручаешься,
Ты ль женихом моим стал?

[1918]

* * *

Ночи горячие. Смолы кипучие.
Звездные ласки. Лучи и мечи.
Бог покарает нас каменной тучею.
О, не зови меня, милый, молчи.

Чьи эти очи ко мне приближаются?
Плачет малютка мой сын.
Крохотный ротик к груди прижимается.
Господи, Ты нас рассудишь один.

[1918]

Киев

ИЗ ЦИКЛА «В СТЕНАХ»

1. Гиацинты

Предсмертное благоухание
Тяжелых розовых цветов,
Их восковые изваяния
И неотступно томный зов

Любви и смерти в их цветении
Блаженный навевают сон
О близком, сладком исхождении
Из стен пространства и времен.

4. У аптечного шкафа

Из старого скорбного шкафа,
С коричневых полок суровых
Иод чудодейный глядит,
Пропитанный запахом моря.
О море, быть может, тоскует
И водоросль нежную он вспоминает,
Коснувшись ручонки больного ребенка
Иль девичьей шеи.

С ним рядом на полке
В нарядной зубчатой короне
Приветливый датский король
И хина – проклятье и ужас
Трехлетних особ малярийных
Зловеще пушистого вида.
И горечью дышат сухие кристаллы.

А вот – валерьяна, пьянящая кошек,
Вакханка болотных проталин.
По капле прольется в отбитую рюмку

И нервы стареющей тети
Насытит терпением. Убогая доля!

Служители стен ненадежных
Темницы земной терпеливо
Согласны на скучную службу.

Лишь опий, овеванный снами,
Объятый тоской запредельной –
Служитель иного.
Но только пред шкафом аптечным
Об этом ни слова.

5. РЕБЕНКУ

Две куклы крохотных: растерзанный верблюд,
Комочек желтый ватного цыпленка –
В стенах постылых нежно выдают
Священное присутствие ребенка.

И новый мир, и целые миры
Воссоздают первичное движенье
Творящей воли. Стены и ковры –
Полей, лугов, садов отображенье.

И город на окне, и под столом леса,
И в чашке океан. И нету стен постылых.
Творящей воли их сложили чудеса,
И рай возник на пустыре унылом.

6. ТЕТЯ

Обезножела старая тетья.
Лежит в постели девятый день
В полусознание, в полудремоте.
Племянники думают: просто лень.

А старая тетя у грани сознания
Нашла боковую тропинку одну,
Какой не находит племянник,
Когда отходит ко сну.

Ни сон, ни жизнь, а явь боковая,
От жизни и сна в стороне.
Туда улетает тетя хромая,
Легка, как птица, в своем полусне.

9

Потоки радости бегут,
Бегут неведомо откуда
И к берегам земным несут
Предвестье благостного чуда.

Пусть не увижу на земле
Его лица, его значенья,
Пускай сокроется во мгле,
Где зреют дальние свершенья,

Но сердце дивные слова
Уже прочло в его сияньи,
Душа жива, душа жива,
И дышит Бог в ее дыханье.

1919

Киев

ИЗ ЦИКЛА «ТАТЬЯНЕ ФЕДОРОВНЕ СКРЯБИНОЙ»

2

Твои одежды черные
У белого креста.
И скорбь твоя покорная,
И красота,
И синих далей пение,
И облако высот –
Всё тайну воскресения
Уже несет.
И сквозь прозрачность зримую,
Сквозь дымку красоты
Сквозят уже любимые
Его черты.

4

Колышется ива на облаке светлом
Зелено-серебряным легким листом,
С тобою иду я священно-обетным,
Безводно-печальным далеким путем.

Но там, где колышется белая ива
И светлое облако стражем стоит,
Душа отдохнет. И опять молчаливо
К пустыням Синая свой путь устремит.

*Июль–август 1919
Киев*

ИЗ ЦИКЛА «Ю. СКРЯБИНУ»

Noi siam vermi nati a farmer
l'angelica farfalla

Данте

3

Под коварной этой синей гладью
Он хотел вздохнуть в последний раз.
И сомкнулись воды синей гладью,
И огонь погас.

Было так во дни Ерусалима.
Так же замер чей-то крестный вздох.
Так же Мать звала в рыданье сына:
Сын мой, Сын и Бог!

Но расторгнув чудом воскресенья
Душный плен гробовой пелены,
Всем огням вернул Он их горенье,
Все огни к Нему вознесены.

5

Тающий дым от кадила
В синюю бездну плывет.
Веют незримые силы,
Духи глубин и высот.

Встречью стало прощанье.
К смерти душа вознеслась.
Ангеле Божий, Юлиане,
Моли Бога о нас!

Точно ангелы пропели
«Со святыми упокой»
Над цветочной колыбелью,
В этот день сороковой.

И звучало это пенье,
Как прощальный тихий глас
В недостижные селенья
Вознесенного от нас.

И казалось, отуманен
Херувимски чистый лик
Скорбью нашего прощанья,
Малой верой чад земных.

Имя новое приявший
В новой тайне, он хотел,
Чтоб любовью, смерть поправшей,
Мы вошли в его удел.

Чтобы наша скорбь омылась
Вечной Радости ключом
И, омывшись, озарилась,
Как зарей, его путем.

Июль–Август 1919
Киев

* * *

Летят, летят и падают смиренно
На листья падшие всё новые листы.
В день солнечный кончина их блаженна,
И тишины полна, и красоты.

Нет с деревом печали расставанья.
Не жалко им, что лето их ушло.
Полет, покорность, нежное мерцанье,
Аминь всему, что в смерть их унесло.

1919
Киев

* * *

Льву Шестову

Не обмолвится прощаньем,
Без сигнала отойдет
В океан корабль молчанья,
Не ускорит ровный ход.

В двух пустынях затеряется
Между небом и землей,
Не вернется, не признается,
Что несет он образ твой.

[1919]

ПАМЯТИ А.Н. СКРЯБИНА

I

Завеса неба голубая,
Свиваясь, вихрем унеслась,
И бездна мира огневая
Открылась для смятенных глаз.

Плененье Ветхого Завета,
Закон Пространства и Времен
Потоком пламени и света
Заворожен и отменен.

Тысячелетние стенанья
И тяжесть Рока поборов,
Душа ворвалась в мирозданье,
Как пенье звезд, как гимн цветов.

И буйной негой отвечая
На дерзновеннейший порыв,
Душа открыла мировая
Тайник сокровищниц своих.

Как всё раскрылось, озарилось,
Звенит от сердца к сердцу нить.
Как всё безумно изменилось.
И умереть легко и жить.

II. NOCTURNE

Полупрозрачных эльфов крылья
Порхают в лунной синеве.
Смеются радужные сильфы
В росинках, спящих на траве.

Кольшут нежные лианы,
Как сон, бездушные мечты,

Магнолий рой благоуханный
Раскрыл пьянящие цветы.

Проснулась фея старой сказки
В объятьях белого цветка
И понеслась в звенящей пляске,
Как сон любви, чиста, легка.

III. ETRANGET<E>

Сколько духов налетело
Из пучины океана,
Из воздушного предела,
Непостижных, несказанных.

Сколько хохоту над нами,
Над убогой теснотою
Жизни, полной только снами,
Только лживую мечтою

О великом, о священном,
О едином на потребу,
И плетущейся смиренно
За вином и коркой хлеба.

Но в божественном весельи
Духи рвут, как паутину,
Наше сонное похмелье,
Нашу одурь и кручину

И на волю выпускают
Радость-пленницу от века,
И свободу возвещают
Рабьей доле человека.

*27 апреля 1920
Ростов
Концерт Шауба*

ЗАГОВОРЫ

1

Змея Змеёвна
Ползет неровно
С горы на угорье
Далеко на взморье.
Змея Змеёвна
Больным-больна;
Болит голова,
Болит спина,
Все позвоночки:
Первый, второй,
Пятый, десятый,
Девяностый, сотый.
С кочки на кочку
Ползет неровно
Змея Змеёвна,
То в круг совьется,
То разовьется,
На озере Лаче
В песок завьется.
На озере Лаче
Песок горячий.
Спят на песочке
Все позвоночки,
Спят, не болят,
Болесть не велят.

2

Лед на лед,
Гора на гору,
Студеное море,
Сполох играет,
Белухов вызывает.
– Идите играть!

– У нас плавни болят.
– Ничего не болит,
Это лед трещит,
Это море плещит –
Треск,
Плеск,
И там,
И здесь.
Деревянный крест
Далеко на Пинеге
Мреет в степи.
Спи.

3

Ковыли-ковылики,
Перекати-поле.
Конь-колодец.
Боли мои, боли,
Вас ковыль развеет
На четыре ветра,
Перекати-поле
Унесет на волю
Воду пить,
Где колодец стоит.
Конь воду пьет,
Конь копытом бьет.
Круп. Ступ.
Так. Не так.
Еще потерпи.
Спи.

4

Крокодилы зубастые,
Строфокамилы кудластые,
Что вы ссоритесь?
Что вы сваритесь,

Не поделитесь,
Не побратаетесь?
Вам бы смириться,
Песочком укрыться,
Поспать, подремать,
Первый сон увидеть:
Зеленые заводи,
В них тихие лебеди;
Плавают тихохонько,
Не стонут, не охают,
Глаза закрывают,
Первый сон выдают.

5

Ой, горячо, ой, колко...
Там сковородка,
Там иголка.
Там клин,
Там гвоздок,
Тук-тук молоток.
По ком бьешь?
– Ни по ком.
Строим дом –
Тихоходам,
Тихо-сеям,
Тихо-веям,
Жить им в прохладе,
Жить им в тишинке,
В вишневом саде,
На пуховой перинке.

6

Тигры полосатые,
Звери немилосердные.
Мало вам крови,
Пейте, ешьте вдоволь:

Еще кусок,
Еще глоток,
Вдоль и поперек.
Тяните.
Рвите.
Сгиньте.
Пропадите.
Мурава шелковая,
Вода ключевая,
Трава по три листа.
Четвертый лист – счастье,
Отгони напасти.

7

На гору горянскую,
К Змею Горынычу
Дорожка ползет –
Шесть оборотов,
Один пол-оборот.
Змей Горыныч
Точил меч всю ночь.
Один меч – хворь посечь.
Другой меч – с хворью в землю лечь.
Третий меч – хворь в земле стеречь,
Чтоб не проснулася,
Не встрепенулася,
Не прикинулась к рабу Божьему (имя),
Не прикинулась
Во веки веков.

8

Камушек по камушку
Разнесем все горы
Скопом-собором,
Мирским приговором,

Несметною ратью,
Божьей благодатью.
Ушли наши горы
Под Холмогоры.
Стало гладко,
Ровно, сладко
На лужайках спать,
Где ангелов рать.

9

Боль-боляницу,
Железную птицу
В сети поймали,
Туго связали.
Вяжите туже,
Пускай не кружит
Над нашей крышей,
Пускай летает
Повыше,
Потише.
Железо в землю,
Сети на колья,
Птицы на волю,
Боль в подполье, –
Наше место свято.

10.

Ой, тяжелое нагружение,
Ой, долгое напряжение,
Три кораблика
Самобранные
Безымянные:

В одном Ломь,
В другом Коль,

В третьем Боль,
Всем болям боль,

О семи головах,
О семи хвостах,
О семи тысячах зубах...

На кораблики размещаются,
Голосисто совещаются:
Нам плыть или не плыть,
Или рабой Божией (имя) быть.

Тут задули ветры сильные,
Взволновалось море синее,
Захлестнулись три кораблика:
И Ломь,
И Комь,
И Боль

Уже на дне.
А раба Божия (имя)
В сладком сне.

*Август 1920
Москва*

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Наташе

Спит над озером тростиночка.
Спи, усни, моя былиночка,
Сладко-горький мой व्यюнок,
Голубой мой ручеек.

Ты по белым-белым камушкам
Доплывешь до моря синего.
Баю-баюшки, дитя мое,
Богоданное, любимое.

Я уйду в края безводные,
Над волнами над песчаными,
Я прольюсь в пески холодные,
Буду спать между курганами.

За рассветными туманами
Золотое море светится.
Спи, не плачь, моя желанная,
Все пути у Бога встретятся.

1920
Сергиев Посад

* * *

Лису

Баю, баю, баю, Лисик,
Баю, баю, мой пушистик,
Золотая шубка,
Вишневые губки.

Вишневые ветки
Полны белым цветом.

От синего неба
Синие просветы.

Голуби летают
С каждым кругом
    Выше.
С каждым кругом
    Тише.
Баю, баю, баю.

23 октября 1920
Сергиев Посад

* * *

В осияньи белом инея,
В бирюзовых небесах
Золотая встала скиния
В бледно-радужных кругах.

Под завесой голубеющей
Скрыты Божьи письма.
И в лучах невечереющих
Даль безродная ясна.

12 декабря 1920

ИЗ ЦИКЛА «РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ»

Комната Шуры Добровой

Бердслей, Уайльд и Боделэр
В твоём лилово-синем гроте
Своих падений и химер
Курят куреньем приворотным.

Но в пряном воздухе твоём,
Как луч лампы золотистый,
Уж зреет дума об ином,
Священножертвенном и чистом.

Елизавете Михайловне Добровой

Mater dolorosa,
На твоих глазах
Крестной скорби слезы.

А в твоих глазах
Тайны омовенья
Чистой росой,
Тайна пробужденья
Жизни в мир иной.

Дане Андрееву

Я видела крестик твой белый,
И абрис головки твоей,
И взор твой, и робкий и смелый,
В крестовом походе детей.

Ты лилии рвал по дороге,
Следил за игрой облаков,

Но думал, все думал о Боге,
И радостно взял тебя Бог.

А после родился ты в Риме
И жил в нем – художник-поэт.
В истории есть твое имя,
А в сердце храню я твой след.

1920

Москва

К ПОРТРЕТУ НЕИЗВЕСТНОГО

Посвящается Л.И. Шестову и М.В. Шку

Печальной тайною волнующе согреты
Черты двух душ, покинувших меня.
Являет лик безвестного портрета,
Загадочно в себе соединя

Мысль одного, глубинный свет другого –
И общего изгнания пути.
Глядят глаза и мягко и сурово,
В устах застыло горькое «прости».

Таит следы недоболевшей боли
Мучительно приподнятая бровь.
Боренье тяжкое своей и Божьей воли
И отягченная изменою любовь.

Как любит он со мною долгим взглядом
Обмениваться в ночь без отдыха и сна.
И до утра исполненную ядом
Мы чашу пьем. И нет у чаши дна.

1921

Сергиев Посад

СЕСТРЕ А.Г.М.

Должна быть шпага, на которой клянутся.

Слова бреда

Твой озаренный бледный лик,
Твой голос, дико вдохновенный,
В пожар души моей проник,
Как перезвон набата медный.

«Должна быть шпага. На клинке
Ее начертаны обеты.
Не здесь. Не в мире. Вдалеке,
В руках у Бога шпага эта».

Как белый саван, облакал
Тебя наряд твой сумасшедший,
И неземным огнем сиял
Твой взор, в безумие ушедший...

Мой дальний друг, моя сестра,
Я эту шпагу отыскала
И знаю, как она остра –
Острей, чем самой смерти жало.

1921

Сергиев Посад

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРВОЕ УТРО МИРА»

1

В первое утро мира
Слетелись эльфы
На крылах стрекозиных
На песчаный холмик,
Где розовый вереск
Кадил ароматами
Росного ладана.

«Молились вы Богу,
Малютки крылатые?» –
Спросил их Ангел
У райских врат.

В первое утро мира
Ответили эльфы
Строгому Ангелу
На призыв к молитве:

«Молитва наша –
Трепет крыльев
И их переливы
На утреннем солнце.
Причастная чаша –
Розовый вереск.
И аллиллуйя –
Наши поцелуи».

3

В первое утро мира
Ева поздно встала.
Солнце лучами прямыми
Кудри ее расчесало.

Пальм голубых опахала
Свеяли снов налеты
С темных стрельчатых ресниц.

Чистого лотоса росы
Омыли ей лик и грудь.

Слетелись райские птицы
И в песнях запели райских
О счастье жить в раю.

И высоко на древе познания
Увидела Ева бездонный,
Таинственно-черный, влекущий
Загадкою страшной взор.
И скучны стали райские песни
Еве с тех пор.

4

Это было тоже
В первое утро мира.
Адам поссорился с Евой.
И сидели у дерева Жизни
Они, как чужие.

И сказала Адаму Ева:
«Мне наскучили райские песни
И ограда садов Эдемских».

И Адам ответил: «Я знаю,
Это всё наветы Змея,
Я видел сегодня, как взором
Ты бесстыдно с ним обменялась».

И упрямо склонила Ева
Лучезарный лик на колени.

И предстали в тот миг перед нею
В непонятном, как бред, виденьи –
Чернобыльник, колючие травы,
И звериные кожи, и кровь,
И звезда Люцифера в сияньи и славе,
И Крест. И на нем ее Жизнь
И Любовь.

5

Серенький зверек
В белых пятнах
С розовой мордочкой,
Зеленоглазый
В первое утро мира
Дразнил змею.

Зеленая змейка в золотых полосках
Изумруды глазок
В траве серебристой
От него скрывала

И вдруг поглядела.
И красное жало
Затрепетало
Над бедненьким серым
Зверьком.
И всё было кончено.

6

Под солнцем первого утра
На акации белой росинка
Ввысь потянулась паром.

– Я умираю, – сказала росинка
Гроздьям душистым.

И юное дерево в страхе
От слова «смерть» встрепенулось,
Но солнечный луч погладил
С улыбкой кружево листьев
И всем сказал в Эдеме:

– Вернется дождем росинка,
И в этом таинство смерти.

3 февраля 1921
Москва

Наташе

Отчего ты, звездочка моя,
На меня глядишь с такой боязнию?
Или думаешь, что сердце перед казнью
Обвинило в чем-либо тебя?

Как лазурь безоблачного неба,
Предо мной душа твоя чиста,
Если жизнь не может дать мне хлеба,
Если чаша дней моих пуста,

Не с тобою пред лицом Господним
Встану я в день Страшного суда,
Да и тот, кто мне для муки дан,
Может быть, уже прощен сегодня.

[1921]

ПАРК В УДИНО

А.В. Тарасевич

Аллеи лиственниц лимонных,
Темно-зеленый бархат пихт.
И в розово-янтарных кленах,
И в липах ржаво-золотых

Прорвались синие просветы
В такую глубь, в такую высь,
Где все вопросы и ответы
В кристалл Безмолвия слились.

Но храм, убогий и забвенный,
В плакучем золоте берез

С такою верой дерзновенной
Свой крест в безмолвие вознес.

10–16 сентября 1921
Удино

О РОСТОВЕ

На решетках балкона
Вялых рыб ожерелье.
А внизу граммофона
Хриплый тон и веселье.

Нежных ликов девичьих
Молодое томленье
И сольфеджий привычных
Монотонное пенье.

Рой детей сиротливых
В тесной клетке двора.
Всё так живо, так живо,
Точно было вчера.

1921
Москва

* * *

На мраморную балюстраду
И на засохший водоем
В квадрате крохотного сада
Под хризолитовым плющом

Гляжу я так же, как бывало
В те обольстительные дни,
Когда душа припоминала,
Что в мире значили они.

И вижу черную гондолу,
Мостов венецианских взлет,
И голос сладостной виолы
Меня томительно зовет.

Сквозь шелк дворцовой занавески,
Как нож, блистает чей-то взор,
А весел радостные всплески
Звучат, как поцелуев хор.

И знаю, в этом же канале
На мягком и тенистом дне
Я буду спать с твоим кинжалом
В груди, в непробудимом сне.

[1921]
Сергиев Посад

* * *

Боже воинств, великой Твоей благодатью
Ниспошли мне твой панцирь, и щит, и копье.
Я одна пред несметною ратью,
Полно ужасом сердце мое.

Кто щитом моим был, и мечом, и твердыней,
С поля битвы ушел и ночует в шатрах,
Опои меня, Боже, своею святыней,
Да бежит предо мною твой враг!

13 февраля 1922

* * *

Голубая ночь баюкает
В небе сонную звезду.
Леший по лесу аукает,
Я одна в лесу иду.

Я одна, и сердцу радостно,
Что одна я в голубом,
В неразгаданном и сладостном,
В древнем таинстве ночном.

Протянула струны тонкие
К сердцу, вспыхнувши, звезда,
Под кустом блестит, сторонкою
Наговорная вода.

Не нужны мне заклинания,
Никого не позову.
В звездной песне и в молчании –
Долгий век мой проживу.

6 марта 1922
Сергиев Посад

* * *

Не касайся меня, Магдалина,
Не влачься у краев моих риз,
Женской мукою Божьего Сына
На земле удержать не стремись.

Я не плотник, не сын Марии,
Не учитель, не друг я твой,
Позабудь слова земные,
Если хочешь идти за мной.

И ты – не Вифании дева,
Не Лазарь и Марфа – родные твои,
Отныне ты сеятель Божьего сева,
Апостол Моей Любви.

25 марта 1922

* * *

П.А. Флоренскому

Там, где нога твоя земли коснется,
Не оживет сожженная трава,
И черный вихрь вослед тебе несется –
Так шелестит несмелая молва.

Но ты молчишь, склонив ресницы долу,
Таинственным величием обречен,
Завившись в быт прогорклый и тяжелый,
В нем поглотить пророческий свой сон.

Но ветхий бог, как мех, уже раздранный,
Вместить не может нового вина,
И ты не в нем живешь, пришелец странный,
Не там, где дом твой, дети и жена.

Тебе знакомо нижних бездн сиянье,
Денницы близкой дерзновенный взор,
И сладостность свободного познания,
И горького изгнания приговор.

И ничего о них молва не знает,
И ничему там не поможет быт,
Где Дьявол с Богом в смертный бой вступают
И где душа, как два костра, горит.

[конец апреля – начало мая 1922]

СВЯТОМУ СЕРГИЮ

Ты ходил тропинкою лесистою
По лощинам тем же и холмам,
Где идут стопы мои нечистые
Каждый день к мучительным грехам.

Светлый нимб, души твоей сияние
Я ловлю порой на облаках,
И в росистом трав благоухании,
И в закатных розах на крестах.

Но, смущенный темным отвержением,
Вечной болью незаживших ран,
Белых риз твоих прикосновения
Дух страшится – зван, но не избран.

Чудом встречи глубже озаряется
Дикий мрак падений и утрат.
И твоей святыней не спасается
Дух, гееннским пламенем объят.

31 мая 1922
Сергиев Посад

ПАМЯТИ ЕЛЕНЫ ГУРО

Два озера лесных – глаза,
В них – мудрость вещего ребенка.
Порой неожиданная слеза
Сквозь смех, стремительный и звонкий.

На тонких пепельных косах
Два банта – желтый и вишневый.
Неоперенных крыльев взмах
В движеньях грации суровой.

В певучем бархате речей
Органа голос величавый.
И вдруг – победный звон мечей,
И дальний отзвук битв кровавых.

Волшебник снежно-белый кот
С янтарным ворожащим оком

Тебя – царевну – стережет
И там, в краю от нас далеком.

С твоей картины нежный зверь,
Прозрачно радужный лосенок,
Тебе открыл Эдема дверь,
Где призрак, ласковый и тонкий,

Земного сына твоего
Тебя объятьем лунным встретил
И дивной музыкой отметил
Твоей кончины торжество.

1–13 июня 1922
Сергиев Посад

* * *

Вл. Андр. Фаворскому

В твоём пространстве многомерном
Сыскав единый монолит,
Движеньем медленным и верным
Твоя рука его дробит.

И, разделяя, созидает
Угрюмых ликов хоровод,
Чьей жизни сумрачная тайна
Еще в веках разгадки ждёт.

А здесь, в трехмерной нашей были,
Ты ясен, прост, как голубь белый.
И скрыты творческие крылья
Красноармейскою шинелью.

15–28 июля 1922

ИНОПЛАНЕТНЫМ

Они меж нами пребывают
И нами видимы порой,
И часто даже роль играют
В любой профессии земной.

Средь них актеры и поэты,
Возможен даже большевик,
Но в их глазах иного света
Всегда заметен жуткий блик.

Не в нашем ритме их движенья;
Как незнакомые слова,
В устах их наши выраженья.
Земли касаются едва,

Как тень скользящая, их ноги,
И им легко переступить
Морали скользкие пороги
И сразу две игры играть.

И, может быть, они крылаты,
И в разных могут жить телах.
Видали их неоднократно
За раз и в двух, и в трех местах.

Их часто любят без надежды.
Они же любят кровь сердец.
Для них измены неизбежны,
И быстр, и странен их конец.

*3–4 сентября 1922
Сергиев Посад*

* * *

Как тихо у меня в душе,
Как будто в ней одни могилы,
Как будто в них починют все,
Кого любовь усыновила,

Кто верой в спутники был дан,
Кого надежда увенчала.
И боль тиха от старых ран,
И тихо самой смерти жало.

3–4 сентября 1922
Сергиев Посад

МОЯ КОМНАТА

Чайник пунцовый с отбитым носом,
На чайнике – с розой медальон.
А внутри его – пепел от папиросы,
И георгины в тубе жестяном.

На стенах картины своего изделия.
Пальмы да пальмы. Без берегов
Моря, и кое-где пастелью
Созвездья с другой планеты цветов.

За иконой охапка сухого бурьяна,
Одеяло вместо гардин на окне.
И самодельный лик Иоанна
Над постелью приколот к стене.

10 сентября 1922
Сергиев Посад

* * *

Л.В. Крестовой-Голубцовой

А у меня в груди орган.
В носу тончайшие свирели.
Усыновил меня диван,
И стал он гриппа колыбелью.

Что делать? Вместо Турандот
Иная мне дана задача.
Терпин-гидрат, компресс, и йод,
И сода с молоком горячим.

Но это – Майи пелена,
Терпин-гидрат и сода,
И что мрачнеет из окна
Ненастная погода.

Наш дух живет всегда в дали,
Он только собирает,
Как дань сужденную земли,
Над миром пролетая,

Тоску иного бытия,
И боль, и отречение,
Неся их в дальние края
Для горнего цветенья.

*27 сентября 1922
Сергиев Посад*

* * *

Лисику

Пойдем, пожимаясь от холода,
Замесим топкую грязь,

На базаре навозное золото
Обойдем, к стене сторонясь.

В посконный, гремящий, тележный,
Алчбою насыщенный торг
Скользнем стезей неизбежной,
Как санки бросают с гор.

Капусту купим брюхатую,
Брюквы (за две – миллион),
Потеряем калошу у ската,
Расплеснем с молоком бидон.

Доплетемся домой, и покажется,
Что всё это – сон...

16 октября 1922
Сергиев Посад

* * *

Осеребрилась грязь дорожная.
О, слишком нежен первый снег.
Обетование он ложное
Зимы торжественных утех.

Назавтра хлипкая и липкая
На этом месте будет грязь,
Где он бесстрастною улыбкою
Соткал серебряную вязь.

Не это горнее касание,
Не эта легкость здесь нужна, –
Мороза тяжкое кование,
Мороза тишь и белизна.

18 октября 1922
Сергиев Посад

* * *

Смертельно раненный зверек
В моей груди живет и бьется.
Снует и вдоль, и поперек
По клетке и на волю рвется.

Ему дают еду, питье,
Погладят иногда по шерсти,
А он скулит все про свое –
Что кто-то запер двери смерти.

12 ноября 1922
Сергиев Посад

* * *

Н.

Она нежна, она добра,
Мне Богом данная сестра.
Она, как первый снег, чиста
И, как дитя, душой проста.

Но стало сердцу страшно с ней,
Как в подземелье, полном змей,
Как будто мировое зло
Ко мне вослед за ней пришло.

И стала с ней и я не я,
А подколотная змея,
С раздавленными позвонками
И яд струящими зубами.

10 ноября 1923

* * *

Рабы – как ветхо это слово.
Христу рабами нужно ль быть?
И не любовью ли сыновней
Его мы призваны любить?

И говорить, открывши душу,
Не рабим – детским языком:
«Прости, приди, склонись, послушай –
Как горько жить в доме Твоем».

16 ноября 1923
Сергиев Посад

* * *

Безнадежность, – не есть ли
высшая надежда?

Л. Шестов

Безнадежность – высшая надежда.
Так сказал когда-то мне мой друг.
Смутным знаньем это знал и прежде
Мой в пустыне искушенный дух.

И теперь, избрать себе не смея
Из надежд излюбленных людских
Ни одной, он жаждет, пламеня,
Вод испить из родников живых.

16 ноября 1923
Сергиев Посад

* * *

Брату Николаю

Могла бы тайным заклинаньем
Твой дух из ночи я воззвать,
Но разлюбила я гаданье
И разучилась волхвовать.

Все нити жизней, что держала
Я странной волею судеб,
Душа однажды разорвала,
Поняв, что путь мой нищ и слеп.

И всех, кто мог идти за мною
Лишь в слепоту и нищету,
Я увела бы за собою.
И вновь отвергла я тщету.

И лишь молитвенным касаньем,
Бесправным, робким, чуть живым,
Тебя ишу я там, за гранью,
Где образ твой исчез, как дым.

*7 февраля 1924
Сергиев Посад*

* * *

Е.Г. Лундбергу

Был вечер, полный чарованья
Луны, скользившей в облаках.
И заколдованным сияньем
В пустынных отмели песках

Чертили черных сосен тени
Крутого берега края,

И было всё, как сновиденье:
Луна и отмель, ты и я.

И говорил ты, что не надо
Мне больше в этом мире жить.
И умереть была я рада,
И обещал ты мне служить

От жизни к смерти, мной любимой,
Надежным, бережным мостом.

.....
Но смерть прошла в те годы мимо,
И всё живем мы да живем.

10 февраля 1924
Сергиев Посад

СЕРГЕЮШКЕ

«Ни-ни» – нельзя. «Бо-бо» – больно.
«Га-га» – уйти далеко.
«Ай-ай» – катастрофа.

Из лексикона Си-Сергеюшки

Поломан якорь,
Погасли огни.
Но не надо плакать.
Ни-ни.

Бороться нет силы
С всесильной судьбой.
Так надо, чтоб было
Бо-бо.

И роптать не надо,
Жизнь недолга.
И сердце радо
Га-га.

Но душа трепещет,
Что грех через край,
В ней шумит и плещет
Ай-ай.

*7 марта 1924
Москва*

* * *

Юрию Завадскому

Седой старик и юноша навеки,
И мотылек, и тайный мистагог.
Полярный круг и огневые реки,
Крылатый, пересечь ты мог.

Но близок вход в подземную пещеру.
Таков уж путь. Его не избежать.
Но где любовь, где жертвенная вера?
Без них во тьме дороги не сыскать.

Дрожит крыло, привыкшее к полету.
Его не нужно. Молот и кирка.
Урочная подземная работа
Мистериарха ждет и мотылька.

*7 апреля 1924
Москва*

* * *

Лису

Не подарю тебе стиха,
Любимая сестра,
Душа нема, душа глуха,
Хоть жизни боль остра.

И что сейчас я говорю —
Совсем, совсем не стих,
Стиха тебе не подарю,
Как было в днях былых.

Но постою, но помолчу
С тобой, в твоей стране.
Душа с душой, плечо к плечу.
И легче станет мне.

17 мая 1924
Долгие Пруды

* * *

С.А. Сидорову

Из-под шляпы странно высокой
Прозрачных очей аметист
Глядит на мир издалека,
Лучист, и суров, и чист.

Непокорный локон черный
Иконно тонкой рукой
Отводя, с тропинки горной
Он смотрит ввысь с тоской.

И видит за гранью мира
Чертога Отчего свет.
И грустит, что для горнего пира
У земли одеяния нет.

31 июля 1924
Киев

БЕСПЛОДНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Лик пустынный Иоанна,
Крест в его руке худой
И громовый к покаянью
Зов в пустыне огневой

В свете розовой лампы
Претворился у меня
В знак покоя, и отрады,
И уютного огня.

Для того ль пророк в пустыне
Зной и жажду выносил,
Чтоб его иконой ныне
Чей-то дом украшен был?

*23 ноября 1924
Сергиев Посад*

* * *

А.К. Тарасовой

Цикламена бабочки застыли на столе.
Под алым одеялом Алла
Спит в темно-синей утра мгле.
И снятся ей Венеции каналы,
И мавр возлюбленный с нахмуренным челом,
И роковой платок, и песня Дездемоны.
Но в коридоре крик: «Беги за кипятком!» –
И ярый топот ног ее из грезы сонной
В советскую действительность влекут.
И уж обводит ясными очами
Она свой тесный каземат-приют:
Вот чемоданы, ставшие столами,
Вот пол измызганный, вот чайник с кипятком,
Тюфяк, под ним два бревнушка хромые.

.....
Венеция и мавр – всё оказалось сном.
Я – Алла Кузьмина. Я дома. Я в России.

12 декабря 1924
Москва

ПАМЯТИ РИВЬЕРСКИХ ДНЕЙ

А.В. Луначарскому

В золоте мимозы нежной
Солнце голубой страны.
Вздых ласкающий прибрежной
Моря теплого волны.
Мыс лазурного Антиба,
Апельсиновые сады,
Альп далекие изгибы,
Алые гвоздик гряды,
Пальмы желтой Бордигеры,
Виллефранча глаз - маяк...

А в душе одни химеры.
Всё не то. И всё не так.

13 марта 1925
Москва

СЕСТРЕ

Ласточка высоко чертит круги
В голубом небесном серебре.
Сердце полно памятью о друге,
Об ушедшей в горний свет сестре.

Не на этом спит она кладбище,
Но, быть может, дорогая тень

Ласточкою ласковою ищет,
Чем меня утешить в этот день.

Вот она взвилась, всё выше, выше,
И пропала в облачных шатрах.
Стала в сердце боль от жизни тише,
Свеяла унынья прах.

12 июня 1925

* * *

Н.Д.Ш.

Звездной музыкой сияет
Предо мной твое лицо.
Не такой ли к нам слетает
Божий ангел пред концом,
Не такой ли лаской дышит
Лучезарный смерти взор?
.....
Всё нежней, всё тише, тише
За тобой созвездий хор.

13 октября 1925
Сергиев Посад

* * *

М.В.Ш.

Слабому, прекрасному, святому,
В небе ангелу, а на земле – рабу,
Темную преодолев судьбу,
Уходя к простору голубому,
Завещаю помнить обо мне
Только час прощенья и прощания

В изумрудной сени Феофании.
Остальное было всё – во сне.

13 октября 1925
Сергиев Посад

* * *

Сергеюшке

Смущает бес
То гневом, то гордыней,
То жаждою чудес,
То вереницей длинной
Воспоминаний, мрачных и больных.
Куда спастись от них?

.....

Вдруг свежий, как апрель,
Серебряный за дверью голосок,
И нежен, как свирель,
И трепетно высок –
«Михайлович» пришел,
Трехлетний мой сосед,
И тут же речь повел,
Еще не сняв берет,
О том, что за холмом
Он видел водопады,
Что он преодолел
Великие преграды:
Ручей и грязь,
Рогатого козла,
Высокий перелаз...
И Луша с ним была:
Вдвоем через водопад
Они перемахнули,
Не замочивши ног!..

.....

Сидит Сергей на стуле,
Как Олимпийский бог,
И жизни юной нимб
Над бронзою волос
Сияньем золотым
Мне строит к Жизни мост.

И от напева райского свирели
Все искушенья бесов отлетели.

13 октября 1925
Сергиев Посад

* * *

Шуре Залесской

Такова жизнь, таковы ступени ее
восхождения.

Е. Гуро

В горниле тяжких испытаний,
Когда в застенке мы живем,
И день, и ночь в огне страданья,
И уж конца ему не ждем,

Куется золото святое
Во тьме сердечных рудников,
И раздробляется судьбою
Над сердцем каменный покров.

И станет ясно и безбольно
Оно во тьме земной гореть,
Когда великой муки дольней
Сумеет таинство стерпеть.

22 февраля 1926

ЗАКЛИНАНИЕ

Дрова переложены в клетку,
Их строгого лада не тронь.
Подложим сосновую ветку,
Работай, работай, огонь.

И вправо и влево кидайся,
Взлетай, расстилайся, расти,
Гори, моя жизнь, разгорайся
И в пламень меня обрати.

11 марта 1926

* * *

С. Есенину

Задрожала тень узорная
Над водой склоненных ив.
Всколыхнулась гладь озерная,
Свод небесный раздробив.

Подожди одно мгновение —
Нерушим небесный свод:
Это зыблет отражения
Над водою ветров лёт.

1 апреля 1926
Москва

ЛИЛИНА КОМНАТА

I

Длинноногим птицам
В редких кустах
Свобода не снится,
Обуял их страх.

Рыже-бурые дали,
Коричневый лог...
Ах, удел твой печален,
Журавль, и убог.

Никуда из плисовой
Рамки панно
Тебя не выплеснет
Жизни вино.

II

Статуэтка. Мальчик крадет
Виноград.
Ну, конечно, винограду
Всякий рад.

Но торговка не позволит
Красть ее добро:
Поплатился мальчик больно
Встрепанным вихром.

III

Мать с Младенцем Боттичелли,
Четки белые из Рима, –
Все над кружевом постели
Уцелело нерушимо.

Только розовое тело,
Кос ореховых каскад
Спать далеко улетели
В Ленинград.

IV

Стройный образ миссис Сидонс
Зеркало хранит.

Но пред ним в углу твоём
Сергиевец спит.

*2 апреля 1926
Москва*

* * *

Е.С. Готовцевой

Отчего китайские птицы
У тебя живут по стенам?
Что в цветистом их облике снится
Твоим золотистым глазам?

Экзотичное их оперение,
В мелких холмиках радужный край,
Мелкоцветное веток цветение –
Весь китайский игрушечный рай –

Что тебе до него, погруженной
В тот глубокий, трагический мир,
Где улыбка царит Джиоконды,
Где судьбу вопрошает Шекспир?

Впрочем – думать об этом не надо.
И сквозь птичек китайских твоих
Мне видна золотая лампада
В самоцветных камнях дорогих.

*6 июня 1926
Москва*

* * *

С.А. Сидорову

Как лебедя пустынный крик,
Твой голос в ночь мою проник,
И, в тихий мой упав затон,
Услышан был и понят он...

И зазвенели камыши
В ночной тиши моей души,
И в черном зеркале воды
Отзывно дрогнул лик звезды,
Светила дальних тех миров,
Откуда лебедь шлет мне зов.

*5 декабря 1926, ночь
Москва*

* * *

А.В. Коваленскому

Порог священный Магомета,
Года служения Христа,
Весна духовного расцвета
И дольней жизни полнота

В кристалле радостном сегодня
Стоцветной радугой горят,
И солнцем творческой свободы
Твой глетчерный лучится взгляд.

Что он провидит в отдаленьи
Тебе отсчитанных годов?
Земной ли славы сновиденья
Или путей надзвездных зов?

Почтим напутственным приветом
Того, чей путь пролег меж нас,
Ребенка, мага и поэта:
«Попутных ветров! Многи лета!
Созвездий светлых! В добрый час!»

*8 декабря 1927
Москва*

ПАМЯТИ ФЕДОРА СОЛОГУБА

Светило бледно-золотое
Мерцает мертвенно во мгле
Над леса угольной чертою,
И снится мне земля Ойле.

Твоя земля, изгнанник мира,
Печальных Навьих чар поэт,
Чья заколдованная лира
Меня будила с ранних лет,

Сквозь увядание и тленье,
И злых страстей бесовский пир,
Чаруя сладостным виденьем
Земли Ойле, звезды Маир.

*29 декабря 1927
Хотьково–Софрино*

В ОПУСТЕЛОЙ ДЕТСКОЙ

Сергеюшке

Грустно мячик одинокий
Дремлет на полу.
Мальчик, мальчик мой далекий,
Где ты, мой шалун?

Вот вагоны из катушек,
Поезд, паровоз,
Сколько сломанных игрушек!
Ах, не надо слез.

Тут безногая лошадка,
Там бесхвостый кот.
Ключья порванной тетрадки,
Сказок переплет.

Сиротливо книжный шкафчик
Жметя в уголок,
Как и я, родной мой мальчик,
Пуст и одинок.

7 августа 1928
Сергиев Посад

* * *

В черном платке, с ногой забинтованной,
В теплых калошах по саду бреду.
Свет голубой, мне давно обетованный,
Горняя свежесть и ясность в саду.

Недуги рушат приют мой ветшающий,
Рухнет, быть может, на завтра мой дом.
Кружится голубь в лазури сияющей,
На землю падает лист за листом.

28 сентября 1928
Сергиев Посад

* * *

Желтый лист на тонкой ветке —
Золотая колыбель,

В ней ребенок огнецветный,
Чье прозвание – Капель.

Покачается малютка
В колыбели золотой
От рождения минутку
И смешается с землей.

8 ноября 1928
Сергиев Посад

* * *

Валерии З<атеplinской>

Строгий и печальный взгляд
По-советски стриженной мадонны
Затаил привычной скорби яд.
Меч не вынут из груди пронзенной.

Точно страшно вынуть этот меч.
Точно скучно, если боль уйдет.
И решило сердце – боль сберечь
Оттого, что радости не ждет.

А вдали, в нагорной вышине,
Уж в цвету оливы и платаны.
Вести шлют в долины о весне,
Полные надежны несказанной.

10 ноября 1928

* * *

Когда схватит горло клещами
И стиснет клещи палач,
Не рвись у него под руками,
Не моли о пощаде, не плачь.

Затворись в голубую келью,
Куда ему входа нет,
И боль раскаленная тела
Претворится в прохладу и свет.

13 ноября 1928

* * *

Ужасное слово «массы».
Алмазный звук – «человек».
Племена, народы и классы
Алмазный звук рассек,

Когда завершилась тайна
И в косном мире возник
Сорвавший покровы Майи,
Носящий имя Лик.

13 ноября 1928

* * *

Бессонной долгой ночью,
Когда слушаешь так напряженно
Докучные совести мысли
И стоны в глухих подземельях
Своих, заточенных в темницу
Великих возможностей жизни.

Бессонной долгой ночью,
Вздыхая в тоске и томленьи,
Хотело бы сердце покинуть
Навеки привычные стены,
И тех, кем оно любимо,
И всё, что здесь полюбило.

Сума и посох дорожный.
Пустыня. Молчание. Звезды.
Возврат к чистоте первозданной
Очам, в темноте открытым,
Предносится в смутном мечтании.

И рядом неожиданно другое
Теснится в пределе сознания
Прибоем властным и грозным:
Застенки. Замученных жизнью
Глухие призывные вопли,
Во тьме затаенное горе
И слезы тоски безысходной.

Утраты, отчаянье, гибель –
По струнам натянуты туго.
От жизней, сокрытых во мраке,
От ближних, и близких, и дальних,
От всех, кто живет на земле.

.....
О нет, не звездám, не пустыне,
Не снам красоты первозданной –
Придется мне душу отныне
Отдать мировому страданию.

17 ноября 1928

* * *

По привычке протянула руку.
Вот она – знакомая тетрадь...
Но в душе такая лень и скука,
Что не знаю, как, с чего начать.

Скука, лень, еще куда ни шло бы,
Но под ними смутно вижу я
Душные подпольные трущобы,
Где живет тоска небытия.

«Нет» всему, что имя жизни носит.
«Да» – безликой, безымянной тьме.
И скелет безглазый и курносый –
Бес унынья – кроется во мне.

23 ноября 1928

ИЗ ЦИКЛА «МАТЕРИ»

* * *

Кружечка. Сода. Рука терпеливая
Долго искала ее поутру.
Сердце сжималось любовью тоскливою:
«Что как без дочери к ночи умру?»

«Голос недобрый. Больная. Сердитая.
Знаю, что в тягость ей это житье.
Женская доля ее непокрытая.
Господи, призри на немощь ее».

Синий кувшинчик. Купелью последнюю
Был он для слепеньких ветхих очей.
Тут же подсвечника башенка медная,
Бабушкин дар для карсельских свечей.

Тикает маятник-страж над могилою,
Счетчик ночей одиноких и дней.

.....
Жить и при жизни тебя приучила я
Молча, как в царстве теней.

[январь 1929]

* * *

Ой, матушка, солнце садится.
Родимая, ночка идет.
До утра душа истомится,
Как птаха в морской перелет.

Завидят касатки в тумане
Поутру Кошечев дворец
На острове там, на Буяне,
Где встал над тобой голубец.

Ой, дайте, касатки, мне крылья
В Кошечеево царство слетать.
Там в клетки подземной забили
Гвоздями родимую мать.

28 января 1929

Сергиев Посад

* * *

Разломать бы Кошечеву горницу,
Раскатать бы ее по доскам.
Там родимую нашу затворницу
Он связал по ногам и рукам.

Вerei оборвать бы железные,
Разметать бы покров земляной.
Встань, родимая, встань, болезная,
Сядь на солнышке рядом со мной.

Ты ломай–не ломай ее горницу,
Стой над нею хоть тысячу лет –
Не промолвит она, не ворохнется,
Не проглянет на белый свет.

29 января 1929

Сергиев Посад

* * *

Под навесом хмурой хвои
Спит угрюмый лес.
Давит крышкой гробовою
Низкий свод небес.

Разлилась тоска глухая
В мокнущих полях.
Неуютно отдыхает
Здесь твой бедный прах.

Не поможет больше печка,
Треск сосновых дров
И скупой любви словечко
Меж недобрых слов.

12 апреля 1930
Сергиево

* * *

Ты ко мне приходила, родимая,
В неразгаданном сне.
Вся в слезах, твое имя твердила я,
Вся в слезах, улыбалась ты мне.

И к груди твоей тесно прижалась я,
Как в младенчества дни.
Ты шепнула: больное, усталое
Мое дитяtko, с миром усни.

День прошел, но живого свидания
Не отвеялся след.
И острее печаль привыкания,
Что под солнцем тебя уже нет.

25 октября 1931
Москва

ЗВЕЗДНОМУ ДРУГУ

Ненастные упали тени.
Но я тебя люблю
И звездный облик твой забвенью
Не уступлю.

Несвязанной и разной жизнью
Отныне будем жить.
Но с голубой твоей отчизной
Не рву я нить.

И будут суждены нам встречи
В коротких вещих снах,
Слиянья вечного предтечи
В других мирах.

30 июня 1929

* * *

Рыбак Андрей сказал сурово:
«И вам работать час пришел»,
Когда помчался дачник снова
Играть в любимый волей-бол.

Отцы семейств, матроны-дамы,
Подростки, барышни в цвету
С остервенением упрямо
Мяч отбивают на лету.

Рыбак Андрей на поздний ужин
С недобрим поглядом идет.
Бурчит: «Панам, ма-будь, байдуже,
Какая хмара повстает.

Опять припасы дорожают,
Ни хлеба нету им, ни дров,

Они ж играют да играют,
Пока не скосят им голов».

28 июля 1929
Посадки

* * *

Дане Андрееву

В комарином звоне гулком
Даня спит и видит сон:
Принесла торговка булки,
Сливки, масло и лимон.

Сон отраден и прекрасен.
Будет чудный five o'clock.
Пробуждение ужасно –
Пусты стол и кошелек.

Нет торговки, нет и булки,
Пышет зноем печки жар.
И гудит победно-гулко
На носу его комар.

8 августа 1929
Посадки

* * *

Уж провела Кассиопея
Над соснами свою дугу.
Уж третьи петухи пропели,
Костры погасли на лугу.

Уже звезда Альдебарана
Алмазом встала голубым

Из предрассветного тумана,
А мы с тобою всё не спим.

Живую нить беседы нашей,
Забыв о времени, прядем
И встречи нам сужденной чашу
С доверчивым вниманьем пьем.

Так мать святого Августина
На эти звездные края
С тревогою за душу сына
Глядела, как сегодня я.

*17 августа 1929, 3 ч. утра
Посадки*

КИЕВУ

Прощай, красавец безобразный,
В грязи, в отребьях и в пыли,
И в смраде душного Евбаза,
Где наши встречи протекли.

Твое чесночное дыханье,
Твой липкий пот, твой дикий зной,
Речей гортанных колготанье
Толпы, с младенчества родной,

Легко простить мне за волшебный
Монастырей старинных блеск
На сини италийской неба,
За вольных волн Днепровских плеск,

За радужный в пыли базаров
Гвоздик и роз твоих узор,
За ночи звездной лучезарность
И за любовь моих сестер.

*27 августа 1929
Брянск–Москва*

* * *

Е.Г. Л<ундбер>гу

Душа полна рыданий затаенных.
О чем они – сумею ли сказать?
Так в юности бывает у влюбленных,
Так в старости, быть может, плачет мать,

Когда навек утраченного сына
В предсмертный час увидит пред собой,
Так бьется сердце путника в пустыне,
Вдали узревшего оазис голубой.

Со дна морей волна воспоминаний
Нахлынула гребнём жемчужно-серых вод,
И кажется, вот-вот
Плотину зыбких граней
Минувшее прорвет.

*13 октября 1929
Москва*

* * *

Говорит мне тетка Пелагея:
Вам у нас неплохо помирать:
Обрядить как следует сумеем,
Даром будут петь и отпевать.

В чистой горнице под образа положим,
Матушка приедет с Псалтырем,
Будут плакать Маша и Сережа,
Попадья придет со всем домком.

Всё по чину православно справим,
До околицы проводим на плечах,
Напечем потом блинов на славу
И помянем в вежливых речах.

На песках могилу вмиг вскопают.
Дешево могильщики возьмут.
А потом, когда земля оттает,
Может, крест поставит кто-нибудь.

26 декабря 1929
Томилно

* * *

Предел сужденных испытаний
От сердца смертного сокрыт.
Готовься к новому страданию,
Лишь только старое сгорит.

Зато в твоей свободной власти
Отныне царственно приять
Удел страдания как счастья
И посвященья благодать.

30 декабря 1929

ДЕТСКОЕ

Жемчугами и алмазами
Дед-Мороз окно покрыл
И серебряными сказами
Сердце мне заморозил.

За окном село убогое,
Но его не видно мне.
Жизнь алмазною дорогою
Мне сверкнула на окне.

Вот и сани. И бубенчики
Переливы завели –
Это вы, мои младенчики,
В гости к бабушке пришли.

14 января 1930

* * *

Посв. памяти С.П. М<ансуро>ва

Нет на земле прозрачнее эфира,
Чем голубое небо Верей.
Из глубины хрустального потира
Впиваю горнего причастия струи.

И в каждой блестящей утренней росинке
На серебре обтаявших снегов
Сияют мне бессмертия обеты
И смерти зов.

*19 марта 1930
Верея*

* * *

Нат. Дм. Шаховской-Шик

Взамен погибших упований,
Взамен невоплотимых снов
Уже спустило к нам молчанье
Свой исцеляющий покров.

В безмолвном искреннем и дружном
С тобой мне путь свершать легко
И хорошо, что слов не нужно
И что идти недалеко.

*14 мая 1930
Томилино*

* * *

Бродит бездомный котенок,
Куда ни приткнется – бьют,
Бестолковым мяуканьем тонким
Призывает тепло и уют.

Но в обширном кругу мироздания
(Не постигнуть мне – отчего)
Ни убежища, ни питания
Не хватило на долю его.

*17 мая 1930
Томилино*

* * *

Л.В. П<олян>ской

О, друг мой, у меня ослепшие глаза
И пеленой завешен чуткий слух,
И нем язык, и нечем рассказать,
Как оскудел мой дух.

И если у души в ослепнувших глазах
Блеснет тебе нежданной искрой свет,
Знай, это жгучая трепещет в них слеза
О том, что света нет.

*10 июня 1930
Погост*

* * *

Сухостоя, бурелома
Мало ль в свежести лесной?
Но и смертная истома
Дышит жизни глубиной.

Буреломы, сухостои
Пеплом падших сил своих
Божьей мудростью святою
Станут пищей трав живых.

О, ничто, никто не сгинет,
И сухое былие,
Проведя сквозь пламень, примет
Бог во царствие свое.

17 июня 1930

Погост

* * *

Что мне шепчет шум протяжный
Вещих сосен, как узнать?
Аромат березы влажной
Как словами рассказать?

Не войти дневным сознанием
В этот вещий древний шум.
Песен леса и сказаний
Не вместит наш тесный ум.

Но во мне поет единый
Здесьней твари общий звук,
Сливший с грустью соловьиной
Хлопотливый дятла стук,

Стрекозиных крыл дрожанье,
Иволги счастливый зов,
Трав засохших колыханье,
Робкий рост живых ростков.

17 июня 1930

Погост

* * *

Не схожу ли я с ума?
Дальше некуда идти...
О, зеленая тюрьма,
О, замкнутые пути...

Тот же странный лесовик
К тем же пням привел меня
И корягою приник
У березового пня.

И русалки хохот злой.
За туманами реки
Над болотистой землей
Зеленеют огоньки

И порхают, и блестят,
Душу в топь свою маня.
Вспыхнул искрой чей-то взгляд.
Чур меня!

17 июня 1930
Погост

* * *

Тучи синими горами
Стали по краям.
Ветер сизыми волнами
Ходит по хлебам.

Ходит-бродит, свищет-ищет
Счастья своего.
Потеряв свое жилище,
Не найдет его.

1930
Погост

РАЗЛЮБЛЕННОМУ ДРУГУ

Не гляди на меня так печально,
Разлюбивший, разлюбленный друг.
Исцеляет костер погребальный
Неисцельный измены недуг.

Что-то бросили, что-то разбили,
Что-то не было силы поднять.
Но довольно бесплодных усилий.
Улетевшего сна не поймать.

11 августа 1930
Томилино

* * *

Е.Н.Б.

Ирис мой лиловоглазый,
Цвет Мемфисских берегов
Окроплен росой алмазной
Над кинжалами листов,

Вглубь моей подземной крипты
Ты приносишь мне отсвет
Древней мудрости Египта
И грядущих зорь привет.

28 августа 1930
Томилино

ПАМЯТИ С.С. ЦЯВЛОВСКОЙ

Упал на сердце молот. И разбилось,
Хрустальное, под молотом судьбы.
Но тела жизнь неумолимо длилась,
Как будто рок скосить ее забыл.

Всё в мире стало тяжким сновиденьем,
И лишь осколки острые в груди
Не уставали каждое мгновенье
Живую боль утраты беречь.

В преодоленье пытки молчаливо
Безлико дни и годы протекли
И тенью ужаса и боли терпеливой
В глуби зрачков недвижимо легли.

Но пробил час пощады и свободы,
Открылась узнику измученному дверь.
За ней не будет больше мук бесплодных,
Ни снов обманных, ни потерь.

*30 августа 1930
Москва. Почтамт*

СЕРГЕЮШКЕ **(письмо)**

Помнишь глинистую гору,
К Ганину крутой подъем,
На лесистые просторы
Вид с пригорка за углом?

Дуб в осеннем одеянье,
Медь и золото листвы.
Уток шумное плесканье
Меж стеблей речной травы,

Там, где Корбух вод убогих
Тину черную несет.
За железною дорогой
С огурцами огород.

Помнишь старицу слепую,
В дверь ее твой громкий стук,

И конфету зачастую
Из ее дрожащих рук.

Вспомни Лавру, вспомни фрески,
Сергиево житие.
И росы алмазной блески,
Что служили нам питьем.

На Козихе утром летним
В час прогулочных забав
Вспомни солнце, вспомни ветер,
Вспомни старую Баб-Вафф.

14 сентября 1930
Сергиев Посад

* * *

Стой в своем стойле,
Жуй свое сено,
Плачь, если больно,
Жди перемены:

Крякнет на бойне
Олух дубовый,
Выйдешь из стойла,
Сбросив оковы.

15 октября 1930
Москва

* * *

Рябит, рябит, и, как стекло, дробится
В поганой луже здесь и там,
И вдруг алмазным диском отразится
И побежит, сверкая, по струям.

И как тогда не видно черной грязи,
Ни мелкости убогой мутных вод,
А только золото, и жемчуг, и алмазы,
И голубой небесный свод.

20 октября 1930
Москва

* * *

Прилетели новые птицы
И запели новые песни.
Старой птице в их ряд тесниться,
Песни их распевать неуместно.

Но в глубинах темного леса,
Если больно и плохо спится,
Допевает в глуши безвестной
Свои песни старая птица.

8 ноября 1930
Москва

* * *

Ноябрьское небо хмурится.
Нескончаемый серый поток
Намокших людей на улице
Течет, куда гонит рок.

Звонки дребезжат трамвайные,
Как безумный, автобус ревет,
В лихорадке отчаянья
Ускоряя времени ход.

Оголтело за пищей мечется
По рынкам голодный люд.

Неувязка, распад, нелепица...
И это жизнью зовут.

10 ноября 1930
Москва

* * *

Филодендрон спутанные листья
Точно в смертной муке разметал
По окну. Завешан мутью мгlistой
Тусклый наш квартал.

Осень. Город. Роковые звенья
Перепутанных людских судеб.
Вой желаний. Тяжкие лишения.
Бой за кров и хлеб.

Поздний вечер. Было бы уютно
В мягком кресле под большим цветком.
Но нельзя забыть и на минутку
Всё, что за окном.

13 ноября 1930
Москва

* * *

Жалобно струны звенят
В прошлое канувших дней.
Смотрит в окно мое сад,
Полон оживших теней.

Так же на синих снегах
Утра забрезжил восход
В час, когда смерть на часах
Стала у наших ворот.

Слезы, и думы, и сны
Те же, что были тогда.
Смертной тревоги полны,
Словно в преддверьи суда.

29 ноября 1930

Сергиев Посад

ИЗ РУКОПИСНЫХ КНИГ

(1915–1931)

ИЗ КНИГИ «БРАТЕЦ ИВАНУШКА»

* * *

Унеси меня на волке сером,
Унеси меня, Иванушка, домой,
В наше царство, за леса и горы,
Далеко от жизни – ведьмы злой.

Во дворце твоём, в моей светлице,
Как на небе, солнце и луна.
Не смолкают песни райской птицы,
Днем и ночью музыка слышна.

1915

Москва

* * *

В полночь глухую меня ты покинул,
Братец Иванушка, в чаще лесной.
Братец Иванушка, в царстве змеином
Змей-семиглав обручился со мной.

Страшно мне жить под владычеством змея.
Давит кольцо его ласк мою грудь.
Злое дыхание пламенем веет.
Красные жала лицо мое жгут.

Неба не видно в подземной пещере.
Камни, песок без воды...
Воют вокруг невидимые звери,
Ветер заваял дороги следы.

Братец Иванушка, братец мой милый,
Поздно следов и дороги искать.
Сердце уснуло и всё позабыло,
Любо ему под землей остывать.

[1920]

* * *

Далеко, далеко, за алмазной горой
В терему у зари, под вечерней звездой
Спит Иванушка, чарами злыми пленен,
И в хрустальном гробу видит горестный сон,
Что в Кашеевом царстве одна я бреду
И дороги-пути из него не найду,
Что во тьме меня злой чародей сторожит,
И коса его злобно о камень шуршит,
И слетают о полночь ко мне упыри
И сосут мое сердце, и кровью зари
Обагрятся в небе хрустальный чертог,
Где Иванушка в горестном сне изнемог.

[1921]

* * *

Братец Иванушка, сегодня приснился
Мне страшный кто-то с волчьей головой.
Крепко зубами мне в сердце он впился
И пропал в гущине лесной.

Как тень, по орешнику я бродила
И зачем-то орехи брала,
А в груди у меня уж не сердце было,
Раскаленный горн добела.

Вышла на поляну, вижу две осины –
На каждом листке огонь и кровь...

Смеется старый лесовик под ними:
«Вот она, ваша человечья любовь».

[1921]

* * *

М.В.Ш.

– Здравствуй, Иванушка, братец родимый,
Что же ты мимо сестрицы идешь?
Отчего на бровях твоих иней,
На ресницах белые слезы?
Разве и ты в плену у Мороза
В серебряном царстве живешь?

– Что говоришь ты, Аленушка,
В толк не умею я взять.
Правда, зима студеная,
Да я начал дрова припасать.

– Не позволит Морозко, Иванушка,
Топить в ледяном лесу...

– Проживешь без огня, Аленушка,
Я шубку тебе принесу.

– Не носи мне шубу, Иванушка,
Сомнется убор парчевой...

– Ну, прощай, я застыл, Аленушка,
Говоривши с тобой.
И пора мне, сестрица милая,
На деревню к жене молодой.

*24 ноября 1921
Сергиев Посад*

* * *

Ожерелье из слез моих жемчужинок
Понапрасну, Иванушка, тебе я дала.
Ты все растерял их, как шел за валежником,
Целый день я искала их – не нашла.

Не знаю, дождусь ли зари вечерней.
Устала я слезы мои искать.
Желтой купаве, полыни серебряной
Скажи, чтоб вышли меня встречать.

Чует сердце – у них ожерелье,
Надену его и усну под сосной.
Не буди меня, тише иди, Иванушка,
Как будешь валежник нести домой.

21 марта 1922

* * *

Как вспомнишь, что я медведя боялась
И в лес не хотела идти одна, –
А теперь, как жить в лесу осталась,
Не страшен мне и сам Сатана.

Как ухают здесь, как лотошátся
Ó полночь нежити в нашем бору.
Ты и часу не мог бы тут, братец, остаться,
Где на житье оставил сестру.

А мои все страхи в один снизались
С тех пор, как меня ты сюда привел,
Что мы оба с тобою без Бога остались,
Что не этой дорогою Бог нас вел.

Мы спали вместе в моей колыбели,
А неравны доли – моя и твоя.
Чу, петухи на деревне запели.
Уснула нечисть. Усну и я.

21 марта 1922

ИЗ КНИГИ «ВО ДНИ ВОЙНЫ»

* * *

Будет ли рождать еще земля,
Напоятся ли смолой душистой хвои,
Ярой озимью оденутся ль поля,
Иль отныне будет всё иное?

Где шумел дремучий древний бор,
Где курились травы луговые,
Встретит одичалый взор
Только прах и кости гробовые.

Ангел смерти огненным мечом,
Как солому, тварь пожжет живую
И разрушит каменным дождем
Вавилона башню вековую.

Да святится всё, что ни придет,
Да исполнится святая чаша гнева.
И тогда на камне зацветет
Искупленной жизни древо.

*1919
Киев*

* * *

Морозные дали сияют.
В степях необъятная тишь.
Кто любит тебя, угадает,
О чем ты, Россия, молчишь.

В серебряно-алом тумане,
Вонзаясь в безумный простор,
О славе и смерти курганы
Поют с незапамятных пор.

Я верю, ты станешь высокой,
И крепкой, как синяя твердь,
И ясной, как солнце Востока,
Пройдя через славную смерть.

1919

Новочеркасск

БАТАЙСКИЕ ДНИ

1

Под хмурым низким небом
На обтаявшем желтом снегу
Алеет пятнами кровь
Вновь и вновь
Убиенного Каином Авеля.
Не спешите, хозяйки, за хлебом.
Мы все перед этою кровью в долгу,
Мы все убиваем Авеля.

2

Упадем в слезах покаяния,
Упадем на церковные плиты.
Горé подыдем сердца.
Духа Святого дыхание,
Господи, нам ниспошли Ты,
Не покинь во тьме до конца.

3

Ударило в стену соборную,
Раскатилось по куполу грохотом,

Заглушило молитвы глас.
Преклоним главу покорную
Воле Господней без ропота
В смертный час.

4

В газетах уже писали:
«Восстановилась нормальная жизнь».
Трамвай побежал,
Хвосты у пустых магазинов стали,
Колокольные звоны кой-где раздались,
Кто-то хлеб раздобыл – сто рублей каравай.

5

Боязливые бледные люди,
Сторонясь виновато
Перед каждым солдатом,
Понесли на бечевке
Лещей, судаков.
Пронесла что-то баба
В железной посуде,
Пробежали с награбленной ношей
Ребята,
Кто-то разлил
На скользком углу молоко.

6

Змеей свилась телеграфная проволока
У корней телеграфных столбов.
Наглухо почта забита.
Не придет ни вести, ни отклика
От милых, кто ждет наших слов
Сердцем, тоскою повитым.

7

Черными пастями окна
Глядят из домов обугленных.
Под ногами хрустит стекло.
«До пекарни Ермоловой далеко ли? –
Лотошит старуха испуганная. –
Дойду ли, пока светло?»

8

– Дойдешь и вернешься, старая,
Что докучаешь с расспросами?
Здесь косится жизнь в цвету
Под братними под ударами,
Как трава в сенокосе под косами,
На Батайском мосту.

9

«Инжир, кишмиш, товарищи,
Инжир, кишмиш, орех!» –
Вопит армянин седовласый.
«Вчера все до нитки обшарили!»
«До смерти детей напугали всех!» –
Шепчут кумы друг другу с опаскою.

10

– Чего искали? – Оружия.
– А взяли? – Шубку, белье,
Приданое Тани. Грехи!
– Ну что же? – бывает похуже –
А Тане сказали: пусть забудет о муже –
Такое уж девичье горе ее –
Перебиты все женихи.

11

Вот тут алчба разгоралась,
Жадностью волчьей святились очи,
Кидались руки на падаль добра,
Что неправдою старой скоплялось,
Под кровом расхищено ночи
Неправдою новой.

12

Чистоту души моего народа,
Его младенчески ясный взор,
Господи, возврати.
Темную зверя природу,
Низких падений позор
Прости, отпусти.

13

Входит. Лицо молодое,
Васильки полевые – пригожие глаза.
А взгляд воровской, по углам.
«Ох, замышляешь ты нехоршее,
Внучек, опомнись, нельзя!»
Бросился к шкафным дверям.
То-то стыдобушка!
Стало тошнехонько...
«Всё, – говорю я, – бери, уходи,
Верила в честь я солдатскую...»
Тут он потупился, вышел.
«Дверь, – говорит, – запирай и гляди,
Если стучит к тебе шапка казацкая,
Не отпирай!»
Облилась я слезой.
Вот до чего по грехам дожила я.
Русский казак для меня – басурман.
Только смотрю я, солдатик-то мой
С хлебом вернулся, краюха большая,

«Бабушка, хлеб командиром нам дан,
Кушай во здравье, родная...»

14

В череду умерла старушка.
Простояла всю ночь в череду,
Не дождалась хлеба и села.
На рассвете грянула пушка.
Разбежались все, а она – на льду,
Как живая до полдня сидела.

15

Кто это, мама, страшный,
Ухает ночью на нас,
Воет, шипит и ревет?
– Спи, это дедушка кашляет,
Вьюга в трубу забралась,
Это Кощей под горою грызет
Детям орешки каленые
В ночи бессонные.

16

Страшные сны нынче снятся
Старым и малым. «Венчание.
Церковь в свечах и цветах...»
А как только начнут венчаться,
Зачинается чин отпевания:
Женихи и невесты в гробах.

17.

Говорят, воронье налетело
Несметной тучей на наши поля,
Не разлетается...
Говорят, как мак покраснелась,

Не принимает крови земля
Там, где с братом брат сражается.

18

В кавалерии красной Данила.
В кавалерии белой Иван.
Брат на брата с полками идет.
Бились шашками, лица друг другу рубили...
Обнялись и свалились ничком на курган...
Кто тут Каин, кто Авель –
Господь разберет...
Схоронили их рядом в могиле одной,
Усмирила ты, Смерть, их своей тишиной.

1919

Ростов

ИЗ КНИГИ «ОРИОН»

* * *

Я сестра, сестра твоя, любимый,
Если ты забыть иное мог.
Но у Бога много значит имя,
Цел над жизнью брачный наш чертог.

Путь к нему отныне заповедный,
Там на страже ангел Азраил
Высоко подъял свой меч победный
И врата живому заградил.

Но я знаю тайную дорогу,
Но я помню к вечному мосты
И несую туда по воле Бога
На земле ненужные цветы.

[1918]
Киев

* * *

Я за тебя на страже полуночной,
Мой нежный друг, мой рыцарь, постою.
И если враг ударит в час урочный,
Мне сладко жизнь за жизнь отдать твою.

А ты усни, и пусть тебе приснится
В коротком сне меж грозных двух боев
Не острый свет, что в грудь мою струится,
С морозных звезд могучей смерти зов,

Но летний день, врата земного рая,
Уют и мир любимого гнезда.
И пусть не я, пусть женщина другая
В коротком сне с тобой войдет туда.

[1918]
Киев

* * *

И всё под теми же звездами,
И в ту же ночь, и в том же сне
Идешь неверными шагами
Ты к ней, как шел сейчас ко мне.

И те же будут там признанья
Любви, пролившейся за край,
Улыбки, вздохи, и лобзанья,
Земных объятий бедный рай.

Но мне остались эти руки,
И эти очи, и уста
В тенях могильных крестной муки
Невоскрешенного Христа.

1918
Киев

* * *

Мы пришли, но тяжкие засовы
Охраняют крепко церковь нашу.
О, когда же храм нам будет кровом
И к причастной подойдем мы чаше?

Черный ворон, сидя на решетке,
Смотрит вещим и печальным взором.

Перед нами путь лежит короткий,
Позовут на суд нас скоро, скоро.

Воет ветер, свищет по оврагам,
По бескрайним выжженным степям.
Плачет сердце, трепетно и наго,
И молчит, молчит закрытый храм.

[1920]

* * *

Душа признала власть Твою,
Отсвет былой великой власти,
Но животворную струю
Вкушает с горьким безучастьем

Затем, что некого поить
Ей освященным даром этим.
Наш Третий умер или спит,
Он не жилец на белом свете.

Так холодна и так бледна
Ночь за окошком неживая.
И, как над кладбищем, луна
Ворожит, мертвых вызывая.

[1920]

* * *

От очей твоих и от речей
Тишина мне слышится такая,
Как молчанье звездное ночей
Над четою, изгнанной из Рая.

Ева так глядела в небеса,
Приподнявшись в зарослях из терна,

Как сегодня я в твои глаза –
Безнадежно, горько и упорно.

[1920]

* * *

Открой смеженные ресницы,
Побудь на миг со мной.
Тебе так сладко, крепко спится
В полдневный зной.

Вокруг цветут и зреют злаки,
И даль небес светла.
Но я пришла с тобой поплакать
О том, что жизнь ушла,

Что облака, и тень, и птицы,
И тот, и этот свет –
Тебе и мне всё только снится,
А жизни нет.

11 ноября 1921
Сергиев Посад

* * *

О, давно за тебя не творю я молитвы.
Немо сердце, молчат и уста.
Но за воинов, павших в проигранной битве,
Я молюсь иногда.

С напряженным участием в сердцах их читаю
Горечь поздно опознанной тщетности битв
И горячие псалмы над ними слагаю
Покаянных молитв.

15 марта 1923
Сергиев Посад

* * *

Такою ночь, такие звезды
Не видел мир уже давно.
Созвездий радужные гроздья
Струили новое вино.

И души зреющие наши
Навстречу радужным лучам
Согласно поднялись, как чаши,
И мы вошли в надзвездный храм.

Но в литургийные те миги
Душа сумела ль угадать
Небес таинственные сдвиги
И посвящение принять,

Иль прозвучал в путях вселенной
Небес таинственный призыв
Невоплотимо и забвенно,
Земли и звезд не утолив.

[1920-е]

ИЗ КНИГИ «ОСТРОВ ИЗГНАНИЯ»

* * *

Как в сердце иногда, бесплодном и сухом,
Видение царит возлюбленного лика,
Так вознеслась над мертвенным песком
Здесь, на холме, душистая гвоздика.

И тем прелестней белые цветы,
Тем упоительней их сон благоуханный,
Что места нет для красоты
В пустыне этой безымянной.

1917
Злодиевка

* * *

Тропинка дальняя, прикрытая
Полузасохшею листвою,
В долинах прошлого забытая,
Нежданно встала предо мной.

Туда вело ее сияние
Во мгле осеннего утра,
Где в серебристом одеянии
Взнеслась зубчатая гора.

Там, легким куполом венчанная,
Белела церковь над горой,
К ней поднималась я, избранная
Твоей невестой и сестрой.

Но нить судьбы неумолимая
Меня далеко отвела.
И мимо церкви, жизни мимо я
В Невозвратимое ушла.

[1920]

* * *

Я живу в жестоких буднях,
В черных снах, в позорных днях.
У меня в колодках руки,
Ноги в тяжких кандалах.

Надо мною вьется ворон,
Ворон с кличкой «Никогда».
Предо мной колодец черный.
Спит в нем мертвая вода.

С отвращеньем, с тошнотою
Жажду смертную мою
Этой мертвою водою
Утоляю я. И сплю.

[1921]

* * *

Туманы утренние тают,
В полях святая тишина.
Капуста сизо-голубая
Мечтанья сонного полна.

За васильковою межою,
Где белокурые овсы
Под сребротканой пеленою
Еще не высохшей росы,

Как орифламмы золотые
Зенита летнего, везде
Взнеслись рябины полевые
На опустевшей борозде.

Склонись душой своей усталой,
Непримиренной и больной,
Как стебель сломанный, завялый,
К груди забытой, но родной.

[1921]

* * *

Не шумите, ветры, так приветно.
Я не здешний. Я от века странник.
И со мной шептаться вам запретно.
Из эдемов мира я изгнанник.

Для меня нет отдыха и крова,
Ни струи прохладного ручья
Ни в пределах жребия земного,
Ни в иных пространствах бытия.

[1921]

РАССВЕТ

Выплывают из пещеры Ночи
Смутные предметы, лики дня.
Недоверчиво знакомые их очи
И нерадостно косятся на меня.

Полупризрак, полутень былого,
Я для них смущающий укор
И намек, что тайн пути ночного
Не уловит утренний их взор.

Белизной синеющею двери
Больно ранят сумрачный покой.
Свет растет, но взор ему не верит,
Взор души с полночной слился тьмой.

Стук ножа в подпольной кухне гулок.
Где-то льется переплеск ведра.
Воз грохочет в дальнем переулке,
День базарный – повезли дрова.

Рынок жизни. Купля и продажа.
Бой стяжаний. Жажда обмануть.
Тихо шепчет сердце: «О, когда же
На земле окончится мой путь».

18 октября 1921
Сергиев Посад

НА ТЮРЕМНОЙ ПРОГУЛКЕ

Опять мне идти по той же дорожке.
Помоги мне, Господи, помоги...
Пробей в тюремной стене окошко
Иль нетерпенье мое сожги.

Стеной у стены всё те же березы,
За стеною, Господи, всё тот же плач,
Наутро всё той же казни угрозы,
Сторож немой и глухой палач.

И желчь, и уксус трапезы тюремной,
Перезвон оков, часовых шаги,
Досуг мертвящий, труд подъяремный,
Помоги мне, Господи, помоги!

10 ноября 1921
Сергиев Посад

* * *

На этот синий купол в инее
И на морозный этот крест
Туманы зимнего уныния
Ползут с изгнаннических мест.

Туманы дольные и слезные
Со всех сторон плывут, плывут.
И осенения березные
Для них шатер тоски плетут.

И льнут, и льнут воспоминания
К багряно-тусклым кирпичам
Всей подневольностью изгнания,
Всей болью по родным краям.

2 декабря 1921

Сергиев Посад

* * *

Ущербный месяц выплывает
Над белым саваном полей
И тусклый медный свет роняет
На половицы у дверей.

Такой же, гаснувший и хмурый,
К остывшей печке прислоня
Свой лик, ущербный и понурый,
Порой ты смотришь на меня.

И жизнь моя тогда – гробница,
Где на истертых письменах
Неясно мертвый свет струится
Воспоминания и сна.

21 декабря 1921

Сергиев Посад

* * *

Не мне роптать.

[Баратынский]

Ах, я не смею тосковать –
Не мне роптать. Не мне роптать.
Так милосерд Господь ко мне
И в горних духа, и вовне.

Так много света мне дано
В мое убогое окно;
Таких видений чудеса
Мне посылают небеса;

Такой великой красотой
Земная жизнь передо мной
Цвела и вновь цветет,
Горит, сияет и поет...

.....
Но в небе есть одна звезда,
Чье имя – Нет. А было – Да.

17 мая 1923
Сергиев Посад

* * *

Игрой моей любимой в детстве было
По черному пожарищу блуждать.
В те дни вокруг нас пожаром истребило
Домов десятков пять.

И меж обугленных остатков пробираясь
Когда-то крепкого жилья
И запустенья видом наслаждаясь,
Чего-то всё искала я.

Казалось, здесь (не дома, за стенами,
Под кровлею давящей потолка)
Найдется то, что грезами и снами
Обещано душе издалека.

И находился пахнувший навозом
С подкладкой розовой докучный шампиньон,
Хрустальных бус рассыпанные слезы,
Железный шип и медный шнур погон,

Огромный ржавый гвоздь, стеклянные осколки
И глиняной посуды черепки...
Весь этот хлам я сохраняла долго,
Залог чудес и след моей тоски.

Тоски искателя сокровищ небывалых
На обгорелых жизни пустырях...

.....
И после их всю жизнь я собирала,
И ныне чту обугленный их прах.

28 декабря 1923
Сергиев Посад

* * *

Влачу, как змий влачит на чреве,
Я в мире низменную плоть.
Запретный плод на райском древе
Высоко поместил Господь.

Уж не взираю с вождельнем
На недоступную красу
И нищее мое смирение
С глухим терпением несу.

И, только в снах, раскинув крылья,
Своей свободой горда,

С низин, постылых и унылых,
Я улетаю иногда.

19 августа 1927

* * *

День солнечный, а на душе туманно.
Остановилось жизни колесо.
Читать, писать, обедать стало странно
И опостыло всё.

Не развернулась ли уж до конца пружина,
Не развинтились ли истертые винты?
И в первый раз как бы дыханьем сплина
Пахнуло на душу из темной пустоты.

17 сентября 1929
Сергиево

* * *

Глупо, глупо, неумело
Жизнь моя прошла.
Как солома прогорела,
Всё кругом сожгла.

У пустой и черной печки
Весело сидеть,
Над огарком чадной свечки
В полночь песни петь.

Хоть невесело, а нужно –
Долго до утра
Воет боль ноги недужной,
Подвывает страх.

В дни боев и бездорожья
Я ведь не был трус,
Отчего же и кого же
Я сейчас боюсь?

18 сентября 1929
Сергиев

* * *

Засыпан снежною пургою,
До ночи, верно, я усну.
Проснусь и встречу всё другое,
А не метельную волну.

Ко мне доходят еле-еле
Сквозь крышу голубых снегов
Напевы злобные метели
И дальний колокола зов.

И боль, и холод замерзанья
Уж стали как неясный сон,
Как отблеставшее мерцанье
На грани тающих времен.

19 января 1930
Томилино

* * *

Затмились дали,
Разбились ритмы,
Без слез – печали,
Без слов – молитвы.

Поземок белый
В степи курится.

Оледенела
Моя теплица.

В морозных стеклах
Не видно неба.
Растений блеклых
Поникли стебли.

Давно не плещут
Фонтанов струи,
И странно, странно,
Что всё живу я.

31 января 1931
Москва

ИЗ КНИГИ «УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА»

* * *

Так некогда явился Искуситель
Монахиням в стенах монастыря,
Как ты вошел в души моей обитель,
Где уж иных миров забрезжила заря.

Твое лицо так грозно мне знакомо,
Оно подобно Утренней Звезде
Дерзаньем, красотой и смертною истомой.
Я видела его, но не припомню, где.

Ах, это было в день изгнания из Рая –
Так светоносная Денница расцвела,
Когда на пустыре, бездомная, нагая,
К ночному небу взор я подняла.

*Май 1920
Ростов*

* * *

Сквозь малую души моей орбиту
Несется вихрь космических пучин.
Моих небес нарушен строгий чин,
Вершины гор повержены и смыты.

Сорвавший цепь с глубинных ураганов,
Воззвавший их на волю из тюрьмы,
Могучий ангел хаоса и тьмы
Влечет ее на пир своей стихии пьяной.

Но властный лёт его ужасных крыл
Заклятьем грозным имени иного
Приостановит Творческое Слово,
Архистратиг небесный Михаил.

[Июнь] 1920
Ростов

* * *

К чему слова? Душа проходит
Через такую глубину,
Где ликов жизни не находит,
Где смерть влечет ее ко дну.

И так звучат смешно и скучно
Все «для чего» и «почему».
Что нужно здесь и что ненужно –
Ответим Богу одному.

4 июня 1920
Ростов

* * *

Имя дьявольское – Ложь.
Дьявол – ткач всемирной лжи.
Тканей лжи не разорвешь,
Только узел завяжи.

В первый малый узелок
Дьявол черное зерно
Завивает, и росток
В тот же миг дает оно.

Через миг оно цветет,
Миг еще – созревший плод,

Сеет, веет семена...
Жатва Дьявола пышна.

13 июня 1920
Ростов

* * *

Багряно-алые, страстные,
Цветы чертополоха злые.
На листьях острые зубцы
Сулят терновые венцы,

И весь могуче-злобный вид
Предел страдания сулит.

.....
И я не знаю, отчего
Ищу в них знака твоего.

13 июня 1920
Ростов

* * *

Был день, когда вошел могучий
Ко мне сам повелитель зла.
Синели крылья грозной тучей,
И в тучах молния цвела.

И на челе его блистала
Кристаллом пламени и льда,
Как смерти трепетное жало,
Денницы алая звезда.

И жаждой битвы и объятъя,
И смертоносного вина,
И вечной гибели проклятья
С тех пор ему я предана.

Но странно: крылья грозовые,
Как сон, исчезли. Нет звезды.
И вижу скорбные, больные
Давно любимые черты.

19 июня 1920
Ростов

ИЗ КНИГИ «РАСПУТЬЕ»

* * *

Дикий лес, загадочные страны
Роковых провалов бытия.
Что ни шаг – чудовища – Обманы
И шипов терновых остря.

Не пройдет никто здесь невредимо,
Но иного в мире нет пути
Тем, кому судьба велела мимо,
Мимо жизни и любви пройти.

Меркнет свет. Рассудок цепенеет,
Стонет эхо прошлых голосов.
Впереди забвенья ветер веет,
Задувая чей-то дальний зов.

Кто зовет, куда зовет, не знаю,
Этот голос называя «Ты».
Память сердца гаснет, изменяет
Дорогие светлые черты.

И душа понять уже не смеет,
Это Ты иль это призрак Твой,
Или смерть тропинку озаряет
Ей в ответ на стон ее глухой.

[1917–1918]

Киев

* * *

Мне так легко переселяться
В иную плоть, в чужие сны,
Но мне наскучило скитаться
В пределах здешней стороны.

То видеть молодости оком,
То детства ясный мир вкушать.
Пора, пора в краю далеком
Единый лик свой отыскать.

1920

Ростов

* * *

Многоочиты Херувимы,
Шестикрылаты Серафимы...
И не такой ли нашу плоть
Замыслил в день шестой Господь?

Но тварной воли отпадение
Провидя, грех, измену, смерть,
Бог заключил свое творенье
В нечистый ил, в земную персть.

И змий сказал жене: я в страсти
Миры с тобою обтеку
И свыше – ангельскою властью
Уста и очи облеку.

Отверзну все врата познания,
И все «хочу», и все «могу».
И в беспредельном ликованьи
Тобой в твореньи дух сожгу.

Июль 1920

Ростов

* * *

Голубая тень на сером камне.
Золотой акации шатер.
И такой забытый, милый, дальний,
Синий-синий неба взор.

Всей душой мятежной и усталой
Я откликнусь на его привет.
Лейся, лейся лаской запоздалой,
Мой Единый Свет.

17 сентября 1920
Ростов

* * *

Тот во мне, кто как дитя смеется,
Для кого всегда цветет весна,
В ком, как голубь, сердце кротко бьется,
Для кого любовь, как рай, ясна,

Тяжко болен. И над ним угрюмый,
Черный, скорбный, бодрствует близнец.
У него одна на сердце дума
И одно видение: конец.

Перед ним забытые гробницы
И на них истлевшие цветы.
Навсегда разлюбленные лица,
Навсегда бескрылые мечты.

Тленный праздник жизни ненавида,
Тускло он глядит в небытие,
Повторяя в долгой панихиде:
Не приедет Царствие Твое.

1920
Москва

* * *

С нищей братией убогой
На церковных ступенях
Я стою. Тускла дорога
В старых слепнувших глазах.

Черной вьюгой выются птицы,
Чует праздник воронье.
По степям метель курится,
Мутно брезжится жильё.

Постучусь в окно клюкою,
Кто-то пустит ночевать.
Завтра с утренней звездой
По степям уйду опять.

Я безродна, я свободна.
Сердцу не о ком тужить.
Только ветер зол холодный.
Только силы нету жить.

[1920]

* * *

Разве выйти на дорогу,
Разве лечь в глубокий снег.
И затихнет понемногу
Боль и зной желаний всех.

По глазам обледенелым
Заструится звездный свет.
Станет сердце бело-бело,
Как весной вишневый цвет.

[1920]

* * *

О странных двоящихся судьбах,
О блудных и кружных путях
Я думала долго и трудно,
Когда к Преподобному шла.

Спрошу ли не знавшего брака
О путаном браке моем?
Пречистых мощей его раки
Коснусь ли нечистым челом?

Открою ль безгрешному взору
Страстей моих горечь и муть?
Вернет ли он, в помощи скорый,
Мой прежний, затерянный путь?

Услышу ли в светлой печали:
«Не бойся креста своего».
Увижу ль те дивные дали,
Что видели очи его?

[1920]

* * *

Того, что я в тебе искала,
Нет на земле.
И то, чем жизнь души дышала,
Нет на земле.
И то, что я в тебе любила,
Не те, не ты,
Но, как святыню, сердце чтило
Твои черты.

*26 октября 1921
Сергиев Посад*

* * *

Так день за днем и час за часом,
Упорно, корень за корнём
Дух разрывает, несогласный
С своим бытийственным путем.

Уж нитью тоньше паутины
Он к древу жизни прикреплен.
И мнится – миг еще единый,
И эту нить расторгнет он.

16 ноября 1921
Сергиев Посад

* * *

Напоенные медом заката
Колоски поспевающей ржи
Чуть колеблют душистое злато
От межи до межи.

Тонкой чернью стрижи исчертили
Незабудочно-бледную высь.
Облаков белоперистых крылья
Перламутром зажглись.

И опять я прощаюсь в печали
С обманувшим, обманутым днем,
И поют мне вечерние дали
Покаянный псалом.

17–22 июля 1922
Сергиев Посад

* * *

Надо, надо вспомнить мне иное.
Что – не знаю и не знаю – как.
Я дитя недужное, слепое
У сердитой няни на руках.

Глупой песней память отбивает,
Заливает нédуг молоком
Злая няня, треплет и бросает
В колыбель меня ничком.

Отожми мне сок зеленых маков,
Злая няня, дай мне соску в рот.
Я навеки перестану плакать
И тебя избавлю от хлопот.

25 ноября 1922

Сергиев Посад

* * *

Не поверю. Не скажу,
Оттого уже не верю.
Молча узел развяжу,
Молча вынесу потерю.

Одинока и вольна,
Погляжу звездам я в очи.
Хорошо, что нету дна
Золотой небесной ночи.

26 ноября 1922

Сергиев Посад

* * *

Я не взойду на гору Гаризин,
Не возложу на жертвенник тельца.
Ты дух и свет, а я Твой смертный сын,
Но слышу я в себе дыхание Отца.

И все, кто жив, живут Тобой Одним.
И Духу нет пределов и конца.
К Тебе ль идти на гору Гаризин?
Тебе ли сожигать тельца?

2 марта 1923
Сергиев Посад

* * *

И вдруг покинуть стало жалко
Мне эти грустные места.
Острожской церкви купол. Галку
На перекладине креста.

Ряды шафранные домишек.
Скворечник. Песенку скворца.
И птичий гомон ребятишек,
Крапиву рвущих у крыльца.

И летним вечером в субботу
Задумчивый и робкий звон,
И быта ровную дремоту,
И обманувший сердце сон.

9 мая 1923
Сергиев Посад, Красноюковка

* * *

Высоко над ломаной волною
Низких и высоких крыш,
Над балконом – полная покоя
Облачная тишь.

Там внизу ревут автомобили,
Пенит воздух тонкий свист сирен.
День и ночь о землю бьются крылья
Жизни, взятой в плен.

Душный плен известки и бетона,
Наглый плен гремящей суеты,
Тяжкий плен бичей и скорпионов,
Тленных благ и смертной нищеты.

За перила сделав шаг, сорваться –
Распылиться, стать как улиц прах?
Здесь остаться, грезами питаться,
Радугой лучей на облаках?

Нет, не то, не это. Что же, что же?
Безответна неба синева.
Там и здесь душа на бездорожьях.
Кружится над бездной голова.

*26 мая 1923
Москва, Остоженка*

* * *

По многозвездной среброзвучной
Воскресной утренней Москве
Иду к мосту я. Сад Нескучный
Алеет в пламенной листве.

Синеют горы Воробьевы
В туманах, полных серебра.

Всё так знакомо и так ново
В лучах сентябрьского утра.

Вчера ли это только было
Иль много, много лет назад?
Я этот мост переходила,
И огневел Нескучный Сад.

И Воробьевы были горы
И в синеве, и в серебре.
Но всё сплелось иным узором,
Нежданным в давней той поре.

В горах, в мосту, в реке значенье
Иное. И душа не та,
Что с верой, чуждою сомненья,
Глядела с этого моста.

26 августа 1923
Сергиев Посад

* * *

О, кто мне душу озарит
И кто мне сердце напоит
Струею вод живых?

На ложе мертвых мхов умру,
Уйду в глубокую нору
Лесов глухонемых.

О, темных дебрей густота,
О, роковая темнота
Могильного угла.

Хочет леший на ели:
«Так вот куда тебя вели
Пути добра и зла?»

О мать, о мать моя, земля,
Моей тоски не утоля
Струею вод живых,

Пусти меня в далекий край,
Под черный холм не зарывай
В лесах глухонемых.

1 апреля 1924
Дорога Сергиево – Москва

* * *

Я ничего не сотворила.
Я ничего не соблюла.
В кадиле уголь загасила.
Елей лампы пролила.

Есть у иных молитвы сила,
Есть жертвы, добрые дела.
А я молитвы позабыла
И жертвы дел не принесла.
Я ничего не сотворила.
Я ничего не соблюла.

16 июня 1925
Сергиев Посад

* * *

Сяду я на пне корявом,
Что на лешего похож.
Гляну влево, гляну вправо –
Нет, дороги не найдешь.

Заплелись ветвями ели,
Под ногами топкий мох,

Небо чуть синее в щели,
Ни тропинок, ни дорог.

Леший ухает, как филин,
На сыром овражном дне.
Он в своих владеньях силен,
Но его не страшно мне.

Ты не знаешь, леший, леший,
Как тебя я проведу –
Я не конный и не пеший
Из твоих лесов уйду.

Лягу смиренно под сосною,
Осенив себя крестом.
И, когда глаза закрою –
Ты и лес – всё будет сном.

5 июля 1926
Аносино

* * *

Ушла с воскресной вестью Магдалина,
Христос апостолам явился в Эммаусе,
А я не слышу их и не иду за ними,
Я всё живу у гроба Иисуса.

Всё жду, что мне самой, очам моим греховным
Предстанет Бог, воскреснувший от гроба,
И я паду к ногам Его безмолвно,
И я, и Бог во мне в тот миг воскреснем оба.

2 ноября 1926
Москва

* * *

Зачем борьба, зачем смятенье?
Всё в нужный день само придет.
А что не нужно – сновиденьем
В забвенья воды упадет.

Лишь не прядут такие нити,
Каких нам всё равно не ткать
В ковре деяний и событий...
И этих нитей не искать –

Блаженна мудрость. Но дается,
Увы, лишь тем ее венец,
Чье сердце бьется и мятется,
И разобьется наконец.

17 августа 1927
Сергиев Посад

* * *

Камни холодны сегодня
Под моей ногой.
Лето кончилось Господне,
Грозен ветра вой.

Вьется мертвых листьев стая
На моих тропах,
След бывшего отменяя,
Как могильный прах.

Впереди в сыром тумане
Скрылись все пути.
Я иду, иду, и стану –
Некуда идти.

9 сентября 1927
Москва

РЕНТГЕНУ

Поймали тайных сил природы
Целящий и разящий ток.
Лишили права и свободы
Лучей невидимых поток,

Отдав их вольное течение
Людских волнений колесу.

.....
И разрушение, и целенье
Они стремительно несут.

И вместе с ними отдаваясь
Людской незрячей воле в плен,
Я Божье имя призываю
Во тьме лучей твоих, Рентген.

*1 октября 1927
Москва*

* * *

Горит светильник мой не прямо,
И пламя припадает ниц.
Кристаллов слез двойная рама
Туманит взоры звездных лиц.

Тусклы надзвездные просторы,
Земной теснины мрак глубок,
И на меня глядит с укором
Распяты в небе Мотылек.

22 декабря 1927

* * *

Скучно березам качаться
В мокром тумане.
Скучно и духу вращаться
В душном обмане.

Скоро ль развеются тучи,
Скоро ль на землю падет
Свет животворно могучий
С горных высот?

31 марта 1928
Сергиево

* * *

Тяжким медленным биеньем
Сердце будит тишину.
Откровенье, просветленье
Отошло, подобно сну.

Кто я? Где я? Что я значу
На весах моих судеб?
Дух смущен, и сердце плачет –
Камнем стал вчерашний хлеб.

2 апреля 1928
Сергиево

* * *

Я ль руку возложил на плуг,
Или сама она упала,
Когда водитель мой и друг
Сказал мне: утро уж настало.

Зачем же в каждой борозде
Лемех тяжелый застревает?

Путеводительной звезде
Ужель душа не доверяет?
.....
Зачем туманятся поля –
Ужель раскаянья слезами?
.....
Сомненья желтая змея
За плугом вьется бороздами.

3 апреля 1928
Софрино–Пушкино

* * *

Зажгу лампаду голубую
И чье-то имя назову.
И всё пойму: о чем тоскую,
Куда иду и чем живу.

Но, может быть, той светлой яви
Во сне земном я не вмещу,
Но, может быть, я знать не вправе,
Куда иду, о чем грущу.

12 апреля 1928

* * *

Помоги, угодник Божий,
Не о радости прошу.
Я под вьюгами, прохожий,
К граду Китежу спешу.

Этот город есть ли, нет ли –
В час, когда настанет ночь,
Под слепящим снежным ветром
Распознать, боюсь, невмочь.

У тебя глаза иные.
Расскажи и укажи
Мне пути твои святые,
Как ты умер, как ты жил.

28 августа 1928

* * *

Закружились хороводом
Елки по откосу.
Поезд мчится полным ходом,
Жизнь ответа просит.

Нет ответа. Нет ответа.
Помолчать придется.
Хоть умчит до края света,
Хоть домой вернется.

Сердце будет снежным комом
Спать в груди глубоко.
На чужбине, как и дома,
В горе одиноком.

15 марта 1929
Софрино–Перловка

* * *

Как стая вспугнутая птиц,
Взметнулись мысли и умчались.
Как иероглифы гробниц,
Следы писанья их остались.

Напрасно силюсь их прочесть,
Душа задумалась глубоко

И темную приемлет весть
Как злое предвещанье рока.

4 марта 1930
Томилино

* * *

Сосны, ели, над буграми
Рощи белые берез
К автобусной тусклой раме
Под жужжание колес
Прилетают, улетают;
Даль печальна и мутна,
Но, как снег весенний, тает
Злых обманов пелена,
И в спокойствии суровом
Там, за снежной пеленой,
Вырастает правды новой
Лик неожиданный предо мной.

27 марта 1930

* * *

Опустела горница моя,
Унесли иконы и картины,
Молчалив стоит в углу рояль,
И над ним нависла паутина.

В секретере старом пустота,
Сожжены заветные тетради.
К дням минувшим больше нет моста,
Да и к будущим его уже не надо.

28 апреля 1930
Томилино

* * *

Уж предрассветной бирюзой
Просвечен теплый небосклон.
Сверкает радужной слезой
Звезда сквозь переплет окон.

И так глядит, так чутко дышит,
Как будто в сердце у меня
Тьму разогнать дано ей свыше
Волшебством звездного огня.

5 июля 1930
Верея

* * *

Небо точно в перьях голубиных,
В сизых недвижимых облаках,
За пустынной сумрачной равниной
Тусклым оком светится река.

Меркнет, гаснет с каждой минутой
Золото березовых вершин.
Призраком таинственным и смутным
Поздний путник вдаль идет. Один.

Тонкий месяц серебристым рогом
О печальной доле затрубил
Тех, кто ночью потерял дорогу,
Кто устал, кто выбился из сил.

28 сентября 1930

* * *

Вершин сосновых шум
Суровых полон дум.

Угрюмых облаков
Тяжел свинцовый кров.

Понуры и желты
Последние листы.
Под стаями ворон
И хмур, и обнажен,

И нем простор полей.
Лишь дальних журавлей
Доносится призыв,
Протяжен и тосклив.

И сердца вздох в ответ
О том, что крыльев нет.

10 октября 1930
Перловка–Софрино

* * *

Не стой на станции глухой,
Мой поезд. Промедленье
Грозит назавтра нам лихой
Бедой. Твое движенье

На кручу нас перенесет
Над пропастью бездонной.
Но если ты замедлишь ход
Перед мостом сожженным,

Мы здесь, на этом берегу,
Останемся, внимая
Великой битвы дальний гул,
Как эта ночь немая

Мой слушает смятенный бред,
Рождаемый тоскою.

Спешу, на свете больше нет
Покоя.

*15 ноября 1930
Москва*

* * *

Осуетился падший ум,
И жажду горнего познания
Житейский приглушает шум
И дольных образов мелькание.

Ах, кто не хладен, не горяч,
Смешается с дорожной пылью.
Очнись, душа, и горько плачь
И вымоли у Бога крылья.

*18 января 1931
Москва*

* * *

Безнадёжно далекий, прекрасный,
Манящий напрасным зовом
Райского счастья
Край горизонта лесного.

Ухожу, с тобой расставаясь,
В казематно-душные стены,
Где жизнь истомится живая
В тесноте, в духоте бессменной.

Сонный взор твой, подернутый мглою,
Как будто о том жалеет,
Что лазурное мое былое
Грядущим стать не умеет.

16 сентября 1933

ИЗ КНИГИ «СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА»

* * *

Каплю меда сот Христовых
В горьких дней моих напитков
Влей мне, друг и брат крестовый,
И грехов моих избыток
Помоги зажечь пред Богом
Покаянную свечою.
Да пройдет в трезвеньи строгом
Наше странствие земное.

[1920]

* * *

Долго ли ходить мне по мукам,
Богородица, мать сыра земля?
Ты за что сковала мне руки,
Затемнила мне свет в очах?

Уведи меня новой тропою,
Если солнца мне больше не знать.
Под покровом твоим слепоту мою скрою,
Богородица-мать.

[1921]

* * *

Двенадцать лет земных жила
Душа одним с тобой дыханьем,
Все мысли, чувства и дела
Крестя в огне богоисканья.

Всё уже был, всё круче путь,
Всё глубже бездны искушенья,
И захотел ты отдохнуть,
И отдых стал нам смертной сенью.

Сорвавшись в пропасть, мы лежим,
Уже вкушая сон могильный.
Но мы не умерли. Мы спим,
И Некто, благодостный и сильный,

Кто на Голгофе смерть поспрал,
Коснулся наших уст неслышно,
И трепет в сердце пробежал,
И грудь дыханьем новым дышит.

[1921]

* * *

Будут звоны колокольные
Мрак полночный колыхать.
Будут люди богомольные
В церкви свечи зажигать.

Будет лозунгом таинственным
Пробегать меж нами весть
О спасении единственном:
«Бог умерший их воскрес».

Буду я от ликования
Отщепенец в стороне.
В скорби тяжкого сознания,
Что воскрес Он по писанию —
Но не в них. И не во мне.

31 марта 1923
Сергиев Посад

* * *

В мою неубранную горницу
Благословенный входит Гость.
Душа к нему навстречу клонится,
Как в бурю никнущая трость.

Но чем приветить мне Учителя?
Угас светильника елей.
И враг сломал в стенах обители
Цветы священные лилей.

Для тайной вечери Спасения
Ни брашен нет, ни пития.
И только нищее смирение
Несет Ему душа моя.

6 апреля 1923
Сергиев Посад

* * *

Как тихо на Голгофе было,
Когда сломали три креста,
Тела разбойников зарыли,
Отдав Иосифу Христа,

Когда замолкнули рыдания
И стон убитых скорбью жен,
И солнце мертвенным сияньем
Кровавило Лифостротон,

И вышли мертвые из гроба,
И над расселиной скалы,
Кружа над ними с мрачной злобой,
Слетались горные орлы.

22 ноября 1923
Сергиев Посад

* * *

Я одна в саду Аримафея.
Вот пещера – но она пуста.
Говорят – поверить я не смею –
Унесли апостолы Христа.

Кто унес? Какой надгробный камень
От меня в подземной мгле сокрыл
Тех очей и уст небесный пламень,
Что меня любовью озарил?

Разобью ненужную амфору,
Миро на землю бесценное пролью.
Встала рано, шла я шагом скорым –
И пустой гробницу застаю.

1 мая 1926
Москва

* * *

Лазаре, гряди вон!

Зачем в спеленутое тело,
Освобожденному, опять
Мне возвратиться повелела
Твоя, Учитель, благодать?

И снова грани тесных членов,
И чад земных страстей и уз,
И все законы жизни тленной
За что мне снова, Иисус?

Марии, Марфы слышу клики,
Народ столпился надо мной.

Как страшен мир их многоликий!
Как режет очи свет дневной.

31 марта 1928
Сергиево

* * *

Наливается знойной болью,
Разрывается плоть.
Правит миром единая воля –
Значит – в боли – Господь.

Этот гвоздь, что мне в кости вбивают, –
Отзвук тайны креста.
И пока в крестной муке жива я,
Славлю волю Христа.

25 сентября 1929

* * *

О затерянных в хладном мире,
О заблудших в безводных степях,
О бездомных, безродных и сирых,
О разбитых сердцах

К Одигитрии Деве Марии
Припадем с горячей мольбой.
Да прострит на пути их земные
Свой покров голубой.

4 января 1930
Хотьково–Перловка (в вагоне)

* * *

Было ли чудо в Вифании –
Друг мой, не всё ли равно?
Чудное благоухание
Льет в твою душу оно.

Было из пепла восстание,
Пламя, угаснув, зажглось,
Здесь, как и в древней Вифании,
Смерть побеждает Христос.

10 апреля 1930
Томилино

* * *

Мой путь не прям.
Мой шаг упрям.
Желанья злы,
Глаза тусклы,
Не верен слух,
Иссушен дух,
Но верю я,
Что жизнь моя,
Душа и плоть, –
Твои, Господь.

18 июня 1930
Погост

* * *

Небожитель, ангел мой хранитель,
Грустный лик склоня,
Не спеши в надзвездную обитель,
Не покинь меня.

Сбереги надежду на спасенье
Гибнущей души.
Будь со мной в земном моем томленьи,
Не спеши.

22 сентября 1930
Москва

ИЗ КНИГИ «ОГНЕННЫЕ СТУПЕНИ»

* * *

Минуты как годы, часы как столетья.
О светлом минувшем не стану жалеть я.

Не стану в грядущем жалеть ни о чем.
Кровавые раны горячим свинцом

Залью и сожгу до конца мою плоть.
А душу спасет и очистит Господь.

Июль 1920
В теплушке Ростов–Москва

* * *

Так близко, близко я к горнилу,
Где жизнь расплавится моя.
Но где же воля, где же сила
Принять крещение огня?

Боюсь ли той последней боли,
Где может дух сгореть, как плоть,
Но верю ль к ней ведущей воле,
Что ею правит сам Господь?

Иль, тайно плача и тоскуя
О том, кто дан был во плоти,
Его, как встарь, еще люблю я
И всё ищу к нему пути?

Но нет. Не прежнее мне снится
У запертых его дверей.

О дальнем, дальнем дух томится,
О свете родины своей.

Как девы притчи, мы [елеем]
Не напоили свет лампад
И в час полуночный не смеем
На брачный пир Христа принять.

И сердцу горестно и страшно,
Что той же самою рукой
Светильник вечною загашен,
Чьей был зажжен во тьме земной.

[1921]

* * *

Горят мои царства, и веси, и грады,
Последним великим пожаром объаты.
Назавтра уж нечему будет гореть,
Но радостно духу на пламя смотреть.

Сквозь смерть пролетая, он верит, он знает,
Что в пламени тленное только сгорает,
А крылья его и целы, и легки,
И слышат касание Божьей руки.

[1921]

* * *

М.В.Ш.

Как бело, хмельно и метельно
Металась ночь вокруг меня,
Когда бродила я бесцельно
У освещенного окна.

Какой зловещею звездою
Сквозь иней твой огонь сиял,
Как будто новою бедою
Моим скитаньям угрожал.

Но что б могло еще случиться
Страшнее на путях моих,
Чем с этой вьюгой мне кружиться
У запертых дверей твоих?

9 декабря 1921
Сергиев Посад

* * *

Огонь пылал – и догорел.
Любовь цвела – и отцвела.
Болела жизнь – и умерла –
Таков ущербный твой удел
На этом свете – пленный дух.
Покинь же свой стгоревший прах
И на стремительных крылах
Пересеки земной свой круг...

25 ноября 1922
Сергиев Посад

* * *

В круговорот времен, в пределы тварной жизни
Какою силой дух мой вовлечен?
Или своей лишь волею капризной
И жаждой бытия он в мире воплощен?

И, посвящаясь в законы воплощенья
И чуждость их и ужас их познав,

Спешит страданий огненным крещеньем
Вернуть удел своих сыновних прав.

[1923]

* * *

Остудим горячее, злое,
Больное свое житие
И в лоне святого покоя
Обрящем спасенье свое.

Как в бурных волнах отразиться
Не может небес глубина,
Так сердце не может молиться,
Когда в нем бушует волна,

И ангельских хоров не слышит,
И звездных не ловит лучей,
И в диком смятеньи колышет
Бездумные лики страстей.

1 декабря 1923

* * *

Как серный дождь на гибнущий Содом,
На сердце сходят злые предвещанья,
И вокруг всё дышит похотью и злом,
И меркнут прошлого святыне упованья.

Как риза ветхая, добро едва-едва
Истлевший труп лукаво прикрывает.
Звонят колокола. Звучат еще слова,
Но жизнь, живая жизнь, во прахе истлевает.

23 декабря 1923

Сергиев Посад

* * *

Я молча руки простираю
К Тебе в подземной темноте.
Приди, хоть я Тебя не знаю,
Забыла в грешной суете.

Приди, да будет Твоя воля,
Каким Ты ни придешь путем –
Небесной радости лучом
Или огнем предсмертной боли.

1 апреля 1926
Москва

* * *

Узел, узел, узелок,
Мне тебя не развязать.
Но я знаю, может рок
Меч булатный взять.

Размахнется с высоты
Сталью остря, —
И разрублен будешь ты,
А с тобой и я.

[1928]

* * *

Се жених грядет во полнощи.

Шире, шире, сердце, раздавайся,
Глубже ройся в грудь мою, недуг,
По крутым ступеням подымайся,
Не скудея верой, слабый дух.

Ведь еще вместить немало надо
Жгучих токов мирового зла.
Не по всем кругам земного ада
Ты в путях своих, душа, прошла.

Не спеши на отдых. Черной тенью
Мук твоих не искупить греха,
Не взойти на верхние ступени,
У дверей не встретить жениха.

15 декабря 1928
Сергиев Посад

* * *

Совмещать несовместимое,
Претворять непретворимое,
Слить потоки неслиянные,
Сделать словом несказанное –
Вот задача неотложная...
Стань возможным, невозможное!

14 апреля 1929
Москва

* * *

Тяжело росток придавлен
Тяжким камнем к борозде.
Но к спасенью путь оставлен
Свет взыскующим – везде.

Вправо, влево, вкось и прямо,
Вдоль по камню, поперек –
Жизни крепкой и упрямой
К солнцу путь в земле широк.

Пробирайся, наливайся
Вешней силою живой,
Юный стебель, не сдавайся
Камню – крышке гробовой.

14 мая 1929

* * *

Дева, роза Назарета,
Мать Света,
В радужных твоих садах
Серафимами воспета,
Оживи мой дольний прах,
Праха души моей сожженной,
Беззаконной –
Вероникой голубою,
Да взрастет всегда склоненной
В славословье пред Тобою.

10 апреля 1930

Томилино

* * *

Как жадно страждущее поле
Впивает горных вод струи,
Так жажду я в земной юдоли
Причастия Твоей любви.

Но в сухоте окамененья
Моя бесплодная душа
Не в силах внять словам спасенья
И жизнью новою дышать.

О Ты, из камня источавший
Поток животворящих вод,

Души, как жесткий камень ставшей,
Коснись – да смертью не умрет!

15 июня 1930
Погост

* * *

Огонь принес я на землю,
И как я томлюсь, пока он разгорится.

Евангелие

Крещеньем огненным креститься,
Душа убогая, тебе ль?
Твой путь – бичи и власяница,
А не избрания купель.

Когда великим испытаньем
Господь тебя благословил,
Ты приняла Его деянье,
Но дух твой мрачен и уныл.

Сойти не может горний пламень
В непросветленные сердца,
Прими же вместо хлеба камень,
Прославив правый суд Отца.

28 июня 1930
Погост

* * *

Я у подножья эшафота.
И будет суд. И будет казнь.
Зачем же сердце беззаботно
И так чужда ему боязнь.

И нет молений о спасеньи,
И нету мыслей о суде.
Скользят крылатые мгновенья,
Как брызги солнца по воде.

И не осилить мне беспечность,
Не убоиться мне суда...
И Бог, и мир, и я, и вечность, —
Всё нераздельно навсегда.

10 июля 1930

Верея

* * *

Приготовьтесь к шествию в пустыне,
Путники усталые. Пора.
Научитесь, путники, отныне
В пламени гореть и не сгорать.

На пути источника не будет.
Не прострет над вами пальма тень,
Помолитесь, путники, о чуде,
Чтоб не стал последним этот день.

20 августа 1930

Томилино

* * *

Бессилью моему дай право стать усильем,
Моей душе, прикинувшей к земле,
Расправить дай поникнувшие крылья
И луч зари дай уловить во мгле.

Да вознесусь к Твоим селеньям горним,
Как к облакам возносится туман,

В бескрайние лазурные просторы,
В неизмеримый звездный океан.

7 октября 1930
Томилино

* * *

Дух дышит где хочет и голос его
слышишь, а не знаешь – откуда при-
ходит и куда уходит.

Иоанн 3, 8

Когда в Еноне у Салима
Крестил водою Иоанн,
Богоисканием томимый,
И я пришел на Иордан.

Но был мне голос: в Иордане
Тебе креститься не дано.
Томимых жаждою познания
Крещу я огненным вином.

Пожди еще. Минуют сроки,
Предел восполнится времен –
И будешь в огненном потоке
Испепелен и возрожден.

6–19 января 1931
Москва

* * *

Неизглаголанной печали
Полна ушедшая любовь,
Но сердце чтит ее скрижали,
Их перечитывая вновь.

И совесть, страж неутомимый,
Не даст душе вперед шагнуть,
Пока ты, некогда любимый,
В былом мне заграждаешь путь.

Пока тебе я не простила
Разлуки смертную вину
И до конца не обвинила
Себя одну.

21 февраля 1931
Москва, Красные ворота

ИЗ КНИГИ «О ПРЕХОДЯЩЕМ И ВЕЧНОМ»

БЛУДНИЦА РОАВ

Остановись, прохожий, на мгновенье
Во имя ночи той, что я была с тобой.
Ты не узнал меня. Spина моя согбенна,
И седы волосы, и взор померкнул мой.

Но это я – Роав. Тебя из всех прохожих
Я одного возлюбленным звала.
С тобой одним на всем доступном ложе
Невестой чистою и любящей была.

С вершин [Фавора] ветер налетает,
Взметает прах всех четырех дорог
И, злобствуя над нами, раскрывает
Шатра убогий кров.

В Вефиле у тебя есть крепкая храмина
И мать твоих детей, любимая жена,
Но мы одни под звездами пустыни,
Что ты вошел ко мне, не будет знать она.

Не просит ласк дряхлеющее тело,
И поздно мне дитя твое зачать.
Я в эту ночь, припав к тебе, хотела,
Как встарь, на звезды поглядеть опять.

Ты вдаль уйдешь, но станет ночь теплее,
И я во сне услышу, как тогда:
«Роав, Роав, ты мне всех жен милее,
Ты мне сестра, голубка и звезда».

5 января 1921

У колодца ведра плескались,
И всю воду я разлила
Оттого, что мысли мешались
И душа как в аду жила.

Вдруг подходит ко мне прохожий,
Не священник и не левит,
Но по виду служитель Божий,
И смиренно мне говорит:

«Дай мне пить, жена-самарянка».
«Нашел у кого просить!
У колодца я спозаранку
И воды не могу наносить.
Я в колодец ведро уронила
И разбила два кувшина,
Ты не знаешь, что со мной было».
Он сказал: «Ты блудница, жена,
И сегодня горишь в геенне,
И в сердце твоём нож
И своей, и чужой измены.
И всегда ты жаждешь и пьешь,
Угасить напрасно желая
Негасимую муку твою.
У меня же вода есть такая,
Коей жажду навек утолю».

Я молчала у ног пророка,
Но с груди моей камень упал.
А над нами высоко-высоко
Белый голубь летал.

[1921]

* * *

Гляжу с вниманием прилежным
В полуоткрытое окно:
По синим пажитям неспешно
Влача пушистое руно,

Волнисто-снежными стадами
Плывут и тают облака,
А там, вдали за облаками,
Весь мир держащая Рука

И надо мною, и над ними
Незримо чертит письмена.
И не стереть ничье в них имя,
Ни одного виденья сна.

25 апреля 1922

Сергиев Посад

* * *

Шел Иуда полями.
Трава под его ногой
Свивалась в черное пламя,
И камень стонал немой.

В страхе бежал с дороги
Пред ним скорпион и змей.
И русло менял в тревоге
Бегущий мимо ручей.

Смерти искал Иуда,
Но тщетно звучал призыв.
Свершилось новое чудо
Под кущею белых олив.

Ветви обвиться не дали
Проклятой петле вокруг,
И роща вся задрожала,
Как будто пронесся дух.

Пал Иуда на землю,
Как зверь, завыл, скорбя,
И услышал голос: «Я внемлю.
Я здесь. Я простил тебя».

*21 ноября 1921
Сергиев Посад*

* * *

Смуглая и стройная рабыня
С Моавитских гор,
Я любила в розовой пустыне
Авраама царственный шатер.

Зачала я сына Аврааму.
Чрево, плод несущее, – алтарь!
Неужели покоряться станет
Госпоже неплодной – мать-Агарь?

Но страшна жены бездетной ярость.
И молил, и плакал Измаил.
Обрекла его изгнанию Сара.
Господин меня не защитил.

Я и отрок в розовой пустыне
От рассвета горького утра
Целый день под небом жгуче-синим
Вдаль идем от милого шатра.

Не слышна мне жажда и усталость,
Не палит меня палящий зной.

Только страшно, что в пустыне алой
Первенец погибнет мой.

17 мая 1922
Сергиев Посад

* * *

Горних высей высота,
Дольних мыслей суета,
Чад сгоревшего огня
Ждут ответа от меня.

Растроилась жизнь моя:
Дух – в заоблачных краях.
«Я» души – в земном бреду.
Сердце – в огненном аду.

Что в ответ могу сказать?
Буду завтра бресть опять
В трех мирах тройным путем,
Всё тоскуя об Одном.

24 июля 1922
Сергиев Посад

* * *

Тревожно, грустно и светло
Над сердцем облако прошло,
Блеснули алые края –
Мечта закатная моя.

Пробилось золото лучей –
Отсвет далеких светлых дней,
И снова сумрак предночной,
Угрюмо сизый и немой.

15 ноября 1922
Сергиев Посад

* * *

Пролетит и не вернется птица,
Проблестит и канет в ночь зарница.
Это облако ты видишь только раз,
Не зажжется пламень, что погас.

У сухих цветов ожить нет силы.
Мертвецы не встанут из могилы.
Только сердце свой пройденный путь,
Глупое, всё думает вернуть.

25 января 1923
Сергиев Посад

* * *

Глухой и слепой,
Горбатый и старенький,
С клюкой и сумой
Сажу на завалинке.

Теплеет апрель
Теплыню богатою.
Весенняя прель
Просырила заплаты.

Кружит по руке
Мурашка залетная.
Кружит налегке,
Сестра беззаботная.

Клюкой бы не смять
Траву подорожную.
Жизнь и ей благодать –
Дыхание Божие.

19 апреля 1923
Москва

* * *

Однодневка в золотом уборе
Залетела в комнату мою.
Поискала солнца и простора,
И цветов, что сладкий сок дают.

И устав от поисков напрасных,
Крылышки сложила и легла
На кругу моей коробки красной
И без лишних жалоб умерла.

29 апреля 1923
Сергиев Посад

* * *

Стонет зверь в лесном капкане,
В мышеловке бьется мышь,
Тонет судно в океане.
Ты, уснувший, мирно спишь,

Упоен вином покоя,
И не слышишь, как вдали
Твари в смертной муке воют,
Тонут в море корабли.

1 мая 1923
Сергиев Посад

* * *

Шелесты. Нежные лепеты.
Теплые капли в листьях.
Шорохи. Росные трепеты
В розовой кашки лугах.

Тень мимолетного облака.
Легкий серебряный дым.

Матово-белое, доброе
Мягкое солнце за ним.

22 июня 1923
Тимхово

* * *

Если мир лежит во зле –
Отчего так ясны звезды
И цветов осенних гроздь
В золотой лампадной мгле

Так торжественно прекрасны?
И чиста любовь моя
И из чаши бытия
Смерть, как жизнь, принять согласна.

27 октября 1923

* * *

Окончив речь свою, прославил
Христа и к небу взор поднял,
Безмолвствуя, апостол Павел.
И весь ареопаг молчал.

Потом слова зашелестели
То тут, то там, – и вспыхнул смех:
«Чьи кости мертвые истлели,
Он оживить мечтает тех.
Презреть слова его пустые!
Танатос жертв не отдает.
Пойдемте пить и есть, живые,
А мертвый в гробе пусть гниет».

И только женщина рыдала
Одна, по имени Дамарь,

И сквозь рыдания шептала:
«Услышь, мой друг, мой брат, мой царь!
В Аида черную обитель
Ты заключен не навсегда,
Сойдет к нам Эрос-воскреситель
И воскресит нас в день Суда».

7 февраля 1924
Сергиев Посад

* * *

Ковчег над бурным океаном
И малый остров – Арарат.
А мир под ними бездыханный
Грехов, борьбы, надежд, утрат.

И будет радуга лишь Ною,
И с ним в завет Господь войдет.
Но кто же тех, кто под водою,
Кто их услышит, кто спасет?

8 февраля 1924
Сергиев Посад

* * *

На мяльцах мяли,
Искали кострички,
Мыкали, чесали,
Связывали в мычки.

Прялкой вили, вили,
Тоньше стали вить
И перетоньшили –
Разорвали нить.

18 февраля 1924
Сергиев Посад

* * *

Забрели ко мне под вечер
Волшебные солнца лучи.
Пыльный воздух дрожит, просвечен,
Как мерцанье вербной свечи.

На зеленом лугу обоев
От окна зажглось окно.
Там – пустое, здесь – золотое,
И плывет по стене оно.

Доплывет до окна и угаснет,
Возвращая ночи приход.
Звезды, звезды, счастье несчастных,
Письмена благодатных высот.

14 марта 1924

Сергиев Посад

* * *

Как примириться сердцу
С огнем мировых страданий?
Как принять избиение младенцев
И ужас, когда тонул Титаник?
Тоску в каземате
На смерть осужденного,
Казнь боярина,
На кол посаженного,
Еретика, на костре сожженного,
И Христа, Христа в тюрьме под стражею.
Или всё, что у нас считается
Ужасом, мукою, кровью –
Там, в небесах, называется
Господней любовью?

23 ноября 1924

Сергиев Посад

* * *

Я – революция. Я пламень мировой.
Нет нужды мне, что вы боитесь дыма,
Что вопли жертв влекутся вслед за мной,
И всё разрушилось, что было нерушимо.

Звериное мое страшит вас естество.
Вы ярости моей трепещете, народы.
И сквозь пожары гнева моего
Не видите за мной дитя мое – Свободу.

Не вечно знамя красное мое.
Над ним развеется зелено-голубое,
Когда на плуг перекуют копье
И станет мир единою семьею.

Победный день тот близок иль далек,
Не мне судить. Я только меч возмездья.
Меня послал неумолимый рок.
Мне ворожат счастливые созвездья.

*10 декабря 1924
Москва*

* * *

Стану ль завидовать птице крылатой,
Разве не птица душа у меня?
Разве в просторы небес необъятных
Вечности дали ее не манят?

Разве не носится ласточкой вольной
В царстве лазури она?
Разве ей доли земной не довольно,
Той же, что птице дана?

*30 мая 1925
Сергиев Посад*

* * *

Бледно-зеленым океаном
Лежит закатных туч гряда.
За ними берег осиянный
И пальм огнистых череда.

А дальше – город златоглавый,
Где, многоцветны и легки,
Слетелись славить Божью славу
Несчетных ангелов полки.

13 июня 1925
Сергиев Посад

* * *

К огню чужого камелька
Позвали греться старика.
Старик недвижимо сидел
И молча на огонь глядел.

А после встал и в ночь ушел,
И нищ, и стар, и бос, и гол.
И не хватились старика
Его друзья у камелька.

7 января 1926
Сергиев Посад

В ВАГОНЕ

I

Под мерный стук колес уснули пассажиры.
В окно чуть брезжит мутный серый свет.
Окрестности, задумчивы и сиры,
В окошко белый шлют привет.

Деревья голые безрадостно и четко
Ветвистые раскинули рога.
Бегут у станции какие-то решетки.
Тускнеют к таянью готовые снега.

И пассажирам тоже, верно, снятся
Неяркие, нерадостные сны.
Не про «свободу, равенство и братство»,
Не про святыню горней стороны.

Вот этот видит чад попойки пьяной
Иль черный хлеб и душный ряд забот.
.....

А поезд жизни мерно, неустанно
К великой Бездне всех несет.

II

Окутанный февральскими туманами,
Покинутый печальный монастырь.
И снежные вокруг него поляны,
И смутная лесов далеких ширь.

Под ветхим кровом станции убогой
Сермяги серые навьюченных людей,
И царственная ель торжественно и строго
Стоит на страже у путей.

III

Жесткий ветер колет, режет,
Бьет и жжет лицо.
Заунывный ели скрежет
Над моим крыльцом.

Что стоять? Бегут минуты,
Вьюг не переждешь,

Выходи, лицо укутав –
Не в раю живешь.

22 февраля 1926
Хотьково–Пушкино

* * *

Ах, какими тешит сказками
Нянька старая меня.
С их завязками, развязками
Не заметила я дня.

Вот и вечер. В печке прыгает,
Догорая, огонек.
Отложив, закрыла книгу я,
Позабыла про урок.

Льются рассказы певучие
О железных башмаках.
Унесла в леса дремучие
Патрикевна петушка.

Спит на дне речном Аленушка,
Вся опутана травой.
Блеет серенький козленочек
Над потопленной сестрой.

.....

А жар-птица огнецветная
В полуночные края
Ждет царевича заветного.
И царевич этот – я.

1 апреля 1926
Москва

* * *

Утихнули ночные шумы.
Трамвай последний прожужжал.
Арбат, усталый и угрюмый,
Тяжелой дремой задремал.

Безумно жутким бредом полон
Военный суд передо мной
О тех, кто спит уже безмолвно
В земле с пробитой головой.

И тут же рядом Зигфрид снится
Стенам облупленным Кино.
С драконом Фафнером сразиться
Во сне опять ему дано.

На почте письма сном тревожным,
В конвертах затаившись, спят –
И дел, и помыслов ничтожных
Завороженный маскарад.

На скучных полках Гос-мед-торга
Стрихнин, и йод, и хлороформ,
Полны виденьем всяких хворей,
Забылись беспокойным сном.

Подальше – церковь Николая.
Угодникам не нужно спать.
Бессонный, он не прекращает
Арбат крестом благословлять.

*1 апреля 1926
Москва*

* * *

С безумным грохотом трясется грузовик,
И машут красными знаменами ребята.
О, революция! Пора сменить твой лик
И тряпку красную в архив былого спрятать.

Довольно встрясок, крови и игры.
Есть высшее тебе предназначенье –
Взнести свободный дух на самый верх горы,
Откуда новое пойдет времен теченье.

Извечно борьбой, ребяческой игрой,
Ты старых ценностей живешь перетасовкой.
И только слово «класс» наивно уловкой
На красном знамени несешь перед собой.

1 мая 1926

Москва

* * *

Не знает, не знает,
В земле ислева
Весною, зерно,
Что сила живая
В нем жизнь созидает
Из праха давно.
И в черной могиле
Уж корни пробилась
К источнику вод.
И стебель зеленый
Из темного лона,
Воскреснув, встает.

2 мая 1926

Москва

* * *

Всё полынь да полынь...
На полях, в пустырях,
На межах, на высоких песчаных буграх
И в лощинах полыни так много,
Точно этою горькой и крепкой травой
Заросли все окрестные доли...

Где же ты, медуница и мак огневой,
Где же ты, колокольчик лиловый?
Заглушила, убила их в поле полынь,
Не цвести им отныне, как прежде.
Но всё так же небес бесконечная синь
Бесконечно дышит надеждой.

*Июнь 1926
Серебряный Бор*

* * *

М.В.Ш.

Повернулись раз и раз колеса,
Зарыдал прощально паровоз.
Над перроном вздохом плач пронесся.
Боже, сколько в мире слез!

Все пути Твои политы ими.
Больше всех – изгнания крестный путь.
Далеко уж реют кольца дыма,
Прожитого сердцу не вернуть.

С громким стуком семафор закрылся.
Кто-то поднял стонущую мать.
Если б дать ей ласточкины крылья,
Чтоб в Самаре сына повидать...

Смотрит башня красная Сумбеки.
Циферблата медный глаз жесток.
Заступись, Господь, за человеки,
Да не правит нами Рок.

8 июня 1926
Москва

* * *

Парусина занавески
Словно парус над кормой.
На балконе с легким плеском
Веет свежестью морской.

Словно белых чаек стая,
Надо мною облака
Пролетают, в небе тая,
Им и жизнь, и смерть легка.

У меня же в сердце горы
И сомнений, и грехов.
И небесные просторы
Шлюют укоры мне без слов.

24 июня 1926
Москва

* * *

Я иду по знойным тротуарам.
Беспощадна неба синева.
Дышит яркой жгучестью пожара,
Как в плавильне, плавится Москва.

По щекам у женщин полуголых
Струями стекает липкий пот.

Кружатся асфальтовые смолы,
За углом автомобиль ревет.

Кажется, вот-вот в предельном зное
Всё вокруг развеется, как сон.
Тяжкий грохот сменится покоем,
И падет во прахе Вавилон.

2 июля 1926
Москва

* * *

У моря Галилейского ладья
На голубых волнах качалась у причала.
Смиранных рыбаков среди песков семья
Чинила сеть и псалмы распевала.

По берегу шел видом назорей
В льняном хитоне легкими шагами.
И на людей поющих у сетей
Метнул Он взор, как белых молний пламя.

– Оставьте мрежи, – тихо Он сказал. –
Ловить сердца Вам суждено отныне.
И Симон, а потом Андрей послушно встал
И, бросив сеть, ушли за Ним в пустыню.

А третий рыбарь вслед им посмотрел
И покачал в раздумье головою.
Докончил сеть и молча в лодку сел,
И натянулись сети бечевою.

Велик его улов был в этот день,
Но сердце радости обычной не познало.
И с той поры в нем назорея тень
Укором, и тоской, и зовом трепетала.

31 августа 1926
Сергиев Посад

* * *

Молодость, твоим росистым лугом
Никогда мне больше не идти.
Жизнь сомкнулась неразрывным кругом.
Дальше нет пути.

Дальше можно только по спирали
Улетать в неведомую высь.
Мне отрадны голубые дали,
Но порою заглядишься вниз.

Дух богаче. А душа беднее.
Молодость, в лугах твоих была
Я свежей, доверчивей, нежнее,
Дальше от земного зла.

12 сентября 1926
Сергиев Посад

* * *

В катакомбах гвоздем начертила
Слово «рыба» над именем друга
И святому значку поручила
Охранять останки супруга.

И пошла кипарисной аллеей
Под смиренной вдовьей вуалью
Туда, где дорога, белея,
Затерялась у терм Каракаллы.

Коротки земные разлуки.
Сердце полно любви бесконечной.
Завтра цирк. И желанные муки.
И с возлюбленным встреча.

2 ноября 1926
Москва

* * *

Три волхва идут ночной пустыней,
Мельхиор, Каспар и Валтасар.
«Слышен вам далекий голос львиный?» –
Оробев, шепнул Каспар.

Валтасар сказал: «Я умираю,
Жажда мучит. Путь еще далек.
Целый день ключа мы не встречали,
Всё песок, песок.

Лучше нам от крепкой лапы львиной
Поскорей бы снести один удар,
Чем влачиться без конца в пустыне».
И сказал: «Ты прав» – ему Каспар.

Мельхиор же не слышал их речи.
Вся пустыня перед ним цвела
Радостью обетованной встречи
С тем, к Кому звезда вела.

5 декабря 1926
Москва

* * *

В гробу лежала Лидия-девица.
Церковный свод был мрачен и высок.
И херувимов чуть виднелись лица
Сквозь голубой в кадилнице дымок.

И что-то пели тихо и бесстрастно
Смиренные монахинь голоса.
На золотой узор иконостаса
Всплывала медленно рассвета полоса.

Никто вокруг не плакал. Одиноко
Девица Лидия свершила краткий путь.

И только бледный зимний луч востока
Ласкал прощально ей лицо и грудь.

11 февраля 1927
Сергиев Посад

* * *

Я сплю. Но слышны мне сквозь сон
Посадского полудня звуки –
Шмеля гудящий перезвон,
И молотков глухие стуки
С какой-то стройки. Петухов
Вдали заливчатое пенье,
Девичий смех, ребячий рев,
Ожесточенных псов хрипенье,
И суетливый писк цыплят,
И кур докучное клохтанье,
И ритмы, что во мне звучат,
Как солнц ритмичное дыханье.

11 августа 1927
Сергиев Посад

* * *

Поверь: создавший гусеницу
Ей даст оуклиться потом
И к новой жизни возродиться,
И называться мотыльком.

Остерегись клеймо презренья
На путь ползущих налагать.
К ним близко смертное томленье
И близко – крыльев благодать.

13 сентября 1927
Москва

ВО ДВОРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Несут коринфскую колонну
И коленкоровый боскет.
И раззолоченного трона
Плывет картонный силуэт.

Там неба южного отрезь,
Там латы рыцарей в пыли.
Вот громов ржавое железо
В листах огромных пронесли.

Не так ли строит жизнь лукаво
Над правдой бутафорий ложь?
А там внутри – кипенье лавы
И бездны огненная дрожь.

*21 сентября 1927
Москва*

ИЗ ЦИКЛА «СЕМЬ СМЕРТНИКОВ»

II

Погиб корабль. Уже сомкнулись волны
Там, где стонал предсмертных криков ад.
Пустыня водная волнуется безмолвно,
Ни тучки, ни дымка не сыщется взгляд.

Погиб корабль. Но крохотная шлюпка
Каким-то чудом всё еще цела.
Но долго ль продержусь в ореховой скорлупке
Без снасти, без весла?

О, лучше тем, кто в безднах океана
Уже вкусил спасительный покой,
А здесь их вопль последний непрестанно
Дрожит над тишиной морской.

Напрасный зов тоски и страха крики.
Вся гибель корабля сейчас во мне одном.
Куда несу я этот груз великий?
Спасусь ли с ним? Усну ль на дне морском?

Желать не смею для себя спасенья
И только жажду. Тяжко мне терпеть.
Спасенным в час великого крушенья
Страшнее жить, чем умереть.

V

Тиару с бесовскими харями
На голову мне надели.
Ересиарху анафему
В соборе Трирском пропели.
На площади разгораются
Один за другим костры.
И мой черед приближается...
Минуты бегут, быстры...
Задохнуться бы в быстром пламени,
Страшно сердцу огненных мук.
Ах, и в пламени
Не изжить греха мне,
Не избегнуть дьявольских рук!
Горячи огни преисподней,
Страшна языков их печать.
И не смеет имя Господне
Ересиарх призвать.

VI

Я шел к заоблачным вершинам.
Хотел я там поставить флаг,
Где не был смертный ни единый
И тех, кому не ведом страх.

Я пил дыханье горных высей,
Алмазный холод ледников,

За рубежом их причастился
Нетленной чистоты снегов.

И был уж близок вожденный
Горы серебряный престол,
Когда в ущелье смертной сени
Нечеткий шаг меня привел.

Кристалльный лед могучей властью
Меня объял со всех сторон.
И у подножья гор прекрасный
Мне снится восхожденья сон.

VII

СТРАШНЫЙ СУД

Привык я спать в моей могиле.
Давно я черной стал землей.
Но вот зиждительные силы
Вновь сочетаются со мной.

И вновь я дух, и вновь я тело,
И слышу – ангелы зовут
Меня у горнего предела
На Страшный суд.

И грозно память оживает
Сквозь миллионы мертвых лет,
Пути земные вызывая
Из тьмы забвения на свет.

О, для чего мне эта встреча?
Я был земля, и был я дух.
И как же я теперь отвечу
За них, друг другу чуждых двух?

*24 ноября 1927
Сергиев Посад*

* * *

Страна сияющего инея.
В серебряных туманах лес.
Уходят ели в небо синее –
Их каждая вершина – крест.

Тысячецветное, искристое
Пространство снежное холмов.
Не Твой ли, Света Мать Пречистая,
Земле хранительный покров?

И эти дали бирюзовые,
И лучезарность тишины –
Не Твой ли отблеск, нам дарованный,
Твои о грешном мире сны?

21 января 1928
Софрино–Лосиный Остров

* * *

Подайте страннице убогой,
Иду к святым местам.
Разбились лапти на дорогах,
Котомушка пуста.

Кто может – дай шепотку чаю,
Отсыпь и сахарку,
В пути я, грешница, признаюсь,
Люблю попить чайку.

Прикинь копеечку на свечку,
На общую свечу,
О всякой доле человеческой
Молиться я хочу.

Лихих собак попридержите,
Подол весь изорвут.
В лохмотьях как войти в обитель?
Монахи засмеют.

На Валаам – не та ль дорога?
Ой, ширь, ой, высь кругом.
Просторна горница у Бога,
Странноприимный дом.

[1928]

* * *

Нужен мрак. Нельзя в потоке света
Сердцу смертному бессменно пребывать.
На земле зима идет за летом,
Ночь идет лучистый день сменять.

Скорбь нужна, чтоб радости сверканье
Всепобедно заструилось в нас,
Как в ненастье радуги сиянье,
Как на черном бархате алмаз.

3 сентября 1928

* * *

Уж вы елочки,
Богомолочки,
Вы о чем
Шепотком
Совещаетесь,
На пустырь
В монастырь
Пробираючись?

Там не рады вам.
За оградой
Всё по-новому:
Ходит бес,
Лапой крест
Выкорчевывает.

11 сентября 1928

* * *

Ты святой Софии вольница.
Я ушкуйник удалой.
Завтра, чуть ударят в звонницы,
Обвенчаемся с тобой.

Лодка легкая оснащена.
Вдосталь луков, стрел, мечей.
Есть края, где я не гащивал,
Где не ждут еще гостей.

Налетим быстрее кречетов
На несчастное птитво.
Только думать долго нечего
И дрожать над головой.

11 сентября 1928

* * *

Безлюбовный и безверный,
Лишь на злое зоркий глаз,
Благосклонно лицемерный,
Отведи, Господь, от нас.

Ясно видеть, четко слышать,
Крепко верить, твердо знать.

Ниспошли, Творец, нам свыше
Благодать.

14 октября 1928

* * *

Я – Каин. Брата моего
Вчера я камнем поразила.
Он спит, и разбудить его
Под солнцем нету силы.

И слышу: от его чела
Струится холод ледяной,
И очи осенила мгла
Недвижной пеленой.

Как воск беленый, он лежит,
Уста сомкнутые молчат.
И это значит – он убит...
О, Авель, о, мой брат.

Ты спишь. И твой покоен сон,
А мне уж не уснуть –
Во тьму пространств, во тьму времен
Влечет проклятья путь.

Не будет отдыха на нем.
Могильным мраком станет свет.
Горит печать на лбу моем –
Братоубийства след.

18 января 1929

Сергиев Посад

* * *

Наливается и зреет
Золотой на ветке плод.
С каждым мигом тяжелее,
Каждый миг свершенья ждет.

И наклонится покорно,
И отдаст в сужденный срок
Он земле могильной зерна
И незримый в них росток.

А когда свершится чудо,
Стебель выглянет на свет —
Где он будет, кто он будет,
Плод, которого уж нет?

25 февраля 1929
Москва

* * *

Длинный-длинный перрон.
На упоре чугунных колонн
Кровля-крышка гигантского гроба.
Сколько тут, как могильных червей,
Проползло днем и ночью страстей,
Суеты, и корысти, и злобы.

Сколько раз и меня паровоз
К этим сумрачным аркам подвез
С непрерывной моею тоской,
С неизбывностью нужд и сует.
Девять лет, девять горестных лет...

Вечный мир им и вечный покой.

16 октября 1929

* * *

На той стене, где были фрески:
Звезда, младенец, три волхва, –
Теперь бесстыдные гротески
И нечестивые слова.

Но всё осталось за стеною,
Как было – вещая звезда,
И перед Светлою Женою
Волхвы, Младенец и стада.

31 октября 1929
Сергиев Посад

* * *

Пёсьи головы – опричники –
С гиканьем по селам шастают
За потехой, за добычею
На великое несчастье.

Где метлой своей поганюю
Постучат злодеи в горницу,
Лютым псам на растерзание
Человечья жизнь готовится.

Ой, ты, царь Иван Васильевич,
Ой, дела, дела бесовские...
Стонет земщина бессильная:
«Высока стена Кремлевская».

18 февраля 1930

* * *

...И в дни потопа говорили
О хлебе, масле, молоке,
Играли в кости, ели, пили,
И меч карающий в руке

Всевышнего над их домами
Казался там простым дождем,
Пока свирепыми волнами
Потоп не хлынул в каждый дом.

И лишь тогда понятным стало,
Зачем был осмолен ковчег,
И в покаяньи запоздалом
К вершинам гор безумный бег

Народ смятенный устремляя
Забыл игру, и хлеб, и кров.

.....
И смерть, глухая и немая,
Над всем простерла свой покров.

*6 марта 1930
Томилино*

* * *

С.П. М<ансуро>ву

В сиреневых вечерних розах
Расцвел над кладбищем закат.
Там белоствольные березы
Твою могилу сторожат.

Там ели в молчаливой думе
Нездешние впивают сны,
И налетают ветров шумы
Вестями дальней стороны.

И над холмом твоим сиянье,
Чуть зримый тонкий белый свет
Несет душе напоминанье,
Что смерти нет.

20 марта 1930
Верея

* * *

Из-под раздавленного льда
Взмывает талая вода.
Снежна, сочна под нею грязь.
И обнаженных яблонь вязь
Лиловой дымкою сквозит.
Их на пригорке сторожит
Высокий тонкий частокол.
И близко-близко подошел
К селенью хмурый дремный лес,
Чертя зубцами край небес
И навеяв смутный сон
Про быль исчезнувших времен.

23 марта 1930
Верея

* * *

Безлюдье улицы убогой,
Провально-талая дорога
У покосившихся лачуг.
Лесов угрюмых полукруг.

Непробудимая дремота.
Нужда и черная забота.
Тоскливо-тусклые края.
Удел забвенный, Верея.

24 марта 1930
Верея

* * *

Ручей бежит.
– Ты чей, ручей?
Ручей звенит:
– Ничей, ничей.

Душа моя –
Вода и свет.
Свободен я,
Как ты, поэт.

8 апреля 1930
Томилино

* * *

О, Скифия, о, пьяные рабы,
Ночные игрища, заливчатое ржанье,
И хрип, и визг, и топот у избы,
Где я молюсь о мире и молчании.

Народ великий, родина моя,
Что в эту ночь растет и созревает,
Когда твой пахарь, голоден и пьян,
С гармоникой топочет, припевая:

«Буржуев станем резать
Мы, не щадя голов,
И на небо залезем,
Достанем всех богов».

25 апреля 1930
Томилино

* * *

Земля Ассура еле дышит,
Но снится ей победный сон,
Что с каждым днем всё выше, выше
Возводит башню Вавилон.

И терпеливы, и безлики
Земли Ассурской племена,
Склонили под бичом владыки
В бессильном гневе рамена.

Какое пламя возмущенья
В рабах замученных горит –
Не всё ль равно? В одно мгновенье
Свистящий бич их усмирит.

17 апреля 1930
Ухтомское–Перово

* * *

Полуразрублено плечо.
Из раны кровь бежит ключом,
Копье у горла, сорван щит...
«Не сдамся», – воин говорит.

Пришел на помощь смертный сон,
Непробужденным умер он,
Из рук живых заветный стяг
Не выкрал побежденный враг.

11 мая 1930
Томилино

* * *

Под ветвями лепечущей ивы,
Под крестами зеленых холмов
Слышны ль зовы задумчивых иволг
И блаженная грусть соловьев?

Или тем, кто уснул, наши песни,
Наша радость и жизнь не нужны,
Оттого, что святей и чудесней
На погосте приснились им сны.

Шепчет белая ива: не знаю –
Вековечья безмолвный ответ.
На могилы роса упадает,
Догорает зари алый свет.

24 мая 1930
Протасьев погост

* * *

Тринадцать лет мне минуло вчера,
И мать сказала: «Разрешил епископ
На вечере любви тебе явиться с нами».
Я роз и лилий нарвала охапку,
В корзину к матери сложила хлеб и мед,
Отец закинул сеть и для агапы
Поймал чудесных серебристых рыб.

Там за столом светильники горели,
И хлеб уже епископ преломил,
Когда вошли мы, опоздав немного.
Как птица в клетке, трепетало сердце
В моей груди, когда устами чаши
Коснулась я и в руки хлеб взяла.

«Ты отчего так, Мирра, побледнела, –
Спросила мать, – не душно ли тебе?»

Я ничего в ответ ей не сказала.
Ее и всех глаза кругом не узнавали.
Над каждой головой светился белый венчик,
И над плечами золотились крылья.
И сквозь алмазы радужные слез
Из всех очей глядел на всех Христос.

Сказала мать: «Ей дурно». Кто-то веял
Убрусом белым над моим челом,
И с крестным знаменьем кропил меня пресвитер,
И дьяконисса гладила мне кудри,
У ворота застежку отстегнув.

Вдруг сладкое и страшное лобзанье
Огнем проникло к сердцу моему,
И кто-то подал красную мне розу.
И голос прозвучал: «Обручена
Отныне жениху небесному она.
И девственную кровью на арене
Запечатлеть должна свое избранье».

Что было дальше, ничего не помню.
Очнулась я под синевою неба.
По-новому на нас глядели звезды
И всё кругом звучало и молилось,
Хоть ночь была торжественно-тиха.
И только мать и я одни сидели
У входа катакомб.

*26 июня 1930
Погост*

* * *

Как белый лебедь Лознгриня,
С лазурных низойдя высот,
Над опустелою равниной
В сияньи облако плывет

Из тайных высей Монсальвата
В долину горестей и зол.
Ты не за мной ли в час заката
Плывешь, торжественный посол?

Я жду, разлукою томима,
Спеши, священная ладья...

.....
Но облако пронесит мимо
Свои жемчужные края.

17 сентября 1930
Сергиев Посад

* * *

Аменти – край закатный. Розы.
Прощальная улыбка Ра.
Сапфиры виноградных гроздий,
Рубин Костра.

Фламинго розовая стая
В разливе пламенных небес.
Малиновая, золотая
Страна чудес.

3 декабря 1930
Сергиев Посад
Огородная улица, по дороге за молоком

* * *

День и ночь. Зенит. Надир.
Отошедшей жизни мир:
Восхождению, и зениту,
И склонению, и открытым

К новым странствиям вратам
Всюду Бог и всюду храм.

14 апреля 1931
Москва

* * *

Приставлен грозный часовой
К вратам из меди и железа.
О стены биться головой,
Молить и плакать бесполезно.

До срока он не отопрет
Ему врученной тяжкой двери,
Но можно чуда ждать с высот,
Но жаждет сердце чуду верить.

17 апреля 1931
Москва

* * *

Всё в мире движется. И ты,
Моя душа, ручей кипучий,
С недостижимой высоты
Свергалась по скалистым кручам
И пала в заводи долин.

.....
Не бойся робкого болота
И мелководья низин,
Осиль бессильную дремоту.
Уже блеснуло сквозь туман
Великих светлых вод течение –
Река! А дальше океан, –
Конечное освобожденье.

18 апреля 1931
Москва

* * *

Остановись. Трусливо под крыло,
Как страус, голову не прячь:
Подумать время нам пришло
О «высшей мере». Вот палач.
Вглядишься смелей в его черты.
В них наше «я» и наше «ты».
Вглядишься в того, в чью грудь сейчас
Тоска предсмертная впилась.
Его узнал ты? Это брат.
Отец твой. Сын. Единый друг.
Зачем ты пятишься назад?
Зачем, как он, бледнеешь вдруг?
Еще, еще в него вглядишься, –
Бери наган. Не промахнись.

20 апреля 1931

Москва

* * *

О, как грустен долгий этот вечер.
В лужах тускло светится вода.
Желтизной негаснувшей просвечен
Дом напротив. Бросит ли когда
Ночь на сердце полог многозвездный,
Загорится ль дня лазурный свет?
Там, за городом, цветут уже березы,
Зацветает синий первоцвет.
Там в лесах колышет легкий ветер
Поросли в душистой полутьме...
О, как душен долгий этот вечер
В многошумном городе-тюрьме.

29 апреля 1931

Москва

ИЗ КНИГИ «СНЫ»

* * *

Если желанья бегут, точно тени,
Если обеты – пустые слова,
Стоит ли жить для одних сновидений,
Стоит ли жить, если правда мертва.

Вл. Соловьев

Всё сны да сны. Когда же будет жизнь?
И страшные, и злые, и хмельные,
Со всех сторон, как стены, сны сплелись,
И к правде не могу пройти я.

Была тропинка жизни мне дана,
И лик один – Таинственный Водитель,
Но – попущеньем Божьим – искуситель
Увел его в пределы сна.

И я одна. И мир вокруг как сон.
То светлые, то темные виденья
Волнуются, бегут со всех сторон.
Им нет конца. И нет от них спасенья.

[1921]

ВО ДНИ СОДОМА И ГОМОРРЫ

Остеклевшим взором из-под камня
Рухнувшей скалы едва гляжу.
И на всем, что было жизнь недавно,
Знак иного царства нахожу.

Синей пастью небо надо мною
Щерит клочья белых облаков.
Вьется путь гремучею змеею
Вкруг полуразрушенных домов.

Бледный ужас в их глазах незрячих
Иль бездонная сияет пустота.
Стая воронов над церковью маячит,
Заслоня знаменье креста.

Белый столп вознесся недвижимо
На распутье. Белый. Соляной.
Это ты, мой верный, мой любимый,
Сторожишь раздавленных горой.

[1921]

* * *

Приснилось мне – застывшая земля
Висит комочком льда в пространствах мировых.
Ни городов, ни сел уж нет. Одни поля,
И черные кресты щетинятся на них.

Угасла жизнь. Ни человек, ни зверь
Не бродит в чаще призрачных крестов,
И некому оплакивать потерь
И хоронить последних мертвецов.

Но, мертвая сама, должна душа моя
На этом кладбище одна нести в себе
Гробовый мрак былого бытия
И весть Кому-то о его судьбе.

1 ноября 1921
Сергиев Посад

* * *

Оле Бессарабовой

Легкой поступью Оэлла
К изголовью моему
Подошла, сияньем белым
Озаря сердца тьму,

И, склонясь ко мне, шепнула
О Далеком, об Ином,
И крыло ее блеснуло
Влажно-алым жемчугом.

И лампада загорелась
Пред иконою в ночи.
И ушла, ушла Оэлла
Жить в лампадные лучи.

*19 февраля 1922
Сергиев Посад*

* * *

Синим, синим жгучим небом
Кроет душу сонный бред.
Над шатром деревьев хлебных
Яро желт закатный свет.

Мангустаны и бананы,
Теревинф и камфара –
Всё запуталось в лианы,
Не распутать до утра.

Бегемоты и тапиры
К Нилу сонному бредут.
На ветвях менуры-лиры
Песни райские поют.

А вдали пески пустыни
И прохладный рай Бурну.
В час, когда пески остынут,
Может быть, и я усну.

*23 апреля 1922
Сергиев Посад*

* * *

Может быть, мне это снилось
Или грезилось – не знаю.
Я в стенах тюрьмы томилась,
Чье-то имя поминая.

Не припомню это имя,
Только помню, что под ним
Был тот рыцарь мой любимый,
Что ушел к краям святым.

Сердце знало в тонком бреде –
Не придут о милом вести.
В светлом воинстве Танкреда
Позабыл он о невесте

И отдал за гроб Господень
С сарацинами в бою,
Верен клятве благородной,
Жизнь и молодость свою.

Но в печали безутешной,
В узкой прорези оконной
Вдруг я вижу свет нездешний,
Луч таинственно зеленый...

Может быть, мне это снилось,
Но от встречи этой с ним

Подземелье озарилось
Счастьем вечным, неземным.

22 июля 1922
Сергиев Посад

* * *

Снилось мне, иду на богомолье
Я одна, легка и молода.
А кругом весенним водопольем
Разлилась вода.

Первой зорькой небо заалело,
Стало всё как розовый алмаз.
На зарю, на воду я глядела
Без отвода глаз.

А река плескала да плескала
И кольцом свилась вокруг меня.
И тогда вдруг лебедью я стала,
Поднялась, запела и пропала
В море из огня.

30 августа 1928

* * *

Чудно – ночами всё не спится,
А днем стою или иду,
Жизнь засыпает на ходу,
И смутный сон в нее теснится:

Земля в неведомых цветах.
Жемчужно-алые прибои.
И над равниной голубою
Виденье Южного Креста.

19 сентября 1929

* * *

Утешитель и целитель,
Низойди в мою обитель,
Благовестник сон.

На крылах твоих лилейных,
Ароматных, тиховойных,
В край твой унесен,

Да спасусь в твоих селеньях
От бессонного томленья,
От кошмаров дня,

Друг небесный, друг чудесный,
Легкокрылый, благовестный,
Унеси меня.

11 апреля 1930
Томилино

ИЗ КНИГИ «ЗА ГРАНЬЮ»

* * *

Унеси меня, мой конь,
О, Кантакана!

Упанишады

О, Кантакана, конь мой верный!
Не бойся бездн, не бойся круч,
Твой бег, стремительный и мерный,
Нас унесет превыше туч

К вершинам дальним Гималаев,
Где ледников нетленных лед,
Лучи созвездий преломляя,
Ключи их тайны бережет.

Как высь надзвездная желанна,
Как горных жаждет дух вестей!
Но не споткнись, о, Кантакана!
О камни злых моих страстей!

29 марта 1928

Сергиево

* * *

Колонна воли – реальность, эмпири-
ческое данное, монадное построение
на базе единой верховной воли.

Слова из сна

Луч Воли Божьей камнем стал,
Преобразившийся в кристалл,
В колонну голубого света.
И на священном камне этом
Алмазно вспыхнули слова,
Что жизнь души моей жива.

19 сентября 1929

Сергиево

ИЗ КНИГИ «БЕССОННИЦА»

* * *

Обвилась могильною змеею
Вкруг сердца ночная тоска.
Всё, что в мире звалось тобою,
Как засохшая стала река.

Черным камнем, сорвавшись, упало
В былого бездонную глубь.
Снежным облаком на небе встало
И ушло в неведомый путь.

Я тебя не зову, но бесцельно
Повторяю пустые слова:
«Нераздельно, навек, беспредельно»,
И болит от них голова.

[1921]

* * *

Златокрылый, нежный, ясноликий
Ангел Фра Беато Анжелико
Со стены моей, склонясь, глядит.
Над челом его благословенным
Многозвездный нимб дрожит.

А в руках бездумно и блаженно
Райской лютни зыблется струна.
И не знает ангел ясноликий,

Ангел Фра Беато Анжелико
Тьмы беззвездной без надежд и сна.

25 октября 1921
Сергиев Посад

* * *

Всю ночь сегодня я помню, что кошка
Терзает и будет терзать мышонка,
И что прыгал потом под этим окошком
Бурый козленочек.

Янтарноглазый, милый и глупый,
И звали его «Леша».
А сейчас он лежит с ободранной кожей,
И съедят ни в чем не повинного Лешу
В картофельном супе.

Ах, эти страшные супы Вселенной!
Хрустящие кости.
Разъятые члены. Пожиранье и тленье.
Извечный пир на погосте.

И про себя мне вдруг приснилось,
Что варюсь я в кастрюле тесной
С картофелем, луком и перцем,
Но кипящее сердце
Вдруг во мне завопило:
«Ничего, я воскресну, воскресну».

10 декабря 1921
Сергиев Посад

* * *

Сквозь алый бредовой покров
Болезнь по комнатам ходила

(За нею взором я следила)
И семена бросала снов.

Из них мгновенно выростали
Спиралью буйные листы,
И душно-пряные цветы
В кровавых гроздьях расцветали.

Чудовищный нездешний плод
В тумане знойном колыхался
И, полный яда, наклонялся
К лицу, кропя глаза и рот.

Но, бредовой сорвав покров
Мечом сурового усилья,
Душа свои раскрыла крылья
И к жизни вырвалась из снов.

6 мая 1922
Сергиев Посад

* * *

Синева рассвета борется
С лампы мертвой желтизной.
За стеной старушка молится:
«Со святыми упокой».

Мир тебе, моя бездонная,
Беззаконная тоска.
Всё ночное днем разгонится.
Всё смахнет его клюка.

19 декабря 1923
Сергиев Посад

* * *

Жало заботы дневной
Смеет язвить мои ночи.
Сердце, покрепче закрой
К дню обращенные очи.

Сердце, поглубже пытай
Помыслов ковы лукавых.
Правь, выправляй, выпрямляй
Путь свой неправый.

26 июля 1925
Сергиев Посад

* * *

Слышишь ты или не слышишь
Тишину, когда не спишь?
Ветер елью не колышет.
За стеной не пискнет мышь.

Не слышать ничьих дыханий.
Нет кругом ничьих шагов.
Только ширится молчанье
Без преград и берегов.

В это море выплывая,
В даль неведомой страны,
Слушай, очи закрывая,
Вещий голос тишины –

...Шепот горестный и странный,
Темный сказ о несказанном.

18 февраля 1926

* * *

Не спится мне, не спится
До третьих петухов.
Хотелось бы молиться,
Да нет молитвы слов.

Развеялись, кружатся
В глухих ночных морях,
Где страшно затеряться
Без компаса в руках,

В тайге с голодным волком
Под вьюгами скулят
И плачут втихомолку,
Где слышен плач ребят.

Где горькая обида,
Где злая нищета,
Где звезд во тьме не видно,
Где жизнь, как тень, пуста.

Там скрылись, затерялись
Молитв моих слова.
И я без них осталась,
Как в засуху трава.

22 июля 1928, ночь

* * *

Глядит сова незрячими очами
Под кругом абажура на меня.
И электричества недвижимое пламя
Над ней желтеет, мысли цепеня.

Безглавая, безрукая Венера
Белеет прозрачно из темного угла.

Со шкафа дряхлая, костлявая химера
Бессильно сеет заклинанья зла.

А выше Дант и мост св<ятого> Марка,
И Беатриче с розою в руках.
Ах, как томительно, медлительно и жарко
Струится душная бессонницы река.

25 августа 1930, ночь

Москва, комната Даниила [Андрева]

ИЗ КНИГИ «ЯЗЫЧЕСКОЕ»

НА СВЯТКАХ

I

На распутьи всех дорог,
Всех времен и всех миров
Выйду в полночи глухой
Под рождественской звездой,

Божьей силе помолюсь,
Божьей воле покорюсь.
Кто меня о полночь встретит,
Кто в тиши ночной заметит
Тишину шагов моих,
Тот и будет мой жених.

II

Прозвенели бубенцами
Под моим окошком сани.
Кто-то стукнул у ворот,
Кто-то в горницу идет,

Кто-то звякнул, скрипнул дверью,
Сердцем верю и не верю,
Занялся пожаром дух:
Это милый, милый друг!

Тихо дверь полуоткрылась,
Сердце голубем забилося.
Вижу белый воск лица,
Вижу саван мертвеца.

Вдруг исчезло всё как дым.
Где же милый, что же с ним?
Под окошком нет саней,
Только гривами коней
Веет ветер по степи.
Тише, сердце, тише. Спи.

III

Пели песни подблюдные.
Я подругам дала
Перстенок изумрудный,
В чашу воск налила.
И тогда вынимали
Колечко мое,
И тогда поминали
На чужбине житье.
А из воска березки
Понависли шатром
Над могильным холмом.

[1920]

* * *

Выйду рано на Божью ниву,
Посмотрю на птиц, на росу
И подожду нетерпеливо,
Пока ты точишь косу.

Мне нечего делать на свете,
Мара-Морена.
Как долго ты возишься с этим
Железом священным.

Я жду заветного взмаха,
Как венчального ждут торжества.

Покажи, где твоя плаха.
Вот моя голова.

[1921]

* * *

Ведовских даров не хочу я,
Ни узорочья, ни обаяния.
Жизнь обморочить, колдунью злую,
Нет у меня желания.

Сеть обманов, утрат и позоров
Сплетает пусть невозбранно.
Сеть разорвет и развеет скоро
Мара–Морена–Моряна.

[1921]

* * *

Лиде Арьякас

Море синих облаков
И колосьев белых море.
Свежих ветра парусов
Плеск и лепет на просторе.

Ты плыви, мой легкий челн,
По струям межи зеленой,
Меж весомых хлебных волн,
Полуднем осеребренных.

Частоколы и жильё
Мреют маревом далеко.
Сердце вольное мое
Широко и одиноко.

28 июля 1922
Сергиев Посад

* * *

Лису

Хорошо в лесу заблудиться
И тропинку домой затерять,
По-лесному начать молиться,
Научиться у трав молчать.

И, глядя на беличьи лёты,
Полюбить опасность скачков,
Забыть дела и заботы,
И звук человеческих слов.

И в зеленых глубинах леса
Затонуть освеженной душой,
И бездумным, безликим, безвестным
Стать собратом твари лесной.

Под высокой сосной приютиться
И, подобно больному зверью,
В опавшие хвои зарыться
И окончить дорогу свою.

5 сентября 1922
Сергиев Посад

* * *

Знахарке, травы лесные
Мне повинуются все.
Утром стоят повитые
Белым туманом в росе.

Каплей за каплей все тайны
Выскажут мне до полдня,
После полудня их знаю,
Знают и травы меня.

Эта – целит от безбожья,
Этой – покроется грех.
С этою будь осторожен –
Эта – лукавее всех:

Тихой такой обернется,
Как молоком напоит.
Вдруг вся утроба зажжется,
Вспрыгнешь, как змей, ядовит.

Всё, что любимо, разлюбишь,
Сам себе станешь немил,
Жить в намогильниках будешь,
Выть по ночам у могил.

Травушка, травка лихая,
Как и зачем будешь жить?
Тихо трава отвечает:
Буду тебе ворожить.

*10 сентября 1922
Сергиев Посад*

ПОЕЗДКА В ГОРЯЧИЕ КЛЮЧИ

*Не одна-то в поле...
...Ах...
Не одна-то в поле дороженька...*

1

На мохнатых лапах ели
Залегли снеговички.
Все без лиц, в шубейках белых,
Осторожны и чутки.

Уши кроличьи пригнувши
К спинкам круглым, тишину

Сторожат в лесу уснувшим,
Ждут владычицу-луну.

И когда луна выходит,
Весь народ снеговичков
Хоровод немой заводит
С тенью веток и сучков.

До утра в неслышном танце
Зыблют лес они, пока
День плеснет на них багрянцем
Из пурпурного цветка.

2

Борису Б<ессарабову>

Удаль и грусть. И приволье
В ночь убежавших полей.
Эй, позабудь свою долю,
Сердце по снегу развей.

Видишь, леса нарядились,
Вышли царевну встречать.
Сны про неволю ей снились.
Сны эти надо прогнать.

Воля, раздольная воля
Песней летит по холмам.
Эй, размечи свою долю
Вьюгой по снежным полям.

3

Леший, леший, если хочешь
Сердце сказкой обморочить,
Сердцу весело кружить,
Путь из лесу позабыть.

Вот из лунного тумана
Вышла белая поляна.
На поляне семь волков
Ищут волчьих пастухов.

Беспастушное мы стадо.
Пастухов нам зимних надо.
У кого Егорьев дух,
Тот и будет нам пастух.

Волки, пусть я не Егорий,
Попытаюсь Вам на горе
Пастухом Вам зимним быть,
Волчью волю укротить.

Леший вокруг поляны кружит.
На поляне волки служат.
Пали белые ничком
Перед новым пастухом.

4

Засинела в поле синь.
Запушилась порошá.
Ты, судьба-злодейка, сгинь,
Веселись моя душа!

Пей морозный хмель степей,
Пей предвестье вьюг ночных.
Белой смерти чашу пей
На просторах снеговых.

5

Там, на ветке, опушенной
Легким лунным серебром,
Гамаюн поет влюбленный
Долгой ночью об одном.

Всё о том, что любит, любит
Он царевну-красоту,
Ту, что жизнь поэтов губит –
Непостижную мечту.

6

Плывет с холма на холм дорога
С волною пенно-снеговой.
В полях вечерних грусти много
И много радости земной.

Земной, живой, разгульно-жадной,
Такой простой, такой смешной,
Такой томительно-отрадной
Над спящей мира глубиной.

7

Передул дорогу снег.
Тяжелее санок бег.
Месяц желтый всё мутней.
Дали сизые бледней.
Стонет елка на юру.
По далекому бугру
Замигали огоньки –
Это волки у реки
Переправу сторожат,
Съесть гуляк ночных хотят.

*3–4 декабря 1922
Сергиев Посад*

* * *

Сень серебристых тополей
Душистой влагою ветвей
Струит у моего окна
Зеленый свет речного дна.

.....
Как сладко спать в траве речной
Русалкам в полдень золотой,
Воспоминая о земле
В подводной затерявши мгле.

И спать, и ждать, как луч луны,
В кристалле трепетной волны
Разбившись с голубых высот,
По сердцу мертвому скользнет.

6 июня 1926
Москва

* * *

Песни мои, песни,
Гусли мои, лады.
Сокол в поднебесьи,
Крестик за оградой.

Парус белокрылый
Гонит в ночь Моряна.
Не догонишь милой
Средь ночных туманов.

Канет путь Батыев
Безоглядно в море.
Гусли золотые,
Горе мое, море.

3 февраля 1929
Сергиев Посад

* * *

Река прозрачна и мелка,
Но сквозь плотины старой балки

Со дна глядит исподтишка
Зеленокосяя русалка.

Сверкнул топазом серый глаз,
Мелькнуло призрачное тело.
Коса по доскам расплелась,
И вся доска позеленела.

И всё пропало, и опять
Напрасно в щель моста гляжу я,
Лишь только водорослей прядь
Качает на плотине струи.

24–25 сентября 1929, ночь

* * *

Заповедным темным бором
Я иду в ночи одна.
На тропе моей узорной
Ворожит луна.

Чьи-то кости забелели,
Кто-то выставил рога.
В обомшелой старой ели
Спряталась Яга.

Воркотня старухи злая
Оцепила страхом лес.
Воет волк, лисица лает,
Мутен свод небес.

В облаках сгустились рожи
Темно-серых чудищ зла.
Неужели волей Божьей
Я сюда пришла?

*1 мая 1930
Тайнинка–Софрино*

ИЗ КНИГИ «ЗИМА»

* * *

Сестре

Снега зыбучей пеленой
Дрожат меж небом и землей,
И с мягких, низких облаков
Безмолвный слышен чей-то зов.

Проходишь ты над облаками
Уже неслышными шагами
И на меня ты не глядишь,
Но в сердце льешь святую тишь.

И буйных дум моих смиряешь
Неукротимую волну.
И тихо путь мой направляешь
В обетованную страну.

[1920]

* * *

Напоена морозной мглою
Перед окном моим трава
И с мертвой смешана листвою,
Но всё жива еще, жива.

И много злобных бурь промчится
Над каждым дрогнувшим стеблем,

Пока от жизни отрешится
Она под зимним серебром.

17 октября 1921
Сергиев Посад

* * *

Лису

В белоснежной колыбели
Укачали нас холмы.
Эти маленькие ели
В белых ризах – это мы.

Окрестила и забыла
В тихом поле нас метель.
В белый саван обратила
Нашу детскую постель.

И уснули мы, принцессы,
Под короной ледяной,
Зачарованы небесной
Белизной и тишиной.

19–20 ноября 1922
Сергиев Посад

* * *

На закате розовые дали
Поля белоснежного грустны.
С неба веют сизые вуали
Стынущей предсмертной тишины.

Ели, точно в ризах погребенных,
У дороги служат парастас.

Вспыхнул луч на колокольне дальней,
Вспыхнул – и погас.

10 февраля 1926
Сергиев Посад

* * *

Снег на солнце пахнет морем.
Сердце полно крепким горем
И морозную печать
Не сумеет расковать.

Волны кинуло далеко
Море снежное к востоку,
Там, где синий оком
Над пустынным серебром.

Море. Горе. Саван белый.
Черный лес заиндевельный.
Сколько тут замерзших слез
В космах елей и берез.

11 марта 1929
Сергиев Посад

ИЗ КНИГИ «ОСЕННЕЕ»

* * *

Золотая осень озарила
Золотую о тебе тоску.
Из всего, что летом жизни было,
Для тебя я багряницу тку.

Убираю трепетной листвою
Голубой хрустальный твой чертог.
Ты пройдешь незримою тропею
Далеко от всех земных дорог.

Паутины радужные будут
Точно слезы в никнущей траве,
Там, где весть развеется о чуде,
О тропинке в горней синеве.

1918
Киев

* * *

На осенние флоксы, на бархат вербен
Льется дождь утомительно длинный.
Преломленье времен. Близкий осени плен.
Сиротства и Печали крестины.

В пожелтелой траве чахлый клад золотой,
Дар последний умершего лета
Ветром с яблони сорван, над мокрой травой,
Смотрит яблоко поздним приветом.

Сыро в комнате. Печка грустит без огня.
Скоро окна мои затеплятся.
Плачут в стеклах дождинки, уныло звеня,
Думы черные в сердце стучатся.

10 сентября 1922
Сергиев Посад

* * *

Об отлете, о попутных ветрах,
О краях заморских птичий гам
В роще, первым золотом одетой,
Не смолкает долго по утрам.

Рдяных бус брусники переспелой
Вьются четки в золотистых мхах.
Бабье лето переплетом белым
Заплелось на травах и кустах.

Сух и глух протяжный ропот сосен.
Выше стал хрустальный небосвод.
Ничего уже душа не просит,
Собираясь в дальний перелет.

4 сентября 1923
Тимхово

* * *

Кровь коралловой рябины
Над моей убогой крышей
Снова рдеет в небе синем,
Снова небо стало выше.

И прозрачней в небе стали
Очертанья всех вещей.

И, летая, заблестали
Паутины меж ветвей.

Сад окутан паутиной.
Кровь коралловой рябины
Чашу Прошлого кропит.
Жизнь в гробу хрустальном спит.

9 сентября 1925
Сергиев Посад

НЕСКУЧНЫЙ САД

Безветренный сентябрьский день.
Как облака пурпурно-золотые,
Воздушных кленов рдеет в небе сень,
И солнцем осени победно залитые
Сияют липы редкою листвою
Над черными графитными стволами.
Овраг одет сверкающей парчой,
Ручей сверкает тонкими струями.
Сквозь сеть узорную поникнувших ветвей
Реки просветы серо-голубые.
Душа, притихнув, дальних ждет вестей
И верит, что они благие.

26–30 сентября 1925
Москва

* * *

Завороженной тишиной
Тропинку осеняют ели.
Как хорошо в лесу одной
Брести бездумно и бесцельно.

И только слушать, не дыша,
Как ветра шум сухой несется,

Как листья под ногой шуршат,
Как высшим миром сердце бьется.

*30 сентября 1926
Сергиев Посад*

ИЗ ЦИКЛА «ГОРОД»

В КРЕМЛЕ

Безмолвен Кремль. Навек Иван затих.
Молчат угодники в гробницах вековых,
Царям не встать из-под чугунных плит,
Минувшее без пробужденья спит.

На мостовой огромного двора
Детей советских кое-где игра
Смущает тишь. Мелькнул солдатский шлем,
И снова Кремль пустынен, глух и нем.

Лишь телефонов провода гудят.
Там во дворцах не спят и не молчат,
Но для меня невнятны их слова,
Их тайный смысл ловлю едва-едва...

Они, скрываясь масками, бегут
Во глубь Истории, где ждет их Страшный Суд.

*1 марта 1925
Москва*

* * *

Людской волны томительные всплески,
Жужжащая трамваев череда,
Автомобиля выкрик нагло-резкий,
На мрачном доме красная звезда.

Мечтательный и нежный голос скрипки –
Рябой слепец играет у стены
И слушает с экстазною улыбкой
Тоскующий напев своей струны.

Разносчик груши буро-золотые
Прохожих молит «дешево купить».
Безликие, глухие и немые
Прохожие спешат доткать дневную нить.

1 октября 1925
Ночная Москва

ИЗ КНИГИ «AD SUOR NOSTRA MORTE»

СЕСТРЕ МОЕЙ СМЕРТИ

Шаги твои уже слышны,
Уже твое дыханье веет
Сквозь оглушительные сны.
Но сердце верить не умеет,

Что буйный мир его тоски
Единым царским мановеньем
Твоей целительной руки
Уснет без муки воскресенья.

Что в царстве благодном твоём,
В твоей прохладной светлой сени,
Земным сожженная огнем,
Найду я к Вечному ступени.

[1918]
Киев

* * *

Будем как дети. Сядем под ветви
Дерева жизни. В ручьях из слез
Лицо умоем, как будто эти
Струи из капель цветочных рос.

Сердцем с трепещущей в нем стрелою
Станем, как бьющейся птицей, играть.
Потом укачаем его и землю
Тихо начнем засыпать.

И уснем, обнявшись в садах Эдема,
Простив друг другу пролитую кровь
И поверив, как дети, что играли всеми,
И Жизнью, и Смертью правит Любовь.

4 января 1922
Сергиев Посад

* * *

Сломан стебель колоска.
Жизнь уходит, смерть близка.
Зерен нет земле отдать,
Не в чем будет воскресать.

Догорай, июльский день,
Поспеши, ночная тень,
Всё очисти, всё покрой,
Со святыми упокой.

6 августа 1922
Сергиев Посад

* * *

Угасают дольные пристрастья,
С каждым шагом тише дольный шум.
Уж давно не нужен призрак-счастье,
Не пьянит отравя дерзких дум.

Только плоть недужная порою,
Как дитя, запросит своего –
Кофе, грелку, чистоты, покоя.
Жизнь в ответ не даст ей ничего.

И она, в практическом уроке
Шаткость прав своих в земных краях

Постигая, дремлет одиноко
И Эдем в предсмертных видит снах.

4 августа 1923
Сергиев Посад

* * *

Острым лезвием утраты
Пораженный дух, молчи.
Крепче скуй свой шлем и латы,
Закали свои мечи.

Если рана не смертельна,
Под броней утихнет боль.
Если ж близок миг предельный,
Стихнуть сердце приневожь

И в стремлении едином
Даму сердца увидеть
Смерти верным паладином,
С Ней блаженной встречи ждать.

12 июня 1925
Сергиев Посад

* * *

Всё чаще старость навевает
На душу странный мертвый сон –
Как гусеница, заключает
В сужденный срок себя в кокон.

Не слышен крыльев рост чудесный,
А к прежней жизни нет пути.
И только душно, только тесно,
И некуда от сна уйти.

21 августа 1927

* * *

Ты меня не спросишь, кто такая
И куда иду.
Крыльями чело мое лаская,
Скажешь тихо: жду.
Распахнутся перед нами двери,
Мы с тобой войдем,
Милый брат (да будет мне по вере),
В наш родимый дом.

[1928]

* * *

Шепчутся листы
На ветках золотых:
Первый я иль ты
С ветки улетишь?

Шепчет ветер им
В призрачном лесу:
Всем конец один,
Всех я унесу.

10 октября 1928

* * *

Чудная странница
Старой дорогою
Шла мимо нас.
Платьишко рваное,
Лапти убогие,
Звезды горят
Вместо глаз.

Кто с ней ни встретится,
Станет как вкопанный,
После, как сноп, упадет...
Охает, мечется
С криками, с топотом
Улицей нашей
Народ.
Что ж ты, родимая,
Что ж ты, желанная
Странница, мимо прошла?
Старицей чтимою,
Гостьюшкой званою,
Ты бы к нам в избу вошла.

14 октября 1928

ИЗ КНИГИ «СЕБЕ САМОМУ»

* * *

Всклокоченный, избитый, неумытый
Драчун и пьяница, душа моя
Стоит босой под стужей бытия
В мороз крещенский с головой открытой.

Всё теплое заложено в трактире,
Всё пропито отцовское добро.
Разбита грудь и сломано ребро,
И холодно, и трезво стало в мире.

И хочется, чтоб стало холодней,
Чтоб до небес взметнулась в поле вьюга
И вынесла меня из рокового круга
Постылых, жгучих, трезвых дней.

6–19 января 1923
Сергиев Посад

* * *

Слишком коротка будет постель,
чтобы протянуть ноги.
Слишком узко одеяло,
чтобы завернуться в нем.
Исайя, 28:20

Ущербной доли не смягчая,
Постель короткую мою
Я принимаю. Уважаю,
Но не люблю.

И слишком узким одеялом
Напрасно кутаясь в мороз,
Чужого я не пожелала
В юдоли слез.

Но всё же радуюсь порою,
Что не навек претерпевать
И одеяло мне такое,
И тесную мою кровать.

12 февраля 1924
Сергиев Посад

* * *

Сколько плевел и пустых колосьев
В перезревшей ниве у меня.
Поле, зноем истомившись, просит
И серпа, и облачного дня.

Жнец ленивый спит во тьме дремотной,
Сны его от жатвы далеки.
А проснувшись, будет беззаботно
Собирать на ниве васильки.

9 июля 1924
Сергиев Посад

* * *

Жнец пошел с серпом на поле
И, придя на поле, вспомнил,
Что весной он не пахал,
Что весну он прогулял.

Только жнец не унывает,
Он букеты собирает,

Куколь, пижму и синец...
Бедный жнец, безумный жнец.

29 августа 1926
Сергиев Посад

* * *

Худо исполнен урок мой дневной.
Всюду нули, единицы.
Сердце томится над ними тоской,
Сердце ответа страшится.

Скоро звонок. И закроется класс.
И не решить мне задачи.
Той, для какой я на свет родилась.
Той, над какой втихомолку я плачу.

10 июня 1927
Киев

МОЯ КОМНАТА

Закоулок паутинный.
Многощелистый чулан
В наказание за гордыню
Мне жильем отныне дан.

В дни былые кухней был он:
Черной пастью смотрит печь –
Всё собой заполонила,
Негде стать и негде лечь.

Сиротливо прислоненный
Стол трехногий у окна,
От работы отлученный.
А в окно ему видна

Дверь открытая сарая,
Куры, тряпки и навоз.
И ворон зловещих стая
В кружевных сетях берез.

27 июня 1927
Сергиев Посад

* * *

Как страшно жить в семи слоях.
В одном – мести дорожный прах
Чужой обглоданной метлой,
Забывши род высокий свой.

В другом – капризных бесенят
Кормить, как грач своих грачат.
А в третьем – их, как комаров,
Давить, распухнув от грехов.

В четвертом – плакать и молчать,
Без пробужденья в пятом спать,
В шестом – разъяренным костром
Сжигать, пылая, день за днем.

В седьмом же – арфе Серафима
Внимать в печали негасимой.

1 января 1926
Сергиев Посад

* * *

В какой ореховой скорлупке
Неоснащенной, зыбкой, хрупкой,
По океану бурных вод
Двойник мой дерзостно плывет.

И, может быть, лишь потому
Не страшно плаванье ему,
Что лилипутский этот путь
Стихиям трудно захлестнуть,

Что гребень вынесет волны
Его всегда из глубины,
Что лишь на миг ему дана
И высота, и глубина.

13 сентября 1927
Москва

* * *

Уснуть бы. Так уснуть глубоко,
Как не умеет спать живой.
И позабыть недуг жестокий,
И обрести покой.

Покой ли? Может быть, тревогу,
Какой не знают на земле,
Несет нам поворот дороги
К загробной черной мгле.

В той черной мгле какие тени,
Какие духи окружают
Меня в могильном сновиденьи,
Где мне приснится, верно, ад.

Приснится ль? Ну, а если явью
И без возврата, навсегда,
Тебя там встретит, раб лукавый,
Гееннская сковорода?

29 сентября 1927
Москва

* * *

Я не рыцарь, я не пахарь,
Нет меча и плуга нет
У меня. Я только знахарь
И кочующий поэт.

В тайники судеб прозренья
Дар таинственный мне дан,
И недугов исцеленье,
И елей для сердца ран.

Но я плохо трав искала,
Но разлит святой елей,
И когда мне жить сначала
Вновь придется меж людей –

Я даю обетованье
Разыскать им трав таких,
Чтобы с радостью страданье,
Как во мне, слилось и в них.

2 июля 1928

* * *

Могучий гуд аэроплана
И к утрени печальный звон –
Аккорд томительный и странный
Смутил предутренний мой сон.

В тысячелетнем ритуале
Там будут Бога прославлять,
А здесь, в дерзании небывалом,
В пустые небеса нырять.

Но ты не в церкви, у обедни.
Тебя не ждет аэроплан.

Куда же ты свой путь последний,
В какой направишь океан?

31 июля 1928
Москва

* * *

От каждого есть яда
Противоядья дар.
От вражеского взгляда
Есть камень безоар.

В беде опустишь руки –
Есть одолень-трава,
В печали и в разлуке
Поможет кукельван.

Но если яд всечасно
Твоя рождает кровь,
Помочь тебе не властны
Ни травы, ни любовь.

3 августа 1928
Кучино

* * *

Привыкает без руки
Нищий воин жить.
Привыкает в рудники
Каторжник ходить.

Привыкает и слепой
Солнца не видать.
Хочешь – плачь, а хочешь – пой –
Надо привыкать.

29 августа 1928

* * *

Раны заживают.
Полно горевать.
Пластырь помогает,
Теплая кровать,

У кого есть грелка,
Тем еще теплей.
Грелка не безделка...
Осторожней лей...

Пробка протекает,
Что еще сказать?
Раны заживают.
Полно горевать.

5 сентября 1928
вагон

* * *

Поздно. Заперты ворота
И калитка в сад.
Под окошком ходит кто-то.
Листья шелестят.

Кто он, мрачный соглядатай -
Мертвый иль живой?
Непрогляден сад, объятый
Мглою дождевой.

Не моя ли это совесть
Бродит у окна?
И моих распутий повесть
Слушает она.

И стучится веткой голой
В мокрое стекло,

Чтоб узнать, куда от боли
Душу занесло.

17 сентября 1928

* * *

Полночь. Лампа догорает.
Огнелкрылый мотылек
И трепещет и взлетает,
Всё оттягивает срок.

И сквозь сон ему шепчу я:
Полно, полно трепетать,
Улетай во тьму ночную,
Если начал умирать.

27 ноября 1928
Сергиев Посад

* * *

И дом, и сад мой не в порядке.
Садовник стар и плох.
Весна – невскопанные грядки,
Любимый куст засох,

Грозят обжорством гусеницы
На яблоне в листве,
И скот без удержу толпится
И скачет по траве.

А дома стекла перебиты,
По комнатам сырым
Гуляет ураган сердитый,
Валит из печек дым.

Завдом садовника похуже.
Обоих бы прогнать
Пора за то, что плохо служат,
А дом и сад продать.

И, в землю золото зарывши
(Отыщет кто-нибудь),
Перешагнув порог кладбища,
Уйти куда-нибудь.

30 апреля 1929
Москва

* * *

Я дом построил на песке,
И с неба хлынули потоки.
И рухнул дом. И я в тоске
Стою в раздумьи одинокий.

Что этот день придет, я знал,
Моя душа мне говорила:
И лес, и камень, и металл
Напрасно я сюда носила.

Но хоть недолго, здесь я жил,
На золотых песках пустыни.
И дом бывшего сердцу мил,
И эти жалкие руины.

14 мая 1929

* * *

Косное, ленивое, тупое
Жвачное животное во мне
Ищет трав съедобных и покоя,
Жизнь влача в туманном полусне.

И ему, взнудать его не смея,
Ни позорной спячке помешать,
Служишь ты, плененная Психея,
Подъяремный раб, моя душа.

13 апреля 1930
Дорога Хотьково–Тайники

* * *

Немного песен мне осталось.
Недолго мне на свет смотреть.
И часто смертную усталость
Нет сил в душе преодолеть.

Но если сон изнеможенья
Всё глуше стелет свой покров,
В глубинах сна слышнее пенье
Блаженных ангельских миров.

Пусть не дано мне песни эти
В слова земные воплотить –
Они – залог, они – обеты,
Что буду петь. Что буду жить.

22 августа 1930
Москва

* * *

Кровь холодеет в старых жилах,
Душа не хочет остывать.
Но что скрывать? Всё больше милы
Ей кресло, печка и кровать.

Великодушного мечтанья
Ей на земле не воплотить,

Лишь однодневного заданья
Под силу вытянуть ей нить.

Но там, за немощью, за болью,
За тканью дряхлую души
К бессмертным далям зреет воля
И обновить себя спешит.

10 декабря 1930

Москва

* * *

Так тесен круг моих желаний.
Из них пространнее – одно:
Не слышать детских приставаний
И шумов, бьющихся в окно.

Другое: участь приживала
Трудом суровым заменить.
И третье: круг закончив малый,
Порвать желаний этих нить.

25 октября 1931

Москва

* * *

Лепит в окна мокрый снег.
Рубит мясо мясорубка.
Воду впитывает губка.
Дело жизни есть у всех.

Только ты лежишь ничком,
Безработный обыватель,
Инвалид, стишков кропатель
Под железным сапогом.

Руки старые болят.
Не поймать тебе синицу.
Но как прежде сердцу снится
Крик узывный журавля.

29 октября 1931
Москва

ИЗ КНИГИ «ПРЕДДВЕРИЕ»

* * *

Девушка не умерла, но спит.

«Не умерла, но спит». Не спит, но умерла.
Не для уснувших чудо воскресенья.
Душа вкусила смерть и в мир теней вошла.
И там жила. И там познала тленье.

И только там архангела труба
К ней донеслась в день судного деянья.
Она встает. Еще нема, слаба, —
Но уж дыша Господних уст дыханьем.

[1921]

* * *

Крылатым сердцу надо стать,
Земную тягу оторвать,
И с песней жаворонка взвиться,
И в синем небе раствориться.

А к ночи пасть росой в полынь,
Покинув облачную синь,
И горечь дольных снов испить,
И мрак ночной осеребрить.

А к утру в облачное море
Вознесть свое бывшее горе.

*16 июня 1922
Сергиев Посад*

* * *

Не плакала, не трепетала
Сегодня пленная душа
И о свободе не вздыхала,
Но молча крылья подымала,
Проверить силу их спеша.

Блестели светлые озера,
Курились горы вдалеке,
Синели вольные просторы
Моей тюрьме, моей тоске.

18 сентября 1922
Сергиев Посад

* * *

Глубже, глубже, круг за кругом
Я спускаюсь в глубину.
Ни смятенья, ни испуга –
Мне легко идти ко дну.

Там, на дне, меня, я знаю,
Ждет святая тишина,
Та, что, дух освобождая
От мучительного сна,

К несказанно светлой яви
Устремит глаза мои,
К Божьей правде, к Божьей Славе,
К бесконечности Любви.

23 сентября 1922
Москва

* * *

Утренним воскресным славословьем
Сладостно волнуется мой дух.
Пурпурную жертвенную кровью,
Как вином, просвечен сердца круг.

Гиацинтов розовых цветением
Зыблятся над кровлями дымы.

.....
Верую, что будет исхождение
Из могильной тьмы.

11 февраля 1923
Сергиев Посад

* * *

Сквозь мрамор берез белоствольных
Заревых небес перламутр.
Всё это уж было. Довольно
Ночей, и рассветов, и утр.

Вспомнив юдольные требы,
В муку свои зерна смеля,
К иному взываю я небу,
Иная мне снится земля.

18 июня 1923
Тимхово

* * *

Благословен звенящий зной,
Полудня песня золотая,
И бесконечность надо мной,
Лазурным блеском залитая,

Благословенны облаков
Причудливые сочетанья,
Листвы уютный свежий кров,
Малины зреющей дыханье,

И яркий бабочки полет,
И жалкий путь червя земного,
И всё, что дышит и живет,
И всё, что умереть готово.

19 июля 1927

* * *

Созрел тоски тяжелый плод
И соком розовым налил.
И голубь с голубых высот
К нему неожиданно опустился.

Сорвал и ввысь его унес,
И скрылся в непостижной дали,
В краю, где нет ни мук, ни слез,
Ни воздыханья, ни печали.

22 декабря 1927

* * *

Игра стоцветных самоцветов
Небесной музыкой звучит.
Но в сердце нет для них ответа,
Душа испуганно молчит.

Сложить слова молитвы новой,
Взойти в нетленный этот храм
Дерзну ль, в отребьях и в оковах
Бредущий по земным тропам?

Но был мне знак: спустилась Дева
Ко мне с таинственных высот,
Моей души неплодной чрева
Благословя грядущий плод.

И как архангелу из рая
Она ответила в веках,
Так я сказала ей: «Не знаю
Я мужа в одиноких днях».

И как архангел ей когда-то,
Она ответствовала мне:
«Зачнешь свой дух от Духа свята,
Взрастишь и утвердишь в огне».

22 декабря 1927

* * *

От смоковницы возьмите подобие.

От Матфея

Я полумертвое пшеничное зерно,
Но жив росток мой, к солнцу устремленный,
В точилах времени я новое вино,
И колос я, и жнец, к нему склоненный.

Как на смоковнице весеннею порой
В набухших почках листья уж готовы,
Так и моя душа над тесною корой
Полна движеньем творческого слова.

Свершенью горнему покорствует она.
Что будет впредь – о том ей знать не надо.
Но в вышине лазурная весна
Ей шлет свой луч из Голубого Сада.

19 февраля 1928
Москва

* * *

Синеет сумрак за окном,
Предвестный знак утра.
Душа полна прожитым днем,
Таинственным «вчера».

Куда ушел он, прожитой
В такой печали день,
В какую даль уйдет со мной
Его печали тень?

Всё голубей и голубей
Ночная грусть в саду.
И вижу сквозь навес ветвей
Рассветную звезду.

1 июня 1929
Сергиево

* * *

Что изменилось во мне иль в мире,
Стал я старей и недужней,
Но сердце раскрылось
Свободней и шире,
И многое стало ненужным,
Что раньше потребой
Мучительно страстной
Туманило душу,
И ясности неба
Ничто уж не властно
Нарушить.

21 мая 1931
Перловка–Софрино

ИЗ КНИГИ «ПРОХОДЯЩИМ И УШЕДШИМ»

* * *

N.N.

Опять сплетенные руки.
Опять к устам уста.
Какая скука и мука,
Какая тщета.

Голубое небо мое далекое,
Ты знаешь не этот путь.
Ты нисходишь в ночь одинокую,
В пронзенную грудь.

Упадают кровли и стены,
И на сердце нагое мое
Все звезды, все звезды вселенной
Струят сиянье свое.

[1921]

ВСТРЕЧНОМУ ПРОХОЖЕМУ

Что мне до твоей судьбы,
Нищий странник босоногий?
Нет конца моей дороге,
Для ночлега нет избы.

Сломан посох мой дорожный,
Сквозь промокшее рядно

Дождь сечет меня давно —
В кабаке зипун заложен.

Всё же, всё же за тебя
Грудь сжимается невольно.
И что наг ты, сердцу больно,
Как ни больно за себя.

12 сентября 1926
Сергиев Посад

ПАМЯТИ ТРАМВАЙНОЙ ВСТРЕЧИ С КИТАЙЦЕМ

Какие странные народы
С раскосым хитрым блеском глаз
Во имя правды и свободы
Из мглы веков ползут на нас.

Гостеприимно их одели
И русской кожей, и сукном.
Но ток вражды закоренелой
Сквозит в них беглым огоньком.

Под желтой маской азиатку
От недоношенных свобод
Каких потайных целей надо,
Какой истории здесь ход?

Гляжу и думаю: мы братья,
Но был и Каин на земле.
И тайный знак его печати
Ищу на узком их челе.

25 ноября 1926
Москва

ЗАТЕРЯННОМУ В ПУСТЫНЯХ МИРА

Где этот берег, что во мраке
Моих провидений ночных
Мне световые чертит знаки
В пустынных безднах мировых?

Мои ль там черные затоны
Иль кто-нибудь душе родной,
В ночи погибнуть обреченный,
Перекликается со мной?

Прочесть я знаков не умею,
Но вижу, вспыхнул уж маяк
Над темной пристанью моею
И начертал призывный знак.

*13 февраля 1928
Москва*

ЭСКИЗЫ INTERIEUR'OB

I

Фиолетовый приют
Фантастических дерзаний.
На стенах и там, и тут
Снов Мировича созданья:

Небывалые цветы,
Пальмы, алые закаты,
Искаженный лик мечты,
Смутный сказ о непонятном.

Три мадонны – отчий дар.
На старинной шифоньере
Целый маленький базар –
Деревяшки, птицы, звери.

Вот Кольцовский мужичок,
Вот в кокошнике старушка.
Длинноносый куличок
И неведома зверушка

С хризолитовым глазком.
Книги – желтая «София»,
Два Шмакова не в подъем.
Приключения лихие
(Корректурa «Следопыт»).

Из пружинного матраса
Канapé. Над ним горит
Лампа в чепчике атласном.

II

Элегантная молельня –
Только угол в образах.
Всё лубочного изделия.
Стены в плахтах и в коврах.
На стенах картин священных
В красных рамках целый строй.
Но Романов Пантелеймон
Прерывает их собой.
На балкон, весьма комфортный,
Итальянское окно.
Книги все святого сорта –
Грешной, светской – ни одной.
Два оранжевые пуфа,
Две кушетки и буфет,
Где стоит посуда глухо,
Где сластей давно уж нет.
Шоколады, мармелады –
Прежний сладкой жизни груз
Изгнан весь, как чары ада
И земных греховных уз.

III

Неугасимая лампада
Пред ликом вышитым Христа.
Невдалеке монах рогатый
(Рога – развилины хвоста).

Здесь Пушкин – маска Крандиевской –
Над ложем Бишиным висит.
На полке – «Таксу» (Коваленский)
Блок терпеливо сторожит.

Чтоб такса лаем не загнала
«Неопалимой купины»
Туда, где слава обращала
Все купины в пустые сны,

Марионетки – злобный воин,
Жреца египетского дочь –
В коварстве жутко беспокойном
Колдуют с полки день и ночь.

Но бабушка со стенки властно
Их отражает колдовство,
И фисгармонии безгласной
Царит над ними торжество.

Мелодий всех грядущих звуки,
Гармонии небесной свет.

.....
Любовно бережные руки
На стол поставили букет.

Ромашек звезды исполинских
Зимой по стенкам, по коврам
Играют отблески камина,
Даря уют мечтам и снам.

Сияет зеркало большое
Над самописьменным столом,
Чтоб Биша, сидя за стихом,
Полюбоваться мог собою,
Поэта взором и челом
В лучах свободных вдохновений
И госиздатских достижений.

30 июля 1928

Москва

* * *

Коловиону (Новикову)

Наугольник, отвес, молоток.
Отчего твои знаки, масон,
Как несделанный в детстве урок,
Отгоняют мой сон?

Верно ль был разлинован твой день,
Прямы ль к истине были пути?
Безобманную к правде ступень
Ты сумел ли отвесом найти?

Удалось ли тебе молотком
Вековечную стену пробить,
Чтоб на миг хоть единым глазком
Солнца Истины луч уловить?

13 августа 1928

Сергиев Посад

* * *

Какая темная преграда –
Твой образ на моем пути.

И знаю я, осилить надо
Его, не просто обойти.

Но чем осилить? Дерзновеньем?
Или смиреньем до конца,
Иль чародейственным забвеньем
Былого твоего лица?

Иль нужно в кожаной одежде,
Как прародителям в раю,
Снести и стыд, и горечь прежде,
Чем искупить вину свою?

18 июля 1928

* * *

Крякнула-стукнула палка,
Сыплется врозь городок.
Стройки минутной не жалко,
Новый растет теремок.

Новому также пощады
В резвой не будет игре.
Крякнула палка – и надо
В очередь лечь на ребре.

[Июль] 1928

ПОРТРЕТ N.N.

На работе в саду латышка
Стройна и, как дуб, крепка.
А лицо у нее – кочерыжка
Капустного кочешка.

Глаза – оловянные бляшки.
Башмачком энергичный нос.

Под легкою тканью рубашки
Венеры Милосской торс.

Закусив от усилия губы,
С лопатой железной в руках
Над землею бесплодной и грубой
Опускает за взмахом взмах.

14 июня 1929

[СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПРИМЫКАЮЩИЕ К КНИГЕ
«ПРОХОДЯЩИМ И УДЕДШИМ»]

СВЯТОЙ ВАРВАРЕ

Агница Божия, чьей девственной кровью
Омытое
Имя
Ношу недостойно,
Чей образ царит над моим изголовьем,
В томлении ночи лишенный покоя,
Скажи мне, Святая Варвара,
Когда, под рукой Диоскора
Склонясь на колени,
Ты казни ждала неминучей,
Была ль в то мгновенье
Душа твоя мукой охвачена жгучей,
Иль ангелов пенье
Уже доносилось отверстому слуху,
И радостно было пречистому духу
Покинуть земное томленье?

.....
Я миг этот знаю,
Когда голова упадет
Под тяжким мечом.
И трава, и весь мир в багрянице
Пролившейся крови предстанет
И в бездны минувшего канет.
Пришел ли к тебе в этот миг
Твой небесный жених?
Агница Божья, Святая Варвара,

На бездорожьи
Скитаний моих
Я к тебе прибегаю
Из бездны греха:
Умоли твоего Жениха
И мое упокоить земное томленьё
В его непорочном селеньи.

*25 февраля 1923
Сергиев Посад*

* * *

Танечке Е<тифановой>

Фра-Беато-Анжеликовских
Занавесок голубых –
Неслучайно в хаос дикий
Занесло четыре их.

Неслучайно под жемчугом
В филигранном серебре
Над кушеткой в светлом круге,
Как денница на заре,

Осняет Лик Небесный
Ваши сны и Ваш покой.
И застыл в простенке тесном
В умном деланье Толстой.

*19 апреля 1923
Москва (Високие)*

ОДНОЙ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ

Т.Р.; Е.В.Д. и многим

Подорожник, подорожник,
Бедный лист земных дорог,
Как же так неосторожно
На земле расцвечь ты мог?

Только палки, только ноги,
Только грубый чей-то след,
Только пыль большой дороги
Оселяет твой расцвет.

Но порою для целенья,
Слыша ближнего призыв,
Ты несешь свое служенье
На гноящийся нарыв.

20 апреля 1923

Москва

[ЖИВОПИСЦЫ]

I. МАТИСС

Крепким красным светом края
Грани царства твоего,
Воспевая голубое
Рек воздушных торжество,

Округляя мощной дланью
Зелень каменных плодов,
Тяжким молотом титана
Перестроить мир готов.

II. Дени

Этот остров золотистый,
Этот сладостный закат,
Этот страстный, этот чистый
Афродиты юной взгляд,

В синеве блаженной моря,
В детской неге пастухов
И вдали, в лиловом взгорье
Элезийских островов –

Как свирель из давних, нежных,
Ясных, отроческих лет,
Мне доносит безмятежный
Солнца Аттики привет.

III. Гогэн

Медвяной пряностью янтарного банана
В просвет берилловых и яшмовых ветвей
Струится солнце песней несказанной,
Колдующей симфонией лучей.

И лики темные, как идолы немые,
Как изваяния с неведомых планет,
Вливают жутко таинства ночные
В сгустившийся, певучий, сладкий свет.

Растенья злые чьею-то волшбою
Таинственно над злом вознесены,
И раскаленной красною тропею
Мечты в безумный рай унесены.

21 апреля 1923

Москва

* * *

Л.И. Шестову

Отходя ко сну, невольно
Помню я твои слова –
Горный цвет тропинки дольней,
Отблеск тайный Божества.

Их суровость снеговую,
Ледниковый острый блеск,
Вспоминая, возношу я
Над былым высокий крест.

Над могилой место свято.
Здесь окончился наш путь.
Но учителя и брата
Сердце просит помянуть.

*17 мая 1923
Сергиев Посад*

ДЕНЬ ИЛЬИ-ПРОРОКА

Наташе

Под знаком огненным пророка Илии
Пять лет тому назад в орбиту жизни новой
Вошла ты, голосу покорствуя любви.
И в брачный твой венец вплела венец терновый

Моих страстей и мук неизжитая боль.
Посмею ли сказать, что нет им воскресенья?
Но в этот день коснуться мне дозволю
В спокойствии смиренья и трезвленья

Узла священного, где Бог меня связал
С твоей судьбой обетом нерушимым

И знаменье-Дитя нам даровал,
Где ты и я слились неразделимо.

Любви и мук твоих, моих – без грани –
В его очах претворены года –
В такое нежное, победное сиянье,
Как Вифлеемская над яслями звезда.

Еще сказать тебе хотелось мне сегодня –
Аминь. Да будет всё, что будет впереди.
Пусть только волею не нашей, а Господней
Навеки наши движутся пути.

И знаю, Остров моего Изгнания
(Труханов на Днепре, пять лет тому назад) –
Как для тебя день твоего венчания,
Стал для меня путем в один – в нездешний град.

2 августа 1923
Сергиев Посад

* * *

Некоторым православным

Обедни, утрени, вечерни, парастазы.
А жизнь всё та же – теплый обиход
Семейственной любви. Очередные фазы
В кругу годичном маленьких забот.

На Пасху – куличи. На Рождество – свинина.
В субботу – мыть полы и чистое белье.
И медленно благочестивой тиной
До головы засосано житье.

5 августа 1923
Сергиев Посад

ИЗ КНИГИ «БЫТ»

КРАСИЮКОВКА

Не гляди в окно. Всё та же
Там береза. А под ней
Частоколов серых стража
И закуты для свиней.

Из калитки выйдут козы.
Буро-желтою травой,
Побелевшей от мороза,
Их накормит день седой.

Мещанин, картуз надвинув
К самой шее, на базар
Шагом медленным и чинным
Поплетется, хил и стар.

Потерявший дом и кличку,
Виновато спрятав хвост,
В тщетных поисках добычи
Побежит голодный пес.

Подерутся две вороны
На березовом суку.
И промчатся вдоль вагоны
По откосу, наверху.

29 октября 1922
Сергиев Посад

* * *

Вечерний час. В прихожей печка
Сырым осинником трещит.
Душа покорно, как овечка,
Жует свой пережитый быт:

Чугун с разлившимися щами,
Каких-то тряпок недочет,
Декрет не торговать дровами
И «прачка завтра не придет».

Жужжат старушки причитанья,
Докучное веретено.
И синим лунным чарованьем
Горит морозное окно.

7 декабря 1922
Сергиев Посад

* * *

Лежу, укрывшись с головою,
Темно, и тихо, и тепло.
А за стенами злой пургою
Всю Красюковку замело.

И снится, что ходить не надо
По ней отныне никогда,
Что в Киновии за оградой
Я сплю под крыльями креста.

Что вой глухой метели слышу
Я под гробовой пеленой.
И только грудь, как раньше, дышит
Надеждой глупой и смешной.

30 января 1923
Сергиев Посад

* * *

Хрустит обтаявшею коркой
На тротуаре скользком лед.
Грачи толкуются на пригорке,
За лесом колокол гудёт
Великопостным грустным гудом.
Над Лаврой туча из свинца.

.....
А я несу лудить посуду
Под кров Семена-кузнеца.

20 марта 1923
Сергиев Посад

* * *

Обменяться улыбкой с вечерней звездой
На подмерзших ступенях крыльца.
Попрощаться с весенней зеленой зарею,
Ощутив благовестье конца.

И потом, полосатым себя одеялом,
Как надгробным покровом, укрыв,
Вдруг увидеть с тоскою, что старый, усталый,
Твой упрямый двойник еще жив

И животно тепло одеяла впивает,
И дремотно ликует, что близится сон,
И гнездится, подушки свои оправляя,
Неразрывно и жутко с тобой сопряжен.

31 марта 1923
Сергиев Посад

В ВАГОНЕ

Про теленка и козленка,
Про полову для коров
Вкруг меня стрекочет звонко
Стая бабьих голосов.

Мещанин, пропитан ядом
Всех убытков и обид,
Над газетой беспощадно
Революцию костит.

«Да, действительно, свобода, –
Старики в углу кряхтят. –
Сняли десять шкур с народа,
Лоб крестить – купи мандат».

И безусый комсомолец
Вдруг истошно возопил:
«Стать марксистом каждый волен!
Кто в ячейку поступил –

У того – глядите сами –
Что я ем и что я пью –
На руке браслет с часами
И мандат из Ге-Пе-У!»

Сразу смолкли разговоры,
Молча в окна все глядят.
Только поезд тараторит:
«Ге-Пе-У, мандат, мандат...»

27 апреля 1923

УГОЛОК ЛЕТНЕГО АРБАТА, 10 Ч. УТРА

Ослепший на фронте
Солдат
Играет на флейте
Под грохот трамвая.
На рынок Смоленский
Бежит деловая
Толпа
Распаленных заботой
И зноем хозяек,
Не слушая жалобы
Томной и сладкой
На холодность Гретхен,
Что Зибель влюбленный
Цветам доверяет.

Горячее лето
Мороженщик студит
На том же углу,
Рукой грязноватой
На круглую вафлю
Кладя осторожно
Свой снег подслащенный.

Босой, полуголый
Следит ком-со-молец
С нескрытой алчбою
За тающей вафлей
Во рту комсомолки,
Не в силах дожидаться
Мгновения пира.

Старик, убеленный
Семидесятой
Зимою,
подагрик
(Быть может, сенатор
Былого режима –

В лице изможденном
Еще уцелели
Черты олимпийства) –
Без слова и жеста стоит терпеливо
Над жалким лоточком
Тщедушных конвертов
По миллиону
За каждую пару.

В истрепанном платье
Еще молодая
Жена офицера
(Вернее, вдова,
Потому что нет вести
О муже пропавшем
Ни с Сербской границы,
Ни из Берлина
Пять лет с половиной) –

Жена офицера
Из шелковой тряпки
Нашила шляпенки
И чепчиков детских
И, их нанизавши
На тонкой бечевке,
Как вялую рыбу,
Несет на базар.

Лимонно-зеленый
От жизни в притонах
И скудости пищи
Стоит у забора,
Крича «папиросы»,
Шустрый мальчишка.

А выше, на будке,
Пестреют афиши:
«Любовь старика»,
«Приключенье Бим-Бома»,

«Мистерия Буфф»,
«Спешите, бегите,
Скорей покупайте
Заем».

Высоко и тонко,
Как визг поросенка,
То грубо, то дико,
Как хрюканье раненой
Стаи кабаньей,
Автомобильных сирен отовсюду
Несутся гудки.

На перекрестке Малютка
Вам тянет в тугих узелках
Васильки и ромашки.

Купите, купите
Улыбку природы
За пять замусоленных
Красных бумажек,
А девочка купит
На них поскорее
Любезную ей
Сладковатую гадость
В двух тоненьких вафлях.

Цветочку средь камней,
Столица и ей
Подарит на мгновенье
Прохладу и радость
За пять замусоленных
Красных бумажек.

*24 июня – 7 июля 1923
Москва*

* * *

Отрезвонил пономарь к обедне.
Прихожане расползлись, как муравьи,
В переулках, в улицах соседних
В тесные свои муры.

В жарких кухнях пахнет пирогами,
Покрестившись, станут пить морковь
И рассказывать всё теми же словами
Много раз рассказанное – вновь.

Старики взберутся на постели
И, от мух укрывшись, станут спать,
Молодежь пойдет бродить без цели,
Дети будут в чижики играть.

6–7 июля 1923
Сергиев Посад

* * *

Черен и глух
Посад
В этот час,
Ноябрьским туманом повитый.
Лишь с колокольни прожектора глаз
Белизной своей ядовитой
Мрак рассекает густой.
Боже мой,
Что за грязь!
Квакает,
Чавкает,
Липнет,
Скользит под ногой.
Фонарь мой погас.
Спички забыты.
Ветер шумит по верхушкам берез.

Близок мой дом –
Это – мост,
Это – канава,
Нужно держаться,
Не отклоняясь
Ни влево, ни вправо –
Иначе придется упасть...
Боже мой,
Что за грязь...
Вот и ограда
Жилья,
Где, чадя и мигая,
Догорает
Лампада моя.

8 ноября 1923
Сергиев Посад

* * *

Я живу в избе курной.
Злой паук живет со мной.
Злой паук со мной живет.
Пряжу день и ночь прядет.

Пряжа черная крепка.
Липкой сажей с потолка
Мне засыпало глаза.
Дверь найти впотьмах нельзя –
Не уйти от паука.

9 ноября 1923

БЕСПЛОДНЫЕ МЫСЛИ ВО ВРЕМЯ ГОЛОВНОЙ БОЛИ

I

Это не сон и не фантасмагория,
Порожденная болью головной –
Старуха старая, точно мхом поросшая
(С кровати улица мне видна в окно),
Старуха старая, как щепка тощая,
До земли пригибаясь,
На спине своей сгорбленной,
Как дом, огромную
Тащит вязанку дров.
День ноябрьский железно суров.
И мимо, мимо идут молодые
С руками пустыми.
И никто, никто
Не спросил, оглянувшись:
«За что
Она, а не я
Несет это страшное бремя
Бытия?»
Никто не помог старухе.
И я
В свое время
Не очень-то им помогала –
Старым, больным –
А теперь уж и времени мало
Осталось под солнцем земным.

II

И это не сон, что вокруг
Люди от голода мрут.
А у нас тут
И фрукты, и сладости,
И надежда на Божью благодать.

Но это сон, что есть в мире братство,
Что идет вперед человечество,
Что каждому есть дело до каждого
И что утолится
От перемены правлений
Всякая боль и жажда.

III

На короткой цепи прикована,
День и ночь рыдает собака
Человеческим страшным голосом
От неволи, мороза и голода.

И хозяин ее, и прохожие
Ухом привычным
Плач ее слушают,
Забираясь в теплое логово,
И верят, что так положено:
Собаке собачья доля.

IV

Ко всему человек привыкает,
К унижению, к боли,
А больше всего
К чужому страданию.
Слепому и параличного
В начале их испытаний
Жалеют,
А потом они – тени привычные
В саду мироздания.

V

Разорвался ремень на фабрике, –
Расплющилось лицо у девушки,
И ходит она – безногая.
Все от нее шарахаются:

«Дурная болезнь, заразная».
А впереди – годы долгие,
А вокруг – с носами, здоровые
Невесты, и жены, и матери.

VI

Отнимается дитя у матери,
В смертных муках рожденное,
В несчетных трудах взлелеянное,
Больше жизни своей возлюбленное.
Ходит от горя мать
Как помешанная,
А жить все-таки надо ей,
И, значит, надо утешиться.

VII

Разные есть утешения –
Трудом, в искусстве игрою.
Всяким вином, всяким запоем,
По новым местам шатанием,
Чужим страданием,
Какой-нибудь новой привязкою,
Какой-нибудь сказкою...

12 ноября 1923

* * *

I

Однажды я, зайдя к соседке в сени,
Такое странное заметила явление:
В сенях теснилось несколько козлят,
На каждом – по двое взъерошенных цыплят.

Что значит эта мирная картина? –
Хозяйку я просила объяснить.
«Так им теплей и веселее жить, –
Ответила она, – в сенях ведь холодина».

II

В неопикуемой грязи моя стезя
Сегодня поутру с путем козы скрестилась
На узкой кладочке, где двум пройти нельзя.
Коза, попятившись, в конце остановилась
И с вежливым терпением ждала,
Пока по скользкому мосточку я прошла.

Мораль отсюда – коз не презирать
И кое-что от них перенимать.

21 ноября 1923
Сергиев Посад

* * *

Страшным совиным чучелом
В кухне сидела курица
И умирала.
Взъерошились жутко перья,
Смертным полные ужасом.
Костенели желтые ноги.
Глаза заводило пленкой.
А в кухне хлопали двери.
Гремели посудой люди.
И таким глухим одиночеством
От куриной веяло смерти.

23 ноября 1924
Сергиев Посад

* * *

Вечер. Осень. Яркие златницы
Павших листьев землю озарили.
На березах громоздятся птицы,
Тяжело во мгле взметая крылья.

В редких листьях будет неуютен
Их ночлег сырою этой ночью.
Небосклон, завешен сизой мутью,
Неизбывно долгий дождь пророчит.

На цепи скулит щенок голодный,
Скалят зубы гвозди на заборе.
По задворкам темным, огородом
На добычу вышли наши воры.

30 сентября 1926
Сергиев Посад

* * *

Шесть откормленных купчин
Погребальный правят чин.
И спесивой вереницей
Под священной плащаницей
К двери с топотом идут.
Громко певчие поют
(Кое-кто зевок скрывает).
Да, Христа здесь погребают,
Как в те давние года.
Так и ныне. И всегда.

1 мая 1926
Москва

* * *

Глухота и жуть ноябрьской ночи.
Скупых и редких огней
Подслеповатые очи
Кажутся мрака темней,
Может быть, потому что тебя я знаю,
Посадская ночь. Там спешат доиграть
Последний роббер. Соседка больная
Собирается Господу душу отдать.
Там не спит дьячок, считая жадно
Добытую в праздник престольный казну
После того, как избил нещадно
С пьяных глаз старуху жену.
Там кустарь кончает, кувыркая, сотню
При чадном огне ночника.
Подневольный труд, слепая забота.
Повторных черных дней тоска.
В каждом дворе с голодным воем
Рвется пес на короткой цепи.
С колокольни лаврской медленным боем
Доносится мудрость веков: терпи.

1 декабря 1927
Сергиев Посад

* * *

Жужжала муха, так жужжала,
Как будто гибнет целый мир,
В тот миг, как к пауку попала
На званный пир.

Свершал паук пятнистобрюхий
Паучий свой над мухой пир
Так упоенно, точно в мухе
Сосал весь мир.

29 сентября 1928

* * *

Облако над яблоневым садом
Россыпью серебряной плывет.
Вечер дышит крепкою прохладой.
В сизых лужах тонкий хрупкий лед.

Золотисто-рыжею дорогой
Дровни в поле снежное ползут.
На окошках домиков убогих
Старых стекол радужная муть.

За окном, от ветхости качаясь,
Старый конь бредет на водопой,
И кибитка черная сучает
У ворот, как сонный часовой.

2 апреля 1929

Верея

* * *

День начинается сварой.

– Кто напустил тут угару?

До смерти дочь угорела!

– Мне что за дело!

– Вы это, что ли, кастрюлю

С теплого места стянули?

– Чье молоко убежало?

Видно, пороли вас мало!

Гневное пламя клубится.

Злые, несчастные лица.

Каждое утро – шарада:

«Преддверие ада».

15 апреля 1929

Москва

* * *

Под низким потолком спрессованные люди,
Таранья чешуя и кости на полу,
Уснувших тел распаренные груди
И куча сора смрадного в углу.

Плевки. Подсолнухи. Заморенные лица.
Забота хмурая и горькая в чертах.

.....
Каким терпеньем нужно заручиться,
Чтоб оказаться к вечеру в Плютах.

11 июля 1929
Киев-Триполье. Пароход

* * *

Покровы бархатные ночи
Порвал огней далеких ход.
Алмазные сверкнули очи –
Плывет Черкасский пароход.

О, как манят меня узывно
Во мраке вставшие огни.
Каким обетованьем дивным
В моей душе горят они.

И так не верится, что это
Виденье звездной красоты
Уходит не в чертоги света,
А лишь в Триполье и Плюты.

28 июля 1929
Посадки

* * *

Залохматились бурьяны.
На рябине красно-пьяной
Плод со всех сторон висит.
Тащит в норы пищу быт.

Солят, квасят, маринуют,
Точно их конец минует,
И от смерти сохранит,
Души их проквасив, быт.

19 сентября 1929
Сергиево

* * *

И продают и покупают.
– Товар хорош, прибавь хоть грош.
– Да неужели я слепая,
Не вижу – заваль продаешь!
– Надбавь еще пятиалтынный!
– Врешь, за полтину уступи.
.....
Душа с улыбкою невинной
Утробным сном беспечно спит.

31 октября 1929, 3 ч. ночи
Сергиев Посад

* * *

Когда я в мире крест подъял,
Он был как голубой кристалл,
И луч горел на нем зари,
И звезды теплились внутри.

Но не умел согнуться я
В пределах тесных бытия,
И крест разбился голубой.

Тогда сужденный мне судьбой
Железный раскаленный крест
Я взял. И умер. И воскрес.

И вот уж новый крест готов
Из кирпичей, кривых сучков,
Из переломанных пружин
И голубых полярных льдин.

16 января 1930
Томилино

* * *

Заглушая боль сознанья
Погремушкой шутовской,
От ножа воспоминаний
Прячься в мертвенный покой,

День и ночь, как мышь в ловушке,
В утомленье, чуть дыша,
Под нескладный ритм гремушки
Тяжко мечется душа.

11 мая 1930, ночь
Томилино

* * *

С неба сыплется дождик упорный.
Тяжкой доле уныло покорны,
Кони сено жуют полусонно.
Поросенок визжит исступленно,

Не приемля мешка тесноты
И гнетущих судеб темноты.

Скалят бороны редкие зубы
Над корьем и свороченным лубом.
Пялят тусклые очи колеса.
Непокорно ерошатся косы
И, в нестройный сплоченные ряд,
Точно городу чем-то грозят.

Дальше – символ: решёта, решёта...
Будет воду носить ими кто-то...
Бродят хмурые люди в рогоже,
На священные ризы похожей,
Точно правят здесь чин похорон.
И всё чудится мне – это сон.

4 июля 1930
Верея, ярмарка

* * *

Вой сирен автомобильных,
Грозный гуд грузовиков
В облаках дремучей пыли,
Дребезжание звонков
Пролетающих трамваев,
И в хвостах очередей
Издыхающая стая
Озверившихся людей.

31 августа 1930
Москва. Арбат

ПОЗДНИЕ СТИХИ

1931–1953 ГОДОВ

* * *

Снегом повитое поле
В мерцании звездном.
Безбольно.
Бездумно.
Безгрезно.
Душа под снегами застыла.
Того уж не будет, что было.
Недавнее горе
Напрасно колдует.
Что было,
Того уж не будет.
В глубоком молчаньи бреду я.
И хочется быть еще тише
И голос Безмолвья услышать.

17 марта 1931

Сергиево

ИЗ ЦИКЛА «ЗУБОВСКИЙ БУЛЬВАР»

* * *

... Не оттого ль мне худо,
Что идет мне навстречу,
Бедрами жутко виляя,
Женщина в розовом платье –
Кровавые губы вампира
И нос-утконос.

Или худо мне оттого,
Что трамвай,
Жужжа, подвывая,
С грохотаньем и лязгом
Промчался мимо
Идохнул, как самум пустыни,
Пылью в лицо.

Иль оттого мне так худо,
Что встречные люди
Вонзают мне в уши слова:
«Очередь, ордер, талоны».
И от них мне всё хуже и хуже.

О, какая прохладная лужа
Под телеграфным столбом.
Палатка. А в ней Лихорадка
Продает ситро.

Там, над чьим-то двором,
Хинное дерево высится, высится.
Оно же и тополь душистый.
... Не дойти до него ни за что.
На ногах стопудовые гири.
В голове треск и вой.
Всё не то. Всё не то.

О, как солоно, горько и терпко всё в мире,
А что сладко, то хуже всего.

29 мая 1931

Москва

* * *

Дождя волнистая завеса
Опять нависла над Москвой.
И освежен мой садик тесный
И напоен водой живой.

И влажно заблестали крыши,
И любо сердцу моему
Воды небесный лепет слышать,
Целующий мою тюрьму.

10 июня 1931

Москва

Колодезный двор, комната на 5-м этаже

* * *

...И опять тарелки, чашки,
Снова пить и есть,
Проползти сквозь день букашкой,
Ночью сон обрести,
По обрывкам сновидений
Горестно гадать,
Где мечта, где откровенье
Или дня печать.
...И опять гремит посуда,
Снова что-то пить.
И на завтра то же будет.
О, как нудно жить.

*3 июня 1931
Москва*

* * *

Жду сумерек. Тревожным знаком
Зажжется красный семафор.
О, нет, в тюрьме не надо плакать,
Пусть будет [ясен] дух и тверд.

В свободные лесные дали
Там, верно, поезд пролетел.
Забудь о нем. Примми, опальный,
Гонимый, – тесный твой удел.

В тот миг с души волшебной цепи
Тоски и зависти падут,
И в царственном великолепье
Увидишь нищий свой приют.

*12 июня 1931
Москва*

* * *

Выбилась меж камней травка.
Так же выбиться и мне
Суждено. Ползи, козявка,
Это всё во сне.

Сон – тюремное гулянье.
Сон – шагов по камням стук.
Снится призрачное зданье
И ключа скрипучий звук.

Всё обманно, всё неверно,
Только там, в глуби, внутри,
Под венком колючих терний
Роза ждет зари.

13 июня 1931

Москва

* * *

Тоска опять, как раненая птица,
Забилась в клетке сердца моего.
Я так хочу молитве научиться.
Я больше не хочу, быть может, ничего.

Но те слова, которые шептала
Я в годы детства, отходя ко сну,
Состарились со мной, и отзвучала
Та вера, что была моею в старину.

Иных молитв, иной, недетской веры
Смертельно жаждет пленная душа.
Но реют вокруг безглазые химеры,
К преддверью гибели увлечь меня спеша.

О, не поддамся лживым обещаньям.
Алканье, жажду навсегда приму.
Но правдою не назову мечтанья
И светом – тьму.

18 июнь 1931
Москва

НИЩЕМУ ПОЭТУ

Я люблю тебя за это,
Сердце нищего поэта,
Что тебе не страшно жить,
По дворам с сумой ходить,
Корку черствую глотать,
Под чужим забором спать,
Не желать приюта в мире,
На своей бандуре-лире
Славя тайну бытия
И надзвездные края.

22 июнь 1931
Москва

* * *

Бегите, мысли, быстрее лани
От жгучих стрел моих желаний.
Укройтесь, мысли, в лесу дремучем
От стрел желаний моих жгучих.

В уединеньи, в посте, в молитве
Готовьтесь, мысли, к последней битве
С могучим смерти очарованьем,
С безумным жгучим моим желаньем.

25 июня 1931
Москва

* * *

Сон от глаз бежит. Бессонница
Ворожит над головой.
Уж наполнилась вся горница
Предрассветной синевой.

Притаившимися ликами
Жизнь раскинулась кругом.
Птица первая чирикнула
За окном. Зачем? О чем?

Голова от думы ломится.
Не осилить сердцу дум.
Наколдует мне бессонница
Суетливый утра шум.

28 июня 1931

Москва

* * *

Когда над жизнью что-нибудь
Нависнет, как обвал,
И упадет, и станет путь
Сплошной грудой скал,

Спешу стремительно вперед,
Сомненья утишив:
Где хода нет, есть перелет,
Есть крылья у души.

17–18 июля 1931, 2 ½ ч. ночи

Малоярославец

* * *

Вдалеке туманным силуэтом,
Словно мачты дальних кораблей,
Стройные вершины тополей
Всплыли в море голубого света.

Станция. Могучие каштаны.
Женственных акаций кружева.
А в степи высокая трава
По верхам колыхается майданов.

Плавно реет коршун в небе синем,
Серебрится зеркало реки.
Хутора, левады, ветряки...
Украина это, Украина.

19 сентября 1931

Нежин – Дарница

* * *

Проносится галочьей стаей
Под низкой небесною мглой
Усталая мысль, пролетает
Так близко над серой землей.

Докучные думы о крове,
О хлебе, о завтрашнем дне,
О мерно звучащих оковах,
О серой тюремной стене.

Угрюмые черные мысли
Как галочьей стаи полет.
А ветер засохшие листья
Всё гонит и гонит вперед.

24 сентября 1931

Киев

* * *

Шумы, гамы, звоны, трески,
То гудок взовьется резкий,
То промчится дикий рев
Под окном грузовиков,

День и ночь трамвай несется,
Вечно стекла дребезжат.

.....
Но зато не страшен ад
После смерти никому,
Кто живет у нас в дому.

21 октября 1931
Москва

* * *

Асфальт намокших черных тротуаров
Дробит отсветы тусклых фонарей.
Белеет плесенью в ограде церкви старой
Налипший снег на высоте дверей.

К железу их озябший оборванец
Прижался, дрожью мелкою дрожа.
Вокруг снежинки выются в мокром танце,
Трамвай бежит, трезвоня и жужжа.

Всё в голове запуталось, смешалось.
Движенье, свет, церковная стена.
«Поесть бы, обогреться малость», —
Одною мыслью жизнь полна.

30 октября 1931
Москва

* * *

Слишком, слишком много моли,
Не поможет нафталин.
Нужно солнце, ветер вольный,
Воздух глетчерных вершин.

Нужно ветхие одежды
Не трясти и не чинить,
Но, отбросив их, прилежней
Вить для новой пряжи нить.

21 января 1932

* * *

Ты, за мной надзирающий,
Ведущий моим заблуждениям счет,
Помыслов тьму озаряющий,
Направляющий линию дел и забот,

Кто за тобою присмотрит и скажет
Мне, отчего твой глаз ослабел,
Отчего моя жизнь всё та же, всё та же,
Без движения, мысли и дел.

Ты, озаряющий с дальней вершины
Всех путей перепутанных сеть,
Укажи мне путь, прямой и единый,
Как мне жить и как мне умереть.

21 января 1932

Перловка – Софрино (в вагоне)

* * *

У заповедного порога
Посланник Божий Азраил

Меня спросил: земной дорогой
Куда я шел и как я жил.

Я вспомнил пропасти и кручи,
Пески и морево пустынь,
Богоисканья пламень жгучий
И смену ликов и святынь,

Бессильный душный сон во прахе
И неотросшего крыла
Напрасно реющие взмахи...
Такою жизнь моя была.

И гневно страж священной двери
Сказал: иди и будешь жить,
Пока сумеешь крылья вере
Своей бескрылой отрастить.

20 июля 1932

* * *

Кто в рубище на костылях
С дырявой нищею сумой
Бредет, и кто живет впотьмах,
И кто, ужаленный змеей,
Кружится, чуя в жилах яд,
И кто встречал Горгоны взгляд, —

Все братья мне, все мне друзья,
Всем жизнь отдать хотел бы я,
Но сам в предельной нищете,
Уязвлен скорбью и грехом,
За них хватаюсь в темноте
Стучусь клюкой под их окном.

12 сентября 1932

* * *

Впивайтесь, въедайтесь, могучие боли,
Работницы Божьи. От ржи и от моли
Очистите сердце, расчистите путь.

Когда же велит мне хозяин уснуть
И ваше усердие станет бесцельным,
Вы песней склонитесь ко мне колыбельной,
Баюкая сердце для вечного сна,
Лаская его, как морская волна.

*14 сентября 1932
Очаково – Нара (в вагоне)*

НА ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ

I

Мечется вьюга, сбивает шапки,
Белыми космами площадь метет.
Терпеливо дрожит на площадке
Голодный иззябший народ.

На Лубянке застрял четвертый номер.
«Из-под колес извлекли человека».
Деловито сказал милицейский: «Помер».
Подкатилась с красным крестом карета.

Вот, наконец, ползет четвертый!
Люди с боков свисают, как гроздь,
Призывая громко на площадь чорта.
...В чем-то красном и липком колеса...

II

За угол длинной змеєю
Очередь вьется. За хлебом.

Липкою сыплет мглою
На очередь низкое небо.

Смотрят из обуви рваной
Грязные жесткие пятки,
Дыря, заплаты – как раны,
Как злой нищеты отпечатки.

Хмурые тощие лица.
Жалобы, ругань, попреки...
Но, быть может, всё это снится
В бреду, неизбывно жестоком?

27 ноября 1932
Москва

* * *

В подземном тайнике тюрьмы,
Где смертники последний день таились,
Где сырость плакала, где слабым писком мышь
Одна зловещее молчанье шевелила,

Вдруг зазвенели нежно бубенцы
Какой-то матерью захваченной гремушки,
И сблизилась начала и концы,
И каждый узник жадно звуки слушал,

Сознание унося к истоку бытия,
Пока засов не загремел железный,
И луч дневной прощально засиял
Над бездной...

15 марта 1933
Москва

* * *

Передо мною японские птицы,
На столе тетрадь со стихами.
Но что там внизу шевелится,
Серое, в мусорной яме?

Человек или призрак странный
Нищеты и земной неволи,
Осужден на помойке смрадной
Искать своей доли?

Говорят – так будет и было.
Всё идет по извечным законам.
Пощади, Господь, и помилуй
Мир, к отбросам гниющим склоненный.

15 марта 1933

Москва (У Жени [Бируковой])

* * *

Оле (Лису)

Соедини раскинутые нити
В один тугой поток
И утверди под колесом событий
Основу и уток.

А дальше – напрягай вниманье,
Чтоб нитка не рвалась –
Об этом спросит лишь Хозяин
В твой смертный час.

15 марта 1933

Москва

* * *

Моя ладья без страха выплывает
В неизмеримость вечности Твоей.
Нет гибели. Повсюду жизнь живая
И образ Твой, запечатленный в ней.

У кормчего надежное кормило,
Но свежих сил пошли моим гребцам,
Попутных ветров дай моим ветрилам,
Когда могиле ветхий прах отдам.

15 марта 1933
Москва

* * *

Росой сияющего сада
Тысячегранный белый свет
Меня объял. Ночной прохлады
Еще в кустах таится след.

Но в пышноризых, благовонных,
Медвяных зарослях цветов
Трепещут крылья опьяненных
Горячим солнцем мотыльков.

Поет о чем-то дрозд на вишне
Смешливо-нежным голоском.
Ах, не о том ли, что я лишний
На пышном празднестве земном,

Что песни все мои допеты
И красок истощен запас
У захудалого поэта
В прощальный час?

13 июля 1933
[Малоярославец]

* * *

Три посвящения ступени
У старости. Одна из них – печаль,
Страстей неотгоревшее томление
И безнадежностью завешенная даль.

Вторая – подвиг кропотливый,
Вседневная борьба с непокоренным «я»,
Смиренья школа, навык терпеливый,
Жить не цветением – корнями бытия.

На третьей: в белые одежды
Ее достигший будет облачен
И, высшею увенчанный надеждой,
С улыбкой мудрою последний вкусит сон.

7 июля 1933

* * *

Не угадаешь, как метко и остро
В сердце войдет занесенный нож
И как будет завтра легко и просто
То, от чего сегодня умрешь.

Не прочитаешь, с какую скрижалью
На твой Синай восходит пророк
И что готовит за ясной далью
Волшебного счастья враждебный рок.

Твоя – минута, одна минута.
Та, что за нею – уже не твоя.
Доверься Паркам, не рви, не путай
Короткую нить жития.

8 июля 1933
Малоярославец

* * *

А.К. Тарасовой – Катерине в «Грозе»

Частоколы высоки.
Крепкие ворота.
Сундуки, лари, замки,
Душная дремота.

Кабанихи гордый храп,
Шалый смех Варвары.
Этих пут не разорвать,
Гнет, попреки, свары.

Светит месяц, воет пес,
Что-то он пророчит.
Уж и так довольно слез,
Сердце счастья хочет.

За калиткой, где овраг,
Где леса и Волга,
Кто он? Милый друг и враг
Поджидает долго...

Ах, идти иль не идти,
Гибель неизбежна,
Оборвались все пути
У души мятежной.

Враг смутит и дух, и плоть.
Что тут думать долго...
...А потом – суди Господь! –
Недалеко Волга...

8 апреля 1934

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗ ДНЕВНИКА

В ТРАМВАЕ

Теснились усталые люди в трамвае,
Плечом и коленом сверлили свой путь,
Локтем упирались и в спину, и в грудь,
Вопили: «Кто там напирает?»
«Потише!» «Полегче!» «Что стал, как чурбан?»
«Тебя не спросили – известно!»
«Куда потесниться? И так уже тесно».
«А ты поскромнее держи чемодан».
И ненависть жалом осиным язвила
Сердца удрученных людей.
В углу инвалидном прижавшись, следила
Старуха за битвой страстей
И думала: «Этот вот парень не знает,
Не помнит, не верит, что завтра умрет,
Что годы, как миги, летят, пролетают,
Давно ли пошел мне осьмнадцатый год.
У этой бедняжки сидит бородавка
На самом носу... эх, беда!
Хоть выйдет сегодня живою из давки,
Никто не полюбит ее. Никогда.
А вон старичок... Добредет ли до двери?
Винтом завертели, беднягу, всего
Шпыняют и тычут. Не люди, а звери,
Никто нипочем не щадит никого.
Локтями работает ловко мальчонка,
Да хлипкий, да синий какой.
Мороз. А на нем решето – одежонка,
Должно быть, сиротка и ходит с рукой».
Глядела, жалела, вздыхала старуха,
Забыв остановки считать.
Вошел контролер и промолвил ей сухо:
«Плати-ка три рублика, мать».

1 января 1935

* * *

Отворяется тяжкая дверь,
Заскрипели ржавые петли.
Вереницу ошибок, грехов и потерь
До конца жития досмотреть ли?

20 февраля 1935

КОМНАТА ДАНИИЛА

На абажуре Бенарес,
Две статуэтки «культ коровы»,
Костей и перьев целый лес,
Угрюмо скорбный и суровый
Портрет отца и рядом с ним,
Дерзанием духа озаренный,
Как непокорный серафим,
К познания безднам устремленный
Поэт, философ и пророк,
Безумец вдохновенный, Биша.
...И книжный этот уголок
Волнующею тайной дышит.

24 сентября 1935

ДОЖДЬ

Посвящается моему Ирису

Май. Пришествие весны так грустно
Здесь, на чахло-глиняной земле.
Под окном – кирпично-красный мусор
– Строевых затей унылый след.

Вздрагивает и мутится лужа
От уколов скучного дождя.

Спутанно, и хмуро, и недужно
Мокрые кусты в саду глядят.

На крыльце – дрожат ступени жутко.
Недостройка всюду. Или – брешь.
Лишь Осман доверчиво из будки
Улыбается в надежде на кулеш.

1 мая 1938
Никольское

* * *

Ах, эта стройная сосна!
Так внятно говорит она
О том, что можно бы и нам
Так подыматься к небесам

И становиться всё сильней,
Устои закрепив корней,
Ловя, как счастье, солнца луч,

А под налетом грозных туч
Принять без страха смертный бой,
Не преклоняясь пред судьбой.

1 мая 1938
Никольское

* * *

Не туманься, не кручинься,
Мой печальный, нежный друг,
С неподвижной точки сдвинься,
Улетай за малый круг.

В необъятном дивном мире,
Полном тайны и чудес,

Станут крылья духа шире,
Станет выше свод небес.

Будут радости иные,
Чем в долине. А печаль,
Как и сны твои земные,
Всю навек развеет даль.

1 мая 1938
Никольское

НА СТАРОМ КЛАДБИЩЕ

В лазурно-туманной дали
Торжественно солнце садится.
Тревожно кусты зашептали:
Когда же душа обновится?

Слетаются в теплые гнезда
На отдых усталые птицы.
И слышу в их щебете позднем:
Пора бы душе обновиться.

Долина в предведеньи ночи
Вечернею мглою курится.
Уж первые звездные очи
Блеснули... Спешите обновиться!

1 июня 1938
[Малоярославец]

НА ЛЕСНОЙ ОПУШКЕ

Пращуры мои лесные!
Расторгая связь времен,
В сени ваши колдовские
Прихожу к вам на поклон.

Дайте правнучке убогой
Свежесть древних сил испить,
До конца пройти дорогу,
Не порвать кудели нить.

В срок сужденный, в срок желанный
Чтоб хозяйину сполна
Без обмана, без изъяна
Пряжа вся была сдана.

27 июня 1938
Снегири

* * *

Алле [Тарасовой]

Заката розовое пламя
Одело золотую рожь.
Неторопливыми шагами
Ты по меже домой идешь.

Там, на лесной опушке рдеет
Свечою алою сосна,
За ней пустынная аллея
Уж синей мглой напоена.

Овеет влажною прохладой
Твою дорогу вещей лес.
Светляк зажжет свою лампаду...
Раскроет ночь врата чудес.

22 июля 1938
Снегири

* * *

Трепещет в сердце стих, как птица.
Я говорю ему: лети!
На этой клетчатой странице
Твои закончатся пути!

Как я – ты медлен и недужен,
Как я – ты немощен и хил.
Твой низкий лет – кому он нужен?
А для иного нету сил.

И всё же мы с тобой поэты,
И нам нельзя порой молчать:
Для сердца песен недопетых
Тяжка гробовая печать.

11 марта 1939
Москва

* * *

Глухие уши мои,
Слушайте!
Сквозь плач и вой вьюги
(Так шумит моя старая кровь
В склерозной моей голове)
Вслушайтесь в то, что доносится
К тому, кто в часы бессонницы
Сидит, как я, на постели,
Ощущая бег планеты
И шелест крыльев Времени.

...Последний вздох умирающих,
Первый крик рожденных,
Железный звон оков,
Ночные узников стоны,
Грохот бомб над Испанией,

Плач изгнанников Чехии,
Вопль мирового страдания...
Слышу.
Но поздно мне, старому,
Глухому, хромому, недужному,
Ответить, как юный Сиддхарта:
– Я всё услышал. Я иду.

.....
Увы мне! Я слышал. Я слушаю.
Но завтрашний день начнется
И так до ночи докатится,
Как будто бы я не слышал
Ничего, кроме вьюжного шума
В склерозных моих ушах.
Буду жарить на газе булку,
Пройду переулком в аптеку
(Осторожно по льду ступая),
С Телемаком займусь немецким,
Постираю свои отребья,
Ненужное что-то спрошу,
Невпопад на что-то отвечу,
Раскрою в кухне букварь –
Почитать с работницей Шурой.

.....
Маловато, Минович,
Для того, кто в бессонные ночи
Слышит вопль мирового страдания.

22 марта 1939
Москва

* * *

Бывают дни опустошения.
Уходит влага бытия
(Быть может, силу обновления
Корням засохнувшему тая).

Но пустотой душа испугана
И, нищетой пристыжена,
Глядит растерянно вокруг она,
Ища забвения вина.
В такие дни работой черною
Займи ненужный долгий день,
Отважный волею упорною
Преодолев тоску и лень.
Всё, что дневной потребой задано,
Без рассуждений соверши,
И тихо в ночь уйдет оправданный
Бесплодный день твоей души.

24 июля 1939
Снегири

* * *

Ночь. Еще не глубокая.
Где-то лунная или звездная,
(Город не знает – какая),
С предвесенним дыханьем зимы
Нежно морозным,
С равниной снегов, еще не оттаявших,
С уходящими в бледную мглу
Пустынными далями.
А у нас – в четырех стенах
Ночь – покойник, в гроб замурованный –
С потолком вместо неба,
С духотой миллионов дыханий.
И вместо ночного молчания –
Тщета человеческих слов.

23 марта 1939
[Москва]

* * *

Из моей тоски о природе
Сегодняшней ночью
Расцвел чудесный сон.
Какое буйное золото
Небывало роскошных нив! ...
Ветряков недвижимых крылья
В синеве украинского неба,
Над рекой дремотные ивы,
Аромат помятых трав...
...Но вкрались в сон томленья
О том, что нет переправы
На тот блаженный берег
За неширокой рекой...
И сон улетел, и проснулась
Душа в неизбывной тоске.

24 марта 1939
[Москва]

* * *

В моем предутреннем томлении
Я вижу долгий дикий лес,
Угрюмых сосен разветвления
На бледной хмурости небес,
Вокруг лесов пустыню снежную
И скорбь немую бытия,
Оледенелую, безбрежную,
Как эти мертвые края...

15 апреля 1939
[Москва]

* * *

Мелкие брызги потока,
Несущего всех в Мальстрем.
Голос железного рока,
Далекий, забытый Эдем...

9 мая 1939

* * *

...Да – это много: жить, дышать,
Напевам иволги внимать,
Глядеть на юную листву,
На шелковистую траву,
Следить за бегом облаков
Между березовых стволов.
Забыть пустых томлений зной.
Вкусить вечерних дум покой
И прошептать: Благословен
Мой долгий в здешнем мире плен.

14 июня 1939
Снегири

* * *

Море синее! Давно ты ждешь меня.
Обмелел, увы, мой ручеек.
Медленно ползет он по равнине,
Зарываясь в тину и песок.

Но ему не перестали сниться
Дальний твой простор и синева.
И к тебе он каждый миг стремится,
Двигаясь едва-едва.

16–22 октября 1939
Москва

* * *

Пришла белокурая женщина
Из Загорска (а был он Сергиев),
В те далекие, скорбные дни,
Как с бедной моею старицей,
Точно в склепе живьем замурованы,
Мы томились из года в год.

Пришла белокурая женщина –
Молодая, светлая, нежная –
И в старость мою зачерствелую,
Глухую, сухую, пыльную,
Точно солнечный дождь пролился:
Пахнуло весенней березкою,
Незабудками сада заглохшего,
Зубчатым бархатом елок
Над зеркальным прудом Гефсимании.

.....
Но есть у сердца кладбища,
Которых не смеют касаться
До дня воскресения мертвых
Ни память, ни луч сознания.
И только тоске покаянной,
Костром негасимым совести
Дано озарять те кладбища.

29 февраля 1940
Москва

* * *

Косят, косят, убирают
Переспелые овсы.
С утра до ночи сверкает
Над полями взмах косы.

Смерти колос не боится,
Полон жизни торжеством...

И послушной вереницей
За снопами сноп ложится
В легком нимбе золотом.

*16 августа 1940
Снегири*

* * *

М.В. Я<нушев>ской

Ох, тошно мне, тошнехонько,
Томит меня кручинушка.
Дымит моя лучинушка,
Темно горит, темнехонько.

В окошко непроглядная
Глядится ночь ненастная.
Головушка несчастная,
Не думай, не загадывай.

Не жди сынка болезного:
Судьба его опальная.
Сторонка чужедальная,
Дорога непроездная.

Ой, нитка, нитка длинная,
Запутанная, рваная...
Придет ли весть желанная?
– Молись Николе Зимнему,

Затеpli ему свечечку:
Снегами степь оденется,
Дорога забелеется,
Придет от сына весточка.

*15 октября 1940
Москва*

* * *

... Не надо книг. И думать лень.
Усталость после долгой спешки.
И вижу: лес, мохнатый пенёк,
Под ним две юных сыроежки.

Какой-то сломанный цветок
Уютно в мох дремучий спрятан.
И кружит, кружит мотылек,
И реют солнечные пятна.

16 августа 1940
Снегири

* * *

В домино играют старухи.
Выигрыш, проигрыш, им всё равно.
Только нужно старому слуху,
Чтоб стучала кость домино,
Чтоб мелькали белые пятна
Черной кости в мутных глазах...
И побыть им друг с другом приятно
Без обычных споров на дряхлых устах.
Только разве кто-то заметит,
Что соседка напутала ход,
Что пахнул откуда-то ветер,
Что вдруг схватило живот.
Что в ногу подагра вступила,
А хирагра крутит ладонь...
Эх, лампада-то как накопила!
Припустили сдуру огонь...
И стучат черно-белые кости,
Стучат, выбивают дробь...
Вот так же всем на погосте
Заколачивать будут гроб.

19 сентября 1940
Снегири

* * *

Маятник жизни моей!
Долго ли нам еще маяться?
Чуть отойдем от жилищ и страстей,
Только успеем покаяться,

Тем же размахом обратно спешим,
К тем же низинам постылым...
Дни превращаются в пепел и дым,
Дни уж летят над могилой.

Маятник, маятник призрачных дней!
Сердцу наскучило биться,
Время от взлетной верхушки твоей
К точке недвижимой спуститься.

11 декабря 1940

* * *

Ницше говорит о душах, которые гонятся за собой, описывая широкие круги.

Мирович говорит (косноязычно, увы!) – в самый мрачный момент своей жизни, в растерянности, в подавленности, в уничижении:

Одно лишь твердо знаю,
Что «я» мое – не «я».
Что суждена иная
Мне область бытия.

И позже:

Я не тот, кто падает,
Знает боль и страх.
Я – любовь, я – радость.
Смерть – моя сестра.

Отсюда следует, что не только мудрецам и святым, но и таким далеким от мудрости и святости людям, как Минович, бывает откровение, что наше теперешнее «я» – вовсе не наше истинное, настоящее «я», и отсюда невозможность примириться с собою, обреченность томиться «о своей идеальной и вечной сущности».

28 октября 1940

* * *

Темно горит моргасик-часик.
Дыши подальше от него,
Не то свой жалкий свет погасит
Он от дыханья твоего.

И в темноте ты вдруг услышишь:
Гудит враждебный самолет.
И сердце пойманною мышью
В груди мучительно замрет.

И ты поверишь в то мгновенье,
Что может твой бессмертный дух
Угаснуть вражьем повеленьем,
Как свет, что в часике потух.

Спасай же сердце от дыханья,
Сомненья, страха и страстей,
Чтоб не погасло упованье
В душе неопытной твоей.

1941

* * *

Кто волей Бога очертил
Свою мятущуюся волю,
Небесным кровом осенил
Того Господь в земной юдоли.

Соблазны мира не страшны
И сети вражьи не опасны
Тому, чьи сердца глубины
С путями Божьими согласны.

Непобедим Господень щит:
Он от стрелы, в ночи летящей,
Под ним укрытого хранит
И меч согнет, в бою разящий.

Налево тысяча падет,
Направо лягут тьмы сраженные,
Но невредим меж них пройдет
Щитом Господним осененный.

Над ним змеи не властен яд,
И василиска злые чары
Его очей не устршат.
И льва сразит одним ударом.

И если в пропасть упадет –
Там ангелы его крылами
Поддержат, низойдя с высот,
И не преткнется он о камень.

1941

* * *

Звенит морозная земля
От орудийного движенья.
В пустых оснеженных полях
Внезапно грянул залп ружейный.

В кого он метил? Диверсант
Укрылся на опушке леса?
Или сигнал зловещий дан,
Что покоен свод небесный?

Уж истребитель прожужжал,
Как жук гигантский, над полями.
И хор зениток застучал,
И в небесах метнулось пламя.

Летит подбитый самолет,
Как огнедышащая птица.
Но тот, кто правит им, с высот
К земле в объятия стремится.

И упадет, недвижим, нем,
В снега селений полусонных.
Куда он гибель нес, зачем?
За что погиб, живьем сожженный?

1942

* * *

Лису

(а м.б. и не ей, а м.б. и реминисценции)

Твоя любовь почила надо мною,
Как над усопшим гробовой покров.
И под ее парчовой пеленою
Живых не надо слов.

Тому, кто спит, остались сновиденья,
И в них звучат все прежние слова.
И ты ступаешь незаметной тенью,
А я – жива.

1942

* * *

На гребне волны сияет пена,
У подножья тень и бездны мрак –
Неизбежны в сердце перемены:
К вечной жизни продвиженья знак.

8–13 мая 1942

Москва

СВЕРСТНИКАМ

Уже не идем, а ползем.
Потолок всё ниже,
Всё гуще тьма,
Всё душней тюрьма,
Но всё ближе и ближе
Исход в отчий дом.

Братья! Мелькает уж свет впереди!

...Помутненье в мозгах,
Онемень в ногах,
У кого-то удушье в груди
Клещами недужное сердце сжало.
И у каждого сердце болеть устало.
Тот не видит почти, тот не слышит,
И все еле дышат.

Братья! Всё это священные знаки,
Благая весть,
Что недолго ползти во мраке,
Что дверь на свободу есть.
Дадим же обет друг другу
Не выйти из круга
Надежды, веры, любви,
Не разорвать наших уз.

Смертников братский союз,
Господи, благослови!

Ноябрь 1942

* * *

Из окна моего только небо и сад,
Переплет обнаженных осенних ветвей,
Цепенеющих, черных, подобных телам
В тяжких судоргах умерших дней.

Апрель 1944
[Москва]

* * *

Не та мать – сирота,
Что детей схоронила,
А та мать – сирота,
Что их вынянчила,
В путь-дорогу собрала,
Сыновей оженила,
Дочек замуж отдала
И стоит теперь одна,
Как средь поля сосна,
На ветру,
На юру,
К земле клонится,
Богу молится:
«Ты спаси моих детей
От напастей, от скорбей.
Не лиши моих детей
Твоей жалости
И не дай им знать
Такой старости,
Как узнала их мать».

.....

Ветер жалобу несет,
Дождь слезами обольет
В ночь ненастную
Мать несчастную.

9 сентября 1945

СИМФОНИЯ УХОДЯЩЕГО В ВЕЧНОСТЬ ДНЯ (в стиле Андрея Белого)

I

По столу ходит Алла на кухне
В кимоно, в тюрбане, в длинных штанах,
Поднятыми к небу руками
Снимая с веревок и вешая
Голубые пижамы и алые,
Апельсинные и лимонные...

II

Генерал ею любит,ся,
Прислонясь у дверей с папиросою.

III

Как верблюд, согбенная бабушка
У плиты с терпением топчется,
Тому, кто еще не доужинал,
Готовя еду десятую
В этой кухне
(«Едальне» поистине,
Если вспомнить язык украинский).

IV

Калмыкова бранит Черткова,
Громит Александру Львовну:

«Сектанты!.. Сгубили Толстого,
Довели его до Астапова,
Замучили тело и душу его,
Палачи, насильники, “черные”».
И в зеленых глазах иступленно
Всплески моря Эгейского прыгают
(Эллада – ее прародина,
А с ней рядом степи калмыцкие).

V

Апатично, безрадостно Дима,
Начертав орнамент докучный
По заданию школьному, скучному,
В тесной комнате под иконами
На постели его раскладывает.
А в янтарных глазах меланхолия
И надменность гордого духа,
Не нашедшего в мире пристанища,
Где сказал бы: здесь дом (или путь) мой...

VI

Такой же дух бесприютный
И врач Леша Залесский
Чемоданы со вздохом готовит,
Чтобы ехать в глушь беспросветную
И, проживши там с психопатами
В санатории нервно-психическом,
В Москве приобрести право жительства
(А его душе разоренной,
Потерявшей родных и любимых,
И совсем жить на свете не хочется).

VII

Тридцать лет друзья и спутники,
На одной проживая улице,

Целый год друг с другом не виделись,
Почему – и сами не знают.
Случилось же с ними, с обоими,
То, что выпали оба из времени
И живут уже тайножизнью
– А не в днях, не в делах, не в свиданиях.

VIII

...Эти взгляды, мимо скользящие,
Звуки слов, как железо об лед стучащие,
В зеркалах кривых отражения,
Твоей мысли и чувств движения...

IX

Успокойся, двойник мой, очнись!
В бесконечные звездные дали взглядись!
Гражданин мирового пространства,
Вспомни путь неисчисленный странствий.
Приживательства искус пройден –
Не сегодня, так завтра закончится он.
С этих отмелей ты уплывешь навсегда,
Погляди, как чудесно сияет
Над тобою скитальцев звезда!

27 ноября 1945

BLANC ET NOIR (ЭСКИЗ «ЗАГОРСКОЕ»)

В луже пространной, похожей на пруд,
Белоногая девушка ноги полощет.
Стаи черных грачей неумолчно орут
В белоствольной березовой роще.

В небе (и в луже), качаясь, плывет
Облаков белоснежных гряда.

В черной грязи мимо лужи бредет
Белорунная коз череда.

6 июля 1946

СОН

Памяти N.N.

Прощай, прощай... Но ты уже далёко.
Мои слова к тебе не долетят.
И колесница огненного Рока
Своих колес не повернет назад.

Под звездным пламенем свершилась наша встреча.
В ней каждый миг был дивно озарен.
И верилось, что мы с тобой – предтеча
Еще не бывших на земле Времен.

И вот уже, как сон обманный, снится
Мне образ твой, и жизнь, и смерть твоя.
И встречи нашей вырвана страница
Из книги бытия.

7 сентября 1946

ИЗ ЦИКЛА, ОБРАЩЕННОГО К В.А. ВАТАГИНУ

* * *

Рога, копыта, когти, зубы,
Победно поднятых хвостов
Движенья... Боже мой, как грубы
Виденья этих страшных снов...

О, если б в миге пробужденья
Всё это прошлое забыть –
Алчбу, убийства, запах тленья,
Каким не брезговала жить

Моя душа, хоть умирала
На этой бойне бытия,
Где вечно кровью истекала
Надежда и Любовь моя...

* * *

Тоскливо пискнула в подполье
О чем-то мышь в глухой ночи...
Ах, о тюремной нашей доле,
Зверек пугливый, помолчи.

Грызи, что есть; воруй, где можешь.
Нам, людям, хуже: целый век
Себя грызешь, пилишь и гложешь,
Что ты не бог, а человек.

* * *

С ветки слетела ворона,
Канула в снежную муть.
Черной нуждой отягченный
Труден вороний путь.

Будет на смрадной помойке
Рыбьи ошметы глотать.
Будет с терпением стойким
Новых удач поджидать.

К вечеру с горестным граем
Спрячется в мокрую ель.
Колкая там и сырая
Ждет ее к ночи постель.

* * *

Сладко ящерице спится
На сухих согретых мхах.
Кто расскажет, что ей снится
В золотых полдневных снах –

Голубой покой Нирваны,
Иль евфратский древний рай,
Иль кружащий неустанно
Зыбкий стан мушиных стай.

* * *

На стене моей мертвая муха
(С паутиной прилипла к стене).
А другая жужжит над ухом,
И страшно жужжание мне –

О засиженных черных буднях,
О нечистом сердца мутье,
О прекрасном несбывшемся чуде,
О прикованном к праху житье.

Крылья, крылья, мушиные крылья,
Невысоко меня вы внесли, –
Возле серой стены положили
В паутине и в древней пыли.

* * *

Повисла нить. Шепчу: Куда же
Девать ее? И с кем, и с чем
Связать запутанную пряжу?
И дальше прядь ее зачем?

Спустилась ночь. Проснулись звезды,
И слышу голос их в окно:
«Уж поправлять работу поздно.
Пусть отдохнет веретено».

14 октября 1946

* * *

Тане Усовой

Когда вчера я увидала,
Как Ваша сильная рука
В дверях трамвая поддержала
Беспомощного старика,

И как от радости дрожащий,
Полуслепой, полухромой,
Он из толпы, его теснящей,
Был Вашей извлечен рукой, –

В тот миг серебряные латы
Предстали вдруг моим глазам,
И щит, и меч, и шлем крылатый,
Вам некогда врученный там –

Над Монсальватскою вершиной,
Где Ваша миссия была
Бороться в сумрачных теснинах
С драконом мирового зла

И где Ваш брат из Салтвореры
Изменой путь свой приземлил...
Но у высокой Вашей веры
И монсальватских Ваших сил

Найдутся, верю я, усилъя
Связать распутанную нить,
Собрату сломанные крылья
Лучом прощенья исцелить.

28 октября 1946

* * *

Сергей и Сусанна
Ведут себя странно:
Для них двоих приятно,
Но слишком приватно,
Как будто нас нет
И выключен свет.

1947

* * *

*Посвящается светлой памяти незабвенной
Екатерины Васильевны Кудашевой,
безболезненно и мирно скончавшейся
от гриппа три года тому назад в ноябре*

Продувная эта щелка,
В ней то холодно, то жарко.
И обмолвлюсь втихомолку,
Что Миновича мне жалко:

День и ночь грызомый гриппом,
Оглушен и одурманен,
В шумном насморке и в хрипах
Кальцекус пьет он неустанно,

В продувной своей постели,
От борьбы изнемогая –
Вот уж целая неделя –
Он боев не прерывает.

Хоть и жалко мне беднягу,
Богом данного соседа,
На его бы месте шагу
Я не сделал для победы.

Кальцекс бросил бы в помои,
Отменил приемы пищи –
И уснул бы сном спокойным
На Ваганьковском кладбище.

30 октября 1947

* * *

Строгий ангел у порога
Сторожит последний шаг
Тех, чья дальняя дорога
Долго путалась впотьмах.

Строгий ангел спросит грозно:
– По каким путям кружил,
Отчего пришел так поздно,
Как ты жил и кем ты был?

– Грозный вестник воли Божьей,
Я – безумец и поэт.
А блуждал по бездорожью
Оттого так много лет,

Что своей мятежной волей
Утверждал свои пути.
...Я устал, я стар и болен.
Я раскаялся. Впусти –

По любви моей и вере –
Сына блудного к Отцу,
На порог Отцовской двери –
Всех путей моих концу.

29 ноября 1947

* * *

Посвящается двойнику моему Мировичу

Когда упадают лицом в подушку
И, крепко зарывшись в ней, лежат –
Что долго видят они, что потом слушают
И долго вставать не хотят?

Иные там видят моря-океаны.
Простор необъятный, весь белый свет.
Другие – волшебные видят страны,
Каких и на свете нет.

А третьих баюкает и ласкает
Свершенная счастья мечта,
Которым подушка их награждает:
Покой. Тишина. Теплота.

23 февраля 1948

ПОСЛЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ

Я плыву на обломке подгнившей доски
В необъятный простор океана.
Все, кто спасся, уже от меня далеки:
За стеною ночного тумана.

Чуть мерцает вдали огонек корабля,
Уносящего спутников милых.

Сердце радо за них: перед ними земля,
Предо мной – водяная могила.

С нею встречи сужденной без страха я жду.
Слышу: воет стремительный шквал.
Волны грозной толпою к обломку бегут,
И девятый вздымается вал.

5 июля–31 августа 1948

В ДНИ ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ

Благословенная дорожка,
Напоминавшая мне лес,
И эта грелка, эта кошка,
Мою лечившая болезнь,

И это кроткое сиянье
Осенних солнечных лучей,
И тонких сосен колыханье
Над ветхой кровлею моей,

Так милосердно, так отраднo
Приосенивших отдых мой,
В конце дороги длинной, страднoй,
В день возвращения домой.

Октябрь 1949

* * *

– Сосны! Зачем в небеса вы глядите,
Что вы там видите в самом зените?

– То, чего там, где живете вы, нет:
Вашим глазам не открывшийся свет.

– Сосны, я знаю, вы ночью не спите –
О чем вы друг с другом всю ночь говорите?

– О том, чтобы выше вершины понять,
Чтоб вас нам не видеть, не слышать, не знать!

Октябрь 1949

* * *

Сосны, храм нерукотворный!
В час тоски моя душа
К вам идет, как в царство горное,
Вашим воздухом дышать.

Стройной вашей колоннадой
Выпрямляется мой путь,
И нездешняя отрада
Льется в старческую грудь.

К высоте верхушек ваших,
Вознесенных от земли,
Суеты и скорби чашу
От меня вы унесли.

И чудесно претворилась,
Как в надмирной вышине,
В Божью правду, в Божью милость
Вся былая жизнь во мне.

28 ноября 1949
Пушкино

* * *

Ничто не проходит. Всё с нами
Единою жизнью живет,
Сплетается с нашими днями
И ткани грядущего ткет.

[не позднее 8 апреля 1948]

* * *

У пустынных львов – пещера,
Буйный дождь в степях нагих.
У мечтателей – химера,
У меня – мой бедный стих.

От самума и от зноя,
Как в пещере, в нем укроюсь.
Грозовую тучей духа
Орошу мою засуху.

Но не нужно мне химеры,
Не хочу творить мечту...
Будь мой стих волшебной дверью
В Жизнь, в Любовь и в Красоту!

[до октября 1948]

* * *

Как холодно, как сыро, неудобно!
Таков конец путей моих беспутных...
... Но было ведь в земных путях моих
Начало высшее. И не исчезло в них:
Исканье истины, познание отчей воли,
Во всех скитаниях твоей суровой доли.
Так почему же ты посмела здесь роптать
На холод, уют, забывши благодать

Отцовской воли мудрого веленья
Во всем искать к вратам Его движенья?

24 октября 1950

* * *

Коза с улыбкой Мефистофеля
И день, и ночь у нас в углу.
И я читаю в козьем профиле,
Жующем что-то на полу,

Как близко мне четвероногое,
Хоть и хожу на двух ногах,
Но сжаты мы оградой строгою,
Где жажда, голод, боль и страх.

И хоть душа моя бессмертная
Иной судьбе обречена,
Но не войти ей в дверь отверстую,
Пока слита с козой она.

Осень 1950

* * *

Как мне поведать несказанное?
Звезда Иного Бытия
Плывет ко мне, еще туманная,
Но свет невидимый лия.

Какая высь кругом пространная!
Зачем ее назвали «Я»?
Какая светлость несказанная,
Какие новые края!

[1950–1951]

* * *

Убирай, старик, свои потребности.
Всё тесней, всё круче будет путь,
Но зато и ближе будет к небу,
И ночлег твой близок, не забудь.

17 июня 1951

* * *

...Второй уж день как будто в отлученьи
От всех людей (и от себя) живешь,
В сгущенной тьме, в подземном заточеньи,
В забвении, чем Божий мир хорош.

К своей душе – дремучий лес – дорога
Засыпана валежником сухим.
Там рысь живет. Медвежья там берлога.
Хохочет леший голосом дурным.

И хочется всё глубже в тьму укрыться,
Чтоб ничего не видеть, не слышать...

.....
Но слышен голос: Мало ль что приснится!
Проснись – довольно спать.

9 декабря 1951

* * *

Благословен удел изгнанья,
Благословенна ты, земля,
Твои убогие деянья,
Твои бесплодные поля.

Твои бездождия великие,
Твоих пустынь палящий зной,

И тернии и волчцы дикие
В былинках радости земной.

Благословен удел, сжигающий
Полки мятежные страстей,
Наш путь с голгофским сочетающий,
Где крест – венец земных путей.

7 января 1952

* * *

Учись доверчиво и просто
В летучих ликах бытия
Законам сил, законам роста,
В каких течет и жизнь твоя.

Учись у почки предвесенней,
Как терпеливо солнца ждать.
Познай во всем, где ужас тленья,
Преображенья благодать.

Пытай у солнца и у моря,
У незаметной капли слез,
У каждой радости и горя,
Что в безднах духа родилось.

[записано 29 января 1952]

* * *

Черный ворон! Предсказанья
Все твои я поняла –
Про московские скитанья,
Чувства, мысли и дела.

И о том, как опустеет
Дом Денисьевны моей,

Онемееет, охладееет
В день разлуки нашей с ней.

И о том, что я теряю
В ней, решая уезжать
Из ее святого храма,
И сестру мою, и мать...

...Острый коготь черной птицы
Ранил сердце глубоко.
Оказалось, что проститься
С миром этим нелегко.

29 ноября 1952

* * *

Пиши, перо. Диктуй, тетрадка.
У вас живет с тем миром связь,
Куда житейской лихорадкой
Дневная жизнь не ворвалась.

Туда, где хор светил небесных
Звучит в просторах голубых
Такой музыкою чудесной
О жизни в далях неземных.

10 апреля 1953

* * *

День прошел как сон. О чем – не знаю.
Да едва ли есть для этого слова,
Как и где проходит жизнь такая,
Как моя: обманчиво жива.
В мире дольных чувств, забот, желаний –
Сквозь бегучесть призрачную их

[Уловлю ли] горнее сиянье,
Даль миров Иных.

16 августа 1953

ЖИЗНЬ ВАРВАРЫ ГРИГОРЬЕВНЫ МАЛАХИЕВОЙ-МИРОВИЧ¹

«Мои стихи, на которые я сама оглядываюсь с пренебрежением, с досадой на их недоделанность, недорослость до настоящей поэзии, несут в себе лишь то оправдание, что были не раз жизненно нужны кому-то из близких», – такой приговор своему полувековому поэтическому труду вынесла Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович² в 1934 году, вскоре после того как ее ученица и друг Ольга Александровна Бессарабова закончила переписывать итоговый на тот момент его свод – почти четыре тысячи стихотворений, размещившиеся в 11 общих тетрадах.

Подкупающая скромность этого приговора не должна ввести нас в заблуждение: в этой книге есть и подлинные шедевры, которые со временем, можно надеяться, войдут в золотой фонд русской поэзии, и стихотворения-фотовспышки, запечатлевшие свою эпоху и ценные поэтической документальностью, а зафиксированный в них *опыт преодоленной безнадежности* будет «жизненно нужен» еще не одному поколению читателей.

Вместе с тем М.-М. вовсе не принадлежала к людям, которые выражают себя исключительно и только в стихах.

1

Главным источником сведений о жизни и семейной истории М.-М. является ее многолетний дневник³.

¹ Приношу искреннюю благодарность за деятельную и щедрую помощь в работе над книгой И.А. Ахметьеву, Н.А. Громовой, Г.П. Мельник. Особая, неисчерпаемая признательность – Е.М. Шик, поддержавшей идею книги и поделившейся документами семейного архива. Также хочу поблагодарить за значимые советы при обсуждении вступительных статей В.И. Масловского и А.Л. Соболева.

² Далее: М.-М.

³ 180 тетрадей дневника хранятся в Доме-Музее Марины Цветаевой (далее: МЦ). Сведения и цитаты из этого документа приводятся без указания источника. Возвращаясь к одним и тем же событиям, М.-М. датирует их по-разному, с погрешностью в один–два года, такие «мерцающие» даты в книге сопровождаются звездочкой (*). В настоящий момент лишь небольшая часть дневников опубликована: *Малахиева-Мирович В.Г. О преходящем и вечном. Дневниковые записи 1930–1934 / Подгот. текста, вступ. и примеч. Н. Громовой // Новый мир. 2011. № 6. С. 130–149. Готовится к печати том избранных страниц этих дневников.*

Из него мы узнаем, что дед ее отца, схимник Малахий (или Малахия), в 70 лет принял монашество и долгие годы после этого прожил затворником в пещере близ г. Острова Псковской губернии¹. Жители окрестных сел считали его целителем и ходили к нему лечиться.

Отец Варвары Григорьевны, крестьянин Псковской губернии, потом рабочий-металлист серебряного цеха, записавшийся в мещане, Григорий Исаакович Осипов (родился около 1828 г.) выхлопотал для себя и младших братьев право изменить фамилию и называться Малахиевым в честь своего деда-монаха. С двадцати до тридцати шести* лет Григорий Малахиев жил в Выдубицком монастыре, под Киевом². Выстроил там небольшой странноприимный дом. Неожиданно судьба его переменилась: после того, как в монастыре было совершено убийство казначея, он усомнился в святости монастырского жития и по настоянию своего старца женился. Его избранницу звали Варвара Федоровна Полянская (1850–1928).

Варвара Григорьевна Малахиева³ была первым ребенком в семье. Она родилась в Киеве 17 (29) марта 1869 г. и по воле отца была названа именем своей матери. Чтобы избежать путаницы, для нее придумали домашнее имя – Вава.

«Я разночинец⁴, [...] деды мои – с одной стороны – ушкуйники, псковская вольница, и среди них затворники-схимники (дед отца), с

¹ Есть большое искушение идентифицировать его со старцем Малафеем, героем лесковской повести «Печерские антики», которое, видимо, всё же надо скрепя сердце преодолеть, не имея возможности доказательно подтвердить предположение.

² В «[Тетради о Матери]» М.-М. пишет: «12 лет жил в монастыре».

³ В печати выступала сначала как «В.Г. Малафеева», потом под псевдонимом «Мирович» или соединяя фамилию с псевдонимом: «Малахиева-Мирович». В ранних беллетристических рассказах Л. Шестова действует молодой писатель Мирович (*Баранова-Шестова Н.Л. Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Т. 1. Paris. 1983. С. 12–14*), что, предположительно, и послужило источником псевдонима (*Громова Н.А., Мельник Г.П., Холкин В.И. Комментарий // Марина Цветаева – Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники (1915–1925) Ольги Бессарабовой. М., 2010. С. 682. Далее – Бессарабова. Дневник*). Говоря о себе в дневнике в третьем лице, М.-М. пишет: «Мирович».

⁴ Встречающиеся в литературе (*Поливанов К.М., Васильев А.В. Малахиева-Мирович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 3. М., 1994. С. 491–492 (далее: РП-3); [Биографическая справка] // Сто одна поэтесса серебряного века. Антология. Сост. и биогр. статьи М.Л. Гаспаров, О.Б. Кушлина, Т.Л. Никольская. СПб., 2000. С. 138*) утверждения о том, что она «принадлежит к старинному и славному дворянскому роду» (и «окончила Высшие женские курсы»), не имеют под собой фактических оснований.

другой – крепостные [...], обольщенные помещиками». «У бабушки моей со стороны матери было 12 человек детей». Бабушка – «сказочница, молитвенница, патриотка и лакомка. Хорошо рассказывала, как она, дочь крепостной девки и графа Орлова, воспитывалась во дворце его полубарышней».

«На заре сознательной жизни, между 5–7 годами» М.-М. оказывается «в Балаклаве, а может быть, и в Ялте», куда отец привез семью «с целью “осесть на землю”, разводить виноград и табак. Всё это ему не удалось, но жили мы в Ялте среди неудач и бедности года два».

«Мой отец [...] – душа, скитавшаяся по свету между отшельничеством и миром. Нас, детей, и мать нашу любил, но не мог с нами жить, не вынося той суеты, какой полна всякая семья. Приезжал к нам раз в год, гостил недолго. Никогда больше месяца. Мы обожали его, особенно я. Тут уж был, пожалуй, эдиповский комплекс»¹. Обращаясь к младшему брату Николаю², Варвара Григорьевна, писала: «Ты, как и я, и сестра Н<астя>, и отец наш, и братья его – “лунной природы”. (Такие души только через насилие над собой и искусственно привитые навыки мирятся с браком)»³.

Семья держалась на хрупких материнских плечах: Григорий Исаакович то попадал в тюрьму (доверчивый человек, не имея значительных денег, дал поручительство за одного из знакомых, а тот обманул), то в 1877* г., «бросив дела и семью (уже было трое детей), устремился на Балканский полуостров защищать славян от турецких зверств», и, «не добравшись до фронта, заболел тифом. В болезни улеглось душевное смятение, а через семь лет опять вспыхнуло – поехал на Новый Афон с целью когда-нибудь добраться и до Старого Афона. Там ему поручили какие-то работы на монастырской стройке. Там он однажды на морском берегу увидел (во сне или наяву, Бог знает) “Новое небо и новую землю”⁴. И скоро заболел желтой лихорадкой. Приехал в Киев и умер»⁵.

¹ Использование М.-М. психоаналитической терминологии не случайно: переведенная ею в соавторстве с М.В. Шиком книга У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» (М., 1910) учитывала и статьи Фрейда, а издатель книги С. Лурье на с. 102 сделал о нем специальное примечание.

² *Малахеев Николай Григорьевич* (1880–1919/1920). См. о нем: Бессарабова. Дневник. По ук.

³ Слова эти отсылают к книге В.В. Розанова «Люди лунного света» (1911).

⁴ Апок. 21, 1.

⁵ М.-М. пишет, что в год смерти отца ей было 16 лет (1885 г.).

На руках у Варвары Федоровны осталось пятеро детей¹: Варвара, Михаил², Анастасия³, Николай и Мария, четверых из них она пережила. В 1890* от менингита умерла семилетняя Маруся. «Мать едва не сошла с ума»; «От меня не было никакого утешения. Я только что вступила в одну фанатическую партию, где, прежде всего, требовалось отречение от семьи». Во время Гражданской войны умирают Михаил, Николай и Анастасия. Глубоко верующей Варваре Федоровне сложно было противостоять нигилистическому натиску молодых дочерей: «Ренан, Штраус, позднее Толстой – с этим арсеналом и со всем пылом юного вольнодумства мы накинулись на худо защищенную (теоретически худо) крепость ее веры... Она стала говорить вслед за нами, что Христос был замечательная, высоконравственная личность, что, конечно, он не воскрес, но “душу свою положил за други своя”. Довольно и этого. При случае сравнивали его с революционерами, погибшими за ту же христианскую идею – любви к ближнему». В 1918 г. Ольга Бессарабова записывает в дневник: «Варвара Федоровна умна и интересуется политикой»⁴.

Незадолго до смерти (скончалась в последний декабрьский день 1928 г.) «мать на 9-й или 10-й год слепоты, в Сергиеве на предложение операции без всяких кавычек ответила, что для нее “так лучше”. И потом не раз на сочувственные причитания соседок отвечала: “Я не ропщу. Благодарение Богу. Так гораздо меньше греха”». В 1920-е, в Сергиеве, М.-М. читала слепой матери вслух священные книги: «особенно ею любимого Иоанна Златоуста или то, что могла найти в “Паломнике” за год более или менее выносимого для меня в смысле тона и формы. Читали Библию, Иннокентия⁵, пут<ешествия> по св. Земле, Четьи-Минеи, прочли Фаррара – “Земная жизнь Иисуса Христа”, “Ап. Павел”, “Первые христиане”⁶. Время от времени читались

¹ Еще одна сестра – «Нисочка» – родилась, когда М.М. «было полтора года, умерла, когда исполнилось два».

² Малахеев Михаил Григорьевич (1871/1872 – 1919/1922?).

³ Родилась в 1874*: когда ей 27 лет, М.-М. 32 года (запись 18 февраля 1953).

⁴ Бессарабова. Дневник. С. 281.

⁵ Вероятнее всего, имеется в виду *Иннокентий* (в миру Борисов Иван Алексеевич; 1800–1857) – духовный писатель, православный проповедник. См. о нем: *Гумеров Ш.А.* Иннокентий // РП–3. С.416–417.

⁶ *Фредерик Уильям Фаррар* (1831–1903) – англиканский богослов, экзегет, филолог и писатель, отличавшийся идейной широтой (выразившейся, в частности, в дружбе с Дарвином). Автор трилогии: «Жизнь Иисуса Христа» (1874), «Жизнь и труды св. апостола Павла» (1879) и «Первые дни христианства» (1882).

акафисты – чаще всего Николаю Чудотворцу». 17 декабря 1953 г. М.-М. записывает в дневнике: «День памяти матери моей, поистине великомученицы Варвары и по своему житию, а в последние годы его особенно благодаря одиночеству под кровом со мной». Себя саму, не любившую и не умевшую сосредотачиваться на заботах о материальном и устающую от бытовых разговоров, неизбежных при уходе за пожилым человеком, М.-М. корила и называла «дочь без дочерности»¹. Сохранились удивительные по силе нежности и раскаяния записи в специальной тетради, которую В.Г. вела со дня похорон матери до сороковин.

2

«На обложке журнала “Странник”, который всегда возил с собой отец, я прочла в очень раннем возрасте поразившие меня слова: “Не имамы зде перебувающего града, но грядущего взыскуем”²».

Научилась читать «без всякого содействия старших» по журналам «Всемирная иллюстрация», «Ваза» (дамский журнал мод и литературы) и газете «Сын Отечества».

Любимые книги детства – древняя история, по которой училась в пансионе мать (М.-М. читала только про Элладу; Рим был неинтересен), и священная история со множеством картинок. «У нас в сарае был целый сундук с коллекцией лампад, старинных церковных книг. И на стенах нашего бедного жилья были развешаны великолепные гравюры Рафаэля, Винчи – всё подарки отца».

С семи (или восьми) лет – в киевской приходской школе, затем в гимназии (училась прекрасно).

С первых школьных дней на всю жизнь установилась тесная душевная связь с одноклассницей Нилочкой (Леониллой Николаевной) Чеботаревой (в браке Тарасовой, матерью знаменитой актрисы Аллы Константиновны Тарасовой).

«В 12 лет подготавливала в гимназию 11-летнюю Леониллу по ее личной просьбе. Гонораром были груши “принц-мадам” и 3 руб. в месяц».

Первые стихи – в гимназии, в 11 лет. Одно – «Евангелие из “Хижины дяди Тома”» (сохранилось лишь название), другое – про

¹ Бессарабова. Дневник. С. 365.

² Слова из «Послания к евреям» апостола Павла (13, 14).

«обожаемого учителя истории Буренкова», их знало наизусть пол-класса:

Спартаец он, он – Сципион,
Сократ, Перикл, Ликург, Солон...

и т.д. – все имена из «Древней истории» Иловайского. Кончалось оно так:

Но сердце чудное его
Ни с чем не может быть сравнимо,
Как небо, чисто и светло,
Как небеса, неуловимо.

«В 14 лет был особенно сильный, до <...> экстаза религиозный подъем – жажда умереть в молитвенном состоянии от предельного блаженства и какой-то нестерпимо сладостной муки. Письма Христу, относимые в Лавру и тайно подкладываемые под местной иконой Спасителя», «желание умереть, чтобы стать еще ближе к Нему».

В гимназические годы «кухня была моим рабочим кабинетом в долгие осенние и зимние вечера. Я запиралась в ней под предлогом учебных занятий, но им было уделено самое скромное место. Несравненно больше времени было посвящено чтению (Тургенев, Достоевский, Гюго, Диккенс, Теккереи и тут же безвкусные исторические романы, путешествия). Сколько слез было пролито над ними. Вторым занятием на кухне было стихотворство». Любимейшая слушательница и ближайший друг этих лет – младшая сестра Настя.

«В 16 лет – перелом в нигилизм. Отказ от причащения». Стихотворение о дружине князя Олега – первая публикация в газете «Киевлянин»¹.

«Ночи на Днепре. Молодость! 18 лет ... разлив песен о могиле, которая с ветром гомонила, о черном Сагайдачном, о “хлопцах баламутах”, о “червоной калине над криницей”. А беседы – о Желябове, о Перовской, о страданиях народа, об “ужасах царизма”». «Переезд на ст. Грязи торговать книгами, чтобы нажить денег для поездки в Карийские тюрьмы², освободить томящихся там узников».

¹ Запись фрагмента стихотворения в дневнике 23 февраля 1950 г.

² *Карийские тюрьмы* – группа каторжных тюрем на реке Кара – притоке реки Шилка. Входили в систему Нерчинской каторги.

1890: «На 21 году возврат в Киев после письма Леониллы: приезжай, есть дело, которому можно посвятить жизнь (остатки партии народовольцев вербовали в Киеве молодежь)». «24-часовая в сутки работа разрушения старого мира. Ради нее мы спали на досках, ели то, что было противно, лишали себя самых невинных радостей – театра, катания на коньках, “обывательских” вечеринок». Девушки этого поколения «с мученическим экстазом приносили огромные жертвы – порывали все связи с родителями, с женихами, выходили замуж по указке главы партии» (правда, таких жертв М.-М. приносить не пришлось).

«22 года. Выход из партии (хотелось уже “дела”, а жизнь сводилась к изучению политэкономии и социализма)».

«На 24 году, не дождавшись “дела” и потеряв веру в начавшуюся распадаться партию – возврат под материнский кров в Воронеж»¹. Еще один случай возвращения к матери: «испугало в Киеве предложение Макса Бродского стать во главе детского журнала. Этот предлагал вдобавок какие-то тысячи. Помню, с какой поспешностью собралась я тогда в Воронеж (к матери), чтобы прекратить все разговоры по этому поводу. (Может быть, в нищете своей испугалась и соблазна тысяч)».

В 1895* – 26 лет – «возврат к христианству – евангелизм, толстовство, интерес к армии Бутса², к неплюевцам³, к сектантству»; «гувернантство с целью побывать за границей (Италия)». «Первая картинная галерея в Милане, где я чуть с ума не сошла от потрясения перед красотой Магдалин и Мадонн, перед человеческой Красотой, понимаемой именно так, как я ее понимала. Я – и Рафаэль, и Тициан. И Винчи. И еще – моя сестра. Мы были в высшей степени одиноки в нашем чувстве красоты в Киевском затоне, в среде, где по стенам висели приложения к “Ниве”»⁴.

Обязанности гувернантки М.-М. исполняла в семье киевского миллионера Даниила Балаховского. «Меня почему-то высоко ценили и ожидали каких-то блестящих результатов от моего общения с детьми».

¹ В Воронеже жили друзья и родственники Малахиевых Полянские и Соловкины.

² Т.е. к основанной в 1865 британским священником-методистом Уильямом Бутом (*William Booth*; 1829–1912) международной миссионерской и благотворительной организации «Армия спасения».

³ Неплюевцы – воспитанники и последователи богослова *Николая Николаевича Неплюева* (1851–1908), основателя Воздвиженской сельскохозяйственной школы и Крестовоздвиженского православного трудового братства в Черниговской губ.

⁴ 9 мая 1932.

Жена Балаховского, Софья Исааковна, была к ней благосклонна, ее брат, будущий знаменитый философ Лев Шестов, стал ее близким другом.

За границей – «начало романа, не имевшего продолжения» с 22-летним юношей – Анатолием Васильевичем Луначарским¹. «Главными действующими лицами в нем были – море, лунные ночи, весна, апельсиновые деревья в цвету». «И юность еще не любившего сердца – у него. И раненость сердца безнадежной любовью – у меня (4 года такой любви, спасаясь от которой и за границу бросилась). Была с его стороны вдохновенная пропаганда марксизма. С моей – изумление перед его ораторским искусством и памятью (кого он только не цитировал наизусть!). Я называла его в письмах к Л<ьву> Ш<естову> “гениальным мальчиком”. Когда я уехала в Париж, а он остался в Ницце – каждый день приходило письмо с подписью: “Твой – Толя”. Но он не был “мой” – не моих небес. Не породнились души». Помимо этой и еще нескольких дневниковых записей («По одной записке Луначарского у меня в ГИЗе в 20-м году взяли, не читая, рукопись детской пьесы и выдали аванс»), остался обращенный к Луначарскому довольно беспомощный стихотворный цикл 1893 г. и включенное в настоящее издание стихотворение 1925 г. «Памяти Ривьерских дней».

Тогда же завязывается дружба с женой родного брата будущего наркома – известного киевского врача-психиатра Платона Луначарского – Софьей Николаевной. (Второй ее муж – революционер-большевик П.Г. Смидович.)

В 1896 – 27 лет – «разрыв с гувернантством – Париж (у богатой приятельницы)... Цель – знакомство с русскими революционерами <...>. Осознание, что до революции еще далеко», не помешавшее, однако, при возвращении на родину М.-М. взять у Смидовича «запретные рукописи с печатью», следствием чего явился арест на границе и отправление в Петербургскую предварилку, где пришлось провести несколько месяцев. В Париже М.-М. влюбилась в женатого доктора, Андрея Ивановича Шингарёва. С ним и его сестрой и возвращалась в Россию. В поезде сестру Шингарева, «изнеженную и истеричную, уложили кое-как. Пришлось сесть тесно, прижавшись, друг к другу. “Давайте спать по очереди. Вы на моем плече, а я потом на вашем. У меня есть маленькая подушечка”. Это была наша первая и последняя

¹ А.В. Луначарский, тогда студент Цюрихского университета, оказался в 1895 г. в Ницце вынужденно: из-за тяжелой болезни своего брата. См. его автобиографию: Луначарский А.В. Собр. соч. (<http://lunacharsky.newgod.su/lib/lenin-i-lunacharskij/avtobiografia-lunacharskogo-v-institut-lenina>).

брачная ночь. Без поцелуев и объятий, но в глубоком слиянии душ». Год разлуки. Потом встреча в воронежском селе Гнездиловка, где Шингарёв практиковал, а М.-М. «заболела тифом. Ему пришлось каждый день навещать меня... Я не хотела выздоравливать, не хотела жить без него. Не хотела и с ним (жена, двое детей)¹. И я выпила морфий. Но такую большую дозу, что она уже не могла подействовать, и не трудно было меня спасти». Вспоминая этот «роман» в дневнике 1947 г., М.-М. цитирует Случевского:

Упала молния в ручей.
Вода не стала горячей.
А что ручей до дна пронзен,
Сквозь шелест струй не слышит он.

Шингарёв стал депутатом II, III, IV Государственных дум, лидером кадетской фракции, ближайшим сподвижником Милюкова, во время Февральской революции возглавил Продовольственную комиссию, в марте занял пост министра земледелия, в мае – министра финансов (работал по 15–18 часов в сутки, вспоминал о нем В.Д. Набоков). «Сердце сочащее», «закланец нашей истории» (слова Солженицына) – в декабре 1917 г. был арестован большевиками, заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, 7 января 1918 г. зверски убит в Мариинской больнице революционными бандитами. М.-М. «целые сутки» чувствовала себя его вдовой.

1897 – 28 лет – «Киев. Бедность. Журнальная работа (журналишко “Жизнь и искусство”²)). Сближение на «почве общего богоискательства» с Шестовым; на пороге Андреевской Церкви пережитое вместе с ним «отречение от “всех богатств мира и славы его” (после чтения Евангелия об искушении Христа дьяволом)». М.-М. пишет Шестову:

¹ В январе 1899 г. от внебрачной связи Шингарева с сиделкой больницы, где он работал, родился будущий выдающийся лингвист П.С. Кузнецов (см. его «Автобиографию», в которой он не сообщает фамилии своего отца, но называет его «известным земским врачом» и «общественным деятелем»: *Кузнецов П.С. Автобиография* // Московский лингвистический журнал. Т. 7. № 1. М., 2003. С. 156–157; благодарим Д.И. Зубарева за указание на этот сюжет).

² «Жизнь и искусство» (1893–1900) – ежедневная киевская газета (редактор-издатель М.Е. Краинский). М.-М. вместе с сестрой Анастасией работала, видимо, в редакции художественного приложения к газете, где их прозвали именами разделенных сямских близняшек Додики и Радика. В доступных нам комплектах издания имени М.-М. найти пока не удалось (большинство материалов газеты и не подписывалось).

«Каждый день Ваше присутствие доказывало мне убедительнее, чем все тома Толстого, что “Царство Божие внутри нас есть”»¹. «Ницше, Толстой, Достоевский, Шекспир были нашими ежедневными, неубывающими темами. Лирическая же область наполнялась только пеньем»². «Его любовь, мой полуответ»³. В дневнике она вспоминает «волнение», с каким Шестов переводил ей, плохо знающей немецкий язык, строки из «Заратустры»: «Вы не искали меня, но думали, что нашли меня. Так думают все верующие. Я отниму у вас веру. И тогда, если вы будете искать – вы найдете меня. И никто уже не сможет после этого отнять вас у меня»; и перевод Шестова «из Ленау, в тарасовском госпитальном садике читанный»:

Когда нам друзья изменяют,
Которых любили мы свято,
Не в силах душа примириться
С великой своею утратой.

М.-М. пишет о «большой, действительно платонической, высоко-романтической и безнадежной любви» к ней Шестова, в то время как она «была одержима такой же любовью (он знал это) к другому человеку» (Шингарёву).

По всей вероятности, М.-М. была далека от правильного понимания реальной психологической коллизии и выстроила свою версию последовавших за тем событий: поняв, что «я не могу ответить на его чувства, Л.Ш. решил соединить свою жизнь» с Анастасией Малахиейвой (младшей сестрой М.-М.) и сделал предложение – как объясняла Варвара Григорьевна – «для неразрывной родственной связи со мной». Ситуация вызвала драматическое напряжение в отношениях сестер (исключительно привязанных друг другу⁴) и глубокое нервное рас-

¹ Из письма к М.-М. к Шестову 14 августа 1895 г. (Баранова-Шестова. С.20).

² 1 марта 1953: «вспомнила ... напев романса Бетховена, который пел для меня в Женеве и потом в Киеве Л.Ш. <...> In questa tomba oscura <...> (в этой темной могиле...)».

³ 13 октября 1930.

⁴ М.-М. находит своей дружбе с сестрой литературный аналог в отношениях Беттины фон Арним с Каролиной фон Гюндероде. «Такой же, как с сестрой, союз души был у нас с Н.С. Бутовой». *Надежда Сергеевна Бутова* (1882–1921) – актриса МХАТ. См. о ней: Бессарабова. Дневник. (По ук.). Е.Г. Гуро через М.-М. «познакомилась с Бутовой. Увидела глаза ясные. Огонь исхити!..» (*Гуро Е.Г.* Из записных книжек (1908–1913). Сост. и вст. ст. Евг. Биневица. СПб., 1997. С. 37) и хотела с ней «о многом поговорить» (слова из письма Гуро к М.-М. от 14 июля <1912>, опубл.

стройство у Шестова, врачевать которое он отправился за границу. «Разбирала старинные письма – уцелевшие листки и полулисточки писем Льва Шестова. 96-ой, 97 год. XIX век! Помечены – Рим, Базель, Берн, Париж, Берлин¹. Годы скитаний и лечения после жестокого столкновения наших жизней: своей, сестры Насти и его, где все потерпели аварию... одно из тех крушений, от которых нельзя оправиться в течение одного существования. Сестра вынесла из него неизлечимую душевную болезнь, которая длилась 18 лет². Я – утрату руля в плавании по житейскому морю и ряд великих ошибок». За границей Шестов неожиданно для всех соединил свою жизнь с «докторницей» (словечко М.-М.). И хотя позже ей вспоминаются «два месяца ответа без слов, но когда каждое слово, каждый вздох уже ответ»³ – рисунок судьбы уже не изменить.

«Résigne-toi, mon cœur, dors ton sommeil de brute⁴

– вспомнилась надпись, сделанная на авторском экземпляре одной из книг, подаренном мне Л<ьвом> Ш<естовым>»⁵.

1898–1899 – «29–30 лет» – Апофеоз Беспочвенности⁶. Переезд из Киева в П<етербург> – потом в Москву. Вторая поездка за границу»⁷. Куда точно – мы не знаем. В другом месте дневника она пишет, не датируя: «жила год в Италии, под Генуей».

С ноября 1897 по январь 1899 ее стихи, подписанные «В.М.» и «В.Г. Малафеева», появляются в ежемесячном приложении к петербургской газете «Неделя» – журнале «Книжки недели». Пока это довольно бойкая, но бледная версификация, хотя и соседствующая

А. Повелихиной в кн.: Елена Гуро. Поэт и художник. 1877–1913. Каталог выставки. СПб., 1994. С. 44).

¹ Большая часть этих писем Шестова погибла в 1918 году.

² Она попала (сначала в качестве фельдшера, а не больной) в дом для душевнобольных в 1901 г., там же и умерла – от голода в Гражданскую войну.

³ 13 октября 1930.

⁴ «Смирись, мое сердце, усни сном зверя...» (*франц.*).

⁵ 30 августа 1930. Цитата из ст-ния «Жажда небытия» («Le Goût de Néant») Ш. Бодлера (сб. «Цветы зла»). Шестов цитирует эту фразу в статье «Творчество из ничего (А.П. Чехов)».

⁶ Видимо, здесь М.-М. пользуется названием книги Шестова для метафорического обозначения своих странствий, и запись не стоит воспринимать как ошибку ее памяти (в литературе, посвященной Шестову, принято считать, что работу над этой книгой, вышедшей в 1905 г., он начал в 1903 г., а в 1899 (когда М.-М. и было «29–30» лет) Шестов издает другой труд: «Добро в учении гр. Толстого и Фр. Ницше»).

⁷ Записано в октябре 1947.

с именами В.С. Соловьева, А.М. Жемчужникова, К.М. Фофанова, К.К. Случевского. Услышав от известной переводчицы и историка литературы Зинаиды Венгеровой: «Вам необходимо <...> стать заправским литератором», Варвара Григорьевна приходит в ужас от самой идеи окончательности выбора жизненного занятия – «я бежала из Петербурга, где была возможность сотрудничать в некоторых журналах» и «стала по-прежнему кружить по свету»¹.

1899: «Мы с сестрой, две жаждущие широкого русла провинциалки <...>, явились в Москву без круга знакомств, без денег, с одним рекомендательным письмом нашего Киевского друга Ш<естова> к его другу Л<урье>. Посвящением нашим в это большое русло – русло культуры был первый же спектакль МХАТа. Это был “Царь Федор”. Потом “Одинокие”. И Чехов. Главным образом Чехов. А позже “Бранд”, его “всё или ничего”, максимализм требований от жизни и от личности. И весь Ибсен». Несколько стихотворений Анастасии печатают в «Северных цветах» и еще некоторых журналах². «Потом судьба разметала нас по разным колеям. Сестра поступила фельдшерницей в психиатрическую подмосковную лечебницу».

1899*–1902*: «В 30–33 года – Заратустра. Интерес к теософии и отвращение к тем сторонам ее, которые так очевидно allzumenschliches³ – к Безант⁴, Ледбитеру⁵, Блаватской». «В дальнейшие годы –

¹ Дневник. Ср. фразу о М.-М. в письме З.А. Венгеровой к С.Г. Балаховской-Пети от 24 ноября 1898 г.: «Она, бедная, не особенно процветает» (Revue des etudes slaves. 1995. V. 67. № 67-2-3. S. http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/slave_0080-2557_1995_num_67_2_6274).

² 31 мая 1949 («Порою смерть влечет меня, как сад развесистый, тенистый...»). Ср. запись в дневнике В.Я. Брюсова, сентябрь 1901 г.: «Видал я Анастасью Мирович. Живет бедно, втроем с двумя подругами. Некрасива и неловка. Но она очень современна. Ее мысль направлена на заветнейшие тайны наших дней. Мы говорили (долго, целые часы) о том, что страшно, о том, что всё страшно, всё ужас и тайна. Она чувствует это более, чем все, кто много говорит и пишет об этом. Я сказал ей о смерти Ореуса. Она испугалась, задрожала, заплакала. Она любила его? По ее словам, она видела его всего 3-4 раза в жизни. Он одобрял ее драму “Морская легенда”» (Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / Сост., вступ. ст. Е.В. Ивановой. М., 2002. С. 123).

³ Слишком человеческие (нем.).

⁴ Анни Безант (1847–1933) – британская теософка, борец за права женщин, писательница, сторонница независимости Ирландии и Индии. Автор книг «Эзотерическое христианство, или Малые мистерии», «Смерть... а потом?» и многих других, повлиявших на мировоззрение М.-М.

⁵ Чарльз Уэбстер Ледбитер (1854–1934) – британский теософ, оккультист, масон.

после встречи с Минцловой – измененная Москва, ощущение всех умерших живыми». «Но возник у меня в те дни [после посещения Оптиной пустыни – Т. Н.] вопрос, в каком отношении к Фаворскому сиянию был тот ослепительный, всю Москву – как будто я ее сверху вижу – и дали за ней – озаряющий свет, с каким я вышла однажды после беседы с Анн<ой> Рудол<ьфовной> Минцловой лет сорок тому назад, в период, когда мое поколение искало “Истины”, где только могло». ¹ Окончательный вывод, к которому она приходит («Теософы – самоутешители – сказочники, равно далекие и от Теоса, и от Софии – премудрости Божией»), не отменяет безусловного влияния теософских книг на некоторые стороны ее собственного мира (подробнее об этом см. в комментариях к стихотворениям, здесь же укажем на одно, как кажется, неслучайное пересечение: одна из глав книги Анны Безант «Смерть... а потом?» называлась «Непреходящее и тленное», многолетний дневник М.-М. (и большой цикл стихов) – «О проходящем и вечном»).

Читая в 1947 г. мемуарную книгу Г.И. Чулкова «Годы странствий», М.-М. пишет: «она заставила меня за двое суток пройти по тем путям декадентства и символизма, богоборчества и богоискания, какими отмечено чуть не десятилетие моей жизни».

«Страшные в шуточности своей заповеди сложили мы с сестрой в ницшеанский период жизни: Падая, не разбивайся. Разбиваясь, склеивайся и делай вид, что ты никогда не разбивался. Полюби мармелад, чтобы было чем жить, когда заболеешь проказой. Прыгай через чужие головы, если не хочешь, чтоб прыгали через твою, вышибли тебе глаз. Не ходи на Фавор – всё равно не преобразишься. В этот же период мы пели с ней дуэтом Бодлеровские (или Верленовские?) литании Сатане. Пели как будто бы в шутку, но однажды обе дружно и безутешно зарыдали»².

«Мы, я и сверстники мои, интеллигенты – дети предрассветной, переходной, нет, не переходной, а переломной, и при этом костоломной эпохи. И перелом этот, сокрушающий кости, может быть, отменяющий их во имя нового органического строения души, прошел через так называемых декадентов – Брюсова, Соллогуба, Гиппиус, Добролюбова, Белого и др. Кто не был, как я, настоящим декадентом, всё равно переламывал свои кости на “переоценке ценностей” Ницше и

¹ Запись 29 августа 1950.

² 10 августа 1930. Правильно: Бодлеровские.

плотал змею “вечного возвращения”, т.е. бессмыслицы бытия и гордыни Кирилловского человекобога. Мы были не только раздвоены и обескрылены, как Ставрогин “Бесов”, мы были растроены, расчетверены, раздесятеряны. Нам надо было соощутить в себе множество различных ликов и не сойти от этого с ума. Из них надо было создать себе свое новое “я”. Спасаясь от хаоса и в жажде самосозидания люди бросались в “неохристианство” – Гиппиус, Мережковский, Эрн, Свенцицкий и т.д. В теософию и антропософию, как Белый; в сектантство, как Добролюбов. В “творчество из ничего”, как Шестов, путь которого роковой и страшный, но единственный реальный путь, – к нему взывал самый жребий раздробления, сокрушения костей (ведь сокрушались кости не только своего “я”, но и всего мироздания). Никакая философия, никакая донныне установленная догма для видевших крушения “тысячелетних ценностей” не может быть спасительной до конца»¹.

М.-М. декадентского периода не очень понравилась Евгении Герцык: «Хорошенькая и полногрудая украинка Мирович, печатавшая в журналах декадентские пустячки². Вся – ходячий трагизм. Заметив заколотую на мне скромную брошку – якорь – значительно произнесла: “Вы не должны носить якорь. Вам к лицу безнадежность”».³

С шестовской идеей безнадежности как высшей надежды связана одна из любимых мыслей М.-М., к которой она не раз на протяжении долгих лет возвращалась:

Безнадежность – высшая надежда.

Так сказал когда-то мне мой друг.

Безнадежности преисполнен ее «первый брачный союз» – четырехлетний роман с одним известным московским доктором, женатым человеком и отцом семейства (об этом М.-М. тогда не подозревала)⁴.

¹ 13 апреля 1935.

² Несколько стихотворений в «Русской мысли» (далее: РМ) и театральных рецензий в «Мире искусства». В 1907 г. опубликованы некоторые из «Летних сказочек не для детей» – РМ. 1907. № 5. С. 62–73.

³ Герцык Е.К. Лики и образы. М., 2007. С. 142. Ср. слова ее сестры в письме к В.С. Гриневиц от 10 февраля 1907 г.: «Такие мелкие рядом с ним [Шестовым. – Т.Н.] Бердяев, Жук<овский>, а главное – все шестовцы (люди его школы – Мирович, Лундберг)» (Сестры Герцык. Письма / Сост. и коммент. Т.Н. Жуковской. СПб., 2002. С. 91).

⁴ 30 июля 1948.

В часы заботы и усталости,
Когда, печальна и больна,
Душа, как нищий, просит жалости
Твоей иль Божьей, и одна.

В часы отчаянья глубокого,
Когда и смерть, и ночь кругом,
Нет сердца глубже одинокого,
Чем ты и я, чем мы вдвоем,

В страданиях вечно разделенные,
Без силы верить и прощать,
Мы как враги, приговоренные
В одной темнице умирать...

В Москве М.-М. живет уроками – в семьях Лурье, Шиков и их знакомых – и «случайными литературными заработками»¹: изредка публикует театральные рецензии² и стихи³. В 1904 г. выходят ее первая книжка стихов и рассказов для детей «Снежинки»⁴ и перевод с итальянского: «Жизнь Витторио Альфиери из Асти, рассказанная им самим» (литературным редактором перевода был Борис Зайцев); в 1908 г. – книга рассказов для детей «Золотой дом»⁵.

¹ Редкие публикации М.-М. продолжают появляться и в киевской дореволюционной прессе: в недолговечной газете «Народ» (1906; подробнее о ней см.: *Колеров М.А., Локтева О.К.* С.Н. Булгаков и религиозно-философская печать (1906–1907) // Лица. Биографический альманах. [Вып.] 5. М., СПб. 1994. С. 422, 424); в журнале «Искусство и печатное дело» (1909. №№ 4–6).

² *Мирович В.* О первом представлении пьесы «На дне» // Мир искусства. 1903. № 1 (Раздел «Хроника»). С. 6–7; *Мирович В.* Первое представление «Юлия Цезаря» в Художественном Театре // Там же. № 12. С. 123–125; *Мирович В.* Метерлинк на сцене Художественного Театра // Там же. 1904. № 8–9. С. 166–169; *Мирович В.* «Горе от ума» на сцене московского Художественного театра // Речь. 30 сентября (13 октября) 1906. № 178. С. 2; *Малахеева-Мирович В.* Два лика // Золотое руно. 1908. № 7–9. С. 111–112; *Малахеева-Мирович В.* О Метерлинке (По поводу представления «Синей птицы») // Там же. С. 62–65.; в 1916 рецензирует премьеру в Художественном театре пьесы Д. Мережковского «Будет радость» (РМ. № 3. С. 24).

³ РМ: 1902, 1903, 1908. Подробнее см. раздел «Комментарии к стихотворениям».

⁴ Второе издание – 1915 (оба – СПб.).

⁵ Второе издание вышло в 1913 г. (оба – СПб., в детском издательстве «Тропинка»).

В 1909 г., после ухода Мережковского с поста заведующего литературно-критическим отделом журнала «Русская мысль», С.В. Лурье принимает на себя его обязанности и приглашает к сотрудничеству М.-М. («роетесь в мусоре мысли человеческой»)¹, – язвительно повторяет ее фразу о чтении рукописей, присылаемых в беллетристический отдел, Лев Толстой во время их единственной, но длинной беседы).

За короткий период с января 1909 по октябрь 1910 в журнале напечатаны более двадцати ее рецензий², одна статья³ и перевод французского «романа из современных нравов» Ж. Рони (Рони-младший) «Судьба Дерива»⁴. В 1910 г. художественную литературу в «Русской мысли» рецензируют фактически два человека: М.-М. и В.Я. Брюсов (иногда им помогает Ю. Айхенвальд). Осенью 1910 г. Брюсов принимает на себя заведование библиографическим отделом, и рецензии

¹ В Ясной Поляне // РМ. 1911. Кн.1. С. 162.

² 1909: в № 1 и 2 – раздел «Книги для детей» (в т.ч. на книгу М. Пришвина «За волшебным колобком»); в № 5 – на «Брак» Ионаса Ли и «Гибель» Казимира Тетмайера; в № 6 – на «Старух» Евг. Лундберга; в № 7 – на «Повести и драмы» А. Стриндберга и «Шарманку» Е. Гуро; в № 8 – на «Стихотворения» А.К. Герцык и «Сказки» О. Форш; в № 9 – на «Стихотворения в прозе» Шарля Бодлера и 3-й том «Собрания сочинений» Габриэля Д'Аннунцио; в № 10 – на 10-ю книгу «литературно-художественного альманаха» «Шиповник» (в т.ч. на 3-ю часть «Навьи чар» Ф. Сологуба и цикл А. Блока «На поле Куликовом») и на 1-й том «Собрания сочинений» Камилла Лемонье; в № 11 – на книгу Поликсены Соловьевой (Allegro) «Плакун-трава» и «Рассказы» и «Мои скитания» Евг. Лундберга; в № 12 – на альманах «Смерть» и на роман «Голова медузы» Г. Гейерстама; 1910: в № 1 – на «Рассказы» Ремизова и 11-ю книгу альманаха «Шиповник» (в т.ч. повесть «Верность» Б. Зайцева и рассказ Л. Андреева «Анфиса»); в № 3 – на «Сборник товарищества “Знание” за 1909 г.» и комедию Б. Шоу «Человек и сверхчеловек»; в № 4 – на книгу «Дети черть» Шолом-Алейхема; в № 5 – на «Сказания о любви» Т. Щепкиной-Куперник и «Дыхание земли» Ив. Новикова; в № 6 – на 12-ю книгу альманаха «Шиповник»; в № 7 – на двухтомник норвежского прозаика и драматурга Бьернстjerne Бьернсона; в № 9 – на 8-й том «Собрания сочинений» Ф. Сологуба (куда вошли драматические произведения); в № 10 – на XXX и XXXI «Сборники товарищества “Знание” за 1910 г.»).

³ Мир игрушки (по поводу московской выставки игрушек художника Бартрама) // РМ. 1909. № 12. С. 111–116. Другая ее работа «Воспитательное значение игрушки», опубликованная в сборнике «Игрушка: Ее история и значение» (М., 1912), была близка М.А. Волошину (см. его статью «Театр как сновидение» в кн.: *Волошин М.А. Лики творчества*. Л., 1988. С. 698. Сноска 20).

⁴ РМ. 1910. № 6–10. Годом позже, сопровождаемый критическим очерком Ю.И. Айхенвальда, роман выходит отдельным изданием (и под другим заглавием): «В сетях жизни» (1911).

М.-М. перестают появляться в этом издании – то ли потому, что ее психологический импрессионизм был чужд острому и сухому стилю Брюсова, то ли потому, что «умственная» брюсовская линия была ей не очень близка, то ли оттого, что ушла с головой в новую переводческую работу (о которой чуть позже). В «Русской мысли» отныне она печатается очень нерегулярно¹: мемуарный очерк о посещении Толстого в Ясной Поляне (1911. № 1), два стихотворения (в 1914 и 1916), заметка о пьесе Д.С. Мережковского².

Журнальная работа приводит ее к людям, которые становятся умственными спутниками всей ее дальнейшей жизни. Это Л.Н. Толстой (визит к нему подробно описан самой М.-М., ее дневник советского времени фиксирует не только этапы проживания толстовского художественного мира, но и споры с философским учением графа). И Елена Генриховна Гуро.

3

В заметке о «Шарманке» Гуро М.-М. писала: «Об этой книге нельзя говорить: есть. Она вся *im Werden*³», «точно девочка-подросток впервые вышла на сцену – талантливая девочка... Острые локти, красные руки, захлебывающийся смех; она может поправить чулок, даже не заметив этого движения. Не умеет ходить по сцене. Вдруг забасит для чего-то мужским голосом, положит нога на ногу (переняла у кузена)», «милая, милая книга»⁴. Познакомившись, они быстро подружились: «Малахиева приезжала к нам на дачу», «познакомила нас с Ремизовым»⁵ – вспоминал М.В. Матюшин (муж Гуро). На личных

¹ Забавно, насколько по-разному в разные исторические периоды оценивалась деятельность М.-М. в «Русской мысли»: «Ю.И. Айхенвальд, В. Г. Малахиева-Мирович и С.В. Лурье еще более запутали дела журнала, так как приняли к печати ряд слабых произведений (например, бездарный роман П.А. Сергеевко "Андрей Щербина")» (Литературный архив. Вып. 5. Л., 1960. С. 259). Ср.: «При Малахиевой-Мирович журнал приобрел новое лицо: в нем активно стали сотрудничать религиозные философы, писатели-символисты, подробнее стал обзор иностранных книг» ([Кушлина О.Б. Биографическая справка о В.Г. Малахиевой-Мирович] // Сто одна поэтесса серебряного века. СПб., 2000. С. 138).

² РМ. 1916. № 3.

³ В становлении (нем.).

⁴ РМ. 1909. № 7. С. 164, 165.

⁵ Матюшин М. Русские кубофутуристы. Цит. по кн.: Гуро Е. Небесные верблюжата. Избранное. Сост., автор статей и примеч. Л.В. Усенко. Ростов н/Д., 1993. С. 271,

отношениях не отразился неприятный эпизод: «По просьбе Малахией Гуро послала одно из стихотворений в “Русскую мысль”, но оно было отвергнуто редакцией. После этого Гуро дала слово никуда не посылать своих вещей и выступать в печати только со своими единомышленниками по искусству»¹ (однако по рекомендации М.-М. Гуро удалось опубликовать два рисунка в детском журнале «Тропинка»²). Характерная для обеих неподвластность «законам земного тяготения», интимно сближающая их острая тоска по нереализованному в жизни материнству³, человеческая симпатия оставляли за скобками совершенно очевидную эстетическую полярность подружившейся с футуристами Гуро и не принимающей поэтического авангардизма М.-М. Желание полнее понимать свою умершую приятельницу заставляет М.-М. приглядываться к футуристическим опытам словотворчества⁴ и спустя десятилетия внимательно перечитывать Хлебникова. Именно то, что оттолкнуло от Гуро в свое время Бенедикта Лившица, привлекало в ней М.-М.: «Ее излучавшаяся на всё окружающее умиротворяющая прозрачность человека, уже сведшего счеты с жизнью»⁵ (Бенедикт Лившиц, «усматривавший личную обиду в существовании запредельного мира», ощутил это как «безмолвный вызов»⁶).

О душевной близости свидетельствуют письма Гуро к М.-М. (из собрания М.С. Лесмана); многое – и об авторе, и об адресате – сообщает недатированное письмо, относимое публикатором к 1909 или 1910 году: «Ложась спать, Вы просто должны запретить посторонним духам входить к Вам. Соберите себя в какой-то чуть отвлеченный,

---

274. См. также: *Никольская Т.Л.* Авангард и окрестности. СПб., 2002. С. 176–177 (в недатированном письме к Гуро М.-М. приводит строки из письма к ней Н. Бромлей 1912 г. о книге Гуро «Осенний сон»). Письма к Гуро хранятся в ИРЛИ, ответные – в РГАЛИ (Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 34).

¹ Там же. С. 271.

² Тропинка. 1909. № 9 и 10 (рисунки-концовки к рассказу Н. Шапира «Поехали»). См. об этом в письме Гуро к М.-М. от 29 октября <1909> (в кн.: Елена Гуро. Поэт и художник. 1877–1913. Каталог выставки. СПб., 1994. С.39. Публ. и прим. А. Павлихиной).

³ «Мне часто снится колыбель пустая» – признание М.-М. в одном из не вошедших в эту книгу стихотворений.

⁴ Бессарабова. Дневник. С. 100.

⁵ *Лившиц Б.* Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л., 1989. С. 405.

⁶ Там же.

волевой узел, и из сего своего центра очищенной воли Вашей прикажите – уйдут. Вы очень сильно можете собирать потусторонние силы, а плохие этим пользуются. Поэтому и себя самой страшно, что и в Вас самих, может быть, влезают непрошеные. Но только не бойтесь, если громко запретите им, не посмеют идти против закона свободной Воли. Никто без соглашения человека не имеет права входить в него и вообще пользоваться его медиумической силой. Вообще свободная воля может страшно много, только люди мало знают об этом. Я теперь всячески развиваю в себе эту способность приказывать и запрещать. Только у меня мало этой силы воли. У Вас ее несравненно больше. Также берегите равновесие Вашей души, всякое неравновесие мешает приказывать. Но Вам это почти лишне напоминать: гармоничность Вашего религиозного ритма меня уже летом поразила, она даже сгармонизировала все Ваши внешние движения. Вот и всё, что я могу сказать, мне тяжело, что Вас осаждают, но радуюсь, значит, всё земное видит в Вас сильного Врага, что так ополчилось»¹.

В дневнике М.-М. есть замечательный рассказ о белом «целлюлоидовом крестике»: «Таинственно попал ко мне от покойной Елены Гуро. Она (человек очень оккультного склада²) однажды рассказывала мне о кресте, который она хотела бы подарить мне (подарок одной швейцарской теософки) и прибавила, что “к сожалению, этот крест так затерялся, что его нет надежд найти...”. И вдруг крестик этот спрыгивает с высоты гардеробного шкафа при этих ее словах и падает почти к моим ногам. Я люблю в нем этот момент и связь с Еленой Гуро, любившей меня и любимой мною, и белизну, и необыкновенно благородные пропорции его»³. Отметим, что в записных книжках Гуро (июль 1910) есть запись, которая, по всей вероятности, относится к М.-М.: «В.Г. – дорожит мной, моим мнением, видит во мне мое лучшее. Но хочет разом вскочить в меня с ногами. Немного опасна,

¹ Елена Гуро. Поэт и художник. 1877–1913. Каталог выставки. СПб., 1994. С. 40. В письмах М.-М. называла Гуро «Ли», а Матюшина «Кихада» (Дон-Кихот). Гуро обращалась к ней «Дорогая моя, тихая, вечерняя!», благодарила за сбывающееся гадание, писала, что молится о здоровье матери М.-М. В этом же издании (с. [138]) опубликована фотография М.-М. и Гуро (1909 или 1910 года), сделанная М. Матюшиным на даче Гуро.

² См. об этой стороне мировоззрения Гуро в работе: *Гехтман В.* «Бедный рыцарь» Елены Гуро и «Tertium organum» П.Д. Успенского // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. I. (Новая серия). Тарту, 1994. С. 156–167 (http://www.ruthenia.ru/reprint/trudy_i/gehtman.pdf).

³ Дневниковая запись 28 марта 1931.

потому что расточительна и сама не знает, чего хочет от жизни и от меня»¹.

Цитаты из Гуро, рассыпанные по страницам дневника М.-М. и взятые в качестве эпиграфов к стихам 1920-х годов, свидетельствуют о том, что ее внутренний разговор с «покойницей Элен»² не прерывался³.

4

Вскоре после начала занятий с дочерью С.В. Лурье Таней у М.-М. появляется еще одна ученица, дочка почетного гражданина Москвы Владимира (Вольфа) Мироновича Шика Лиля. Иногда занятия проходили на дому у учительницы (М.-М. жила вместе с двумя своими подругами⁴), и тогда маленькую Лилию приводил ее старший брат

¹ Гуро Е.Г. Из записных книжек (1908–1913). Сост. и вст. ст. Евг. Биневица. СПб., 1997. С. 52.

² Слова из стихотворения современного петербургского поэта Вс. Зельченко «Футуристы в 1913 году».

³ Показательно, что «главное впечатление» от немногих встреч с Аделаидой Герцык свелось у М.-М. к четырем строчкам поэтессы:

Блаженна страна, на смерть венчанная,
Согласное сердце дрожит, как нить.
Бездонная высь и даль туманная, –
Как сладко не знать... как легко не быть...

первая из которых была выбрана Еленой Гуро эпиграфом для ее пьесы «Осенний сон» (СПб., 1912).

⁴ Одна из них – Анна Васильевна Романова (1873–1968), первая жена писателя Пантелеймона Романова, с которым М.-М. ее и познакомил. Благоговейно вспоминая А.В. Романову, Е. Бирукова сравнивала ее с М.-М.: «Их молодые годы прошли в совместных духовных скитаниях, в поисках Истины. Обе жадно бросались на всё новое в умственно-духовной сфере, но быстро разочаровывались. Они были так душевно слиты, что не могли и дня прожить друг без друга. В то время обладавшая собственным стилем Анна Васильевна ходила в ослепительной английской блузке с застроченными складочками, заправленной в гладкую темную юбку, в туфлях на высоких каблуках; паутинно-тонкие волосы пышно завиты, на цепочке лорнет. Когда Анна вспыхивала гневом, Вава останавливала ее: "Анна, не яритесь!" Но дружба эта стала отмирать с уходом Анны Васильевны в Церковь. Варвара Григорьевна – поэтесса, своеобразный педагог, "пробудитель" душ – так и осталась "вольным искателем жемчуга", вся в расплывчатом мистицизме. Она равно принимала и Толстого, и Рамакришну, и Романа Роллана, хотя к Церкви также тяготела» (Бирукова Е.Н. Душа комнаты // <http://www.klenniki.ru/mechev-obchin/mechevskay-miryne/255-dusha-komnaty>).

Миша, гимназист. «Однажды во время поэтических разговоров перед камином в нашей компании поднялся вопрос, кто чем или кем хотел бы быть, если бы не был человеком <...> Я ответила на вопрос, мною же заданный, что хотела бы быть травинкой, стебельком травы <...> Через несколько месяцев после этого М<иша> случайно забыл у меня записную книжку. Раскрыв ее, я прочла: “В день 17-летия моего. Она хотела бы быть травинкой. Чего пожелать мне для себя в этом году? Я хотел бы превратиться в каплю росы, чтобы стать слезой о ее судьбе и чтобы поить ее, и чтобы встретить нам вместе зарю, возвещающую Христа” (я не ручаюсь за всю редакцию, но смысл и образы, в какие он отлился, помню)»¹. Михаил Владимирович Шик родился в 1887-м², значит, описываемые события происходят в 1904-м. Так в жизнь М.-М. входит главный герой ее лирики – «юноша, не мыслящий жизни без меня, без своей Любви, охватившей его душу и дух, и юное, жаждущее смысла и радости земное существо – 12 лет царившей в жизни его – любви ко мне, к женщине вдвое его старшей» – «десять лет всё крепнувшей и прораставшей в религиозную область связанности». Счастливые будни этого союза запечатлены в дневнике О. Бессарабовой³.

В 1909 г. Шик, студент Историко-филологического факультета Московского Университета (закончил в 1912 по двум кафедрам – все-

¹ М.-М. Сыну об отце. 1953 (рукопись, семейный архив Шиков и Шаховских).

² См. о нем: Шик Е. Путь (о моем отце Михаиле Владимировиче Шике – отце Михаиле) // http://www.damian.ru/Svidetelstva_o_vere/shik/m_shik.html; она же. Воспоминания об отце // Альфа и Омега. 1997. № 1(12) (http://www.damian.ru/Svidetelstva_o_vere/shik/vospominania.html); Бессарабова. Дневник (По ук.); Шоломова С. Осенняя элегия // Дорога вместе. № 1, 2007; она же. Запечатленный след. М., 2011.

³ Бессарабова. Дневник. С. 100–101, 107, 109, 118, 140–141. В письме к своей подруге З.А. Денисьевской от 11–19 февраля 1928 г. М.-М. рассказывает историю этой любви так: «М.В. Шик в течение 12-ти лет приносил мне ежедневно, ежедневно величайшие дары – благоговейного почитания Женщины, нежности, бережности, братской, отцовской и сыновней любви, заботы, верности. Когда ему было 20, а мне 38 лет, наш союз стал брачным, и брак длился около 10 лет. В этот промежуток было, впрочем, и у него, и у меня охлаждение. Он встретился тогда с Н.Д. (его женой в настоящем). Я почувствовала, что это не простая встреча. И в тот час моей жизни мне было не трудно отдать его др<угой> женщине. К этому я была вообще готова с самого начала. А в том году, когда он проводил лето с Н.Д. и ее подругами на Волге, я жила в Швейцарии – и там наша встреча с Л. Шестовым, у которого были уже жена и две дочери, наполнилась и озарилась такой чудесной музыкой общения – когда душа радуется другой душе, непрестанно повторяя: “ты еси”. Я написала об этом М.В. Он пережил ревнивую боль и рванулся от Наташи ко мне с новым жаром» (МЦ. КП 4680/165).

общей истории и философии), вместе с М.-М. приступает к работе над переводом книги Уильяма Джеймса¹ «Многообразие религиозного опыта» (перевод выходит в 1910 г. с предисловием Лурье). Внимание русской публики к этой книге, опубликованной в 1905 г., привлек Лев Шестов в своей статье «Разрушающий и созидаящий миры», написанной к 80-летию Льва Толстого. Статья Шестова была опубликована в 1-м номере «Русской мысли» за 1909 г. Представляя книгу этого известного и признанного в Европе американского психолога, Шестов писал: «Джемса интересует <...> то, что религиозные люди называют откровением. По своему личному опыту Джемс совсем не может судить об откровении, ибо сам ничего такого не испытал <...> Джемс добросовестно изучал, насколько возможно, показания религиозных людей и пришел к заключению, что откровение – это факт, с которым нельзя не считаться, и что люди, испытавшие откровение, знают многое такое, чего люди обыкновенные не знают»². Переводческая работа М.-М. и М.В. Шика была вдохновлена Шестовым, поддержана С. Лурье, который стал редактором и издателем книги. В некрологе У. Джеймса С. Франк писал: «Возрождение религии и интереса к ней совершается на наших глазах под значительным влиянием Джемса, в форме волюнтаристического романтизма, связанного с пренебрежением к рациональному началу мировоззрения; на смену “рассудочной” философии подымается снова волна философии веры и чувства, ценная углублением духовных переживаний, но страдающая в известном смысле принципиальной смутностью и хаотичностью. “Аполлоновское” начало всецело приносится в жертву “дионисовскому”, вместо того, чтобы гармонически сочетаться с ним; духовное углубление искупается потерей всяких объективных критериев, ясное знание сменяется неуловимым субъективизмом “переживания”. Задача построения жизнепонимания, которое соединило бы глубину с ясностью, эмоциональное богатство с рациональной прочностью и необходимостью, лежит еще впереди»³. В атмосфере напряженных религиозных поисков начала века книга Джеймса привлекала «идеями религии как своеобразного и самодовлеющего непосредственного

¹ В старой транскрипции было принято написание: Джемс. Первоначально Лурье предлагал выполнить перевод Е. Герцык, но она отказалась, испугавшись объема и необходимости подготовить перевод в краткий срок (о чем писала Вяч.И. Иванову 19 февраля 1909 г. – Сестры Герцык. Письма. СПб., 2002. С. 573).

² С. 35.

³ Франк С. Виллиам Джемс // РМ. 1910. № 10. С. 221.

переживания»¹, поражала тем, что «апология духовного опыта – утверждение его ценности, автономии, *многообразия* – давалась от имени академической науки»². Для революционизированного сознания читателя начала XX века было исключительно важно, что религия трактовалась Джеймсом не как «социальный институт, а непосредственное переживание, не историческая традиция, а психологическое состояние; не рутинный ритуал, а мистический экстаз; не зависимость от авторитета, а внезапное (пусть и многократно повторяемое) первооткрытие»³. В 1911 г. Н. Бердяев назвал «Многообразиие религиозного опыта» «прославленной книгой»⁴, в 1914 г. на нее сослался В. Жирмунский⁵.

С начала 1910-х г. переводы становятся основным источником дохода М.-М. Она переводит романы Бернарда Шоу: «Карьера одного бойца» (1911; книга переиздается в переводе М.-М. и по сей день) и «У жертвенника искусства» (1913). В 1913-м вышел роскошный фолиант «Микель-Анджело Буонарроти» – монография Г.Д. Грима⁶.

Объемные переводческие труды не мешают М.-М. много путешествовать. Весной 1910 г. М.-М. собирается вместе с М.И. Пришвиным и А.М. Ремизовым отправиться в Лапландию⁷. Этот план не воплотился в жизнь и был заменен другим: вместе с М.В. Шиком и писателем Е. Лундбергом, знакомым ей еще с киевских времен, М.-М. в том же году едет в Грецию (Афины, Элевсин) и Константинополь. В декабре 1910 года М.-М. вместе с Ю.Н. Верховским и Пришвиным навещает Ремизова в Петербурге⁸. Летом 1912 она гостит в швейцарском городке Коппе, где в это время живет с дочерьми Шестов⁹. Подписи под

¹ Там же. С. 219.

² *Эткинд А.* Джемс и Коновалов: многообразие религиозного опыта в свете заката империи // Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 102.

³ *Там же.* С. 106. Характеристика религии по Джеймсу как «непосредственного переживания» была дана в названной выше статье С. Франка, не упомянутой в работе Эткинда.

⁴ *Бердяев Н.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 244.

⁵ В своем исследовании «Немецкий романтизм и современная мистика» (СПб., 1914. С. 13).

⁶ Год издания обозначен так: 1913–1914. Однако 2-й обещанный том в печати не появился. Рукопись его сохранилась в архиве: ИРЛИ. Ф. 212. Ед. хр. 16.

⁷ Об этом Пришвин пишет Ремизову 27 марта 1910 г. – см.: *lucas_v_leyden*. 1 декабря 1910 года (ст.ст.): хроника // <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/86954.html>.

⁸ Там же.

⁹ Открытка М.-М. от 8 июля 1912, посланная О. Бессарабовой из Швейцарии (Дом-Музей Марины Цветаевой. КП 4680/21), *Баранова-Шестова*. Указ. соч. Т. 1.

стихами 1913 г.: Москва, Крюково, Воронеж, Уси Кирка и Гунгебург (Финляндия), Варшава. 1914 г.: Воронеж, Москва, Тула.

5

М.-М. и М.В. Шик никогда не жили общим домом.

«Брачные (редкие) встречи были как бы в лампадном свете и в ощущении своей плоти как бы в свете преображения: в силе и славе, какой озаряла ее любовь этого человека»:

Отовсюду веют, реют крылья,
Тьмы и тысячи незримых сил.
Что решенья воли, что усилья?
Да свершится всё, что рок судил.

М.В. Шик подарил М.-М. «кольцо, на котором были вырезаны слова “свет радости, свет любви, свет преображения”. И горько заплатились мы за это кольцо. Он – за то, что от человека, от слабой и грешной женщины ждал этого света. Я за то, что считала себя несущей этот свет. И чувство, нас связывающее, принимала за путь – притом для нас единственный – ведущий к преображению»:

То нездешнее меж нами <...>
Не от плоти, не от крови –
Духом в духе нам дано.

«Душа монастырская, – так определила меня однажды Танечка Щепкина-Куперник. Мы ехали вместе на дрожках к общему другу Н.С. Бутовой, и Т<атьяна> Л<ьвовна> говорила, – Не могу вас представить ни замужем, ни матерью семейства, ни служащей в как<ом>-ниб<удь> учреждении. Вижу вас только в монастыре. Или странницей – так Вы, кажется, теперь и живете. – Монастырская душа! (с звучным поцелуем в щеку)»¹.

С. 112. 15 июня 1939 г. М.-М. узнает о смерти Шестова и вспоминает «месяц в Коппэ, когда души безмолвно сблизилась на такой головокружительной высоте, и в такой упоительной молодой радости общения, что каждое утро казалось первым утром мира. Озеро, сумрачные игры Савойи, розы маленького сада, росистая трава по вечерам, огромные оранжевые улитки, каждая книга его библиотеки, чай, кот<орый> я готовила ему по ночам, когда дети уже спали, музыка, во время которой я встречала его долгий, неведомо откуда пришедший, о невыразимом говорящий взгляд». Ср. прим. 3 на с. 454.

¹ 20 августа 1952.

С началом первой мировой войны М.В. Шик был мобилизован и служил в армии в чине унтер-офицера инженерных войск¹.

В 1915–1917 гг. М.-М. совершает паломничество по русским монастырям. В 1915 г. пишет стихотворную книгу «Монастырское» (издана в 1923 г.).

Эта книга стала поворотным пунктом в ее творчестве. Каждое стихотворение – отдельная сюжетная новелла. Персонажная лирика, не теряя проникновенной интимности, подсвечивается приглушенной авторской иронией. Лирические многоголосье авторской волей претворяется в эпическую полифонию. В «Монастырском» М.-М. удалось, «учитывая» проблематику и достижения лесковской прозы, без фальши и глянца запечатлеть мир православной женщины (и самосознание, и среду) с ее земными слабостями, со вполне человеческой мерой подлинной веры, без экстагической надломленности и акцентированного индивидуализма, характерных для декадентского богоискания начала века.

«В 45–46 лет Оптиная пустынь – нимб вокруг головы старца Анатолия, чудесный свет от всех вещей его кельи, куда он меня вызвал после общего благословения»². В феврале 1917 г. – Саввино-Сторожевский монастырь под Звенигородом. Как и ее отец, она порою испытывает потребность в монастырском затворе, однако не получает на этот шаг прямого благословения:

Нет веленья затвориться
Мне в стенах монастыря.

«От 48 лет ряд попыток войти в церковь. Невозможность принятия догматического христианства и церковных канонов»³.

«Вавочка – бунтовщица, еретик, индивидуалистка до мозга костей. А в религиозной церковной жизни много так болезненно остро для нее неприемлемого, что и тронуть нельзя»⁴.

¹ «Иду к Льву Исааковичу. Он устраивает мне какую-то работу в “Утре России”. А без этого я пошла бы на паперть, так как доходы Михаила Владимировича прекратились» – из письма М.-М. к Н.С. Бутовой 8 марта 1916 (Бессарабова. Дневник. С. 116).

² Стихотворение «То нездешнее меж нами...» с пометой «Оптиная пустынь» датировано 1916 г.

³ 26 октября 1932.

⁴ Из письма О. Бессарабовой к З. Денисьевской 28 февраля 1922 г. // Бессарабова. Дневник. С. 439.

В 1928: «От Флоренского как от “Столпа” я сама отошла¹. Штейнер также не говорил мне (другим очень говорил то, что я сейчас сама нащупываю интуитивно при дружеской помощи и при ежедневном чтении Арканов². Это отнюдь не уводит меня из церкви, но расширяет ее грани до бесконечности и вкладывает в ее обряды и слова новый смысл и помогает различать исторические надстройки и прослойки, и то “слишком человеческое”, косное, заносчивое, тупое и невежественное (на что наталкиваешься, имея дело с церковниками <...>), помогает не смешивать <...> с искрами веры, богопочитания и богопознания, кот<орые> есть у каждого верующего»³.

Во время переписи населения 1937 г.: «“Конечно, верующая?” Я ответила: “Да”. На вопрос о православии, сказала: “вне церковности”. Все обернулись. Довольно свирепого вида пожилая службистка спросила: “Как это?” Я сказала: “Очень просто. Верую в Бога, в бессмертие души, в высший смысл жизни, обряды же для меня не имеют такого значения, как у православных”».

6

В 1914–1917 г. вокруг М.-М. составилась «Кружок Радости»⁴, в основном из детей ее друзей, девушек от 16 до 20 лет, целью которого было «писать рефераты на свободно избранные темы и раз в неделю

---

¹ Ср. в письме М.-М. к В.К. Затеплинскому от 7 сентября 1920 г.: «Читали ли Вы Флоренского: “Столп и утверждение истины”? <...> Одолейте ее, не смущаясь нагроможденности филологического материала. Это – местами. Зато есть страницы, льющиеся млеком и медом тайнознания, сладостнейшей и губительнейшей из тайн – Эроса» (МЦ. КП 4680/197).

² Очевидно, М.-М. читала книгу *Владимира Алексеевича Шмакова «Священная книга Тота. Великие арканы Таро. Абсолютные начала синтетической философии эзотеризма»* (М., 1916). Духовная эволюция М.-М. довольно типична для определенных кругов европейской интеллигенции ее поколения: ср. характерное подтрунивание над У.Б. Йейтсом в статье У. Одена: «покойный с годами не только не избавился от причуд, но и приобрел новые. В 1900 году он верил в волшебство, что уже говорит о многом, но в 1930-м перед нами жалкое зрелище: взрослый человек не брезгует черной магией и индуистской чепухой» (*Оден В.Х.* Чтение. Письмо. Эссе о литературе. М., 1998. С. 116).

³ Письмо М.-М. к З.А. Денисьевской 11–19 февраля 1928 г. (МЦ).

⁴ В марте 1917 О. Бессарабова пишет: «Теперь нас уже 16 человек» (Бессарабова. Дневник. С. 168). Подробнее о кружке см.: Бессарабова. Дневник. С. 148–151, 692–693.

сходиться в том или ином семейном доме для чтения и обсуждения их при моем участии»¹. Членами кружка были Олечка Бессарабова, Нина Бальмонт, Алла Тарасова, Ольга Ильинская (сестра артиста Игоря Ильинского), дочь Шестова Таня Березовская, Евгения Бирукова (она станет поэтом и переводчицей), Лида Случевская, дочь художника и организатора Музея Игрушки Н.Д. Бартрама Стана, Софья Фрумкина, а также два юноши – внук Ермоловой и будущий известный врач Коля Зеленин и пасынок Бориса Зайцева Алексей Смирнов. Темы рефератов и докладов: «О злой радости» (Т. Березовская), «Пути женской души» (доклад М.-М.), «О молчании» (О. Бессарабова), «О моменте и религии» (собрание у Случевских, март 1917). В 1940-м году «зам. дочери», как называет самых близких слушательниц М.-М., решили праздновать день рождения М.-М. одновременно с 25-летним юбилеем «Кружка Радости»: «Из этого моего “зеленого кольца”² на горизонтах наших уцелело 8–9 человек»³.

7

В революционном феврале 1917 г. М.-М. загорелась было идеей организации просветительского издательства⁴, хотела помочь работе М.В. Шика в одном из «исполнительных комитетов» – «но у нее от слов “директивы” и “номера” разболелась голова, и она ушла поскорее»⁵.

В мае 1917 г. М.-М. уехала из Москвы в Киев, где пробыла до октября 1919. Здесь она перевела пьесу Р. Роллана «Дантон» (принята

---

¹ 19 ноября 1947. Это был не первый опыт такого рода: редкий педагогический дар М.-М. проявился еще в ранней молодости: «когда мне было 23 года, в Киеве, на Мало-Васильковской улице приходили ко мне гимназистки последнего класса слушать о смысле и целях жизни людей 20-х, 30-х и т.д. годов – вплоть до 90-х (и повторилось это года через два, когда гимназистки стали курсистками). И после этого еще пять или 6 раз для той же цели, хоть и под разными предложениями (Толстой, Достоевский, фольклор, символисты, Ибсен) притекали ко мне прозерпины... и был однажды венок из более или менее увядших дам, среди которых весенние лица курсисток были исключением (кажется, это было в 1906 г.)».

² «Зеленое кольцо» – название пьесы З. Гиппиус, в которой описан похожий кружок молодых людей.

³ Оглядываясь на свою педагогическую работу, М.-М. оценивает ее безжалостно: «в общем всё было – своеволие, ересь и дилетантство» (из 62-ой тетради).

⁴ Бессарабова. Дневник. С. 167.

⁵ Там же. С. 161.

к постановке в Московском Малом Театре)¹. В августе 1917 г. ушел на фронт ее брат Николай.

В конце сентября М.В. Шик сообщил ей, что его дружеские отношения с давней и общей приятельницей Натальей Дмитриевной Шаховской, дочерью известного общественного деятеля, министра Временного правительства и историка, князя Д.И. Шаховского, перешли в новое качество. Одновременно ей пишет и Н.Д. Шаховская: «Вчера стало ясно, что жизнь моя и М.В. – не делимы»². Известие, к которому вел ход событий нескольких последних лет³, оказалось сродни духовному землетрясению и застало М.-М. врасплох: колебались сами основы ее веры. Ей начало казаться, что ангел обернулся демоном. «Не верь, Вава, не смей верить, что черт, появляющийся перед Тобою на стене – это я». М.В. Шик заклинает ее преодолеть искушение безумием: «Вава, не верь ни на один час, ни на одну минуту не смей верить, что Ты одна, лицом к лицу с миром, с ужасами земли, с дуновением преисподней. Я так крепко держу Твою руку, что только смерть сможет вырвать ее у меня, и то смерть не телесная, а духовная»⁴.

Устраниться, прекратить общение она не может: этого не позволяет сделать очень сильный материнский компонент ее чувства.

¹ Там же. С. 222.

² *Шаховская Н.Д.* Письмо к М.-М. от 27/IX <19>17 (МЦ. КП 4680/244).

³ М.-М. рассказала об этом подробно в мемуарном очерке «О твоём отце». В первые годы связи с Шиком ее тяготила необходимость таить брачные отношения от его родных. В 1913 году М.-М., почувствовав, что Н.Д. Шаховская входит в жизнь М.В. Шика в качестве важнейшей фигуры, пригласила ее к себе для знакомства – и, поговорив, прониклась уважительной симпатией – «новой любовью». Н.Д. же после разговора с М.-М. решила от М.В. Шика «отойти». Невозможность соединения ни с одной из своих избранниц, трагический тупик, в который заходят его отношения с М.-М., привели к тому, что он всерьез обсуждал с М.-М. идею двойного самоубийства. В каком-то смысле «выходом» из противоречий личных отношений для М.В. Шика стала необходимость отправиться на войну. По письмам военного времени (1915–1916 гг.) видно, как постепенно происходит преодоление отчуждения и постепенное сближение Н.Д. Шаховской и М.В. Шика. На фронте, перед лицом возможной смерти, М.В. Шик смог разобраться в своих чувствах: «пять лет назад я подумал, что верность должна быть поставлена выше и может быть сильнее любви. Пять лет прошло в упорной борьбе с самим собой за это решение. Теперь, перед лицом наиболее ответственных часов моей жизни я увидел, что побежден или что победил; что правда сердца выше и сильнее правды жертвенной воли» (письмо к Н.Д. Шаховской от 26 августа 1917; семейный архив Шиков и Шаховских).

⁴ *Шик М.В.* Письмо к М.-М. от 29/X <1917> (МЦ. КП 4680/266).

М.В. Шик – и опора ее жизни, и одновременно духовный сын и брат, нуждающийся в ее поддержке и привыкший находить утешение в заботе о ней. Его письма убеждают М.-М. принять ситуацию тройственного духовного союза: «если Ты от меня уйдешь, мне будет нечем жить»¹. Наталье Дмитриевне Шаховской он пишет: «...смею сказать Вам: Наташа, мое дело в отношении В.Г. стало нашим общим, нашим единым делом. Иначе я его не мыслю»².

Спустя годы после смерти М.В. Шика и Н.Д. Шаховской пережившая их М.-М. написала для детей мемуарные очерки о каждом из родителей. Вот два эпизода из воспоминаний о Н.Д. Шаховской, относящихся к 1914 и 1941 годам, фиксирующих начальный и конечный этапы их взаимоотношений и многое объясняющих в характере Шаховской.

«Наташа Шаховская, молодая девушка, с задумчивой улыбкой разглядывала елочную игрушку, маленького, изящно сделанного верблюда. Это был мой подарок Наташе.

– Почему верблюд? – спросила она, отчасти уже догадываясь...

– Потому, – ответила я, – что ты являешь собой тот заратустровский “дух тяжести” (<der> tragsam<e> Geist), который Ницше олицетворял в образе верблюда, который спрашивает у жизни: Was ist <das> Schwerste? Что самое тяжелое? для того чтобы, преклонив колена, поднять такую ношу, которая не под силу ни ослам, ни лошадям...»³. О том же качестве Натальи Дмитриевны писал М.В. Шик: «е убивает всё, что нужно брать, а не давать»⁴. «Духовная внутренняя красота заливает, светится и насыщает всё существо Натальи Дмитриевны. При ее очень как будто обыкновенной (некрасивой) внешности она прекрасна. Красивыми у нее были только глаза, но ими освещено всё ее лицо, весь ее облик. Мария Болконская без всяких поправок»⁵.

---

¹ Возможно, какой-то отголосок этих событий нашел отклик в романе Даниила Андреева «Странники ночи»: «замысел духовного брака вызывает <...> сложные, противоречивые чувства» у одного из героев этого произведения (роман был изъят при аресте Даниила Андреева и уничтожен; его содержание реконструировано в воспоминаниях А.А. Андреевой – *Андреев Д.Л.* Собр. соч. Т. 3. Кн. 1. 1996. С. 616).

² *Шик М.В.* Письмо к Н.Д. Шаховской от 20 октября 1917 (семейный архив Шиков и Шаховских).

³ Воспоминания о Н.Д. Шаховской – дневник 20 июля 1947 г.

⁴ *Шик М.В.* Письмо к М.-М. от 10/23.07.1918 (МЦ. КП 4680/268).

⁵ Бессарабова. Дневник. С. 213. Запись датируется июлем 1917 г.

Поразительная сцена запечатлена в дневниковой записи М.-М. от 20 июля 1947 г., сделанной к пятилетней годовщине смерти Н.Д. Шаховской. Действие происходит зимой 1941 г. под Малоярославцем, идет пятый год со времени ареста М.В. Шика (25 февраля 1937 г.; о том, что его вместе с десятками других расстреляли в Бутово, никто тогда не знал). На руках у Натальи Дмитриевны четверо детей: «тут горе ведет на горную вершину, где снежная церковь».

«Н<аташа> вернулась после целого дня скитания по окрестностям, где меняла в деревне на муку и мерзлую картошку всё, что было в домашнем обиходе – и белье, и подушки, и платье. Для прокормления 12 человек – своей семьи и шести старух¹, приютившихся в дни войны под ее кровом. Она стояла, прислонясь спиной к печке-голландке и тщетно пытаюсь отогреться. Когда я стала рядом с ней, она обернулась ко мне лицом, бледным, измученным, но озаренным внутренним светом.

– Хорошо, Баб Вав? – проговорила она полуутвердительно.

– Что хорошо? – спросила я.

– Что мерзнем и никак не можем отогреться, что голод, разруха, бомбы над головой летают.

И помолчав, тихо прибавила:

– Хорошо страдать со всеми. И за всех.

Крылья у души отросли, и не могла она утолиться иной мерой любви к Богу и к людям».

8

В 1918 г. М.В. Шик принимает решение креститься. Это происходит в Киеве. Его крестной матерью становится М.-М., крестным отцом – друг и одноклассник по пятой московской гимназии, художник В.А. Фаворский. 23 июля 1918 г., в день Ильи Пророка, М.В. Шик и Н.Д. Шаховская венчаются. Обручальное кольцо, где были вырезаны слова: «Свете радости. Свете Любви. Свете преображения», – М.-М. передала Н.Д. Шаховской, «и оно было на руке ее в день ее венчания

¹ Двенадцать, считая Н.Д. Шаховскую и М.-М., мать М.В. Шика Гизеллу Яковлевну, мать Н.Д. Шаховской Анну Николаевну Шаховскую и ее двух сестер К.Н. и Ю.Н. Сиротининых, помощницу по хозяйству монахиню Пашу, беспомощную больную соседку Матрену и четверых детей от 11 до 18 лет, по мере сил помогающих в домашнем хозяйстве (старший сын, Сергей, был в эвакуации с университетом).

с М.В. А у него на руке было два кольца: одно с ее именем, другое, серебряное – с моим»¹.

«Наивным и слепым дерзновением мы вообразили, что это наш путь на Фавор, где ждет нас чудо преображения греховного нашего существа в иное, высшее. Тройственный союз наш и наше взаимное в ту пору самоотреченное горение Любви казалось нам лестницей, по которой мы уже чуть ли не достигли уже самой вершины Фавора. Но очень скоро стало ясно, что никто из нас не созрел до представшего перед нами повседневного подвига самоотречения (ближе всех к нему была в Боге почившая “мать Наталия”). – И начался для нас путь великих искушений и тяжелых испытаний – главным образом, для меня и М<ихаила>. Наташа была уже на высшей тропинке, и ее они задевали только отчасти, как отражение переживаемого ее спутниками. Сейчас записываю это для детей наших, чтобы стал понятен для них смысл дальнейшего сопутничества моего с их родителями. Через какие-то сроки оно превратилось в крепкую, родственно-дружественную связь – но у меня уже был свой одинокий внутренний путь. И был уже к концу пути приобретен нами опыт, что не может быть тройственного *духовно*-брачного союза там, где два лица объединены кроме этого узами телесного брака, семьи, деторождения».

«Несбыточный на земле тройственный духовный брак. Года 3-4 веры в него». Невозможность осуществления этой утопии постигалась постепенно: катастрофа духовной жизни требовала преодоления «всякой условной и относительной символизации»², а не ее обновления, которой и была эта утопическая попытка.

9

Будничная же жизнь была наполнена и другими событиями. В июле 1918 г. в Киев из Москвы приезжает семья Льва Шестова. М.-М. занята новым литературным замыслом: «В стихах, в стиле “Монастырского”, без рифм только, хочу поднять с воскресающей любовью жизнь отца – Псков, странничество его, монастырь и жажду “нового неба и новой земли”. Как только я это задумала, само что-то хлынуло из тайников лесных, со дна озер псковских, из тех необозримых далей,

¹ 19 августа 1946.

² Выражение из статьи Н. Бердяева «Новое христианство (Д.С. Мережковский)» (<http://www.vehi.net/merezhkovsky/berdyayev.html>).

какие врываются в жизнь, если осмелиться сломать стенки единичного своего сознания. Называться роман будет: Егорий странный. А весь цикл: Взыскующие града»¹. Пишет рецензию на появившиеся в печати части книги Андрея Белого «На перевале»². Вокруг М.-М. возникает литературный кружок, аналогичный московской «Радости», в центре занятий – Ибсен и Метерлинк³. Занимаются в кружке сестры Алла и Елена Тарасовы, Таня и Наташа Березовские (дочери Л. Шестова), Ариадна Скрябина (дочь А.Н. Скрябина). Большую потребность в духовном общении с М.-М. испытывает вдова композитора Татьяна Скрябина, потерявшая летом 1919 г. любимого сына Юлиана... Бытовые условия жизни в революционном Киеве постепенно становятся таковы, что М.-М. приходится делить кров с семьей Шестова, а также со Скрябиными – в киевской квартире Даниила Балаховского.

Последние дни, прожитые рядом с Шестовым, – в поезде, увозящем их в октябре 1919 из разоренного гражданской войной Киева на юг: «всю дорогу до Харькова с замирием сердца прислушивалась на остановках, не раздастся ли: “Бей жидов, спасай Россию”». Шестов с семьей на время оседает в Харькове, а в начале 1920 г. покидает Россию навсегда, уплывая на французском пароходе из Севастополя. М.-М. прорывается через Ростов в Новочеркасск, к Татьяне Скрябиной. Затем возвращается в Ростов: читает «лекции в театре», «на курсах и в кинематографе для детей»⁴, «в народном университете (говорят “блестяще”». Читала психологию детского возраста фабричным работницам».

В годы гражданской войны погибают ее младшие братья Михаил и Николай, в 1919 г. умирает в сумасшедшем доме от голода сестра Анастасия.

Забрав к себе в Ростов из Воронежа ослепшую мать, летом 1920 г. М.-М. приезжает с ней в Москву, а в августе перебирается в Сергиев Посад, где с 1918 г. живут Михаил Владимирович и Наталья Дмитри-

¹ Письмо к М.В. Шикю от 22 июля (5 августа) 1919 (МЦ. КП 4680/259).

² Малахеева-Мирович В. О кризисе сознания // Зори. 1919. № 1. С. 43–44. В письме к Н.С. Бутовой от 17 апреля 1919 М.-М. уточняла: «Я написала для “Зорь” о “Кризисе сознания” и “Кризисе мысли”» (МЦ. КП 4680/121).

³ Рефераты «о быте, о воле, о свободе, о правах и обязанностях личности», о Гедде Габлер, о Юлиане Отступнике (Письмо М.-М. к О. Бессарабовой от 19 марта 1919 г. // Бессарабова. Дневник. С. 278).

⁴ Бессарабова. Дневник. С. 304, 308.

евна. Некоторое время с М.-М. и ее матерью делит кров самая близкая из ее учениц Олечка Бессарабова¹. Вместе с М.В. Шиком М.-М. работает в педагогическом техникуме (иногда его называют институтом), она – заведующая дошкольного отделения и лектор²; «живет в суровой бедности»³. Почти ежедневные встречи с М.В. Шиком для нее теперь ежедневная, горько-сладкая пытка, потому что «в пределах жребия земного» их пути уже разошлись. Утопия одновременно и давала силы, и отнимала их, и мучила М.-М.

«Длинный зимний вечер. Крохотный чадный ночник. Ни читать, ничем другим заниматься нельзя. Если в такие вечера не было в техникуме лекций, до чаю лежишь на кровати в своей комнате в полном молчании, хотя в смежной комнате сидит на своей кровати слепая мать с чулком и тоже молчит». Безнадежность, пронзившая ее существование, приводит к тому, что в 1922 М.-М. заболевает и повергается «в состояние такого упадка сил физических и душевных», что доктор, наблюдающий полное отсутствие воли к жизни, не знает, кто из двух больных – мать или дочь – уйдет первой.

«Три духовных усилия, три волевых напряжения требует судьба от человека, когда приходят к нему большие испытания. Когда приоткрывается трагическое лицо жизни. Он должен то, что послано ему на его пути, прежде всего, принять. Это подвиг веры, акт сыновнего доверия к Пославшему испытания. В этом же акте он должен ниспосланное ему поднять. Здесь уже необходимо и волевое усилие, <...> чтобы сделать акт веры актом воли, чтобы слить эти два потока в душевном русле. И третье, чего требует от веры и от воли жизнь: нужно принятое и поднятое нести. И нести до конца. Здесь нужна непрестанная уже работа духа и воли в точках соединения ее с нервами с плотью: Крестношение». К этой мудрости М.-М. пришла не сразу⁴.

¹ «Со светящейся нежностью Наталья Дмитриевна [Шаховская – Т. Н.] сказала, что я похожа на Вавочку как дочь, что я интуитивна» (июльская запись в дневнике 1917 г. О. Бессарабовой (Бессарабова. Дневник. С. 213)). Ср.: «Ольга Форш [остановившаяся на ночлег у Бессарабовой и М.-М. в Сергиевом Посаде в октябре 1922 – Т. Н.] очень вознегодовала за то, что во мне “часть астрала” Варвары Григорьевны» (Там же. С. 499).

² Там же. С. 325.

³ 15 октября 1925 г. О. Бессарабова записывает о М.-М.: «В Доме младенца она давно уже не работает» (там же. С. 644).

⁴ «”В неведении, забвении и окаменелом нечувствии сумасшедшего эгоизма” (выражение Л. Толстого) прожила я первые три года из восьми сергиевских лет моего спутничества с матерью... Ожесточенное бурное неприятие в сторону матери и

Катастрофа будет изживаться годами, затянуться экзистенциальной трещине помогут и непрерывная внутренняя работа М.-М., и сестринское отношение к ней Н.Д. Шаховской, и цемент веры, и сам ход времени, и стихи. Именно на эти годы приходится пик поэтической продуктивности М.-М.: II «том»¹ (1920–1921 гг.) содержит 309 стихотворений; III (1921–1924 гг.) – 807; IV (1925–1927 гг.) – 320. М.В. Шиду посвящены ее книги «Братец Иванушка», «Орион», «Остров изгнания»².

Материально М.-М. еле сводит концы с концами, выручают публикации детских стихов и редкие переводы, которые помогает добывать М.О. Гершензон; он же регулярно оповещает о нуждах Варвары Григорьевны Шестова и в 1923–1925 гг. из письма в письмо напоминает ему: «Если хочешь сделать доброе дело, пришли Варв<аре> Григ<орьев>не пару новых, только что вышедших франц<узских> романов, особенно с социальной подкладкой»³. Если бы не заботы друзей, М.-М. «вместо той, сравнительно благополучной – и спокойной нужды (без голода),

---

еще одного близкого мне лица, вспышки мучительной злобы, по существу, в др. времена несвойственные мне – это было уже следствием одержания [бесом. – Т.Н.]. Это особое состояние прошло <...>, главным образом при помощи молитвы» (М.-М. [Тетрадь о матери]).

¹ Переписанного О. Бессарабовой собрания стихотворений М.-М.

² 30 мая 1949 г.: «Целый день провела с Мировичем Сергиевских лет. Зарылась в черновики его стихотворства. Нездоровое для души занятие. Узколичного характера лирика невысокой художественной ценности (и всё на темы, какие бы лучше забыть). Значительнее остальных вещей цикл «Утренней звезды» – встреча Души с Люцифером... Десятка два более или менее удачных отражений моментов той или иной настроенности поэта... И только». Эта самооценка субъективна и далека от истинного положения дел: как раз цикл «Утренняя звезда» получился, на наш взгляд, наименее цельным и в художественном отношении наиболее слабым по сравнению с другими книгами «сергиевских лет».

³ Из письма от 29 марта 1924 г. – *Гершензон М.О.* Письма к Льву Шестову (1920–1925). Публикация А. д'Амелия и В. Аллоя. Минувшее. Вып. 6. М., 1992. С. 291 (см. также с. 297, 298, 301, 309). Как раз в это время (совпадение или Шестов все-таки прислал?) М.-М. (совместно с Л. Гуревич) переводит два производственных социальных романа П. Ампа с гастрономическими названиями: «Свежая рыба» и «Шампанское» (оба – М., 1925; последний вышел повторно в 1927 (М.-Л.)). Любопытно, что эти же романы Ампа в 1925 и 1927 соответственно вышли в переводе Д. Благого. Вообще же неутомимый Амп накормил и других литераторов: его переводили (или редактировали чужие переводы) Б.К. Лившиц, О.Э. Мандельштам, А.И. Дейч, Е.Л. Ланн, Ф. Сологуб, Г.П. Федотов, Р.В. Иванов и др. В переводах М.-М. и В.О. Станевич вышли книги рассказов Ампа «Люди» (М., 1924) и «Железный Репей» (М.-Л., 1927). В 1924 в переводе М.-М. вышел роман Р. Доржелеса «Пробуждение мертвых».

в какой прожила это время, легко дошла бы до степеней такой нищеты, где она является уже во всей своей закоснелости, неумытости и беспомощности»¹.

Рождение в 1922 г. первого сына Натальи Дмитриевны и Михаила Владимировича Варвара Григорьевна восприняла мистически: «Мы с Наташей ждали Сережу как чудесное освещение тройственного нашего союза. (Мое участие – вне физической стороны брака, но с правами материнства (что оказалось утопией). “Чудесным” в его появлении на свет было то, что мать его считала себя обреченной на бездетность <...>), когда я увидела его во сне в центре звездного неба, и он сказал мне, что его имя “Астрей”, и потом оказалось, что он родился в день празднования памяти св. Астерии <...> Еще до рождения его Наташа Ш., называла, обращаясь ко мне “наше дитя”». «Сыновность Сергея (обетованная и подтвержденная свободным даром Наташи, когда С. был еще в ее чреве)»².

«“Я никогда не видела, чтобы так была женщина влюблена в годовалого ребенка, как ты в Сережу” – сказала мне однажды мать моя в Сергиевские дни». Так, как это делают матери, М.-М. вела тетрадь, где фиксировались первые улыбки, шаги, необычные словечки Сережи.

Портреты М.-М. этого времени: «Какие у нее лучистые глаза, – светлые, сияют»³, «Вавочка сегодня прекрасна. Синие искрящиеся

¹ Из письма М.-М. к И.А. Новикову 7 апреля 1927 г. (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 746. Лл. 71 – 71 об.). Благодарю А.Л. Соболева, любезно поделившегося копией документа.

² Позже в дневнике М.-М. не раз будет обращаться к нему как к потенциальному читателю: «Прочти, Сережа, вот какие книги, когда вырастешь (о классиках не пишу здесь. Их без меня прочтешь):

1. Бонзельса – Индию (эти дни путешествую с ним по Индии).
2. Поль Виктор. Боги и люди.
3. Патер – Воображаемые портреты.
4. Гуро – Шарманку (всю книгу).
5. Анатоля Франса. Певец из Кимэ.
6. Войнич. Овод (любила в ранней молодости).
7. Вернон Ли – Италия.

В них ты встретишься со мною.

8. Метерлинка (не всё, но многое).

А из классиков я любила интимно, по-настоящему: Лермонтова, часть Пушкина. Гетева Фауста, Манфреда и Каина, Гамлета, Бранда...».

³ Из письма В. Затеплинской к О. Бессарабовой от 20 января (2 февраля) 1921 г. (Бессарабова. Дневник. С. 346).

Н.Д. Шаховская и М.В. Шик
с сыном Сережей.

В.Г. Малахиева-Мирович
(вверху слева) и
О. Бессарабова
(внизу справа).

глаза (даже какие-то лиловые, как фиалки), серебряные искры волос и лица и руки – как искры. Не лучи, не тихий свет, а искры и молнии. И как она еще молода и красива, просто по-женски красива! А ей уже 53 года!»¹

В декабре 1925 г. М.В. Шика арестовали и после полугодичного тюремного заключения выслали в г. Турткуль (Туркестан). М.-М. помогала Н.Д. Шаховской управляться с детьми (Сережей, Машей и родившейся уже после ареста отца Лизочкой). Та, сама находясь на пороге бедности, заботливо уделяла потерявшей регулярную работу М.-М. небольшую часть от своих заработков и писала Шик: «У меня великая радость духовная – о Ваве. Верю, что это по твоим молитвам она теперь так стала нам близка. Великий Бог, творящий чудеса! Ей очень помог Аничкин и Катин отец»². В ссылке М.В. Шик был рукоположен в священники. В мае 1927 г. к нему ненадолго приехали Наталья Дмитриевна и пятилетний Сережа.

Видимо, в связи с арестами в Сергиевом Посаде уничтожается часть семейного архива М.-М.: «То, что было в нем ценного, начиная с писем и записок отца... мои разного рода заметки и стихотворения были сожжены по недоразумению при жизни моей матери <...>, боявшейся “Нет ли в Вавичкином сундучке чего-нибудь интимного, или из молодых лет, когда в партии была социалистической. А теперь надо всё по-другому – коммунистом непременно надо быть”», послушались ее и сожгли, я была далеко»³.

В декабре 1927 г. М.В. Шик возвращается в Сергиев, недолгое время служит в храме святых Петра и Павла, а затем Сергиев приходится покинуть – там опять начинаются аресты. В конце 1928 семья М.В. Шика поселяется в деревне Хлыстово, близ станции Томилино Казанской железной дороги.

Под новый 1929-й год умирает мать М.-М. Спустя несколько месяцев М.-М. удается переехать из Сергиева в Москву.

Десятилетие в Сергиевом Посаде (с осени 1920 до весны 1930) – помимо преодолеваемых личной драмы и трудностей быта – наполнено (особенно до 1927 года, в котором аресты и высылки

¹ Запись (август 1922) в дневнике О. Бессарабовой (Бессарабова. Дневник. С. 490).

² Из письма Н.Д. Шаховской М.В. Шик от 20 июля 1926 г. (Семейный архив Шиков и Шаховских). Упомянутое лицо – епископ Дмитровский *Серафим (Звездинский Николай Иванович; 1883–1937)*, священномученик.

³ 7 августа 1950.

священников стали особенно интенсивны) общением М.-М. с семьями художника В.А. Фаворского, историка церкви о. С. Мансурова (до его вынужденного отъезда в 1925-м), скульптором И.С. Ефимовым, семьей В.В. Розанова, о. П. Флоренским, о. С. Сидоровым.

С 1930 г. под некоторыми стихами М.-М. вместе с датой появляется подпись «Малоярославец» – в этом городе, в 120 км от Москвы, поселилась семья М.В. Шика. Приезжая в Малоярославец, М.-М. помогает устраивать домашние детские спектакли (в 1936-м ставят сцену из «Бориса Годунова»). Дети М.В. Шика называют ее Баб-Вав.

10

В 1930-е годы становится всё труднее найти литературную работу. В 1935 она берется за перевод романа Дидро, но этот труд становится душевно непереносим и, видимо, остается незавершенным: «Вдруг поняла в “Vijoux indiscrets”¹ – на 30-й странице перевода – весь непристойный их эротизм. Стало тошно над ним работать. Тошно и обидно. Могла бы на что-нибудь другое пригодиться – моя любовь к слову, к стилю, к чужому творчеству». В 1936 пишет биографию русского актера Щепкина, однако редактор Детгиза И.И. Халтурин ее отвергает. Решается вести переписку с авторами относительно их рукописей в «Пионерской правде», но сразу же выясняется, что «переписываться надо с детьми (!) ... с целью “не дать заглохнуть возможному Пушкину” (!)». В 1937: «Странно огорчило меня, что “Труд и знание” сначала приняло, а сегодня вернуло мне игру мою “Сто пословиц”». В 1939: «В ответ на мое нравственное томление по работе и на жизненную важность заработка, мне послано, пусть кратковременное, секретарство у Москвина (депутат, народный артист)». Весна 1941: «Мировичу предложили (Москвин) сделать монтаж “Педагогической поэмы”. Вчера. А сегодня Мирович предложил Алле [Тарасовой. – Т.Н.] сделать для нее монтаж “Родины” (для концерта, для радиопередач). Похоже на то, что Мирович в 72 года приобретает, наконец, какую-то рабочую колею. И выйдет, может быть, из состояния паразитизма. В добрый час, мой брат-осёл!»

Московская жизнь М.-М. проходит среди старых друзей: в Москву переезжает ее гимназическая подруга Леонилла Тарасова,

¹ «Нескромные сокровища» (франц.) – роман Д. Дидро.

по-прежнему открыт для М.-М. гостеприимный дом Добровых¹. Наиболее близки ей в это время скульптор И.С. Ефимов и поэты-«филиверсусы»² («не могущие или не желающие» печататься, «читающие стихи только друг другу»): Даниил Андреев, мировоззрение которого формировалось не без серьезного влияния М.-М. («Вот еще одно существо, с которым было бы естественно для меня видеться каждый день»)³, Евгения Николаевна Бирукова⁴, П.А. Журов⁵. Своей жилплощади у М.-М. нет, она семь лет кочует по домам и дачам друзей: «страннический посох, / Знак моей беспечной нищеты», о котором она писала еще в дореволюционную пору, становится символом ее жизненного уклада.

В 1934 году М.-М. записывает в дневник: «Я перестала быть поэтом и не могу рассказать себе, как сегодня зарождалось на моих

¹ Дом московского врача Филиппа Александровича Доброва, в семье которого вырос Д. Андреев. Об этой семье см. подробнее в кн.: *Громова Н.* Предисловие // Бессарабова. Дневник. С. 10–13.

² Слово изобретено одной из знакомых М.-М., называемой в дневнике «Н. Ас.» (уточнить, кто это, пока не удалось).

³ Дневниковая запись 19 апреля 1947. См. также: Малахиева-Мирович В.Г. О преходящем и вечном. Дневниковые записи (1930–1934). Подгот. текста, вступ. и примеч. Н. Громоной // *Новый мир.* 2011. № 6. С. 139–140.

⁴ *Евгения Николаевна Бирукова* (1899–1986) – переводчица хроник Шекспира, «Трагической истории доктора Фауста» Кристофера Марло, романов Вальтера Скотта, Александра Дюма, Мопассана, Майн Рида, Жюль Верна, Г. Дж. Уэллса, стихов Тагора, Аргези и др. «В разгар работы над сборником песен Шуберта М.В. Юдина называла ее своей “основной переводчицей”, но ни одна из песен в ее переводах в изданный сборник не вошла (тексты переводов Бируковой находятся в архиве М.В. Юдиной в ОР РГБ, Ф. 527). Е. Н. Бирукова переводила также по заказу М.В. Юдиной тексты кантат Баха. Письма Е. Н. Бируковой к М. В. Юдиной находятся в архиве последней (там же, карт. 11, ед. хр. 9)» (комментарий к главе из воспоминаний М.В. Юдиной «Создание сборника песен Шуберта» – <http://judina.ru/sozдание-sbornika-pesen-shuberta/>). Некоторое время М.-М. жила у Бируковых. Вот что писал об этом М.В. Шик: «Был я для свиданья с ней у Бируковых и очень огорчился тем, как хозяева почти не скрывают, что тяготеют ею. Знаю, что при Вавиных свойствах это почти неизбежно, и всё же ужасно Ваву жаль» (Письмо к Н.В. Шаховской 11 апреля 1934 г. Семейный архив Шиков и Шаховских). В 1958 г. Бирукова написала стихотворение «Памяти Варвары Григорьевны Мирович»: «...Верю, верю, Господь тебя приютил / В обители тихой и строгой. / Все скитанья рассудка земного простил, / Ибо ты возлюбила много...» (Семейный архив Шиков и Шаховских).

⁵ См. о нем: *Субботин С.И.* «...Мои встречи с Вами нетленны...». Вячеслав Иванов в дневниках, записных книжках и письмах П.А. Журова // *НЛО.* № 10 (1994). С. 209–231.

глазах облако и как оно вытянулось лебединым крылом ввысь и заголубело там, и растаяло. И что это было для меня, бывшего лирика. Ольга <Бессарабова> сказала с ужасом: “Какие плохие стихи у вас 33 года!” Это верно. И всего их штук 7–8 за четыре месяца». Ее поэтическая продуктивность, и в самом деле, падает, стихи отныне приходят лишь изредка: главным литературным делом становится дневник.

Так же, как и одна из ее неизданных поэтических книг, он называется «О преходящем и вечном»¹. Начатый в 1930-м году, дневник велся до последних месяцев жизни М.-М. в течение 23 лет; его объемом – 180 «общих» тетрадей. В жанровом отношении он представляет собой сложное образование: с записями мемуарного характера (редко чисто портретными, но чаще подобранными из разных эпох ее жизни с целью осветить какую-то одну проблему) соседствуют размышления о сиюминутном и злободневном, бытовое дает импульс интроспекциям; в документальное повествование (о судьбах друзей и знакомых, о спасающихся в Москве от голодомора украинцах, о буднях военной Москвы, о жизни в Малоярославце под немцами) включаются интереснейшие литературные произведения, целиком выдуманные (возрождая античные «разговоры в царстве мертвых»², М.-М. записывает свои воображаемые диалоги с А.П. Чеховым, Л.Н. Толстым, П.Я. Чаадаевым, М.Ю. Лермонтовым, А.С. Пушкиным. Иногда этот разговор происходит между тремя лицами: в одном из них, например, с ней беседуют Лесков и Лев Толстой). В тетради дневника попадают и стихотворные экспромты, которые, не имея возможности дарить что-либо другое, М.-М. любила преподносить близким в дни их рождений. Здесь же и выписки из читаемых мемуаров Андрея Белого, стихотворений Хлебникова, дневников Толстого, записи припомнившихся стихотворений сестры, А.Г. Малахиевой. Дневник-эпопея, ведущийся для себя и – одновременно – в расчете на читателя из будущего. «Осколки прожитых дней. Зачем они? Кому могут понадобиться? Не знаю. Они попали мне в глаз. И если я <их> не извлеку на эти страницы, они будут мешать “видеть, слышать, понимать”. Вероятно, для этого и нужно их записать. Только для этого»³.

¹ Название можно воспринимать как полемическую реплику в диалоге с Е. Лундбергом, назвавшим свою книгу «От вечного к преходящему» (Берлин, 1923; подмечено Н. Громовой: Новый мир. 2011. № 6. С. 134). Формально дневник М.-М. обращен к сыну Шика и Шаховской Сергею.

² «Некрополисные встречи» (словечко М.-М.).

³ 21 сентября 1942.

В феврале 1937 г. был арестован М.В. Шик¹. М.-М. записывает в дневник: «Ангел с мечом огненным, попадающим всё на пути своего полета, пролетает иногда над целой страной, иногда над одним городом, и всегда на земле над какой-нибудь группой лиц – над шахтой, над войском, над семьей и над отдельными, одиноко гибнущими людьми. Оттого молятся в екстиньи “о еже избавиться нам от глада, мора, труса, огня, меча, нашествия иноплеменных” и “от болезни, печали, клеветы людской”...

Ангел с огненным мечом пролетает над дорогим мне домом.

...

И хоть верю, что он может погубить только внешнее благосостояние, только здоровье, только жизнь, не душу – шелест его крыльев пугает и томит сердце. Как в ночь, когда Сын человеческий “плакал и тужил” в Гефсиманском саду, хочется молить: да мимо идет чаша сия! Мимо Сергея, мимо его отца, его матери, мимо моего сердца. И нет сил сказать из самой глубины по-настоящему: “Пусть будет не так, как я хочу, а как хочешь ты”»².

Насколько возможно, М.-М. поддерживала оставшуюся одну с пятью детьми Наталью Дмитриевну Шаховскую³, отдавая часть своей пенсии (ее удалось оформить в 1927-м). Теперь надо всем возобладало «чувство сестринской любви, обожания и преклонения перед высокими душевными качествами <...> матери “моих детей” – наш общий с ней термин в те годы»⁴.

Глядя на Наталью Дмитриевну, ее детей, М.-М. невольно подводит итоги своей жизни. Записывает в дневник фразу одной из своих

¹ Дочь М.В. Шика и Н.Д. Шаховской-Шик, Е.М. Шик, рассказала о «последнем подарке маме»: «когда она на следующий день поехала в Москву, чтобы сообщить родителям и друзьям о случившемся, то в вагон, где она сидела, конвоиры ввели папу – его тоже везли в Москву. Они сидели в разных концах вагона, но переговаривались взглядами, мама что-то написала на запотевшем стекле, а он нарисовал на своем окне крест – последнее благословение и принятие своего пути...» (*Шик Е.М.* Воспоминания об отце // *Альфа и Омега*. 1997. № 1(12) // http://www.damian.ru/Svidetelstva_o_vere/shik/vospominania.html).

² 4 августа 1937.

³ См. ее рассказы: *Шаховская-Шик Н.Д.* Рассказы о детях // *Альфа и Омега*. 1997. № 3(14); Она же. О себе для детей // Там же. 2002. № 4 (34).

⁴ 3 декабря 1952.

воспитанниц: «Женщина, у которой нет ребенка, не может не считать свою жизнь проигранной»¹.

«В последние годы то и дело подступало к горлу тошное ощущение стерильной бесплодности жизни, нули итогов по всем линиям всех областей ее. И больше всего там, где стихи мои» (1938). «В трех областях я могла бы проявить то, что мне дано: могла бы быть лектором, педагогом (дошкольным) и в какой-то мере писателем. И во всех этих трех областях я не сделала ничего заметного, не сыграла никакой роли, о которой стоило бы говорить. Тут не только паралич воли. Тут недостаток привязанности к той или другой профессии, сознание, что она не в силах наполнить жизнь нужным содержанием, и страх быть зарегистрированной в ней, прикованной в ней до конца жизни... было много на моем пути чисто русских исторических отвлечений в сторону – и революция, и богоискание, и толстовство, и теософия».

Отождествляя себя с евангельской бесплодной смоковницей, М.-М. возвращается к смыслу евангельской притчи: «В детстве мне было непонятно, как мог учитель божественной любви, сама Любовь, воплотившаяся в человеке, проклясть бесплодную смоковницу за то, что она не приносила плодов. И она от его проклятия засохла. Было искушение думать: не лучше ли было бы вместо проклятия так благословить это несчастное дерево, чтобы оно чудом покрылось плодами в одно мгновение. Сейчас понимаю, что такое чудо отняло бы весь смысл жизни у смоковницы. Смысл ее не в том, чтобы оказаться увешанной плодами, а в том, чтобы земную кару в себе претворять в новую форму жизни (плоды). – Об этом же “царство Божие берется усилием”»².

Этой трудной работой – претворением «земной кары» (т.е. предложенных судьбой обстоятельств) в отрефлексированный текст о человеке, в письменный опыт, который может быть передан грядущим поколениям, – М.-М. и была занята два последних десятилетия своей жизни.

---

¹ Ср. реакцию А. Герцык на соответствующее место в статье М.-М.: «В новой “Р<усской> м<ысли>” будет статья Мирович о ее разговоре с Толстым, когда он вдохновенно сказал: “Это великое избранничество – не иметь семьи и детей!” Ты понимаешь? Я плакала, читая эту статью в корректуре, потому что там каждое слово Толстого – то самое, что нужней и верней всего для меня» (январское письмо 1911 г. к Е.К. Герцык – Сестры Герцык. Письма. СПб., 2002. С. 210).

² 8 августа 1940.

В середине 1930-х г. М.-М. вселяется по приглашению Аллы Тарасовой под ее кров («так как моя жилплощадь¹ понадобилась ее выходявшей тогда замуж племяннице Галочке»), т.е. вполне добровольно принимает на себя труднейшую роль «приживалки». В тарасовской квартире ей отведен угол на кухне, «за ширмой» – эта пометка всё чаще появляется в дневнике². Подлинной родственности возникнуть не могло, но М.-М., видимо, всё же на нее рассчитывала. Довольно быстро обнаружилось душевная разность: «Тот мой язык, каким бы я говорила о самом для меня важном в минуты душевной открытости с Достоевским, Толстым, с Гете или Оптинским старцем Анатолием, или с 3-мя, 4-мя близкими друзьями, непонятны Алле не потому, что он ей по существу чужд, а потому что она не верит, что это мой язык».

Очень скоро М.-М. начинает жалеть о потере возможности уединения: «Если бы вы два года тому назад знали, как сложится ваша жизнь с Тарасовой, какая будет ее атмосфера, согласились ли бы вы меняться комнатами?» Я не положила на весы полуголодную жизнь на Кировской, неуменье приспособляться, болезни, частую необходимость обедать у Тарасовых или Добровых и ответила: «Конечно, нет. Потому что – велико благо своей, уединенной, неприкосновенной комнаты. Велико благо независимости, хотя бы (при бедности) наполовину иллюзорной»³. В минуты сильных обид, которые порой выпадали на ее долю в доме Тарасовых, она уходила бродить по Москве, задерживаясь иногда по два-три дня под кровом друзей: у Шаховских, Добровых, Анны Романовой, Евгении Бируковой.

На улице Немировича
В закоулке Мировича
За щелистой ширмой
В семье обширной
Мой ветхий двойник
Головою поник,

¹ Хлопотами друзей все-таки удалось получить комнату в коммуналке.

² Первое время М.-М. делит комнату с Леониллой Тарасовой, но ситуация меняется после войны: А.К. Тарасова в третий раз выходит замуж, и М.-М. становится в этой семье уже совсем лишним человеком.

³ 1939.

Усталый от долгой борьбы
(Защищал он от грозной судьбы
Свое право дышать,
Свой хлеб насыщенный, перо и кровать)¹.

13

Когда началась война и встал вопрос об отъезде из Москвы, Тарасовы уехали в эвакуацию без М.-М.

Варвару Григорьевну приютила у себя в Малоярославце Н.Д. Шаховская, несмотря на то, что на руках у нее было четверо детей и пятеро стариков. В эти дни М.-М. особенно остро восприняла «повседневную незаметную жертвенность», ставшую «подвигом всей жизни» Н.Д. Шаховской. Осенью пришлось покинуть малоярославский дом и спастись от немцев в деревне Ерденево (там погибли 52-я и 53-я тетради дневника М.-М.). Вместе с Шаховскими М.-М. пережила зиму 1941–1942 г., попав под немецкую оккупацию. Над детьми и матерью М.В. Шика нависла угроза отправки в калужское еврейское гетто. В апреле 1942-го М.-М. удалось вернуться в Москву. Чтобы помочь «больной Наташе и ее детям», М.-М. сочинила скетч (про «невидимого врага и дозорных» с действующими лицами «холерой, тифом и туберкулезом»). Однако тяжесть перенесенных испытаний отняла у Натальи Дмитриевны Шаховской последние силы: от постоянного стресса, голода и непосильной физической нагрузки обострился туберкулезный процесс, и в июле 1942 г. она умерла. М.-М. считала себя опекуном несовершеннолетних Димы и Лизы Шаховских – «это наследство Наташи»: «я благодарна ей <...> за бесценный дар сестринской любви, соединявшей нас 30 лет».

В конце 1942 г. Тарасовы возвращаются в Москву, М.-М. возвращается под их кров. Периоды нормального человеческого общения с Леониллой и Аллой Тарасовыми, вся жизнь которых прошла на глазах у М.-М., всё чаще перемежаются полосами отчуждения: ей приходится переносить и вспышки гнева, и попреки куском хлеба, немотивированное раздражение, вызванное просто тем, что М.-М. всё еще жива. Она вырабатывает и записывает в дневник специ-

---

¹ Ср. запись в дневнике 1947 г.: «идушее у меня через всю жизнь раздвоенное сознание между моим высшим "я" и тем, кого я – давно уже – называю "Мировичем"».

альный кодекс поведения старого человека, которому старается следовать («старик должен научиться жить в изоляторе, в 4-х стенах: терпения, смирения, прощения и любви»¹). Предметом рефлексии становится процесс физического разрушения организма, который она воспринимает как неизбежный мост к освободительной смерти; это помогает ей стоически переносить и питание впроголодь, и старческие болезни, и начавшуюся глухоту. В 1947 г. ее пробуют пристроить в Переделкинский дом престарелых (это не удается). В одной из дневниковых записей этого года она набрасывает свой автопортрет: «Замарашка. В темно-рыжем неснимаемом сарафане. Под ним нечто вроде синей прозодежды. Пегие седины. Небрежная прическа». Полностью поглощенная семейными заботами Олечка Бессарабова, о приюте у которой мечтала М.-М., почти совсем не может уделить ей внимания: «неблагообразный тупик житейской безвыходности».

14

В первые послевоенные годы возобновляется общение М.-М. с вернувшимся с фронта Даниилом Андреевым. Он дописывает начатый еще до войны, в 1937 году, роман «Странники ночи» и знакомит с ним ближайших друзей, в том числе и ее. Прототипы многих героев романа были хорошо известны М.-М.: это члены семьи Добровых и их друзья. Вот что писала вдова Даниила, Алла Андреева: «Добровы так и не отвыкли от привычки жить с открытой дверью. И была эта дверь открыта в переднюю, где проходили все жильцы квартиры и все посетители, а среди жильцов была и женщина, получившая комнату по ордеру НКВД. И потеряли они в 1937 году столько друзей в недрах Лубянки! Перечисление погибших было в одной из глав романа “Странники ночи”, которая называлась “Мартиролог”».

21 апреля 1947 Даниил Андреев был арестован, 23 апреля арестовали его жену Аллу. При обыске были изъяты не только роман, но и другие рукописи писателя и позже уничтожены. В одной из них Сталин изображался как одна из реинкарнаций Антихриста. На допросе в ночь с 24 на 25 апреля 1947 г. Даниил Андреев назвал имя М.-М. среди четырнадцати читателей романа «Странники ночи»². Все

¹ Февраль 1948.

² Даниил Андреев в культуре XX века. М., 2000. С. 296.

названные, кроме донесшего на Даниила Андреева поэта Николая Стефановича и 79-летней М.-М. (ее, видимо, не тронули из-за преклонного возраста), были арестованы. Следствие длилось 19 месяцев. Смертная казнь в эти годы была отменена. Даниил Андреев получил 25 лет тюремного заключения и отбывал срок во Владимирской тюрьме. Остальные подельники получили от 25 до 10 лет и отправились в Мордовские лагеря¹.

М.-М. ни разу не обмолвилась об этом на страницах дневника. Один за другим исчезают в застенках Лубянки люди из ее ближайшего окружения (разорен весь дом Добровых: арестованы Шурочка Доброва, ее муж поэт Коваленский, ее брат Александр Добров и его жена); а ранее, во время Великой Отечественной войны была осуждена на пять лет лагерей за высказывания об угнетении церкви Е. Бирукова. Откликом на аресты по делу Д. Андреева стало стихотворение М.-М. «После кораблекрушения» (1948) – эхо пушкинского «Ариона», созданного после разгрома декабристов. В июньский дневник 1949 г. М.-М. переписывает прощальное письмо Рылеева к жене перед казнью – думая, конечно, о близких друзьях, томящихся в тюрьме и лагере.

Единственный из арестованных, о котором М.-М. осмеливается сделать запись в дневник, – Татьяна Усова, до 1944 г. бывшая гражданской женой Даниила Андреева. «Печаль о Тане – но не смею жалеть ее... В Танином же случае помимо всего нет “состава преступления”». Она далека от всякой политики, от полит<ических> интересов, рыцарски лояльна предержавшей власти, перворазрядно способный, добросовестный и высококвалифиц<ированный> культурный работник. Невыгодно госу<дарст>ву таких людей отрывать от дела надолго». Охваченное страхом сознание пытается оправдать хотя бы одного, по кажущейся логике, «абсолютно безвинного» человека. В дневнике появляются записи, сделанные с оглядкой на возможных непрошенных читателей и стремлением убедить в полной лояльности к сталинскому режиму самой М.-М.: «...с огромного, насквозь просвеченного полотна смотрели два очень хороших портрета Ленина

¹ «Сергей Николаевич Матвеев умер в лагере от прободения язвы. Александра Филипповна Доброва умерла в лагере от рака. Александр Филиппович Добров умер от туберкулеза в Zubovo-Polyanskом инвалидном доме, уже освободившись и не имея, куда приехать в Москве» (*Андреева А. Жизнь Даниила Андреева, рассказана его вдовой // Андреев Д.Л. Собр. соч. Т. 1. М., 1993. С. 5–26 // <http://rodon.org/aaa/jdarej.htm>*).

и Сталина. Мысль моя редко забегает в область политики, внешней и внутренней. Но как в дни войны, так и в дни мира я доверяю воле и силам кормчего на корабле, кот<орый> уводит нас сквозь “бури и тайные мели и скалы” <от> ненавистного с юных лет монархизма и капитализма»¹.

2 декабря 1956 г. Даниил Андреев писал уже освободившейся А.А. Андреевой: «Варвара Григорьевна вряд ли может еще существовать на этом свете, но узнать, когда и в каких обстоятельствах она ушла от нас, ты могла бы у Ирины. Это меня очень интересует»².

Тема «Даниил Андреев и В.Г. Малахиева-Мирович», конечно, должна в будущем найти своего исследователя. Но и сейчас очевидно, что мировоззрение Даниила Андреева (его увлечение индийской философией, серьезное отношение к мистической проблематике, свободная и сознательная широта религиозных убеждений, внутреннее понимание невозможности публикации написанного им и следующий из нее спокойный сознательный выбор духовного подполья) формировалось не без сильнейшего и непосредственного влияния М.-М. Имел место и художественный диалог – перекличка на уровне мотивов. Цветовая символика, характерная для М.-М. («Не вечно знамя красное мое. / Над ним развеется зелено-голубое»³), находит отражение в романе Д. Андреева «Странники ночи», один из героев которого, Глинский, создает своеобразную теорию о «чередовании красных и синих эпох в истории России»: «красная эпоха – главенство материальных ценностей; синяя – духовных. Каждая историческая эпоха двуслойна: главенствует окраска стремления властвующей части общества, и всегда в эпохе присутствует “подполье” противоположного цвета» и называет своих единомышленников «синим подпольем»⁴. «Утренняя Звезда», восходящая над сталинской ночной Москвой в финале романа, ассоциируется с ее циклом из 50 стихотворений «Утренняя звезда» с его люциферическими нотами. Общей для обоих поэтов была тема Монсальвата. Перечень точек сближения этим далеко не исчерпывается.

---

¹ 6 сентября 1947.

² Андреев Д.Л. Собр. соч. Т. 3. Кн. 2. М., 1997. С. 243.

³ «Я – революция. Я пламень мировой...». Синий и голубой – постоянные символические цвета желанного запретного мира в ее стихотворениях.

⁴ Андреев Д.Л. Собр. соч. Т. 3. Кн. 1. 1996. С. 616.

Последние несколько лет жизни: медленное угасание. Один из последних духовно близких М.-М. людей – артист Игорь Ильинский. В 1948 г. он пришел к М.-М. за утешением (умерла жена) и стал еще одним «зам-сыном» М.-М. Возможность поддерживать его поддерживала моральные силы и в самой М.-М.

Из литераторов рядом с ней никого не остается (в дневнике 1952 г. мелькает лишь «поэтесса К» (Е.Ф. Кунина), чья «почтительно-нежная любовь»¹ уже не очень нужна М.-М.).

Последний ее портрет: «старушка с полуседыми свисающими прядями волнистых волос и острым напряженным взглядом»².

16 августа 1954 г. Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович умирает.

«Вспомнилось жаркое дыхание Л.И. [Шестова. – Т. Н.] у моего уха и страстный шепот (под музыку увертюры Кармен, в партере Большого театра): “Во всяком случае, у нас впереди есть еще познавательный шанс, не похожий ни на какой другой: то прояснение сознания, какое бывает у всех умирающих на грани смерти” (это было окончание разговора, который мы вели в фойе и который начался еще дома)»³.

Татьяна Нешумова

---

¹ 21 мая 1952.

² *Бирукова Е.Н.* Душа комнаты // <http://www.klenniki.ru/mechev-obchin/mechevskay-mirgune/255-dusha-komnaty>.

³ 6 декабря 1947.

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР В.Г. МАЛАХИЕВОЙ-МИРОВИЧ

1

Малахиева-Мирович – автор одной печатной¹ книги стихотворений «Монастырское» (написанной в 1915 г. и опубликованной в 1923-м) и 3-х рукописных книжек – «Братец Иванушка», «Осеннее» и «Стихии Мира», – созданных в августе 1921 для сбыта в Лавке писателей² (вряд ли имевших читателей за пределами узкого круга ближайших друзей), – при том, что объем ее поэтического корпуса приближается к 4 тысячам стихотворений. Первые сохранившиеся стихи, написанные еще на гимназической скамье, датируются 1883 годом (в этом году вышел 1-й сборник «Вечерних огней» Фета, в этом десятилетии создавались поэтические шедевры В. Соловьева, Я. Полонского и К. Случевского, состоялись литературные дебюты Надсона, Фофанова и ровесницы М.-М. Мирры Лохвицкой). Последние стихи М.-М. написаны за год до смерти – в 1953.

Иначе говоря, начало творческого пути М.-М. приходится на досимволистскую пору русской литературы, развитие – на эпоху зарождения, становления, расцвета и «умирания» символизма, на ее глазах возникают акмеистические и футуристические поэтические линии, происходит катастрофическое прерывание естественных линий развития русской поэзии, формируется соцреалистический канон и, наконец, вырабатываются навыки неподцензурных практик свободной литературы в условиях тоталитаризма, транслирующих «поврежденную традицию». Почти 70 лет активной литературной жизни – поистине мафусаилов век. Путь примерно такой длины прошли в литературе единицы: И.А. Бунин, Е.Л. Кропивницкий, С.И. Липкин.

В 1910–1920-е годы имя ее не было неизвестно: сотрудница «Русской мысли», переводчица, литературный и театральный критик, автор десятка детских книжек³.

¹ Не считая специально адресованной детской аудитории книжечек (дореволюционные названы в предыдущей статье, см. прим. 2 на с. 447 и прим. 4 на с. 448).

² *Богомолов Н.А., Шумихин С.В.* Книжная лавка писателей и автобиографические издания 1919–1922 годов // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 118.

³ 1926: День в деревне. [М.]; Лето (стихи для детей). Л.; Листопад. [М.] (2-е и 3-е изд.: 1928, 1930); Мячик-прыгунишка. М.-Л. (2-е изд.: [М.] 1930); Наш завтрак [М.]; Наша улица. М.-Л.; Наши друзья. М.-Л.; Пойдем играть! М.-Л.; Шутки-прибаутки. Л.; (2–4-е изд.: Л.-М., 1927), [Л.] 1929; [Л., 1930]). 1927: Зима [М.]; Мои песенки.

При этом репутация М.-М. как автора одной поэтической книги определила ее место в существующей картине истории русской поэзии: поэтесса, отразившая «удивительно богатый духовный и душевный мир православной женщины»¹, соединившая «элементы духовной и народной поэзии с влиянием А.А. Ахматовой и С.М. Городецкого»² (характерно, что названы не самые актуальные для М.-М. имена). Теперь, с открытием полного объема ее поэтического творчества и освоением его характернейшей и наиболее репрезентативной части, репутация эта должна быть скорректирована и место М.-М. в истории русской поэзии определено с большей точностью. Это старейший автор неофициальной литературы, оставшийся до конца дней верным символистической системе, но, подобно позднему Ф. Сологубу, открывший внутри нее возможности отстраненного реалистического письма (а иногда и острой сатиры) и предвосхитивший многие достижения поэтов лианозовской школы.

Печатных откликов поэзия М.-М. не удостоилась. Этому способствовала тематика единственной опубликованной книги,

---

М.; На зеленой травке [М.]; На работу [М.]; Наш сад [М.]; Про кукол [М.]. 1928: Бабушкин пирожок. М.; Весна-красна. [М.]; Живой уголок. (Рассказы для детей) [М.]; Что я вижу из окна. [М.]; 1930: Небылицы в лицах; Про лентяя-растеряя [обе – Киев]. В начале сороковых книга сказок М.-М. вышла в немецком и французском переводах в Швейцарии (о чем, автор, возможно, и не знал): Schneeflocken. Neun Märchen und Erzählungen / Uebers. von Suzanne Engelson und Pauline Bitter-Magnena. Luzern. 1940; Heures printanières. Dix contes russes / V. Mirovitch; Trad. par Suzanne Engelson. Lausanne: La Concord, [1941]. Среди напечатанных, но не разысканных изданий: «Наши песни и рассказы» (Киев, 1918); «Пора вставать», «Мой уголок», «Наши игрушки», «В лес по малину», «Птичий двор»; сохранился перечень рукописных книг М.-М. для детей: «Кто во что играет», «Про букашек на ромашке», «Драчун Карачун», «Веселый малыш», «Маленькие садовники», «Маленькие плотники», «На белых песках», «У теплого моря» (записан О. Бесарабовой – МЦ. КП 4683/50. Л. 124).

¹ Сто одна поэтесса Серебряного века. Антология. Сост. и биогр. статьи М.Л. Гаппаров, О.Б. Кушлина, Т.Л. Никольская. СПб., 2000. С. 139. Ср. комментариев Е. Евтушенко к републикации избранных стихотворений из «Монастырского»: «Не знаю, была ли поэтесса монашкой, смею только догадываться, вряд ли. Книга построена как фортепианная пьеса на одну тему, но в нескольких частях, где есть и грусть-тоска у монашек по вольной волюшке, и вымечтанная в сырости келий сладость греха, и настуканная в стену холодными женскими коленками монастырская азбука одиночества. Если даже это мистификация, то очаровательная» (Огонек. Поэтическая антология Русская муза XX века № 31. Июль 1988).

² *Полыванов К.М., Васильев А.В.* Малахеева-Мирович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 3. М., 1994. С. 491.

вызывающе неловкая – «в разгар большевистского похода на Церковь»¹.

Но единичные частные отклики были. Среди них важнейшим является свидетельство Д.С. Усова: «Монастырское» очень любил А.В. Звенигородский. Оригинальный (и маргинальный) поэт, ценимый О. Мандельштамом², никогда не расставался с этой книгой – «она у него всегда в боковом кармане сюртука».³

Известно еще всего два отзыва о стихах М.-М. Оба негативны, но в каждом случае трудно не заметить в этом отрицании внелитературных мотивов. «Декадентскими пустячками» назвала в своих мемуарах единичные публикации ранних стихотворений М.-М. Евгения Герцык, «Монастырского», видимо, так и не прочитавшая. В ее шаржированном портрете М.-М. и в этой оценке есть ревнивая нотка: так же, как и М.-М., она претендовала на место интеллектуальной подруги Шестова. «Слабыми стихами» назвал «Монастырское» в письме 1923 г. к Л. Шестову М.О. Гершензон⁴, весьма сочувственно и заботливо относившийся к М.-М. как к человеку. Здесь, думается, сказалась и психологическая неготовность серьезно отнестись к поэтическому дебюту пятидесятитрехлетней дамы, и общая далековатость проблематики «Монастырского» от тогдашнего круга размышлений Гершензона, и нежелание признать за старой знакомой, имеющей репутацию журналистки и переводчицы, своеобразный поэтический дар.

Этот дар позволил изобразить в «Монастырском» почти вневременное – земное сознание своевольно отрешившихся от мира женщин, во всем психологическом богатстве (силе и слабости) чувства; в отчужденности и от «мужского» мира философских исканий, и от «светского» мира интеллектуальной женщины. М.-М. удалось запечатлеть парадоксы этой простоты, ее неоднозначность. Стилистически книга задумана и выполнена как ряд близких к сказовой форме монологов или рассказов-«примитивов», записанных говорным стихом, форма

¹ [Кушлина О.Б. Биографическая статья о М.-М.] // Сто одна поэтесса. С. 138.

² Имя Звенигородского мало известно современному читателю, а между тем Мандельштам называл его среди немногих, «кто хоть отдаленно приблизился к поэзии» (Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М., 1990. С. 273). Стихи Звенигородского см. на сайте: <http://www.poesis.ru/poeti-poezia/zvenigorod/biograph.htm>.

³ Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...». Т. 2. Письма. Изд. подгот. Т.Ф. Нешумовой. М., 2011. С. 440.

⁴ Гершензон М.О. Письма к Льву Шестову (1920–1925). Публикация А. д'Амелиа и В. Аллоя. Минувшее. Вып. 6. М., 1992. С. 291.

которого как бы максимально далека от «поэтичности» – «разнообразием и подвижностью интонации», «стремлением приблизить ее к обыкновенной, разговорной»¹ речи.

В третьем годе
Мучилась я, Пашенька, головой;
Прямо скажу, что была я вроде
Порченой какой.

Голова болеть начинает –
Сейчас мне лед, порошки,
А я смеюсь, дрожу – поджидаю,
Прилетят ли мои огоньки.

День ли, ночь ли – вдруг зажигается
Вокруг звезда за звездой,
В хороводы, в узоры сплетаются,
Жужжат, звенят, как пчелиный рой.

Церковь над ними потом воссияет,
Невидимые хоры поют –
Не то меня хоронят, не то венчают,
Не то живую на небо несут.

И так я эту головную боль любила
Срывала лед, бросала порошки,
Но матушка-сиделка усердно лечила –
Так и пропали мои огоньки.

Уже в «Монастырском» проявились зачатки той поэтической формы, которая еще резче проявится в стихотворениях М.-М., образующих ее рукописную книгу «Быт» (1922–1930), предвосхищая поэтику лианозовской школы с ее отказом «от прямого лирического пафоса», заменой «лирический монолог... диалогической игрой чужими голосами» и особым положением автора, который «в описываемые события никогда не вмешивается, он их только регистрирует, “протоколирует”, занимая позицию как бы добровольного летописца, стремящегося к максимальной конкретности и объективности»²:

¹ Эйхенбаум Б.М. Мелодика русского лирического стиха. Пг., 1922. С. 8–9.

² Кулаков В. Поэзия как факт. М., 1999. С. 16–17.

На дверях у них три пустые катушки.
Это вывеска – шьют белье.
Три белошвейки подружки
Поровну делят доход за шитье.

Честно записывает грамотная Даша:
Пять копеек булка, восемь сметки,
Три с половиною гречневая каша,
Нитки, иголки, шнурки.

Беленькая Даша тонко распевает
Стихири хвалитные, тропари,
В майские вечера тихо вздыхает,
Не может уснуть до зари.

Старшая Фленушка о земном забыла,
Ей бы только купчихам угодить –
Кашляет всю ночь, шьет через силу,
Не ленится к ранней обедне ходить.

В крохотной келье тепло, приветно,
Белые постели, пол как стол.
В послушании годы бегут незаметно –
Фленушке пятый десяток пошел.

К сходному повествованию (и совершенно независимо от М.-М.), приходит в эти же годы Е. Кропивницкий в своем цикле 1921 г. «Деревня»¹. Прочитируем из него одно стихотворение – «Смерть Авдотьи»:

Перед святой, как нарочно,
Изморило Авдотью совсем:
Голова болит, лихорадит, тошно,
Язык от болести нем.

Пришла знахарка – баба большая –
Вспрыснула Авдотью водой:

---

¹ Благодарю за это наблюдение И.А. Ахметьева.

Выпей зелье, выпей, дорогая!–
Дала и пошла домой.

От зелья Авдотья разболелась пуще:
– Ох, смерть моя, видно, пришла! –
Вся деревня гадала на квасной гуще,
Отчего Авдотья померла.

Авдотью принесли и похоронили,
Родные вернулись домой.
Поминали Авдотью,
Самогонку пили...
Со святыми ее упокой!¹

В «Монастырском» отразился, однако, лишь один – пусть и важнейший – аспект творчества М.-М., поразительно разнообразного в тематическом и в стилистическом планах.

2

Круг тем, на которых сосредотачивается поэтическая мысль М.-М., был однажды сформулирован в ее рецензии на книги Е. Лундберга: это «большие вопросы: тайна совмещения божеского и звериного начала в человеке, теснота культурного уклада жизни, ужас и благо одиночества, таинственная жестокость законов, осуждающих человека на болезни, на безумие, на старость и на смерть»². Острота этих вопросов отсылает к русскому психологическому роману девятнадцатого века, специфика их постановки и оркестровки у М.-М. принадлежит уже двадцатому веку. Об исключительно интересной эволюции поэтики М.-М. будет сказано особо.

Органически тяготея к экзистенциальной проблематике и испытав мощное воздействие философской мысли Льва Шестова, укрепившего ее сомнения в ортодоксальном православии, М.-М. отразила в своей поэзии довольно стройную философскую картину мира.

¹ *Кропивницкий Е.* Избранное. 736 стихотворений + другие материалы. М., 2004. С. 521.

² *Малахиева-Мирович В.Г.* [Е. Лундберг. Рассказы. Киев, 1909. – Е. Лундберг. Мои скитания.] // РМ. 1909. № 11. С. 260.

В ее основе – гностическое¹ представление о том, что земной «мир лежит во зле»². Человеческая жизнь расценивается как звено в цепочке воплощений:

В круговорот времен, в пределы тварной жизни
Какою силой дух мой вовлечен?
Или своей лишь волею капризной
И жаждой бытия он в мире воплощен?

И, посвящаясь в законы воплощения
И чуждость их и ужас их познав,
Спешит страданий огненным крещеньем
Вернуть удел своих сыновних прав³.

Земная реальность – греховная, «черновая», враждебна божественному и «ниспослана как некий урок, чистилище, быть может. И кто не хочет и не может пройти через нее, остался недоовоплощенным... Окрылиться, стать тем, что Данте называет “angelica farfulla” (бабочка Ангел) можно только через строго реальный путь воплощения. Христос, сын Бога живого, был здесь плотником»⁴. «Задачей человеческого духа является искупление, достижение спасения, стремление вырваться из уз греховного материального мира»⁵, который нельзя не полюбить, но нельзя и принять. Красота и боль земного мира и уязвляют:

...Всю ночь сегодня я помню, что кошка
Терзает и будет терзать мышонка.

---

¹ Ср. обобщение Бердяева: «Новое религиозное сознание не может не иметь гностической стороны. Гнозис переводит от внешнего, экзотерического, исторического христианства к христианству мистическому, эзотерическому, внутреннему», утверждая «индивидуальный мистический опыт, личные пути духа, личную духовную дисциплину и достижения» (*Бердяев Н. Новое христианство* (Д.С. Мережковский) // Русская мысль. 1916. № 7. С. 57. <http://www.vehi.net/merezhkovsky/berdyaev.html>).

² Стихотворение М.-М. «Если мир лежит во зле...».

³ Гностическое представление о ступенях, или сферах, мира отражено в стихотворении «Как страшно жить в семи слоях...».

⁴ Из письма М.-М. к О. Бессарабовой от 3 августа 1917 г. (Бессарабова. Дневник. С. 219).

⁵ *Лосев А.Ф. Гностицизм* // *Философская энциклопедия*. Т. I. М., 1960. С. 375.

и преисполняют сочувствием ко всему живому (а значит, и ко всему, обреченному умереть). Однако это не тютчевская «прелесть», умиление увяданием¹:

... Напоена морозной мглою
Перед окном моим трава
И с мертвой смешана листвою,
Но всё жива еще, жива.

Скрытая борьба жизни и смерти осуществляется в любом процессе ежесекундно, и глаз привыкает видеть мир сквозь эту призму (через очки смерти²):

Синева рассвета борется
С лампы мертвой желтизной.

Путь к другому, прекрасному, миру лежит через врата смерти. Поэтому смерть есть благо, освобождение, предел земных страданий, «знак для опыта, разрушающего прежние структуры сознания»³.

Смертельно раненный зверек
В моей груди живет и бьется.
Снует и вдоль, и поперек
По клетке и на волю рвется.

Ему дают еду, питье,
Погладят иногда по шерсти,
А он скулит всё про свое –
Что кто-то запер двери смерти.

---

¹ Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

² Шестов Л.И. На весах Иова // Шестов Л.И. Сочинения. В 2-х т. Т. II. М., 1993. С. 27.

³ Аверинцев С.С. Мистика // Аверинцев С.С. Собр. соч. / София-логос. Словарь. Киев, 2006. С. 311.

«Величайшая из тайн, именуемая Смертью»¹ – мысль, о которой М.-М. помнит всегда, а 30 ноября 1947 г. резюмирует: «Люблю я только искусство, детей и смерть». В стихах ее «работница Божья смерть» сопровождается эпитетом «милосердная», она «не страшна»; «таинство смерти так жутко и сладко». «Ближе к гибели, ближе к цели» – всегда актуальный для нее девиз.

Одну из своих рукописных книг она называет «Ad suor nostra morte» («К сестре нашей смерти», итал.; 1918–1928). Название этой книги, антонимичное названию книги Бориса Пастернака «Сестра моя жизнь» (написанной летом 1917 и изданной в 1922), восходит к одному источнику – «Песне о Солнце» Франциска Ассизского, последовательно обращающегося к брату Солнцу, сестре Воде, брату Ветру, сестре Земле и сестре Смерти. При очевидной антонимичности формул «сестра моя смерть» и «сестра моя жизнь», их первое слово акцентирует сестринское (братское) отношение и интимную открытость миру, дочернее (сыновнее) доверие к Сотворившему его таким, каков он есть. Христианский урок макабра (*memento mori*) логически и эмоционально связан с призывом прямо противоположного свойства (*memento vivere*).

«Можно написать очень нейтральное стихотворение по содержанию, образам и прочее, но звуки будут расставлены так, что это будет к смерти»². А можно почти всю жизнь писать стихи о желанной смерти, но звуки и энергетические импульсы их будут вести к жизни. Поэтический мир М.-М. представляет именно этот – весьма необычный – второй случай.

«Человек умирает только раз в жизни, и потому, не имея опыта, умирает неудачно. Человек не умеет умирать – смерть его происходит ошупью, в потемках. Но смерть, как и всякая деятельность, требует навыка. Надо умирать благополучно, надо выучиться смерти. А для этого необходимо умирать еще при жизни, под руководством людей опытных, уже умиравших. Этот-то опыт смерти и дается подвижничеством. В древности училищем смерти были мистерии. У древних переход в иной мир мыслился либо как разрыв, как провал, как ниспадение, либо как восхищение. В сущности, все мистерийные обряды

¹ Малахеева-Мирович В.Г. О смерти в современной поэзии // Заветы. 1912. № 7. С. 98.

² Крассовицкий С. Катастрофа в раю. М., 2011. С. 5.

имели целью уничтожить смерть как разрыв. Тот, кто сумел умереть при жизни, не проваливается в Преисподнюю, а переходит в иной мир. Не то чтобы он оставался вечно здесь: но он иначе воспринимает кончину, чем непосвященный»¹. Эти слова Флоренского многое могут объяснить в поэтической философии смерти М.-М.

Еще одной своей кончине рада
Душа, привыкшая при жизни умирать.

Повторяющийся мотив умирания при жизни роднит М.-М. с Эмили Дикинсон («Кончалась дважды жизнь моя...»).

В теософской концепции, повлиявшей на М.-М., смерть рассматривается как рождение к подлинной жизни:

Его душа во тьме глаза открыла,
И умерла, и к жизни родилась.

В этой системе главная работа духа – это работа по преодолению земного порога бытия. Отсюда любимые образы-символы у М.-М.: проросшее зерно, хризалида (покинутое бабочкой тело куколки), ласточка, мотылек, крылья². Любимый глагол: унести.

Горе, болезнь, муки – необходимые ступени восхождения духа, поэтому они принимаются там, где речь идет о себе.

Шире, шире, сердце, раздавайся,
Глубже ройся в грудь мою, недуг,
По крутым ступеням подымайся,
Не скудея верой, слабый дух.

Ведь еще вместить немало надо
Жгучих токов мирового зла.
Не по всем кругам земного ада
Ты в путях своих, душа, прошла.

¹ Флоренский П. Сочинения. В 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 167.

² Ср. дневниковую запись 1937 г.: «Самое важное из того, что может дать нам любовь в дни молодости – Мост к миру и человеку через душу возлюбленного, Крылья, Ощущение бессмертия».

Не спеши на отдых. Черной тенью
Мук твоих не искупить греха,
Не взойти на верхние ступени,
У дверей не встретить жениха.

Это стихотворение написано в 1928 г., когда из Сергиева Посада вынуждена была уехать, опасаясь повторных арестов, семья М.В. Шика.¹

Явив в своих стихах гностическую картину мира, М.-М. в душе, однако, «истинным гностиком» не была: «ибо истинного гностика всегда отличают определенные черты. Он относит себя к духовной элите и презирает все земные привязанности и общественные обязанности»². М.-М. же всегда была окружена людьми, тянувшимися к ней за духовной поддержкой; количество и характер глубинных человеческих связей, в которых находилось приложение неизжитому материнскому чувству, дару слышания и понимания, дару целения М.-М., удивительны.

Что касается духовного снобизма и «декадентщины», она получила от них прививку в демократическом революционном периоде своей юности. Беспремерен в женской лирике созданный ею автопортрет «души»³:

Всклоченный, избитый, неумытый
Драчун и пьяница, душа моя
Стоит босой под стужей бытия
В мороз крещенский с головой открытой.

Всё теплое заложено в трактире,
Всё пропито отцовское добро.

¹ Трудно пройти мимо интонационного сходства некоторых строк с ахматовским «Приговором» (написанным через 10 лет после М.-М.): «у меня сегодня много дела, надо память до конца убить...» – «Ведь еще вместить немало надо / Жгучих токов мирового зла»; в стихотворении М.-М. «Повернулись раз и раз колеса...» есть неизбежные переключки с (ненаписанным еще) «Реквиемом» («Кто-то поднял стонущую мать»).

² Эти слова, сказанные о близком к гностицизму Ф. Кафке, написал У.Х. Оден (Указ. соч. С. 109). Важно, что и в случае М.-М. эта оговорка исключительно уместна.

³ Его – и шире – беспощадный иронический взгляд на себя в некоторых стихах – интересно было бы сопоставить с творчеством В.А. Меркурьевой. Но это тема отдельной работы, которую, надеемся, совершат будущие исследователи.

Разбита грудь и сломано ребро,
И холодно, и трезво стало в мире.

И хочется, чтоб стало холодней,
Чтоб до небес взметнулась в поле выюга
И вынесла меня из рокового круга
Постылых, жгучих, трезвых дней.

3

В гностической системе мира легко принять зло, совершенное над собой – но как оправдать зло, обращенное на других?

Из этой невозможности проистекает скептический реализм бытовых зарисовок, в жанре которых иногда выступает М.-М.: гибель человека под колесами трамвая, «Уголок летнего Арбата» (с мгновенными портретами голодного комсомольца и «ослепшего на фронте солдата», бывшего сенатора и вдовы офицера, торгующей чепчиками), диалог соседок на коммунальной кухне («День начинается сварой...»), рыночные реплики торгующихся, «озверившиеся люди» в «хвостах очередей», глаз умирающей курицы, жужжание попавшей в сети паука мухи («Свершал паук пятнистобрюхий / Паучий свой над мухой пир / Так упоенно, точно в мухе / Сосал весь мир»), девушка с изуродованным от производственной травмы лицом, нищая старуха, отголоски катастрофы голодомора на фоне относительно благополучного быта. Объединенные в книгу «Быт», эти стихотворения формируют особую, протолианозовскую поэтику: язык подчеркнуто прост, лишен тропов; лирическое «я» почти редуцировано; пафос то совершенно снят, как у Е. Кропивницкого, то обнаруживается в холинской мрачности; окружающий мир запечатлен с беспристрастностью фотохроники, сфокусированной на непозитивных объектах. М.-М. называла такие вещи «примитивами»: «кусочки жизни, взятые из действительности со всем ароматом текущего мига... здесь нет еще искусства, нет творческого, сложного, многдумного искания, нахождения форм, разбивания их во имя новых лучших и конечного “аминь” творческой завершенности»¹. Осваивая этот способ письма в «Монастырском», М.-М. развивала его в цикле 1919 г. «Батайские дни».

¹ Цитата – из ее рецензии на сборник новелл И. Новикова «Дыхание земли» (РМ. 1910. № 5. С. 130).

В череду умерла старушка.
Простояла всю ночь в череду,
Не дождалась хлеба и села.
На рассвете грянула пушка.
Разбежались все, а она – на льду,
Как живая до полдня сидела.¹

И вместе с тем, до последних дней М.-М. создает стихи, поэтика которых всецело соответствует эстетическому канону символизма. Об этом говорят и данные частотного словаря. Наиболее часты: *сердце* (168)², *жизнь* (158), *душа* (153), *день* (127), *ночь* (113), *сон* (102), *свет* (74), *смерть* (77); слова из этого же семантического гнезда: *смертный* (17), *мертвый* (11), *умираю* (5), *прах* (24); *путь* (94), *дух* (60), *Бог* (43), *Господь* (19), *белый* (77), *крест* (18), *лик* (18), *небо* (18), *нить* (18), *солнце* (39), *слово* (54); и показательное соотношение обстоятельств: *там* (79) перевешивает сумму *здесь* (36) и *тут* (21). И небывалые оттенки ее индивидуальной цветовой палитры (функционально скорее музыкальной, нежели изобразительной), перекликающиеся с оттенками европейской символистической живописи: *известково-палевые (дали)*, *туманно-опаловая (вода)*, *мраморно-белая (кора)*, *бронзово-алые (былинки)*, *жемчужно-седые (пауки)*, *лилово-белые (эмали)*, *зелено-серебряный (лист)*, *лилово-синий (грот)*, *ржаво-золотые (липы)*, *жемчужно-серые (воды)*, *серебряно-алый (туман)*, *сизо-голубая (капуста)*, *багряно-тусклые (кирпичи)*, *незабудочно-бледная (высь)*, *лимонно-зеленый (мальчишка)*, *пенно-снеговая (волна)*.

¹ Ср. классическое стихотворение Яна Сатуновского (1939):

Вчера, опаздывая на работу,
я встретил женщину, ползавшую по льду,
и поднял ее, а потом подумал: Ду-
рак, а вдруг она враг народа?
Вдруг! – а вдруг наоборот?
Вдруг она друг? Или, как сказать, обыватель?
Обыкновенная старуха на вате,
шут ее разберет.

² В скобках дана частота использования данного слова и его словоформ в стихотворениях этой книги.

Один из глубинных, повторяющихся мотивов лирики М.-М. – мотив сновидения («Мне снится часто колыбель пустая...»; «В глубинах сна слышнее пенье / Блаженных ангельских миров»; «Где сон, где явь – душа не знает»; «Бессильный душный сон во прахе...» и др.) и его усугубленный вариант – мотив сна во сне, неизбежно поднимающий вопрос о том, что является более «реальной» реальностью – сон или действительность:

Большая нежная заря
 Зеленым пламенем хрустальным,
 Не угасая, не горя,
 В своем томлении печальном
 Не говорит ли нам о том,
 Что снится небу жизнь иная,
 И мы, как сны его, плывем
 К вратам утраченного рая?¹

Говоря о том же мотиве сна во сне в книге М.Л. Лозинского «Горный ключ», Д. Сегал считает его «подтверждением реальности мистического опыта», «поскольку двойная экспозиция, рамка в рамке является одним из известных приемов достижения мистического контакта»².

В популярном очерке о славянофилах М.-М., характеризуя Ивана Киреевского, писала: «религиозность его не была чисто православным

¹ Ср. знаменитую китайскую притчу: «Чжуан-цзы раз заснул и увидел сон, будто бы он превратился в бабочку. Потом заснула бабочка и увидела сон, будто бы она превратилась в человека, Чжуан-цзы. И вот Чжуан-цзы не знает, кто же он на самом деле: человек ли, которому приснилось, что он стал бабочкой, или бабочка, которой приснилось, что она стала человеком?». В дневнике 27 июня 1930 г. М.-М. записывает: «Сон или реальность – мир и я в нем? Иногда всё ощущаешь (и себя), как “сон”. – Иногда и самый сон как полную значения и даже потрясающую реальность. Несомненную реальность. Не от того ли это так двойственно осознается, что с одной стороны – мир и я – только эманация Божества и как нечто отдельное от него – мы иллюзорны, мы – сны. И когда наш дух обособляется от Первоисточника Своего, наше “я” чувствует себя ирреальным».

² Сегал Д.М. Поэзия Михаила Лозинского: символизм и акмеизм // Сегал Д.М. Литература как охранная грамота. М., 2006. С. 538. В этой статье сделана серьезная и пионерская в литературоведении попытка описания мистического слоя в лирике поэта XX в.

исполнением всех церковных правил и обрядов... Киреевский был мистик в настоящем значении этого слова, т.е. ощущал непосредственно присутствие в жизни высшего начала (курсив мой. – Т. Н.); и то, что он постигал в мире и в себе самом с помощью веры, было для него самым высшим, непогрешимым знанием¹. Невозможность стройной религиозности для самой М.-М. происходила из того же корня. Тонко чувствующий подобные вещи Флоренский, и сам с чрезвычайным вниманием относящийся к потустороннему и верящий в лесных духов, шутя называл М.-М. «окультурная топь»².

В стихах М.-М. последовательно прослеживается «психологический субстрат мистического опыта»³. Одновременное нахождение в разных «слоях» реальности («Как страшно жить в семи слоях...»), настойчивое упоминание голубого и синего света как атрибута запредельного мира, видимого в реальности («Луч Воли Божьей камнем стал, / Преобразившийся в кристалл, / В колонну голубого света»; «луч из Голубого Сада»; «Когда я в мире крест подъял, / Он был как голубой кристалл»; «море голубого света»; «Но уже синее за рекою / Новой жизни даль»), мистические переживания, отменяющие рациональную пространственно-временную систему координат («за гранью мира / Чертога Отчего свет») и описывающие личную и мировую историю как историю мистерий («в былых мистериях страданья») и таинств («смерти», «муки дольней», «в древнем таинстве ночном»), измененные состояния сознания («Где этот берег, что во мраке / Моих провидений ночных / Мне световые чертит знаки...»), магическое участие звезд в человеческой судьбе (книга «Орион») – вот далеко не полный перечень тем, к которым постоянно возвращается М.-М.⁴ Ее стихи – не только свидетельства того, что ею были пережиты состояния, близкие к мистическому трансу, выводящие сознание за пределы рационального (слова «мистика» и «мистический» М.-М. в стихах не

¹ Малахиева-Мирович В. Славянофилы и их учение. М., 1915. С. 26–27 (Библиотека войны № 46–47).

² Бессарабова. Дневник. С. 446.

³ Сегал Д.С. Указ. соч. С. 534.

⁴ Ср. слова поэта-символиста И. Коневского: «Под именем мистического чувства разумеется особое чутье всего, что скрыто от обычного человеческого причинного познания и среднего личностного инстинкта и восприимчивости. Это – ощущение пребывания личности в таких состояниях сознания, которые находятся вне доступного обычным условиям восприятия предметов, увлечения сферы его самочувствия» (Коневской И. Стихи и проза. М., 1904. С. 2).

употребляет, и это понятно: они являются *внешними* характеристиками *неназываемого, несказанного*), но и знаки внутренней убежденности в невыразимой реальности мистической основы земной жизни («Не войти дневным сознанием / В этот вещей древний шум. / Песен леса и сказаний / Не вместит наш тесный ум»). И вместе с тем, мистический опыт был *повседневным* опытом М.-М., вполне обжитым и вписанным в уклад ее обихода: «По обрывкам сновидений / Горестно гадать, / Где мечта, где откровенье / Или дня печать».

Совершенно удивителен созданный ею цикл «Заговоры», с его типичным для магических заклинаний образным строем и практической направленностью. Подруга М.-М. «читала мои “Заговоры” одной знакомой крестьянке. Та сказала: “приезжай с ними к нам в деревню – тебе холста, яиц и всего дадут”. Этим она высказала уверенность, что заговоры мои действительно могут прогонять боль, лечить болезнь. Я и сама так думала, когда они у меня родились. И сила их, конечно, не моя – сила всего рода псковских кудесников [предков М.-М. по отцовской линии. – Т. Н.]. И язык – не мой. Недаром Ф.А. Д<обров>в, тонко-филологического склада человек, когда ему впервые прочли их, выдав за фольклор, сказал: “Вот это я понимаю – никакой интеллигент так не скажет: “Лед на лед, гора на гору, сполох играет, белухов вызывает”»¹.

О тайном знании М.-М. писала и в других стихах («Знахарке, травы лесные / Мне повинуются все...», «От каждого есть яда / Противоядья дар»; «Кипят мои наговорные травы. / Обступает несметная рать. / Сумрачно-сладкой отравой / Наступает мой час колдовать»; «В тайники судеб прозренья / Дар таинственный мне дан»). М.-М. могла лечить (и иногда лечила знакомых) наложением рук (заговорила зубную боль Даниила Андреева в их совместном путешествии в Трубчевск²). О Бессарабова записала в дневник: «Я рассказала о записях Вавочкиных видений с закрытыми глазами о разных людях. Иоанн тоже рассказал, Флоренский внимательно выслушал, расспросил. Иоанн был поражен соответствием того, что наговорила ему Вавочка, с некоторыми событиями в его внешней и внутренней жизни»³.

¹ Дневниковая запись 18 апреля 1931 г.

² Андреев Д. Неизданное. М., 2006. С. 42. (В комментарии ошибочно утверждается, что М.-М. была уроженкой Трубчевска.)

³ Запись от 6 декабря 1922 г. // Бессарабова. Дневник. С. 510. Иоанн – скульптор И.С. Ефимов.

Центральный сюжет любовной лирики М.-М. связан с историей ее взаимоотношений с М.В. Шиком и Н.Д. Шаховской. Тема отвергнутой любви, в которой собственно любовный компонент был бы настолько неразрывно связан с сестринско-материнским чувством к возлюбленному, уникальна в русской женской лирике. М.-М. ищет соответствия своим переживаниям в мировой литературе и, не находя их, использует библейские и сказочные архетипы, преобразуя их, удивляя неожиданными, нетрадиционными поворотами сюжетов и трактовками привычных образов. Так создается книга «Братец Иванушка», в которой, как и в русской народной сказке, власть темных сил простирается не только на брата Иванушку, но и на сестрицу Аленушку:

В полночь глухую меня ты покинул,
Братец Иванушка, в чаще лесной.
Братец Иванушка, в царстве змеином
Змей-семиглав обручился со мной¹.

Оставленная в заколдованном лесу сестрица Аленушка преобразуется: сохраняя человеческий лик, она осознает себя как часть нечистой силы. Помня о своей двойственной амбивалентной природе, Аленушка не желает зла возлюбленному брату:

Уснула нечисть. Усну и я.

Та же тема горькой участи оставленной, разлученной с возлюбленным волей обстоятельств, в другом стилистическом ключе решается в стихотворении «Во дни Содома и Гоморры»:

Остеклевшим взором из-под камня
Рухнувшей скалы едва гляжу
И на всем, что было жизнь недавно,
Знак иного царства нахожу.

¹ Этот мотив отсылает к циклу М.-М. «Утренняя звезда», повествующему о власти над героиней люциферической силы.

Синей пастью небо надо мною
Щерит клочья белых облаков.
Вьется путь гремячею змеею
Вкруг полуразрушенных домов.

Бледный ужас в их глазах незрячих
Иль бездонная сияет пустота.
Стая воронов над церковью маячит,
Заслоня знаменье креста.

Белый столп вознесся недвижимо
На распутье. Белый. Соляной.
Это ты, мой верный, мой любимый,
Сторожишь раздавленных горой.

В библейском рассказе об уничтожении за грехи жителей городов Содомы и Гоморры от серного и огненного дождей (Бытие, 19) в соляной столб превращена жена Лота, нарушившая запрет и оглянувшаяся на родное пепелище. Стихотворение М.-М. отталкивается от библейского сюжета: повествование ведется от лица погибающей под обломками грешницы Содомы, на которую оглянулся обращенный в соляной столб ее возлюбленный.

Свободные и психологически убедительные стихотворения М.-М. с библейскими и евангельскими мотивами (книги «Страстная седмица», «О преходящем и вечном») развивают традиции русской религиозной лирики – от Ломоносова, Пушкина, Федора Глинки, Хомякова – задолго до ее «возрождения» в живаговских стихотворениях Пастернака.

«Иосиф Аримафейский, Лазарь, Никодим, Саломея, жена Зеведеева¹, Вифания, Назарет... Вокруг этих созвучий создалась веками атмосфера, которая сама по себе дает крылья нашей мечте и уносит нас за пределы, начертанные повседневностью»².

¹ Мать св. апостолов Иакова и Иоанна Богослова (Матф. 20, 20–23).

² Малахиева-Мирович В. [Рецензия на X книгу литературно-художественного альманаха «Шиповник»] // РМ. 1909. № 10. С. 236.

Дневник М.-М. перенасыщен литературными именами и цитатами: кроме уже упоминавшихся Толстого и Гуро, здесь и древне-египетские песнопения, и Архилох с Еврипидом, и немецкие цитаты из Новалиса, Гете и Гейне, и Шопенгауэр, и Эдгар По в переводе Бальмонта, и маркиз де Кюстин, и письма Флобера, и А. Рембо, и, конечно, «Стихи сочиненные во время бессонницы» и «Плещут воды Флегетона» Пушкина. Прочитав в 1946 г. японские хокку XIII в., М.-М. пишет, что она «стала “новоявленным хоккеистом”».

При всем этом полюса литературного притяжения М.-М. находились за этим пестрым рядом имен, ее поэтические пристрастия, сформировавшиеся в молодости, с годами менялись мало. Ей дороги поэты романтического склада – те, чьи «крылья души над землей поднимаются»¹: Лермонтов, Тютчев. Трехлетнему Диме Шаховскому она читает «Роланда», «Перчатку» Шиллера и «Кубок» в переводе Жуковского.

Особым светом озарен для нее Владимир Соловьев: «В дни общих тяжелых испытаний мы читали <...> с отцом Сережи <Шика>² его любимую книгу стихов. И в ней строки:

Смерть и Время царят на земле,
Ты владыками их не зови.
Всё, кружась, исчезает во мгле;
Неподвижно лишь солнце любви».

М.-М. выписывает в дневник «Отчего нельзя всё время / Чары деять, тихо ворожить» и последнее, предсмертное стихотворение Федора Сологуба («Бедный слабый воин Бога <...> подыши еще немного тяжким воздухом земным»³), самого близкого ей из симво-

¹ Цитата из стихотворения В.С. Соловьева «В Альпах» («Мыслей без речи и чувств без названия...»). «Есть стихи, прочтя которые, жалеешь, что не ты их написал. Вернее, удивляешься, что они не твои. Такое – для меня – стихотворение Вл. Соловьева “Мыслей без слова и чувств без названия” (16 ноября 1932); 29 июня 1952 г. М.-М. полностью переписывает его текст в дневник, повторяя: «Особенно близок моей душе». В 1931 г. цитирует еще одно соловьевское стихотворение («Друг мой, так же, как и ныне...»).

² Т.е. с М.В. Шиком.

³ 15 июня 1930 г.

листов¹; не только вспоминает опубликованные стихи Вяч. Иванова (о похоронах неразделенной любви²), но и копирует неизданную тогда даже за границей «Могилу» («Тот вправе говорить: “я жил”...»)³; с сочувствием цитирует «желал бы я не быть Валерий Брюсов», строки из «Пепла» и мемуарной прозы Андрея Белого⁴, «12» Блока⁵; вдруг находит листочек с переписанным «Шестым чувством» Гумилева. В этом далеком от нее поэте она умеет разглядеть «свои» темы (притяжение к загадке смертного часа, романтические мечты о путешествиях в неведомое, яркие образы ночных бессонниц):

Как тихо стало в природе!
Вся зренье она, вся – слух.
К последней страшной свободе
Склонился наш дух.

– «До чего созвучны мне эти гумилевские стихи, точно я сама их написала, точно родились они в тайниках моей души... И еще есть у него две “мой” строчки:

Неведомых материков
Мучительные очертанья.

---

¹ Стихи Сологуба М.-М. читала и Льву Толстому в Ясной Поляне (РМ. 1911. № 1. С. 160). Исследование, посвященное влиянию лирики Сологуба на М.-М. и сравнительно темы смерти у этих двух поэтов, обещает быть исключительно плодотворным и интересным. Надеемся, что оно непременно появится в будущем.

² 19 марта 1940 г. записывает его стихотворение «Всех похорон печальной...».

³ 28 апреля 1940 г., к сожалению, не уточняя, как к ней попал этот текст.

⁴ Его книге «На перевале: II. Кризис мысли» (Пб., 1918) посвящена последняя из опубликованных рецензий М.-М.: *Малахьева-Мирович В.* О кризисе сознания // Зори (Киев). 1919. № 1.

⁵ Тема «М.-М. и Блок» довольно любопытна: М.-М. расценила цикл Блока «На поле Куликовом» как неудачный (РМ. 1909. № 10. С. 235); одно из мест «Записных книжек» Блока (о «двух родах литературных декадентов», 1902) поразительно совпадает с таким же рассуждением в рецензии М.-М. на перевод «Цветов зла» Бодлера (РМ. 1909. № 9. С. 211–212); в дневнике Блока 1914 г. есть запись о необходимости вернуться к старым материалам «Русской мысли», среди которых упомянут мемуарный очерк М.-М. о посещении ею Льва Толстого в Ясной Поляне (неслучайный интерес, соотносимый со знаменитым признанием Блока, что ему «мешает писать» Лев Толстой). И отдельный ракурс темы: лирика М.-М., с ее мистическим освещением земной любви, может расцениваться как своеобразный женский «ответ» в рамках символистской поэтики на мужские стихи Блока о Прекрасной даме.

И еще – как хорошо!

В час моего ночного бреда
Ты возникаешь пред глазами,
Самофракийская Победа
С простертыми вперед руками»¹.

К Ахматовой она относится с заинтересованной настороженностью. процитировав ее

Земной отрадой сердца не томи,
Не прилепляйся ни к семье, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому,

М.-М. пишет: «хотелось бы знать, литература это у нее или же “линия движения”...»².

28 апреля 1950 г., после разговора с В.А. и М.В. Фаворскими о Хлебникове, М.-М. перечитывает его, выписывает близкие ей строки:

Нежец тайностей туч,
Я в сверкайностях туч.
Пролетаю, летаю, лечу.
Улетаю, летаю, лечу.
В умирайнах тихих тайн
Слышен голос новых майн
Я звучу, я звучу...

– и комментирует: «всё понятно мне». Продолжая выписки:

Мы чаруемся и чураемся,
Там чаруясь, здесь чураясь,
То чурахарь, то чарахарь,
Здесь чуриль, там чариль,

¹ 23 октября 1931 г.

² 29 апреля 1940 г. у знакомых происходит случайная встреча М.-М. с Ахматовой. «Через час после встречи для меня уже было так непостижимо, почему я так восторженно обрадовалась ей. ... (А что увидел ты, Мирович, когда так охмелел и затрепыхался и не знал, что делать?)».

– парадоксальным образом недоумеает: «Но почему Хлеб<ников> изгнал музыку из своих вещей?»¹. Музыкальность для М.-М. – в полном соответствии с символистическим канонem (верленовской «музыкой прежде всего») – первая черта подлинной поэзии. Споря с Толстым, М.-М. говорит: «У поэта мысль рождается из мелодии, которая звучит уже почти готовыми музыкальными созвучиями»².

Показательно, как наполняется символическим содержанием «хрестоматийная» цитата из М.А. Кузмина, попадая в неожиданный контекст привычных размышлений М.-М.: «Так вот для чего аскеза: для независимости. Но ведь есть и другие пути, кроме аскезы. Конечно, не с бифштексом (так сказал какой-то пастор: “мое христианство с бифштексом”). Бифштекс, пожалуй, можно есть – хотя лучше не есть – но надо, чтобы он знал свое место. “Шабля во льду, поджаренная булка” Кузмина уже тем, что попали в стихи – вытесняют “христианство”. Но в Кане Галилейской было вино и ничему не мешало»³. Кузминская булка как символ непреодоленных земных слабостей и снижающая деталь становится атрибутом иронического автопортрета М.-М.: «...над самым Мальстремом повис, ухватившись за какую-то сухую ветку, Мирович, с *поджаренной булкой* во рту, не выпуская из подмышки разрисованных им абажуров и тетради “О преходящем и вечном”»⁴.

Другие «преодолевшие символизм» для М.-М. остались малоценны: «Поэзия – настоящая – не Мандельштамов и Пастернаков, именно тем и важна, что дает чувство реальности того мира, о котором говорит

---

¹ В той же записи: «В<ладимир> Ан<дреевич>, опираясь на покойного художника Бруни, но исходя тоже из своего впечатления – на столе у него я видела книгу Хлебникова – считает его крупным художником слова, новатором, не признанным, пот<ому> что новизна его подхода к творчеству в этой области не по плечу современникам. Я говорила, поскольку знакома с Хлебниковым, о психиатрической стороне его книг и его самого (сталкивалась с его средой через Е. Гуро и Каменского, лицом к лицу с ним всего два–три раза, и совсем молча). Талантливости его и тогда не отрицала, и теперь ее признаю, но мне она кажется покушением “с негодными средствами” выразить то, что по существу *в слове*, также и в других искусствах, невыразимо. Вспомнились попытки других футуристов что-то сказать (знала лично Матюшина), искажая, переставляя даже черты лица, соотношения всех частей человек<еского> тела или даже прибавляя к полотну картин рядом с красками клочков материи, соломинок, каких-то дощечек, колосьев и т.п.»

² Малахеева-Мирович В. В Ясной Поляне // РМ. 1911. Кн. 1. С. 161.

³ 11 декабря 1930 г.

⁴ 9 мая 1939 г.

символика образов поэта и музыка формы, в какую они отлиты. “По небу полуночи ангел летел”, – рассказывает нам Лермонтов. И когда мы слушаем его, нам ни на минуту не приходит в голову, что это выдумка. Скорее мы сами, каковы мы в данной форме существования, нереальны, потому что преходящи, изменчивы, конечны. Полуночь, та, в какую летел Лермонтовский ангел, и сейчас вот есть, и ангел есть, и несет он, как тогда, когда увидел его Лермонтов, “душу младую” “для мира печали и слез”»¹.

С революционной поэзией М.-М. сталкивается в процессе занятий с сыном Аллы Тарасовой Алексеем: «Читали с ним Демьяна Бедного (задали в школе) “Улица” – сухонько, безвкусно, способно расхолодить какого угодно энтузиаста революции. Попутно – Маяковский. Груб так же. Но это – сила. И талант. А Демьян – виршеплет, Тредьяковский от революции».²

Авторы, дебютировавшие после 1917 г., практически не попадают в ее поле зрения. По крайней мере, в дневнике из них не названо ни одно имя³. Современная, советская поэзия ей, конечно, чужда своим содержанием и пафосом: 8 ноября 1930 г. (т.е. на другой день после государственного праздника тринадцатой годовщины Октябрьской революции) она пишет об этом:

Прилетели новые птицы
И запели новые песни.
Старой птице в их ряд тесниться,
Песни их распевать неуместно.

Но в глубинах темного леса,
Если больно и плохо спится,
Допевает в глуши безвестной
Свои песни старая птица.

¹ 9 июля 1934 г.

² 17 апреля 1935 г.

³ Единственное исключение – Ольга Мочалова, которая ее интересует исключительно как тип женщины с несложившейся судьбой: «все “завидев, спешат перейти на другую сторону”. Содействует этому и внешность – стерлядка, замаринованная в узкой банке во весь рост. И стихи похожи на инкрустации из рыбьих костей – в манере Пастернака, но без его мастерства. Одиночество, уже непоправимое – “ушли года”. Красные глаза в сложных очках – болезнь глазных суставов. Хроническая голодовка. Так называемая “личная жизнь” спрятана в какой-нибудь дальний угол, в мечту, в безнадежность».

Огромный объем написанного М.-М. с неизбежностью ставит вопрос о неравноценном качестве ее письма, порой весьма небрежного, не стесняющегося трафаретных словосочетаний, воспроизведения романских клише¹, как бы игнорирующего проблему формы и качества². Возможно, это следствие внутренней установки на «главное» в жизни, на ее философское постижение, на фиксацию чувства и размышления, а не на способ выражения мысли. Из великой русской литературы XIX в. ею усваивается сосредоточенность на вопросах «почему? зачем? что?», а ответ на вопрос «как?» ею находится всегда интуитивно и никогда не становится предметом отдельной рефлексии. Именно поэтому М.-М., прожившая жизнь профессионального литератора, остается поэтом-дилетантом.

«Глубинные жизни духа, определяющие внутренние наши пути»³ – вот что всецело занимало М.-М., при этом интерес к конкретному слову, к особой природе словесного, поэтического искусства никогда не становился предметом ее специальных размышлений. Огромная читательская культура, глубокая память самого стиха, и почти полное равнодушие к внешнему – и как одному из его проявлений – внешней форме стиха. Характерное для доакмеистической эстетики восприятие поэзии как жизни души (а не как особого искусства) – со всеми вытекающими из этого последствиями. Ей чужд акмеистический «упор на традицию мастерства»⁴, в ее стихах отсутствует образ читателя, не осуществляется моделирование возможной аудитории.

¹ И шире – узнаваемых формул русской классической поэзии. Случайный пример: последняя строка стихотворения «Сон от глаз бежит. Бессонница...»: «Суетливый утра шум» – ритмически копирующая пушкинский «однозвучный жизни шум...» («Дар напрасный, дар случайный...»); подобных примеров можно найти очень много.

² «Невольник вдохновенья, он всю жизнь торопился обогащать родную литературу сокровищами своего духа, не успевая заботиться об ювелирной отделке романов и поэм, как бы чувствуя всегда, что беспощадная смерть вот-вот оборвет его творческий подвиг на полуслове», – не исключено, что, создавая этот собирательный образ графомана в «Новейшем Плутархе», Даниил Андреев немного имел в виду и М.-М. (Андреев Д. Собр. соч. Т. 4. М., 2006. С. 58)

³ Малахеева-Мирович В.Г. О смерти в современной поэзии // Заветы. 1912. № 7. С. 99.

⁴ Сегал Д.М. Указ. соч. С. 521.

Вместе с тем, вне поэтических деклараций, интуитивно, ей присуще вполне характерное для рефлектирующего поэта внимание к отдельному слову, вслушивание и вглядывание в него. В июне 1920 г. М.-М. бредит во время болезни: «Страшное слово: “Мра-мор”. Мрамор. “Решето” – скверное слово. А есть такие чарующие слова: кристалл – ... Хорошее спокойное отчаяние»¹. В стихотворении 1928 г. «Ужасное слово “массы”. / Алмазный звук – “человек”». Запись в дневнике 21 июня 1950 г.: «Надоело слово “веранда”. И никогда не нравилось. Что-то в созвучии его претенциозное, напыщенное». В дневнике М.-М. размышляет над некоторыми неологизмами Белого, фиксирует услышанные областные и просторечные выражения. Поэтический словарь ее поразительно богат: от незафиксированного в словарях слова «питиво» (кроме нее его употребил однажды А.К. Толстой), редчайших «хризалиды», «безоара», к индивидуальным неологизмам («казематно-душные» (стены), «провально-талая» (дорога); «перетоншили»); пронзительно ее стихотворение, построенное на обыгрывании детских первых слов, образованных повтором первых слогов («Поломан якорь...»).

Редкая запись: «Проснулась с мыслью о том, что такое поэзия, что такое поэт... И как это часто со мной бывает, открыв “Письма Флобера”, натолкнулась на ответ, который до какой-то степени удовлетворяет меня: поэтическая манера – особая манера воспринимать внешний мир, спец<иальный> орган, который просеивает материю и, не изменяя, преобразует ее».

Сказанного достаточно, чтобы подвести итог: декларативно оставаясь в рамках символизма, М.-М. ушла в своей лирике далеко за его пределы (или продемонстрировала возможности новой жизни символизма) в эпоху, когда он уже перестал существовать в сознании новых поэтических поколений как живая система.

8

Вот что М.-М. думала о своих стихах: «Домашнее рукоделие. Не-что вроде той попугайной кофты, которую вышивала лишь для того, чтобы не сидеть бездвижно, как паралитик, чтобы занять часы. Как на эту попугайную кофту в области духа, смела я смотреть на детей моей

¹ Бессарабова. Дневник. С. 319.

души. И хуже: смотрела на них как на мертворожденных. Сегодня, после строго объективного просмотра, вдруг с сильно забившимся сердцем, поняла: они живые. И будут жить. Через какие-то сроки после того, как я уйду из видимого мира, они в нем появятся – не очень заметные, скромные, не в парадных одеждах. Кое-кто и вовсе безвкусно одетый. Но все имеющие право на жизнь и право голоса в ней. Живые.

Вот в этом шкафу Алешиной комнаты наряду с Есениным, с Ахматовой, с Балтрушайтисом и т.д. будет стоять книжка строк в 200–300. Ее будут читать и некоторые даже будут ее любить. Женщины. Или очень женственные мужчины. И те из них, кто любит загадку женских душ. Я далека от мысли, что “слух обо мне пройдет по всей Руси великой” в Пушкинском смысле. Но не удивилась бы, через 50 лет застав мою книжку на столе у таджички или удмуртки. У тех, может быть, очень немногих из них, с кем созвучны струны моей души. Я как будто слышу уже их отзвук, их ответ, их “да” тому, что жил-был на свете Мирович. И даже не это. Главное – встреча, посмертная встреча. Великое таинство братского общения»¹.

В книге, которую вы держите в руках, 15 тысяч, а не 200–300 строк. Надежда М.-М. на встречу с читателем сбылась.

Татьяна Нешумова

---

¹ 17 декабря 1938 г.

КОММЕНТАРИИ

В настоящую книгу вошли избранные стихи В.Г. Малахиевой-Мирович. В основу положено составленное и переписанное О.А. Бессарабовой в 1934 г. собрание, авторизованное М.-М. Оно занимает 11 общих тетрадей, включающих в общей сложности около 4 тысяч стихотворений. Кроме того, учитывались стихи, записанные самой М.-М. в дневник, и немногие опубликованные тексты. Если в комментарии не приводится иной информации, источниками текстов являются списки О.А. Бессарабовой. Орфография и пунктуация (минимизированная у М.-М. и в записях Бессарабовой) в основном приведены к современной норме, с сохранением некоторых особенностей авторского стиля.

Композиционно стихи распределены таким образом: 1. Ранние стихи (1883–1915). 2. Книга «Монастырское» и два прилегающих к ней более поздних стихотворения. 3. Стихотворения 1916–1930 гг. 4. Стихотворения из непечатных авторских книг (1915–1931) – выбраны из записанных в хронологической последовательности стихотворений, имеющих специальные пометы об их отнесенности к той или иной книге. 5. Поздние стихотворения 1931–1953 гг.

РАННИЕ СТИХИ (1883–1915)

- С. 7. «**Задумчиво стою у райского порога...**». Записано в дневнике 26 марта 1953 г.: «Вспомнилось сейчас гимназических лет стихотворение... Следовательно, этим строчкам около 70 лет от роду».
- С. 7. «**Кончен день бесполезной тревоги...**». В дневнике 10 июня 1952 г. с пометой: «65 лет назад, в гимназические годы написанное стихотворение». 21 апреля 1953 г. записана еще раз последняя строфа с изменением в предпоследней строке: «Солнце, солнце! Зачем ты всходило». В записи 12 июня 1949 г. вариант предпоследней строки: «Тщетно солнце святое всходило».
- С. 7. «**Тихо плачут липы под дождем...**». Записано в дневнике 29 июля 1949 г.: «У этих робких, бледных, маловыразительных строк <...> оказалось могущество перенести 80-летнюю старуху <...> в ту бархатно-чудную ночь».

С. 8. **«Как тихо. Оливы сплетают...»**. Список рукой О. Бессарабовой на отдельном листке, не попавшем в основное собрание. *Оспедалетти* – итальянский курорт на Ривьере. М.-М. оказалась там, будучи гувернанткой детей Даниила Григорьевича и Софьи Исааковны (сестры Л. Шестова) Балаховских.

С. 8. **«В серебре пушистом инея...»**. Дневниковая запись 22 февраля 1951 г.: «Больше чем полвека тому назад <...> Вспомнилось стихотворение моей киевской еще молодости про метель. В рождественском приложении журнала (название его забыла). Оно имело успех в среде моих “почитателей”. Помню, как один из поклонников <...> долго встречал меня строчкой из этого стихотворения “Как живется, Царица Ель”, а иногда и “Царица Метель”». В записи О. Бессарабовой стихотворение короче на две строки. Последние строфы здесь:

С визгом, с ревом, с завываньем
В чаще эхо вторит ей.
Вся от ужаса шатается
На лесной опушке ель.

И над нею издевается
С долгим хохотом метель.

С. 10. **«Шевелится дождик под окном...»**. Имение Олешня (в дневнике М.-М. пишет: Алешня), приобретенное участником русско-турецкой войны, генералом Ф.Ф. Линдфорсом в Городенском уезде Черниговской губернии. «Линдфорсы, давно обрусевшие шведы, в крови которых жили и шотландцы – Латри, – и еще какие-то западноевропейцы и украинцы, были очень известной в те годы украинофильской семьей в Киеве. Семья состояла из четырех девушек, двух девочек и одного подростка-мальчика» (запись в дневнике М.-М. 9 сентября 1934 г., в которой даны развернутые портреты старших сестер Ольги Александровны и Зинаиды Александровны Линдфорс и их родных).

С. 10. **«Я люблю полусон...»**. Записано в дневнике «спустя 45 лет».

С. 11. **Осенью (I. «Тихо шиповник коралловый...», II. «Золотясь и пламенно краснея...»)**. Опубликовано в петербургском журнале «Книжки недели» (1897. № 11. С. 63–64). Подпись: В.М. В собрании сочинений М.-М., переписанных О. Бессарабовой, дата и место первого стихотворения (очевидно, по памяти) даны ошибочно: «1902. Пены». Ср. дневниковую запись: «А некогда – было мне тогда около 30 лет – я именно руки свои пожалела до слез. Был тяжелый душевный кризис, мысли о самоубийстве как о единственном выходе. Я стояла на крыльце летней ночью (в Пенах Курской губернии), полуодетая, и думала о том, какие существуют способы покончить с жизнью: поезд, отравка, река. – И вдруг

обратила внимание на свои руки. Молодые, стройные, в лунном свете мраморно-белые, они показались мне необыкновенно прекрасными. И до того стало жалко предавать их тлению, что хлынули слезы и на время унесли план самоубийства». Опубликованный вариант незначительно отличается пунктуацией и последним глаголом («оживить»).

- С. 12. **Жанна Аскуэ** («**Заря алеет над горами...**»). Опубликовано в журнале «Книжки недели» (1898. № 3. С. 119–120). Подпись: В.М.
- С. 13. **Сумерки** («**...Часы таинственной отрады...**»). Первое стихотворение триптиха, опубликованного в журнале «Книжки недели» (1898. № 5. С. 70–71). Подпись: В.Г. Малафеева.
- С. 14. **Белая ночь** («**По Неве, где даль речная...**»). Одно из пяти стихотворений, опубликованных в журнале «Книжки недели» (1898. № 6. С. 64–66). Подпись: В.Г. Малафеева. Еще «Два стихотворения» под той же подписью см. там же (1899. № 1. С. 54–55).
- С. 15. «**В полдень жарко смола растворяется...**». Это стихотворение М.-М. записала в дневнике 16 августа 1949 г. и 27–28 июня 1952 г. Здесь различия по сравнению с вариантом О. Бессарабовой: глагол в 6 строке («склоняются»), начало 11 строки («В полдень пчелы...» – в записи 1952 г.).
- С. 17. «**Седая изморозь ложится на траву...**». «Было напечатано в отрывном календаре» (записано в дневник 10 июня 1950 г.).
- С. 18. **В камышах** («**Там, в тени речного сада...**»). Опубликовано в журнале «Русская мысль» (1902. № 6. С. 214).
- С. 19. «**Когда живешь в своей пустыне...**». Опубликовано в журнале «Русская мысль» (1902. № 8. С. 188).
- С. 19. «**Белеют призрачно березы...**». Опубликовано в журнале «Русская мысль» (1903. № 3. С. 176).
- С. 20. «**О, Боже! Плотскими ли смотришь очами...**». Четвертое стихотворение цикла «Из книги Иова», состоящего из девяти стихотворений. Датировка этого и следующего стихотворения по записи М.-М. в тетради ее воспоминаний о М.В. Шике, где рассказывается, с каким жадным вниманием он, еще 15–16-летний гимназист, слушал в салоне своей матери чтение только «вышедших в печать стихотворных переложений из Иова и Экклезиаста», выполненных М.-М. Разыскать публикацию не удалось.
- С. 20. «**Суета и томление духа пустое...**». Первое из цикла «Из книги Экклезиаста», состоящего из одиннадцати стихотворений. Ко всему циклу предпослан эпиграф «Суета сует, сказал Экклезиаст. / Суета сует и всё суета».

- С. 21. **«Испугано сердце твоей красотою...»**. *Кудиново* – село в Ногинском районе Московской области. Ср. записи в дневнике М.-М.: «Вспомнился Кудиновский лес – ландышевые аллеи, кукушки, черника. Это был очень несчастливый этап моей личной жизни» (13 августа 1931 г.); «В Кудиновских лесах (возраст за 30 лет) – определенный зрительный образ, возникавший при неожиданной тревожной переключке птиц, летящая через лес низко над землей молодая женщина в зеленом одеянии, с зелеными глазами, с зелеными волосами. В каждом лесу и всегда ощущение затаенного присутствия стихийных духов» (8 июля 1940 г.).
- С. 23. **Цюрихское озеро («Словно опал драгоценный...»)**. Второе стихотворение из триптиха «В горах».
- С. 24. **«Я умираю, умираю...»**. В дневнике 12 января 1946 г. записано с названием «Хризалида» и пометой «лет 30 или 40 назад написанное». Здесь различия: в 5-й строке: «всё реже», в 10-й: «Тревога каждый миг растет». 12: «и зовет...». Повторные записи 29 декабря 1948 г.; 6 декабря 1951 г. с комментарием: «Здесь отразился лично мне несвойственный, очень растянутый период угасания жизни стареющих людей, чуждых пробуждения к обновлению жизни, кот<орое> ощущается ими только в миг так наз<ываемой> *смерти*». В записи 7 января 1951 г. к словам «могильный сон» сделано примечание: «Отсутствие сознания, что сон этот – переход в инобытие». Стихотворение здесь припоминается в связи с чтением предсмертного дневника Л.Н. Толстого: «Он записывал в этом дневнике чувства, мысли и последние касания к жизни по эту сторону могилы. Могила в данном случае – хризалидное состояние». 17 сентября 1952 г. еще одна запись этого стихотворения. Здесь с названием «Хризалида». Вариант начала 7 строки: «Все помышленья».
- С. 24. **Перед грозой («Темные ризы у Господа...»)**. Опубликовано в журнале «Русская мысль» (1908. № 1. С. 11).
- С. 25. **Три парки («Вынула жребий Лахезис слепая...»)**. Опубликовано в журнале «Русская мысль» (1908. № 1. С. 12). *Парки* – три богини судьбы в древнеримской мифологии. В древнегреческой им соответствовали три мойры: *Лахезис* (прядет нить человеческой жизни), *Клото* (наматывает кудель на веретено, распределяя судьбу), *Атропос* (перерезает нить жизни).
- С. 25. **«Не всё ли равно, где умирать...»**. Записано в дневнике 4 сентября 1948 г. с пояснением: «Давнее стихотворение, лет 40 ему».
- С. 25. **«Опасно сердце открывать...»**. Записано в дневник 4 апреля 1947 г. с пометой «старинное мое стихотворение».
- С. 26. **«Мой спутник, светлый и таинственный...»**. *Крюково* – подмосковный поселок. Здесь располагался санаторий Е.Н. Рукавишниковой

и доктора медицины Н.А. Вырубова, в котором М.-М. восстанавливала здоровье (сердечные припадки и расстроенную нервную систему) в 1911 и 1913 гг.

- С. 27. **«Колыбель моя качается...»**. Записано в дневнике 11 января 1945 г. со словами «это стихотворение посвящается Ольге» (Бессарабовой), 28 апреля 1950 г. (с комментарием: «Хлебников сказал бы об этом совсем иначе»), 20 июля 1952 г. с пометой «лет тридцать, а м.б., и сорок тому назад появившиеся на свет строки».
- С. 29. **«Если с ветки упала жемчужина...»**. Символический смысл, вкладываемый в образ «жемчужины», раскрывается в дневнике М.-М. К своей записи о последней встрече с Шингаревым она делает специальное примечание: «После Гнездиловки мы с Андреем Ивановичем увиделись последний раз в Воронеже. “Выпала жемчужина из нашей встречи, – сказала я, – нам больше ее уже не найти”. “Что же делать, – сказал он глухо, – да, я и сам их не хочу” <...> Жемчужиной мы называли ту близость, легкость, простоту и открытость в наших отношениях, какая сразу установилась у нас» (запись 12 ноября 1933 г.).
- С. 31. **«Когда сознание не вмещает...»**. Стихотворение связано с пережитым летом 1913 г. состоянием на грани нервного срыва: «Я застал ее в постели с осунувшимся лицом. Она слаба и телесно худо себя чувствует. И меня неизменно трогает и поражает, как она умеет невредимо для духа переносить свои болезни. Она в кротком и ясном состоянии духа, открытом ко мне. Но доктор сказал, что еще третьего дня у Варв<ары> Григ<орьевны> были часами состояния, заставлявшие его опасаться длительного психоза. Мой приезд оживил ее. Через некоторое время она встала, и я отвел ее на ближайшую лесную опушку посмотреть на облака и подышать воздухом полей. Мне было хорошо говорить с ней и ее слушать. В субботу надо будет перевезти В.Г. в город. Срок ее пребывания в санатории кончается. Хорошо бы ей побыть еще недели 2, чтобы поправиться, но на это не хватает денег. Санаторий очень дорог. Кажется, В.Г. будет можно поехать к друзьям в Финляндию около Териок у моря. Там будет за ней уход, пожалуй, лучший, чем в санатории. Ее тяготят чужие люди»; «Я нашел, что за время, пока я не видел ее, произошло значительное ухудшение, и, гл. обр., в области психики. Вчера с ней бывали бредовые состояния, которые, как всегда у нее бывает, сменяются полной бодростью и ясностью душевной». (Шик М.В. Из писем к Н.Д.Шаховской от 14 августа и 4 сентября 1913 г. – Семейный архив Шиков и Шаховских). «Неужели те обеты, те упования, та милость Божья, кот. была мне оказана, тот путь, какой мы прошли с Тобой в Крюкове – всё было напрасно?» (из письма М.-М. к Шикуну 31 октября 1915 г. – Семейный архив Шиков и Шаховских).

- С. 33. **«Кипят мои наговорные травы...»**. Эти стихи знали наизусть ученицы М.-М.: см. Бессарабова. Дневник. С. 483.
- С. 34. **«Смотрит месяц к нам в окошко...»**. *Лурье Татьяна Семеновна* (1894?–1935) – дочь С.В. Лурье (о нем см. в послесловии), воспитанница М.-М., участница «Кружка радости». См. о ней: Бессарабова. Дневник. (По ук.)
- С. 34. **«Мне снится часто колыбель пустая...»**. В дневнике 12 декабря 1951 г. М.-М. вспоминает это стихотворение как ответ на вопрос: «По вашему желанию или против вашего желания у вас в брачные годы не было ни одного ребенка?»
- С. 34. **«Когда в полночный час младенца Самуила...»**. Стихотворение зачеркнуто. Возможна связь с библейским сюжетом рождения пророка Самуила у святой пророчицы Анны, страдавшей бесплодием и давшей зарок, если Бог пошлет сына, посвятить его Господу «на все дни его жизни».
- С. 35. **Упавшей сосне («Конец и бурям, и покою...»)**. *Елена (Элеонора) Генриховна Гуро* (1877–1913) – поэт, прозаик, художница. О дружбе М.-М. с Гуро см. в послесловии. Эпиграф – цитата из книги: *Гуро Е.* Шарманка. СПб., 1909. С. 79 (у Гуро: «Упала сосна. Триста лет стояла она и упала сегодня ночью»).
- С. 35. **«Ловлю потаенные знаки...»**. *Уси Курка* (Уусикиркко, фин.) – Новая Церковь. Село до 1939 г. входило в состав одноимённой волости Уусикиркко Выборгской губернии Финляндии. С 1948 г. переименовано в Поляны, поселок в Ленинградской области. Здесь была дача Е. Гуро, где она и скончалась в апреле 1913. Над ее могилой М. Матюшин сделал крест из сосны. Это и предыдущее стихотворение М.-М., видимо, написаны на смерть Е. Гуро.
- С. 36. **«Паруса утопают крылатые...»**. *Гунгебург* (нем.) – до 1922 г. официальное название курортного эстонского городка Нарва-Йыэссу (довольно популярного: здесь, например, познакомились девочки Аня Горенко и Валерия Срезневская).
- С. 38. **«Мы утонули в свете первозданном...»**. *Удриас* – дачное место Эстляндской губернии, Везенбергского уезда, на берегу Финского залива. Соседствуя с Силломягами, Меррекюлем, составляет непрерывный ряд дачных местностей, тянущийся вдоль южного берега залива.
- С. 39. **Страсть («Отовсюду веют, реют крылья...»)**. 14 апреля 1949 г. М.-М. записывает первую и последнюю строфы и комментирует: «Я поняла, что в Любви (с большой буквы) может одухотвориться ее чувственная сторона,

перестать быть чувственной (Встреча с М.[В. Шиком])». 18-19 февраля 1952 г. М.-М. писала в дневнике, что запечатленный в стихотворении «чувственный момент благодаря повышенному религиозному состоянию души даже и Л.Н. Толстой не осмелился бы свести к “похоти”». «*Иже херувимы*» – первые слова из православной литургической «Херувимской песни». О *Михаиле Владимировиче Шике* (1887–1937) см. в послесловии.

- С. 39. «**Все триедино во Вселенной...**». Опубликовано в журнале «Русская мысль» (1914. № 10. С. 106).
- С. 40. «**Кораблик белый...**». *Романова Анна Васильевна* (урожденная Вышневецкая, 1873–1968) – подруга М.-М. Первая жена писателя Пантелеймона Сергеевича Романова. В 1920-е гг. стала духовной дочерью о. Сергия (Мечева). Взяла на себя заботу о воспитании четверых детей Мечевых, оставшихся в 1932 г. на попечении родных – после ареста священномученика Сергия, а затем и его жены. Работала в Земской управе, затем в Центральном Статистическом Управлении. См. о ней: *Бирукова Е.Н.* Душа комнаты (Московский журнал. 2004. № 8); Бессарабова. Дневник. (По ук., особенно с. 698–699). Документально подтверждено (письма М.В.Шика Н.В. Шаховской, семейный архив Шиков и Шаховских) пребывание М.-М. (и Шика) в Варшаве в марте-апреле не 1913, но 1914 г.; однако в списках О. Бессарабовой под стихами дата «1913».
- С. 41. «**Милый друг, мне жизнь не полюбить...**». Второе четверостишие записано в дневник 6 марта 1949 г. с переменной в третьей строке: «Пусть моим не будет никогда». *Лазенки* – прекрасный ландшафтный парк в Варшаве. В стихотворении описан знаменитый «Дворец на водах» в Лазенках.
- С. 42. «**Как вожделенна страна познания...**». Опубликовано в журнале «Русская мысль» (1914. № 10. С. 105).
- С. 43. «**Запустил мое окошко...**». *Яхонтово* – тульское село. Ср. запись в дневнике М.-М., сделанную после известия о смерти Пантелеймона Романова: «Так мало и бледно написалось о смерти Романова. Хотела отметить некоторые наши встречи, разговоры, некоторые из мыслей его. И не выйдет, чувствую. А ведь в прошлом был это друг. Были длинные прогулки ранней весной в Яхонтове (именно его крестной матери). Были зимние вечера там же, во время которых так много и доверчиво делился он со мной всем, что видел, слышал, передумал за свои 25 лет» (12 апреля 1938 г.).
- С. 45. «**Чужой души таинственный порыв...**». Эпиграф – неточная цитата из стихотворения А. Блока «Ужасен холод вечеров...» (правильный текст:

«Холодная черта зари – / Как память близкого недуга / И верный знак, что мы внутри / Неразмыкаемого круга»). *Как поле мертвое во сне Езекииля* – см. Книга пророка Иезекииля. 37, 1–14.

С. 45. «**Держи неослабной рукою...**». Цитата из «Откровения Иоанна Богослова» (полный стих: «Се, гряду скоро; держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего»).

С. 46. «**Каким безумием движенья...**». *Коневской Иван Иванович* (наст. фам. Ореус; 1877–1901) – поэт-символист. Эпиграф – измененная цитата из стихотворения Коневского «Genius» (1899):

Не хочу небывалого, нового существования.
Я влюблен и в земные породы, и в зелень дерев.
Но мучительно-тягостно тело, его основания
И тяжелая кровь.

И за юною птицей, что плавает в шири
Тех великих воздушных морей,
Я давно унестися пытаюсь... Я в мире
Всё быстрее и быстрее!

На земле – там и соки дубрав, там и трав ароматы,
Там и шум плодоносно-кипящей весенней любви.
Этой жизненной страстью и в воздухе жилы объаты.
Но меня ты к себе не зови:

Я и сам налечу на тебя, вселюбивая дева,
О рабыня всей тяги трудов!
Но тогда же услышишь в поднебесье взмахи напева,
Что свободен от нежных тисков.

В год создания стихотворения М.-М. С. Бобров писал об И. Коневском: «Поэт сей теперь, через какие-нибудь 11 лет после своей смерти – забыт, забыт совершенно. Знать пару стихотворений его из старых альманахов – это редкая утонченность» (Бобров С. О лирической теме // Труды и дни на 1913 год. Тетрадь 1 и 2. С. 135).

С. 47. **Ночь** («Мне сладко спать, но слаще умереть...»). Записано в дневник 30 июня 1952 г. с пометой: «Мой перевод в дни моего увлечения переводом сонетов М. Анджело». В 1913 г. вышел выполненный М.-М. перевод объемной монографии Г. Грима «Микель-Анджело Буонарроти» (СПб., 1913–1914. Т. 1).

С. 47. «**Как зрелый плод на землю упадет...**». Записано в дневнике 2 января 1950 г. с пояснением: «Сердце здесь <...> как залог так называемого “счастья”, как вместилище “страстей” и “похотей”». В копии О. Бессарабовой, сделанной в 1930-е годы, есть отличия: *последнего* стебля, жаждет дух *преображенья*.

- С. 48. **«В полярный круг заключена...»**. В дневнике 26 января 1953 г. стихотворение записано с заменой некоторых слов: начало 3-й строки: «Меж ледяных», конец 5-й строки – «посмеет утверждать», конец 8-й строки: «к Нему дорога».
- С. 49. **«Птицей залетной из края чужого...»**. В дневнике 19 февраля 1948 г. это стихотворение записано по памяти с изменением в конце 6-й строки: «прощальным лучом» и пояснением: «оно посвящалось другу-спутнику моему Михаилу [Шику. – Т.Н.] – в один из периодов 12-летнего сопутничества нашего, когда, как ни пленял храм, который мы внутренне пытались воздвигнуть, как дело и как цель нашей жизни, я больше всего начинала чувствовать себя “залетной птицей” – вообще на этом свете».
- С. 51. **«О, как мне странно, что я живу...»**. В списке Бессарабовой, по-видимому, описка: 1913. Датируется по окружающим это стихотворение текстам 1915 г. *Заглухино* (Верхнее Заглухино) – деревня в Тульской области.
- С. 51. **«Я знаю ужас низвержения...»**. Это и последующее стихотворения под номерами V, VIII входят в один цикл, не имеющий названия, посвященный Михаилу Ивановичу Лаврову (1877–1915), погибшему при катастрофе самолета «Илья Муромец», сбитого зенитной батареей во время Первой мировой войны.
- С. 52. **«Могильное упокоенье...»**. В дневнике от 18 июня 1949 г. записано с переменами во 2-й («курганы синие»), в 7-й («и жгучей пыткой объято») строках и пояснением: «О неправдоподобном моем «романе» с д<окто>ром П<етровским> через год или два после разрыва с ним» (связь длилась 4 года (с ее 32-х), от Петровского М.-М. мечтала иметь детей, но он был женат и однажды написал ей: «Меня пленила и пленяет душа Ваша (!), но любовь и страсть тела – мой злой демон – и поскольку Вы будите его во мне, я должен от Вас отдалиться»): «Этот “бред чужого сна” никогда не вспоминается и встает в памяти души лишь отвращением к этому бреду (даже не к герою его, а к своей роли в этом “бредe”)»). Сложно согласовать датировку стихотворения, вытекающую из этого автокомментария (около 1907 г.), с фиксированной датой (1915 г.) в записи О. Бессарабовой.

МОНАСТЫРСКОЕ

Стихи, составившие книгу «Монастырское» (М.: Костры, 1923), датируются 1915 г. (эта дата напечатана под последним стихотворением, что, вероятно, указывает на дату создания стихотворений всех книги). Книга отпечатана

в типографии «Товарищества Книгоиздательства Писателей в Москве», в количестве 1500 экз. Обложка работы М.В. Фаворской; марка издательства работы Н.Н. Вышеславцева. В 1994 г. книга была переиздана О.Б. Кушлиной (СПб.). Автографов и списков в архивах М.-М. и О. Бессарабовой не сохранилось. Печатается по экземпляру, принадлежавшему Е.Я. Архиппову (ныне в собрании Л.М. Турчинского), с исправлением явных опечаток. Литераторы в оценке книги разошлись. Исключительно высоко ценил ее поэт А.В. Звенигородский: «с нею не расстанется – она у него всегда в боковом кармане сюртука», – писал Д.С. Усов в 1927 г. (*Усов Д.С.* «Мы сведены почти на нет...». Т. 2. Письма. Изд. подгот. Т.Ф. Нешумовой. М., 2011. С. 440). «Слабыми стихами» назвал книгу в письме 1923 г. к Шестову Гершензон (*Гершензон М.О.* Письма к Льву Шестову (1920–1925). Публикация А. д'Амелиа и В. Аллоя. Минувшее. Вып. 6. М., 1992. С. 291).

- С. 57. **«На дверях у них три пустые катушки...»**. Предположительно: одна из Даш – опечатка, правильно: Маша («три белошвейки» – Даша, Маша и Фленушка). Формы «стихири», «вечеры» с нарушением современных Мирович грамматических норм (правильно: «стихиры», «вечери»).
- С. 58. **«Всю ночь нынче соловушек...»**. *Синелевый куст* – куст сирени. *Брама* – ворота.
- С. 60. **«Зашумели снега ручьями узывными...»**. *Узывный* – от «узывать», являющегося окказиональным синонимом глагола «звать».
- С. 64. **Рясофорные**. *Рясофор* (рясофорная послушница) – носящая рясу, первая степень монашеского пострига. При пострижении в рясофоры послушник изменяет свое мирское имя и даёт единственный обет – послушания. Рясофорный послушник (рясофорная послушница) сохраняет мирское имя и волен в любое время прекратить прохождение послушничества и вернуться к прежней, мирской жизни, что для монаха, по православным канонам, уже невозможно.
- С. 64. **«Ударила в колокол мать Аглая...»**. *Воскрылия* – подол верхнего церковного облачения священнослужителей.
- С. 64. **«Росами Твоими вечерними...»**. *Смоковница*, *Богом проклятая* – Матф., 21: 19; *Дочь Иаира от смертного ложа воззавший* – Марк, 5: 21-24; 35-43; Лука, 8: 41, 42, 49-56.
- С. 65. **«За высокою нашей оградой...»**. *Крин* – лилия.
- С. 67. **«Такая лежит она пригожая...»**. *Глазетовый* – от глазет (фр. *glace* – лощеный) – ткань, похожая на парчу, с шелковой цветной основой и узорами из золота и серебра.

- С. 69. **«Золотые маковки обители...»**. *Повечерие* – церковная служба после ужина.
- С. 70. **«Расписала Аннушка игуменье писанку...»**. В авторизованной машинописи (Семейный архив Шиков и Шаховских) это стихотворение отличается от печатного последним словом 2-й строки: «воскресе» и заменой слов «Божьей Матери» на «Богоматери» в 8 строке.
- С. 70. **«Гроздия белого инея...»**. *Скиния* – древнееврейский переносной походный храм, шатер; здесь: обитель.
- С. 74. **[Два стихотворения 1928 г., отнесенные к книге «Монастырское»]**. Кроме них, к «Монастырскому» примыкают: «Снилось мне, иду на богомолье...» (1928) из цикла «Сны» и «Говорит мне тетка Пелагея...» (1929).

СТИХИ 1916–1930

- С. 79. **Колыбельная («Молнии с неба слетают...»)**. Под списком стихотворения зачеркнуто: «Даниил Андреев (7 лет)» (что надо понимать как обозначение адресата стихотворения). *Даниил Леонидович Андреев* (1906–1959) – писатель, выросший в доме друзей М.-М. Добровых, духовно очень близкий ей человек, она называла его «зам.сын».
- С. 79. **«Зачем душа боится муки...»**. *Шестов Лев Исаакович* (1866–1938) – философ, литератор. О его отношениях с М.-М. см. послесловие. Эпиграф – неточная цитата из его книги «Апофеоз беспочвенности». Правильный текст: «Но если есть Бог, если все люди – дети Бога, то, значит, можно ничего не бояться и ничего не жалеть». Без второго четверостишия стихотворение записано в дневнике 31 августа 1948 г. с переменой глагола в начале третьей строфы: «Бояться».
- С. 80. **«То нездешнее меж нами...»**. Это стихотворение дважды записано в дневнике 1950 г. с изменением в 4-й строке («Озаряя жизнь и сны») и пояснениями: «И чувству моему, в котором главное было – жажда для моего женского существа (как смысла его существования) слиться с этим лознгринским “ты” – дала краски, какие у бедного Миши Ш<ика> были только отражением того, что было “корридой” чувств, каких я хотела для нас обоих» (7 января); «Такой любви и такой дружбы алкала душа моя, и был период, когда поверила, что, наконец, это желание сокровенное обретено, что оказалось иллюзией» (23 августа).
- С. 83. **«Хорошо вечерющим лугом...»**. *Злодиевка* – дача Тарасовых (Леонилла Тарасова – подруга детства М.-М.) на Днепре, в 50 км. от Киева. Со-

временное название Украинка (Трипольская ГРЭС). О намерении поехать в Злодиевку М.-М. сообщила О. Бессарабовой в письме от 1 августа 1917 г. (Бессарабова. Дневник. С. 218).

- С. 84. **«Светлой, гордой и счастливой...»**. *Наташа – Наталья Дмитриевна Шаховская-Шик* (1890–1942) – историк, детская писательница, жена М.В. Шика. См. о ней в послесловии.
- С. 85. **Облако («Помнишь знаменье из света...»)**. *Тарасова Алла Константиновна* (1898–1973) – актриса. См. о ней: Бессарабова. Дневник. (По ук.)
- С. 86. **«Слышен песен лебединых...»**. *М.В.Ш.* – Михаил Владимирович Шик.
- С. 89. **Старость («Ночи стали холоднее...»)**. В дневнике 18 ноября 1952 г. М.-М. вспоминает первое четверостишие.
- С. 90. **«Точило ярости Господней...»**. *Точило* – у Даля: одно из значений: жом, гнет, устройство для выжимки виноградного сока.
- С. 90. **Осенью («Грустно без тебя мне, крохотный мой друг...»)**. *Инночка* – ученица М.-М. Упоминается и в «Дневнике» Бессарабовой.
- С. 91. **«Звонят, звонят у Митрофания...»**. Это и последующее стихотворение – третье и четвертое (предпоследнее и последнее) в цикле «Матери», обращенном к *Варваре Федоровне Минович* (1848–1928). У *Митрофания* – в воронежском Благовещенском Митрофановском мужском монастыре. В *Девичьем* – т.е. в Воронежском Покровском девичьем монастыре. Невозможность попасть к матери в Воронеж была причиной серьезного беспокойства М.-М. во время ее жизни в Киеве.
- С. 91. **«Спит твоя девочка там, меж крестами...»**. *Твоя девочка* – умершая в семь лет от менингита младшая сестра М.-М. Мария (ок. 1883 – ок. 1890). *Другая* – сошедшая с ума Анастасия Григорьевна Минович (1874/75–1919), см. о ней в послесловии. *Третья* – сама М.-М.
- С. 92. **«Кто счастливей этой нищей...»**. *Почаев* – Свято-Успенская Почаевская лавра в Почаеве (Тернопольская область).
- С. 93. **«Да будет так. В мистерии кровавой...»**. *Наташа* – Н.Д. Шаховская-Шик. Стихотворение отражает переживания М.-М. времени венчания М.В. Шика и Н.Д. Шаховской. Об отношениях М.-М. и Н.Д. Шаховской чуть более раннего периода рассказывает письмо последней к М.-М. от 4 декабря 1917 г.: «Роденький мой, далекий мой светлый друг, сегодня в день Твоего праздника не могу удержаться, чтобы не поговорить с тобой. Последнее время, когда берусь тебе писать, вдруг представляю, что

письма мои, самый вид их причиняет тебе боль, и рука опускается, застывает сердце, останавливается жизнь, поражает мучительное недоумение, туманом заволакивается путь. Сестрица, видит Бог, если бы я знала, что то, что я беру, я отнимаю у Тебя, никогда бы я не решилась это сделать. Но сегодня я знаю, что то, что Тебе отдано, то, что Тебе нужно, принадлежит Тебе навеки, никогда не было у меня и никогда не будет помысла в это вторгнуться. Ведь мне так мало уже и с каждым днем всё меньше нужно. И мне всё кажется, что по существу ничем не изменилось. Для меня – только то, что настало время выполнить какие-то давно-давно данные сердцем обеты, от которых было бы грехом уклониться. Я скажу тебе то, в чем не всегда решалась признаваться себе: иногда мне кажется, что выполнить это выше моих сил, что душа не примирится, не сумеет принять тайны воплощения этого давнего обета, но то, что давно уже не мое, я не могу, не смею, не хочу взять обратно. Я думаю, что приму это до конца жизни и отдам Богу. Но я давно уже поняла, что если придет час, когда М.В. захочет взять это давно ему отданное, я покорюсь этому как божьей воле. Только не думай, что мне это легко. Иногда я боюсь подумать о будущем. Только тебе и никому другому могла бы я рассказать про все сны и мысли, которые живут позади дней, сплошь занятых работой, только Ты, мне кажется, могла бы понять, какой глухой болью отдается в душе каждая минута радости. Но между нами опять выросла стена – дальности, молчания, непонимания. Откуда она, зачем, я не знаю. Мы не можем ни в чем мешать друг другу и не можем ничего друг у друга отнять, – это единственное, что я знаю твердо. Родная моя, я шла сейчас по пустым улицам Дмитрова, смотрела, как сиял над ними Орион, который ты мне когда-то подарила, и думала, неужели мы встретились в таком тихом свете, чтобы он померк в решающий и такой тяжелый час. Не могу я, не могу этого думать. Если Тебе еще трудно видеть нас вместе, у меня не хватит сил перешагнуть через порог, к которому мы подошли. Если жизнь тебе кажется в тягость и Ты отворачиваешься от меня, я не смогу преодолеть ее мертвой косности. Это не слово, Вавочка, сестрица моя. Жизнь моя и твоя связаны таким же и, может быть, еще более важным обетом. Не забывай об этом. И прости мне и не отнимай от меня благословляющей руки, пот<ому> что я не могу без нее. Христос с Тобой. Дай мне Тебя обнять от всей души и со всей любовью, какая живет в ней всегда! Ната» (МЦ. КП 4680/246). *Грааль* – чаша, из которой Иисус Христос пил во время Тайной Вечери и в которой вино превратилось в кровь. По преданию, в Грааль была собрана кровь, изошедшая из тела распятого Христа. В религиозных учениях эзотерического типа Грааль – символ совокупности тайных знаний, являемых избранным посвященным. *Монсальват* – замок, где хранится Святой Грааль. *Лоэнгрин* – герой средневекового немецкого эпоса, «Парсифаля» Вольфрама фон Эшенбаха и оперы Вагнера, один из рыцарей Св.

Грааля. *Труханов остров* – расположен напротив исторического центра Киева, соединён с правым берегом Днепра пешеходным мостом.

- С. 95. «**Воет ветер неумный...**». Записано в дневнике 24 ноября 1949 г. с комментарием: «в дни, когда нельзя было киевлянину предугадать, под чьей властью очутится он, проснувшись завтра. Как на ленте кино, одни за другими проносились над нашими головами петлюровцы, немцы, гетман...».
- С. 96. «**Тоскует дух, и снятся ему страны...**». На Трехсвятительской улице в Киеве находился дом, принадлежавший семье сахарозаводчиков Балаховских. Даниил Григорьевич с женой Софьей Исааковной, урожденной Шварцман, сестрой Льва Шестова, занимали третий этаж пятиэтажного здания. Здесь в годы гражданской войны жили Л.И. Шестов с семьей, Т.Ф. Скрябина с детьми, матерью и братом, А.К. Тарасова с мужем, а летом 1919 года и М.-М., составляя так называемое «Скрябиновское общество», провозглашенное с целью удержаться без выселения и уплотнения в квартире Балаховского. Ныне – улица Десятинная, 8.
- С. 97. «**На Илью Пророка сын мой родился...**». Это и два последующих стихотворения – первое, третье и четвертое из неозаглавленного цикла, состоящего из пяти стихотворений и связанного с крещением и венчанием М.В. Шика. *Грешная мать* – М.-М., ставшая Шикю крестною матерью. Ср. слова из письма Шика к М.-М. от 15 (28) июня 1919, в годовщину этих событий: «Как живо помнится ощущение безраздельной близости к Тебе, чувство вечной и радостной зависимости от Твоей души, неземной благодарности за свыше человеческой меры великодушие, с каким Ты ведешь меня на Крещение, как бы себя на закланье» (МЦ. КП 4680/284).
- С. 99. **В стенах.** Цикл состоял из двенадцати стихотворений, сохранились десять. Утеряны 11-е и 12-е – «София» и «Реликвия»: «Про льва, голубку и змею. Единственный экземпляр текста подарен Мих<аилу> Вл<адимировичу>. В<арвара> Г<ригорьевна> никогда потом не умела вспомнить этих стихотворений – а в них завершение всего цикла “В стенах”» (помета О. Бессарабовой). М.В. Шик писал М.-М. в Троицын День 1919 г.: «Когда я <...> представлял себе свой приезд в Киев, мне всё казалось, что это будет переход через пропасть. Теперь эта пропасть точно засыпана – больше всего стихами, какие ты прислала. <...> Когда я читал Твои “стихи” – точно душа моя обнимала Тебя. Над строчками стихов “Обезножела старая тетя” – я плакал и плачу вновь, когда их перечитываю. Все 12 стихов мне кажутся очень хороши. Назло мало. Читая их, я словно вхожу в Твою комнату, сажусь на край Твоей постели, кладу руку Тебе на сердце. Глубоко волнуют меня строфы “К ребенку” и пронзают душу “Реликвии”» (МЦ. КП 4680/282).

С. 102. Из цикла «Татьяне Федоровне Скрябиной» («Твои одежды черные...», «Колышется ива на облаке светлом...»). Второй и четвертый тексты цикла, состоящего из четырех стихотворений. *Скрябина Татьяна Федоровна* (1883–1922) – вдова А.Н. Скрябина, пианистка, близкая подруга М.-М. См. комментарий к стихотворению «Тоскует дух, и снятся ему страны...».

С. 103. Из цикла «Ю. Скрябину» («Под коварной этой синей гладью...», «Тающий дым от кадила...», «Точно ангелы пропели...»). *Скрябин Юлиан Александрович* (1907–1919) – утонувший сын Т.Ф. и А.Н. Скрябиных, музыкально очень одаренный. О его гибели сохранились два письма М.-М. к Н.С. Бутовой (МЦ. КП 4680/120, 121). Эпиграф: «Черви мы, / В которых зреет мотылек нетленный» (итал.) – цитата из «Божественной комедии» Данте («Чистилище», X песнь). Связанный с эпиграфом образ хризалиды – куколки, из которой вылетает бабочка, возникает в первом и втором стихотворениях цикла («Улетел небесный мотылек. / Нам осталась только хризалида...», «В садике из роз уснула хризалида...»), не включенных в настоящее издание). Всего в цикле семь стихотворений. В дневнике 7 января 1951 г. М.-М. записывает выбранную эпиграфом для этого цикла цитату из Данте по-итальянски и свой русский перевод: «Мы – черви, рожденные для созидания в себе Ангела-Бабочки». Этот образ близок и теософской картине смерти: «смерть заключается в повторяющемся процессе разделения, или обнажения. Бессмертная часть человека избавляется, одна за другой, от своих внешних оболочек, и – как змея из её кожи, бабочка из её куколки – выходит из одного после другого» (*Безант А.* Смерть... а потом?).

С. 105. «Летят, летят и падают смиренно...». Записано в дневнике 1 ноября 1952 г. В собрании стихотворений, переписанных О. Бессарабовой, есть ранний вариант, где строки 1–6 такие:

Благословенье смерти излучая,
Летят, летят последние листы.
Кружится медленно их призрачная стая,
Прощальный дар осенней красоты.

Какая легкость с жизнью расставанья.
Как их успенье чисто и светло

С. 106. Памяти А.Н. Скрябина («Завеса неба голубая...», *Nocturne* («Полупрозрачных эльфов крылья...»), *Etrangete* («Сколько духов налетело...»). *Nocturne* – ноктюрн (франц.) – название «Поэмы-ноктюрн» А.Н. Скрябина (ор. 61). *Etrangete* – странность (франц.) – название поэмы А.Н. Скрябина (ор. 63, № 2). *В.В. Шауб* – профессор Ростовского музыкально-педагогического института (музыкального училища) по классу фортепиано.

- С. 108. **Заговоры.** Подруга М.-М. «читала мои “Заговоры” одной знакомой крестьянке. Та сказала: “приезжай с ними к нам в деревню – тебе холста, яиц и всего дадут”. Этим она высказала уверенность, что заговоры мои действительно могут прогонять боль, лечить болезнь. Я и сама так думала, когда они у меня родились. И сила их, конечно, не моя – сила всего рода псковских кудесников [предков М.-М. по отцовской линии. – Т.Н.]. И язык – не мой. Недаром Ф.А. Д<обров>, тонко-филологического склада человек, когда ему впервые прочли их, выдав за фольклор, сказал: “Вот это я понимаю – никакой интеллигент так не скажет: “Лед на лед, гора на гору, сполох играет, белухов вызывает”»» (дневниковая запись М.-М. 18 апреля 1931 г.). «Мои заговоры, о которых покойный друг мой – д<окто>р Д<обров> со своим “гомерическим смехом” говорил, приняв их за кем-то найденный обрывок народного творчества (так я ему сказала в шутку, прочтя ему это мое произведение): Да ведь после этих заговоров докторам делать нечего!» (Там же; 19–20 мая 1952 г.).
- С. 108. **«Змея Змеёвна...».** *Озеро Лаче* – в юго-западной части Архангельской области.
- С. 108. **«Лед на лед...».** *Сполох* – сияние. *Белуха* – просторечн. от «белуга». *Плавни* – здесь в значении «плавники».
- С. 109. **«Крокодилы зубастые...».** *Строфокамилы* (греч.) – страусы.
- С. 114. **Колыбельная («Спит над озером тростиночка...»).** *Наташа* – Н.Д. Шаховская.
- С. 114. **«Баю, баю, баю, Лисик...».** *Лис* – Домашнее имя Ольги Александровны Бессарабовой, «с семилетнего ее возраста во мне живущей под именем Лис (лисичка и лилия – Lys)» (пояснение М.-М. в дневнике 25 ноября 1945 г.). См. о ней во вступительной статье.
- С. 116. **Из цикла «РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ».** Цикл состоит из семи стихотворений, посвященных добрым знакомым М.-М. (см. о них подробнее в кн.: Бессарабова. Дневник. По ук.): врачу *Филиппу Александровичу Доброву* (1869–1941), его дочери *Александре Филипповне Добровой* (Коваленской; 1892–1956), его жене *Елизавете Михайловне Добровой* (1868–1942), офицеру *Виктору Константиновичу Затеplinскому* (1889–1962?) и будущему писателю *Даниилу Андрееву*.
- С. 116. **Комната Шуры Добровой («Бердслей, Уайльд и Боделэр...»).** *Обри Бердслей* (1872–1898), *Оскар Уайльд* (1854–1900) – английские художник и писатель. *Шарль Бодлер* (1821–1867) – французский поэт. «Удивительная комната Шуры Добровой. Комната Шехерезады, вероятно, была хуже, у нее не было портретов Бердслея, Уайльда и Бодлера. И радуги

ярко-темных красок: ковры, цветной шелк, материи, подушки» (Запись в дневнике О. Бессарабовой от 14 сентября 1915 г.). «Шурочка Доброва увлечена переводом стихов Бодлера (Цветы зла)» (Там же. С. 105. Запись 17 января 1916 г.).

- С. 116. **Елизавете Михайловне Добровой («Mater dolorosa...»)**. *Mater dolorosa* – Богоматерь скорбящая (лат). В воспоминаниях о Д. Андрееве есть еще один бытовой штрих о доме Добровых: «Он жил у тети Елизаветы Михайловны Добровой, которую называл мамой. Помню, у них висел написанный им плакат: “Мама, привей мне сладкий сон к такому-то часу”. Для указания времени на плакате был устроен кармашек, так что время можно было менять» (эти воспоминания А.П. Нордена приводятся в статье о нем М. Белгородского: <http://forum.rozamira.org/index.php?showtopic=1737>).
- С. 117. **К портрету неизвестного («Печальной тайною волнующе согреты...»)**. Описывая в письме к Бессарабовой от 25 марта 1921 г. свою комнату в Сергиевом Посаде, М.-М. упоминает о «странном портрете – соединении Мих<аила> Влад<имировича> и Льва Ис<ааковича> – Мюнхенской школы» (Бессарабова. Дневник. С. 378).
- С. 118. **Сестре А.Г.М. («Твой озаренный бледный лик...»)**. *А. Г. М.* – Анастасия Григорьевна Малахиева. «Наша молодость далекая, общая. Великие надежды. Бесконечные сны. Искания Бога. Боль, которой ранили друг друга» (слова М.-М. из письма к О. Бессарабовой от 19 октября 1920, написанном вскоре после известия о смерти сестры от голода в психиатрической больнице. – Бессарабова. Дневник. С. 331). Эпиграф – слова А.Г. Малахиевой, запомнившиеся М.-М. Стихи сестры, связанные с ней эпизоды М.-М. вспоминала и записывала в своем дневнике на протяжении всей жизни.
- С. 119. **Из цикла «ПЕРВОЕ УТРО МИРА»**. Цикл состоит из семи стихотворений.
- С. 123. **«Отчего ты, звездочка моя...»**. *Наташе* – Н.Д. Шаховской-Шик.
- С. 123. **Парк в Удино («Аллеи лиственниц лимонных...»)**. *Удино* – небольшая усадьба в одноименной деревне Дмитровского района Московской области, основанная во второй половине XVII в. Наиболее интересной частью усадьбы является парк с оригинальным набором пород деревьев: сибирская пихта, пенсильванский ясень и др. *Храм* – миниатюрная кирпичная с белокаменными деталями Покровская церковь (1789). *Тарасевич Анна Васильевна* (урожд. гр. Стенбок-Фермор; 1872–1921) – певица, участница московского «Дома Песни», жена академика Л.А. Тарасевича.
- С. 124. **«На мраморную балюстраду...»**. Пояснение: «О Ростове».

- С. 125. **«Боже воинств, великой Твоей благодатью...»**. Пятое из девяти стихотворений, составивших цикл «Псалмы».
- С. 127. **Святому Сергию («Ты ходил тропинкою лесистою...»)**. *Сергий Радонежский* (1314–1392) – монах, преподобный основатель Троицкого монастыря. *Зван, но не избран* – перифраз евангельских слов Христа (Лука, 14: 22).
- С. 128. **Памяти Елены Гуро («Два озера лесных – глаза...»)**. О дружбе М.-М. с Гуро см. в послесловии. *Кот, лосенок, сын* – художественные образы из книг Гуро.
- С. 129. **Вл. Андр. Фаворскому («В твоём пространстве многомерном...»)**. *Фаворский Владимир Андреевич* (1886–1964) – художник, гимназический друг и одноклассник М.В. Шика, его крестный отец. М.-М. много общалась с ним, живя в Сергиевом Посаде. 20 июля 1922 г. О. Бессарабова записывает в дневник: «Я и Вавочка были у Фаворских. Смотрели его рисунки, гравюры, камеи. Говорили о новой книге Флоренского “Мнимости”. Фаворский делает для нее обложку» (Бессарабова. Дневник. С. 481). Жена Фаворского художница М.В. Фаворская оформляла «Монастырское» и некоторые детские книги М.-М. *Красноармейскую шинелью* – в 1919–1920 гг. Фаворский был мобилизован в Красную Армию. С июня 1919 по февраль 1920 г. участвовал в боях на Царицынском фронте. 20 апреля 1921 г. уволен из армии по возрасту в бессрочный отпуск.
- С. 130. **Инопланетным («Они меж нами пребывают...»)**. Зачеркнуто посвящение: *С.Ю.(?)Бойко*. Стихотворение связано с личностью актрисы Бойко. М.-М. писала о ней своим друзьям Затеplinским: «Это очень талантливая андрогина. То, что она андрогина, язвит меня отвратительным и мрачным воспоминанием об Эсфирь [Пинес, которой посвящен цикл “Утренняя звезда”. – Т.Н.]. К счастью, ее андрогинство лишь в духовно-душевной области <...> Она очень бедна – живет космически одиноко» (Бессарабова. Дневник. С. 501–502).
- С. 132. **«А у меня в груди орган...»**. Второе стихотворение триптиха. *Голубцова Людмила Васильевна* (урожд. Крестова; 1892–1978) – литературовед, подруга М.-М. *Турандот* – героиня сказки Карло Гоцци «Принцесса Турандот», задавала своим нежеланным женихам неразрешимые загадки. *Майи пелена* – иллюзия. Ср.: «Разум не дает и не может нам дать настоящего знания. Его функция – создать иллюзорный мир, мир Майи при помощи чувственности, пространства и времени и категорий, главным образом, по Шопенгауэру, категории причинности. Поэтому всё, что мы знаем, мы знаем не от действительности, постигнуть которую разуму, по самой его сущности, не дано, а о “явлениях”, не открывающих, а прикрывающих

истинную реальность» (*Шестов Л.И. Potestas clavium. Власть ключей // Шестов Л.И. Соч. в 2 тт. Т. 1. М., 1993. С. 306.*)

- С. 134. «**Она нежна, она добра...**». Н. – Н.Д. Шаховская-Шик.
- С. 136. **Брату Николаю («Могла бы тайным заклинанием...»)**. *Николай Григорьевич Малахиев* (1880–1919/1920) – родной брат М.-М. См. о нем: Бессарабова. Дневник. (По ук.)
- С. 136. «**Был вечер, полный чарованья...**». Второе стихотворение диптиха, обращенного к писателю и литературному критику *Евгению Германовичу Лундбергу* (1887–1965). В 1920–1924 он жил в Берлине, где организовал издательство «Скифы», берлинский отдел Госиздата и Гостехиздата. Друг юности М.-М. (15 ноября 1923 г. О. Бессарабова записала в дневнике: «Вавочка <...> ждет из Берлина Евг. Герм. Лундберга, а через него – литературного заработка» – Бессарабова. Дневник. С. 569). См. о нем: *Чанцев А.В. Лундберг // Русские писатели. Т. 3. С. 412–413.* В дневнике М.-М. пишет о Лундберге: «Были две летние ночи на берегу Днепра, когда он до зари пылко и красноречиво склонял меня на самоубийство (я переживала тогда крушение надежд узколичного порядка). И другой раз он добыл для меня запечатанный тюбик с цианистым калием “на всякий случай”. Я возила его с собой по свету, пока не затеряла – не помню, в каком городе» (27 января 1944 г.).
- С. 137. **Сергеюшке («Поломан якорь...»)**. *Сергеюшка – Сергей Михайлович Шик* (р. 1922), старший сын М.В. Шика и Н.В. Шаховской-Шик. Как и его мать (*Шаховская-Шик Н.Д.* Рассказы о детях // *Альфа и Омега. 1997. № 3(14), электрон. публ.: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/014/014-shik.htm>*), М.-М. о его первых годах жизни оставила «материнский» дневник.
- С. 138. «**Седой старик и юноша навеки...**». *Завадский Юрий Александрович* (1894–1977) – актер и режиссер. В 1924 г. – актер Московского художественного театра. Знакомство с М.-М. произошло, видимо, через Е.В. Шик, посещавшую студию Вахтангова. *Мистагог* – в Греции жрец, посвящавший в таинства во время мистерий. Завадский с начала 1920-х гг. был масоном достаточно высокой степени; в сентябре 1930 г. арестован и благодаря хлопотам К.С. Станиславского в октябре этого же года отпущен. Следствие выявило его организационную роль в деятельности розенкрейцеровских союзов «Орден Света» и «Храм искусств» (см.: Орден российских тамплиеров. Документы 1930–1944 гг. Т. II. Публ., вступ. ст., коммент. и указ. А.Л. Никитина. М., 2003. С. 8, 55–60 и др., по ук.).
- С. 138. «**Не подарю тебе стиха...**». В Долгих Прудах (ныне подмосковный город Долгопрудный) О. Бессарабова работала учительницей.

- С. 139. **«Из-под шляпы странно высокой...».** *Сидоров Сергей Алексеевич* (1895–1937) – друг Шика, священник, близкий к П.А. Флоренскому. Младший брат искусствоведа А.А. Сидорова. Расстрелян в Бутове. См. о нем: *Сидоров С.А.* Записки священника Сергия Сидорова: С приложением его жизнеописания, сост. дочерью, В.С. Бобринской. М., 1999. Сохранился листок из письма М.-М. 26 февраля 1928 г. к неизвестному корреспонденту: «Знали ли Вы или нет от Ольги [Бессарабовой. – *Т.Н.*] про одного из моих Сергиевских друзей, кот<орый> выслан отсюда на 3 года? О. Сергий. Молодой – и 30 лет нету. Серафически-красивый – тонок, высок – прекрасные руки, аметистовые глаза, черные кудри. Интересно пишет мемуары (с высшим образованием). И – обрушились одно за другим последние годы испытания на него. Год тому назад потерял он любимого старшего сына Киру – 4-х лет. Попал в тюрьму, кот<ор>ую пережил, по своей хрупкости, впечатлительности, тяжело, до психического расстройства. Полюбил Женю [Бирукову. – *Т.Н.*], “как одна безумная душа поэта еще любить осуждена”. Об этом с Женей не надо касаться. Это – и ей больно. Лишился обожавших его прихожан в Сергиеве и оторван ото всех друзей, от меня, в том числе. Пятое, последнее, – умерла на днях мать – приемная – тетка, заменявшая мать, нежный, преданный, горячо его любивший друг, советчик и моральная поддержка» (МЦ. КП 4680/290).
- С. 140. **«Цикламена бабочки застыли на столе...».** А.К. Тарасова, уехавшая с первым мужем, А.П. Кузьминым, офицером царской армии, во время гражданской войны из России, приняла участие в гастрольных спектаклях МХАТа и по настоятельной просьбе Станиславского в 1924 г. вернулась в Россию. Роль Дездемоны в мхатовском спектакле Тарасова сыграла через шесть лет после этого стихотворения, в 1930 г. См. комментарий к стих. «Частоколы высоки...».
- С. 141. **Памяти Ривьерских дней** («В золоте мимозы нежной...»). *Анатолий Васильевич Луначарский* (1875–1933) – писатель, общественный и политический деятель. В 1895 г. М.-М. и А.В. Луначарский встретились на юге Франции, между ними возник кратковременный роман («целовались три раза»). Сохранились обращенные к нему ранние (слабые) стихи Миревич 1895 г. О нем же рассказывают несколько страничек ее позднейших дневников. *Бордигера* – город на севере Италии (окрестные места рисовали И. Левитан, К. Моне). *Виллефранч* – Вильфранш-сюр-Мер – городок на Лазурном берегу во Франции.
- С. 141. **Сестре** («Ласточка высоко чертит круги...»). Обращено к А.Г. Малахивой.
- С. 142. **«Звездной музыкой сияет...».** Н.Д.Ш. – Н. Д. Шаховская-Шик.

- С. 142. «**Слабому, прекрасному, святому...**». М.В.Ш. – М. В. Шик. *Феофания* – историческая местность на территории Голосеевского района Киева с прекрасным ландшафтным парком, на территории которого расположен Свято-Пантелеймоновский собор. «После крещения [М.В.Шика летом 1918 г. – *Т. Н.*] прямо из церкви мы ушли пешком в загородный монастырь Феофанию, за восемь верст от города. Мы шли лесом, и казалось, что мы одни в лесу, одни во всем мире, и только Бог смотрит на нас и вслушивается в то, что делается в наших сердцах. Отец твой писал мне потом, что день этот – высшая по своей полноте и чистоте радость его жизни. И он, и я поняли в этот день, что любовь гораздо больше брака, неизмеримо шире пределов человеческой жизни, и богата такими возможностями в духовном мире, какие открывают человеку двери бессмертия <...> На нас падала изумрудная тень дубовой листы – и до этого утра и после него не было того значения в зеленом цвете, какое открылось в этой листе» (М.-М. «О твоём отце». Семейный архив Шиков и Шаховских).
- С. 143. «**Смущает бес...**». *Сергеюшка* – С.М. Шик. Первые шесть строк стихотворения записаны в дневнике 12 декабря 1953 г. с переменой глагола в шестой строке: «уйти» вместо «спастись».
- С. 144. «**В горниле тяжких испытаний...**». *Шура Залеская* – родственница (сестра?) подруги О.В. Бессарабовой, Нины Залеской. Возможно, это *Залеская Александра Яковлевна* (1895 –?), 09.01.1938 арестована в Петрозаводске как член семьи изменника родины. Приговор: 8 лет ИТЛ, в Карлаг. Освобождена 12.11.1945. Источник: Книга памяти «Узницы АЛЖИРа». Эпиграф из книги: *Гуро Е.* Шарманка. СПб., 1909. С. 74. Контекст цитаты: «...любить дорогое, незаменимое, так любить, так бояться его потерять, так бояться, столько лет, что чувствовать облегчение потерь и, просыпаясь после кошмара, где бился, безнадежно защищая, спасая, думать облегченно. Да ведь я уже потерял! и возврат, и борьба, только сон. *Так растет жизнь, таковы ступени ее восхождений...*».
- С. 145. **Лилина комната («Длинноногим птицам...»)**. *Лиля – Елена Владимировна Шик* (Елагина; 1895–1931) – младшая сестра М.В. Шика, воспитанница М.-М., ученица Е.Б. Вахтангова, актриса. Уехала из Москвы в Ленинград, где работала театральным педагогом. П.Г. Антокольский вспоминал: «В Москве ей не повезло – нет пристанища в театре <...> мы подружались с Лилей, вспоминали мансуровские времена, Завадско-го; когда-то она должна была играть Королеву-мать в моей “Инфанте”, вспоминали Блока и Марину [Цветаеву. – *Т.Н.*] <...> не пройдет и года, и Лиля заболела ужасной формой менингита и после тяжких страданий умрет» (*Антокольский П.Г.* Далеко это было где-то: Стихи. Пьесы. Автобиографическая повесть. М., 2010. С. 333 и др. по указ.). *Сандро Боттичелли* (1445–1510) – итальянский художник. Какая именно его картина,

изображающая Богородица с младенцем, имеется в виду, уточнить трудно. *Миссис Сидонс* – картина английского живописца Т. Гейнсборо, портрет английской актрисы *Сары Сиддонс* (1755–1831). *Сергиевец* – т.е. М.-М., приехавшая из Сергиева (так в 1920-е годы назывался Сергиев Посад). Последнее стихотворение сохранилось не полностью, к нему сделана приписка О. Бессарабовой: «Не позволила переписать».

- С. 147. **«Отчего китайские птицы...»**. *Евгения Сергеевна Готовцева* (урожд. Смирнова; 1889–?) – двоюродная племянница К.С. Станиславского, жена артиста МХАТ В.В. Готовцева.
- С. 148. **«Как лебедя пустынный крик...»**. О *С.А. Сидорове* см. комментарий к стихотворению «Из-под шляпы странно высокой...».
- С. 148. **«Порог священный Магомета...»**. *Александр Викторович Коваленский* (1897–1965) – поэт, переводчик, муж А.Ф. Добровой; троюродный брат А.А. Блока, старший друг Д. Андреева. См. о нем: Штейнер Е. Об А.В. Коваленском // Зеркало. 2011. № 37, 38; <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2011/37/11sh.html>.
- С. 149. **Памяти Федора Сологуба («Светило бледно-золотое...»)**. Федор Сологуб (Федор Кузьмич Тетерников; 17 февраля (1 марта) 1863 – 5 декабря 1927). *Земля Ойле* и *звезда Маир* – из стихотворного цикла Сологуба об «ином мире» «Звезда Маир», 1904. В одной из рецензий М.-М. писала: «Нельзя тому, для кого погасли звезды, не выдумывать свою “Звезду Маир”» (Русская мысль. 1909. № 10. С. 327). *«Навыи чары»* – первоначальное название его романа-трилогии (1905–1914), в позднейшей публикации названного «Творимая легенда». Сологуб был одним из любимых поэтов М.-М.: она говорила о нем в 1909 г. с Л.Н. Толстым, рецензировала (позволяя себе и критические замечания) в 1910 г. его драмы «Победа смерти» и «Дар мудрых пчел» (Русская мысль. № 9) и «кошмарную выдумку» «Путь в Дамаск» (Там же. № 6), цитировала его стихотворение «Если б хотел я любить...» (в рецензии о Бодлере – РМ, № 9), писала в статье «О смерти в современной поэзии» (Заветы. 1912. Кн. VII. Октябрь). В дневнике 1950 г. полностью процитировала стихотворение Сологуба «Предметы предметного мира...».
- С. 149. **В опустелой детской («Грустно мячик одинокий...»)**. Стихотворение написано в разлуке: Н.М. Шаховская-Шик вместе с пятилетним *Сергеюшкой* (С.М. Шиком) навещала в это время сосланного в Казахстан М.В. Шика.
- С. 150. **«В черном платке, с ногой забинтованной...»**. Автограф – в письме М.-М. к ее подруге З.А. Денисьевской (МЦ. КП 4680/169).

- С. 151. **«Строгий и печальный взгляд...»**. *Валерия Станиславовна Затеplinская* (1896 или 1897 – 1959) – подруга О. Бессарабовой. Ее муж, В.К. Затеplinский, трижды был арестован и большую часть жизни провел в ссылках и лагерях.
- С. 152. **«Ужасное слово “массы”...»**. Людмила Васильевна сказала мне сегодня: “Если бы вы были моложе, я уверена, что вы были бы в числе энтузиастов строительства новой жизни”. Я благодарна ей, что она подслушала мою тоску о работе. Да, я работала бы “для масс”, втайне заменяя слова “массы”, “коллектив” словами “братья, человек, человечество”» (из дневника М.-М.).
- С. 154. **«Кружечка. Сода. Рука терпеливая...»**. Стихотворения этого цикла посвящены умершей в декабре 1928 г. матери М.-М., В.Ф. Мирович. Всю оставшуюся жизнь М.-М. корила себя за «многолетнюю привычку скупости душевных проявлений» в сторону матери. *Карсельские свечи* – от имени швейцарского изобретателя Б.Г. Карселя, усовершенствовавшего конструкцию масляных ламп. Упомянутый в стихотворении подсвечник был подарен Варваре Федоровне Мирович ее матерью.
- С. 157. **Звездному другу («Ненастные упали тени...»)**. Обращено к М.В. Шику.
- С. 157. **«Рыбак Андрей сказал сурово...»**. *Байдуже* – безразлично, всё равно (укр.); *хмара* – туча (укр.). *Посадки* – место дачи семьи Тарасовых на Днепре недалеко от Триполья, где М.-М. провела часть лета 1929 г. вместе с семьей Тарасовых и Д. Андреевым.
- С. 158. **«В комарином звоне гулком...»**. *Даня Андреев* – Д.Л. Андреев. *Five o'clock* (анг.) – традиционное время чаепития (пять часов).
- С. 158. **«Уж провела Кассиопея...»**. Стихотворение обращено к Д. Андрееву. *Кассиопея* – созвездие северного полушария, главные звезды которого напоминают букву W; *звезда Альдебарана* – ярчайшая звезда в созвездии Тельца; *мать Блаженного Августина* – св. Моника (ок. 332–387), помогла ему отступить от манихейства: глубоко изучила философию и богословие и смогла объяснить Августину его затруднения. Зная Д. Андреева с детских лет, М.-М. повлияла на его духовный строй и, в частности, увлечение индийской философией.
- С. 159. **Киеву («Прощай, красавец безобразный...»)**. *Евбаз* (еврейский базар) – толкучий рынок на старой Галицкой площади (сейчас на его месте площадь Победы) в Киеве. Ср.: «Киевляне же, надо отдать им справедливость, газет не читают, находясь в твердой уверенности, что там заключается "обман". Но так как человек без информации немислим на

земном шаре, им приходится получать сведения с Евбаза, где старушки вынуждены продавать канделябры» (М.А. Булгаков).

- С. 160. **«Душа полна рыданий загасенных...»**. О Е. Лундберге см. выше, комментарий к стихотворению «Был вечер, полный чарованья...».
- С. 160. **«Говорит мне тетка Пелагея...»**. *Томилино* – станция на Казанской железной дороге. С конца 1928 г. семья М.В. Шика стала жить в деревне Хлыстово, близ станция Томилино. *Маша, Сережа* – дети М.В. Шика и Н.Д. Шаховской-Шик. *Тетка Пелагея* – соседка Шиков в Томилино.
- С. 162. **«Нет на земле прозрачнее эфира...»**. *Мансуров Сергей Павлович* (1890 – 2 марта 1929) – церковный историк, священник. Вместе с Флоренским работал в Комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры, ведал лаврской библиотекой. В 1920–1924 гг. был трижды арестован. См. о нем: Бессарабова. Дневник. (По ук.) *Верея* – город в Наро-Фоминском районе Московской области. В 12 км. от Вереи расположен Дубровский женский монастырь, где в 1926–1928 гг. служил о. Сергей Мансуров. Весной 1928 г. в связи с обострением туберкулеза он оставил службу и переехал в Верею, где умер и похоронен.
- С. 163. **«О, друг мой, у меня ослепшие глаза...»**. *Полянская Леля* – родственница М.-М. по материнской линии. См. упоминания о ней в кн.: Бессарабова. Дневник. По ук. *Погост* – поселок в Московской области, недалеко от Егорьевского шоссе.
- С. 163. **«Сухостоя, бурелома...»**. Это и два следующих стихотворения – первые в безымянном цикле, состоящем из пяти стихотворений.
- С. 166. **Разлюбленному другу («Не гляди на меня так печально...»)**. Обращено к М.В. Шикю.
- С. 166. **«Ирис мой лиловоглазый...»**. *Е.Н.Б. – Евгения Николаевна Бирукова* (1899–1987), писательница и переводчица, ученица М.-М., участница кружка «Радость». *Мемфис* – город в Египте, был расположен на реке Нил.
- С. 166. **Памяти С.С. Цявловской («Упал на сердце молот. И разбилось...»)**. *Цявловская Софья Сергеевна* (1878 – август 1930) – первая жена пушкиниста М.А. Цявловского. После гибели сына (утонувшего летом 1926 г.) «впала в глубокую религиозность и стала почти душевнобольной» (*Богаевская К.П.* Рядом с Цявловскими // *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина. Изд. подг. К.П. Богаевская и С.И. Панов. М., 2000. С. 10).
- С. 167. **Сергеюшке (письмо) («Помнишь глинистую гору...»)**. *Сергеюшка* – С.М. Шик. В дневнике (июль 1943) М.-М. вспоминает «Ви-

фанскую дорогу – переход на Красюковку, где жили мы с матерью и с Ольгой <Бессарабовой>, а рядом – Серезина семья. На Вифанку, в булочную вечно пьяного Ганина любил ходить со мной четырехлетний спутник моих сергиевских лет, “С<ергей> Михайлович”. *Корбух* (правильнее Корбушка) – река в 3 км от Сергиевой Лавры, где на берегу двух прудов располагалась усадьба Корбуха. Козья Горка (*Козиха* – обиходное название) – район Сергиева Посада. *Баб-Ваф*(ф)– домашнее имя М.-М. в пожилые годы.

- С. 168. «**Стой в своем стойле...**». В дневнике 11 декабря 1953 г. записан вариант: «Стой в своем стойле. / Жуй свою жвачку. / Плачь с теми, кто плачет, / И жди: будет время / Радости со всеми».

ИЗ РУКОПИСНЫХ КНИГ (1915–1931)

- С. 175. **ИЗ КНИГИ «БРАТЕЦ ИВАНУШКА»**. Стихотворения этого сборника обращены к М.В. Шику. К этой книге тематически близки: «Слышен песен лебединых...» (1917), «На Илью Пророка сын мой родился...», «Душно мне, роденький, сын мой Иванушка...», «Ночи горячие. Смолы кипучие...» все – [1918]. Сохранилось автографическое издание Книжной лавки писателей в Москве с рисунками на обложке и в тексте (РГАЛИ. Ф. 1182. Оп. 1. Ед. хр. 21): В.Г. Малахиева-Мирович. Братец Иванушка. Стихотворение. М., 1921 (описано: *Богомолов Н.А., Шумихин С.В.* Книжная лавка писателей и автобиографические издания 1919–1922 годов // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 118). В письме от 29 октября [1917 г.] М.В. Шик обращается к М.-М. «сестрица моя Аленушка» (МЦ. КП 4680/266). Она, в свою очередь, в письмах к М.В. Шику называет его «Иванушка»: «Коснись моей головы твоим облегчающим касанием, я очень устала, Иванушка» (19 апреля <1919>). Сохранилось недатированное (написанное, видимо, в 1920 г.) письмо М.-М. к М.В. Шику об имени Иоани: «Сегодня день праздника Тайного Имени Твоего. Два года прошлые я праздновала его, как Твой день Ангела. Вчера я спрашивала себя, когда Ты был у меня и мы говорили о празднике: Ты ли – Иоани, тот, кого зову этим именем, кто дан мне для сопутничества и для краткой земной жизни и для жизни будущего века. Душа не могла на это ответить, п<отому> ч<то> ответ на это у Тебя – и не в словах, а в том, идешь ли Ты к *сращению* надорванной – глубже, чем перед Крюковым и чем на Доманхе <-> душевной ткани. Или Ты оплакал это горе и стал жить для меня только как Лилин брат и Наташин муж. “Разные слои” в основе живут по-разному, п<отому> ч<то> нет еще приводящего их в гармонию

единого пути. Но во всех слоях уже тишина и нет вражды к Тебе. И есть готовность “в мире и покаянии” принять то, что в Тебе осознается». В тетради М.-М. «О твоём отце», обращенной к С.М. Шику, рассказано: «Во фрейбургскую полосу его жизни [М.В. Шик слушал в течение года лекции по философии во Фрейбургском университете после окончания гимназии и до поступления в Московский университет. – Т.Н.] вплелся один мой сон, который для меня реальнее овсяного супа. Мне приснилось, что он умер, что я приехала во Фрейбург искать каких-ниб<удь> следов его жизни и нашла евангелие со вложенным в него портретом М., на котором он был изображен, как изображают юного апостола Иоанна, любимого ученика Христа. И тут же была книга, написанная им и посвященная мне, белая с голубым крестом на переплете. Я жадно стала читать ее, но, конечно, прочитанное после пробуждения улетело из памяти. Осталось только одно, как откровение – что Иоанн – тайное имя отца твоего» (Семейный архив Шиков и Шаховских).

- С. 178. **«Как вспомнишь, что я медведя боялась...».** *Лотошиться* – делать что-то бестолково, суетливо.
- С. 181. **Батайские дни.** *Батайск* – город неподалеку от Ростова-на-Дону, крупный железнодорожный узел. Во время Гражданской войны город неоднократно захватывали то белые, то красные. *Лотошиться* – говорить быстро, торопливо.
- С. 187. **ИЗ КНИГИ «ОРИОН».** Стихи этой книги обращены к М.В. Шику. В одном из них эта связь объяснена напрямик:

Ты под созвездьем Ориона
Сказал мне некогда: люблю.
И многозвездная корона
Главу украсила мою.

Мы шли с волхвами к Вифлеему,
Где пели ангелы хвалу.
Там, побеждая Смерть и Время,
Ты снова мне сказал: люблю.

Теперь померкло это слово.
Ушел ты в дальнюю страну.
И я одна в лучах багровых
Звезды безумья – Никт-Бурну.

Но чаёт дух мой новой встречи,
Провидя в сумрачной дали
Звезду Пророка и Предтечи,
Звезду изгнанников земли.

В тетради «О твоём отце», обращенной к С.М. Шику, М.-М. вспоминала: «Очень давно, в те времена, когда наши души соединены были перед Богом, как сестры-близнецы, мы стояли однажды с отцом Твоим у окна и смотрели на звездное небо.

– Я дарю тебе созвездие Ориона, – сказал он. И в этот миг я вспомнила, что это созвездие связано с нами, что оно – в былом ли, в грядущем ли – наша обитель.

Когда вошла в нашу жизнь Твоя мать, и когда я, после смертного ужаса перед появлением ее, полюбила ее душу, я сказала однажды в порыве любви, уходящей за земные грани: «Я дарю тебе созвездие Ориона». Она приняла дар, и на Орионе стало нас четверо – она, отец Твой, я и Ты – Третий, ожидавший посланничества своего, Сын, утешитель» (1922; Семейный архив Шиков и Шаховских).

- С. 191. «**Такую ночь, такие звезды...**». Записано в дневник 4 декабря 1950 г. как «старое стихотворение». Тематически соотносясь с другими текстами цикла «Орион», авторской пометы об отнесенности к нему не имеет.
- С. 193. «**Я живу в жестоких буднях...**». *Ворон с кличкой «Никогда»* – из стихотворения Э. По «Ворон».
- С. 194. **Рассвет («Выплывают из пещеры Ночи...»)**. М.-М. колебалась, к какому циклу отнести это и следующее стихотворения: «Остров изгнания» или «Быт».
- С. 197. «**Ах, я не смею тосковать...**». Эпиграф – из стихотворения Е.А. Баратынского «Он близок, близок день свиданья...».
- С. 202. **ИЗ КНИГИ «УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА»**. Цикл, обращенный к приятельнице А.Ф. Добровой *Эсфири Пинес* (ср. строки из письма М.-М. к О. Бессарабовой: «Мне было дозволено переступить через огненный круг, в который позвал меня голосом Эсфири сам Люцифер» (март 1921 г.) и запись в дневнике О. Бессарабовой от 3 июня 1920 г.: «Люцифер из Совнархоза, в женском образе, в мужских рейтузах и галстуках, Звезда Утренняя (Эсфирь Пинес)» (Бессарабова. Дневник. С. 359, 317)). Цикл состоит из 50 стихотворений.
- С. 202. «**Так некогда явился Искуситель...**». Ср. автохарактеристику М.-М., записанную О. Бессарабовой в дневник 3 июня 1920 г. под диктовку М.-М.: «Старая поэтесса. Будущая монахиня, искушаемая дьяволом. Бродяга» (Бессарабова. Дневник. С. 317).
- С. 202. «**Сквозь малую души моей орбиту...**». Первая строфа с названием «Чин жизни» записана в дневник 25 марта 1949 г. с пометой: «Так в непреувеличенном отчаянии писала я в сергиевские дни [неточность памяти:

переезд в Сергиев Посад совершится месяцем позже. – Т.Н.]. “Строгого чина” – небес, т.е. внутреннего мира, соединяющего меня с моими “небесами”, у меня, конечно, не было. Но потребность в нем, знание, что он такое, что у каждой души он должен быть и что в днях моей жизни душа с ним считается и руководится им, пока не совершилось в ее путях нечто очень страшное, породившее 4 строки, какими начата эта страница. В те дни “Звезда Полынь на воды пала” – и поистине горькими ощутились “истоки” бытия. И... грозным Божьим попусщеньем Звезда полынь, Звезда Полынь, снесла великим наводненьем все храмы всех моих святынь».

С. 213. **«Я не взойду на гору Гаризин...»**. *Гаризин* – гора в Самарии.

С. 213. **«И вдруг покинуть стало жалко...»**. М.-М. сомневалась, к какому циклу отнести это стихотворение: «Распутье» или «Быт». *Красюковка* – территория в Сергиевом Посаде, включающая Бульварную, Огородную и Полевую улицы. М.-М. жила на Бульварной.

С. 214. **«По многозвездной среброзвучной...»**. *Вчера ли это только было / Иль много, много лет назад?* – М.-М. вспоминает о своей прогулке с М.В. Шиком, тогда студентом первого курса Университета, по Воробьевым горам. «Я, задумавшись, смотрела на всё великолепие, когда он спросил меня:

– О чем вы думаете? На что вы так смотрите? Что видите?

Не помню, что я ответила, но помню, что спросила его:

– А вы что видите?

– Вижу Нику крылатую, богиню победы, – ответил он с вдохновенным блеском в глазах» (из тетради М.-М. «Сыну об отце», семейный архив Шиков и Шаховских). Ср. строки Н. Гумилева, которые М.-М. выписывает в дневник, говоря, что они словно написаны ей самой:

В час моего ночного бреда
Ты возникаешь пред глазами –
Самофракийская Победа
С простертыми вперед руками.

С. 215. **«О, кто мне душу озарит...»**. *Хохочет леший на ели...* – ср. стихотворение «Чертовы качели» Ф. Сологуба.

С. 216. **«Сяду я на пне корявом...»**. *Аносино* – деревня у Борисоглебского женского монастыря под Москвой. Там на даче жили Тарасовы. В 1925 г. в Аносино жили уехавшие из Сергиева Посада, опасавшиеся третьего ареста, друзья М.-М. Мансуровы.

С. 219. **Рентгену («Поймали тайных сил природы...»)**. Стихотворение – второе в триптихе «Солдатенковская больница». *Вильгельм Конрад Рентген* (1845–1923) – немецкий физик, открывший излучение, назван-

ное рентгеновским. *Солдатенковская больница* для бесплатного лечения была построена в 1910 г. по завещанию почетного гражданина Москвы, купца первой гильдии *Козьмы Терентьевича Солдатёнова* (1818–1901). С 1920-го носит имя С.П. Боткина.

- С. 222. «**Закружились хороводом...**». *Перловка* – в Перловке жила семья художника Г.Б. Смирнова, дружественная Д. Андрееву и А. Коваленскому.
- С. 224. «**Вершин сосновых шум...**». М.-М. колебалась, к какому циклу отнести это стихотворение: «Распутье» или «Остров изгнания».
- С. 227. **ИЗ КНИГИ «СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА»**. Этот цикл несомненно связан с создававшимся одновременно циклом стихотворений М.В. Шика «В страстную седмицу» (цитаты из него см. в публикации: *Шик Е.* Путь (о моем отце Михаиле Владимировиче Шике – отце Михаиле) // http://www.damian.ru/Svidetelstva_o_vere/shik/m_shik.html. В письме к В.С. Зацепинской от 7 января 1924 г. М.-М. писала: «Кроме “Монастырского”, изданного у меня ничего нет. И вряд ли скоро будет. Не те времена, чтобы печатать “Страстную седмицу” и т.п.» (МЦ. КП 4680/190).
- С. 227. «**Долго ли ходить мне по мукам...**». Характерно сращение разнородных мотивов: византийского апокрифа «Хождение Богородицы по мукам» (к грешникам в Ад), сюжета о «Покрове Богородицы» и славянского языческого образа Матери Сырой Земли – с зачином, отсылающим к пушкинскому стихотворению «Дорожные жалобы». Ср.: «“**Богородица**, что есть, как мнишь?” – “Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого”. – “Так, говорит, **Богородица** – великая мать сыра-земля есть, и великая в том для человека заключается радость”» (Ф.М. Достоевский, «Бесы»).
- С. 227. «**Двенадцать лет земных жила...**». Стихотворение обращено к М.В. Шикю.
- С. 229. «**Как тихо на Голгофе было...**». *Иосиф* – Иосиф Аримафейский, в саду которого, в пещере был устроен Гроб Господень. Греческим словом *Лифостротон* именовалось судейское возвышение или помост. «...Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю. Пилат, услышав это слово, вывел вон Иисуса и сел на судилище, на месте, называемом Лифостротон, а по-еврейски Гаввафа» (Евангелие от Иоанна, 19:12–13).
- С. 230. «**Я одна в саду Аримафея...**». Гроб Господень был установлен в саду Иосифа Аримафейского (происходившего из палестинского города Аримафеи).

- С. 230. «**Зачем в спеленутое тело...**». Эпиграф – Евангелие от Иоанна, 11: 43.
- С. 234. **ИЗ КНИГИ «ОГНЕННЫЕ СТУПЕНИ»**. Книга обращена к М.В. Шику. 23 февраля 1923 г. в «Тетради о твоём отце», обращенной к С.М. Шику, М.-М. признается: «Отец твой приходит два-три раза в месяц, чаще всего перед отъездом в Москву – за какими-нибудь поручениями. Раньше я ему читала в такие вечера свою текущую лирику, но у него был такой мученический вид там, где лирика касалась безысходного огненного круга, в кот<ором> я часто ощущаю себя, что понемногу я разредила, а теперь, кажется, и совсем прекратила эти чтения» (Семейный архив Шиков и Шаховских).
- С. 234. «**Так близко, близко я к горнилу...**». *Девы притчи* – мудрые и неразумные девы евангельской притчи (Мф., 25: 1–13).
- С. 239. «**Совмещать несовместимое...**». 16 января 1949 г. записано в дневнике с измененной 2-й строкой: «Побеждать непобедимое» и заменой одного слова в 3-й строке («сделать *сказом* несказанное»). 4 октября 1950 г. – с той же заменой с 3-й строке и пояснением: «Эти случайно вынутые из глубин Леониллина комода “гадательные” стихи мои тех лет, когда я заготавливала их для молодежи перед наступлением святок сотнями». 28 апреля 1950 г.: с той же заменой и другими глаголами первых строк: «постигать», «достигать». Здесь оно вспоминается как «роднящее» М.-М. с Хлебниковым.
- С. 241. «**Крещеньем огненным креститься...**». Эпиграф – неточная цитата из Евангелия от Луки: «Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!» (Лк. 12: 49, 50).
- С. 243. «**Когда в Еноне у Салима...**». *В Еноне у Салима / Крестил водою Иоанн* – После крещения Иисуса «Иоанн также крестил в Еноне, близ Салима, потому что там было много воды; и приходили [туда] и крестились» (Иоанн, 3: 23).
- С. 245. **Блудница Роав («Остановись, прохожий, на мгновенье...»)**. В современных переводах: Раав (см. Книга Иисуса Навина, 2: 1–24, 6: 16). *Вефиль* – один из древнейших городов Палестины, недалеко от него Авраам соорудил жертвенник Богу; здесь Иаков видел во сне Бога и его ангелов.
- С. 246. «**У колодца ведра плескались...**». Переложение евангельского сюжета о Самарянке и Спасителе (Иоанн, 4: 5–29).
- С. 248. «**Смуглая и стройная рабыня...**». Сюжет стихотворения – из Библии (Бытие. Гл. 16), однако характеристика Агари, от лица которой написано

стихотворение, как «рабыни с Моавитских гор», ошибочна: Агарь была египтянкой, а Моав была родиной другой библейской героини – Руфи.

- С. 251. «**Шелесты. Нежные лепеты...**». *Тимхово* – деревня в Тверской области.
- С. 252. «**Окончив речь свою, прославил...**». Сюжет стихотворения – переосмысленный эпизод из Деяния апостолов (XVII, 34) об обращении ко Христу святым апостолом Павлом афинянки Дамари. *Танатос* (др.-греч.) – смерть. Стихотворение зачеркнуто.
- С. 253. «**На мяльцах мяли...**». При производстве льна его мнут на *мяльцах*, удаляют *костру* – жесткую кожицу или деревянистые волокна, остающиеся как отброс после трепания и чесания (*мыканья*).
- С. 255. «**Я – революция. Я пламень мировой...**». 7 ноября 1947 г. стихотворение записано в дневник и рассказаны обстоятельства его появления: «Его должна была читать Танечка С. на костюмированном балу 8 ноября, в красном платье и во фригийской шапке». В этом варианте конец 2-й строки «дыму»; 3-й: «влеку я за собой»; в 4: «разрушено»; в 8: «не видно».
- С. 259. «**Утихнули ночные шумы...**». *Военный суд* – Арбат, 37. Здесь с 1921 г. в городской усадьбе В.А. Хованского (конец XVIII – начало XIX) размещался Революционный военный трибунал Московского военного округа. *Кино* – кинотеатр «Арбатский АРС» (Арбат, 51). *Зигфрид и Фафнер* – герои фильма немецкого режиссера Фрица Ланга «Нибелунги» (1924). В дневнике М.-М. вспоминает, как «Даниил “водил” нас с Ан<ной> Вас<ильевной> Романовой на Зигфрида» (это был любимый фильм Д. Андреева, который он смотрел десятки раз). Церковь Николая чудотворца на Арбате снесена в 1931 г. Предположительно, описан вид на Арбат из квартиры родителей М.В. Шика.
- С. 260. «**С безумным грохотом трясется грузовик...**». Стихотворение густо зачеркнуто, потом восстановлено.
- С. 261. «**Повернулись раз и раз колеса...**». Посвящено *М.В. Шик*у, который был арестован в декабре 1925 г. и после полугодового тюремного заключения выслан в г. Турткуль (Туркестан). *Башня Сумбеки* – в Казанском кремле. С нею связано много легенд. Здесь, видимо, башня Казанского вокзала.
- С. 263. «**У моря Галилейского ладья...**». *Назорей* – буквально: иудейский отшельник, давший обет не есть винограда и не употреблять произведенных из него продуктов (прежде всего, вина), не стричь волос. На кресте Иисуса было написано «Иисус Назорей, Царь Иудейский» (в значении «назарянин», житель города Назарета). *Мрежа* – рыболовная сеть. *Симон, а потом Андрей* – неточность: первым был позван Андрей.

- С. 265. **«Три волхва идут ночной пустыней...»**. В другом сохранившемся списке последнее слово: «звала». В дневниковой записи 6 января 1950 г.: во 2 строке не Валтасар, а Балтазар. 3–4 строки: “Слышишь ты далекий голос львиный?” – / Оробев, спросил Каспар». 7 строка: «ручья» вместо «ключа». 13 строка: не Мельхиор, а Балтазар.
- С. 267. **СЕМЬ СМЕРТНИКОВ**. Цикл состоит из 7 частей. *Трирский собор* Святого Петра – старейший собор в Германии. Здесь в средние века предавали анафеме еретиков, которых потом сжигали на костре.
- С. 272. **«Ты святой Софии вольница...»**. *Ушкуйник* – участник новгородских отрядов, отправлявшихся по речным путям для торговли, колонизации и просто разбоя (ушкой – большая лодка, судно). *Птицво* – мелкие птички. Редкое слово, отсутствует в словарях русского языка. Встречается у А.К. Толстого (Собр. соч. Т. 4. 1908. С. 105), который также обращался к этой теме (см. его стихотворение «Ушкуйник»).
- С. 273. **«Я – Каин. Брата моего...»**. Стихотворение связано с чувством невосполнимой потери и «вины» М.-М. перед ее матерью, скончавшейся в декабре 1928 г. См. также комментарий к стихотворению «Кружечка. Сода. Рука терпеливая...».
- С. 274. **«Длинный-длинный перрон...»**. Описан Ярославский вокзал, на который из Сергиева Посада М.-М. приезжала в Москву.
- С. 280. **«Тринадцать лет мне минуло вчера...»**. *Агана* – в I–V веках н. э. – вечернее собрание христиан для молитвы и вкушения пищи, соединенное с воспоминаниями об Иисусе Христе. Возможный источник эротического мотива в стихотворении – вольная интерпретация аналогии между ритуалами русских сект и ранних христиан в нашумевшем исследовании Д.Г. Коновалова «Психология секстантского экстаза» (1908) и распространенных обвинений хлыстов в том, что «их экстатический обряд заканчивался ритуальным групповым сексом» (см. об этом: *Эткинд А. Джемс и Коновалов: Многообразие религиозного опыта в свете заката империи // Новое литературное обозрение. № 31. 1998. С. 113*). Ср. дневниковую запись 21 сентября 1942 г.: «...необходимо разграничить в вопросе Эроса, чтобы не запутаться: трапезы любви (агапы) катакомб и хлыстовское радение, Тургенева с m-me Виардо и Франсиска Ассизского...».
- С. 281. **«Как белый лебедь Лоэнгрин...»**. *Лоэнгрин, Монсальват* – см. комментарий к стихотворению «Да будет так. В мистерии кровавой...».
- С. 282. **«Аменти – край закатный. Розы...»**. *Аменти* – древнеегипетское название подземного мира, царство Озириса. *Ра* – верховное божество древних египтян, бог солнца.

- С. 283. **«Всё в мире движется. И ты...»**. Ср. те же мотивы в стихотворении «Море синее! Давно ты ждешь меня...» (1939).
- С. 285. **«Всё сны да сны. Когда же будет жизнь?..»**. Эпиграф – измененная цитата первой строфы стихотворения В.С. Соловьева «Если желанья бегут, словно тени...» (1897). Правильная третья строка: «Стоит ли жить в этой тьме заблуждений». В письме 7 сентября 1920 г. к В.К. Затеplinскому М.-М. писала: «...установление высшей гармонии, путь к Богу <...> Почитайте очень хорошую (если не читали) статью Соловьева “О Любви”. По этому вопросу я не читала ничего более просветленного, а следовательно, и близкого к Истине» (МЦ. КП 4680/197).
- С. 285. **Во дни Содомы и Гоморры («Остеклевшим взором из-под камня...»)**. В библейском рассказе об уничтожении за грехи жителей городов Содомы и Гоморры от серного и огненного дождей (Бытие, 19) в соляной столб превращена жена Лота, нарушившая запрет и оглянувшаяся на родное пепелище. Стихотворение М.-М. отталкивается от библейского сюжета: повествование ведется от лица погибающей под обломками грешницы Содомы, на которую оглянулся обращенный в соляной столб ее возлюбленный.
- С. 287. **«Легкой поступью Оэлла...»**. «В тебе есть нечто от Оэллы, одного из малых духов, перелетающих порой из гадания моего в жизнь» (слова из письма М.-М. к О. Бессарабовой 7 марта 1921 г. – Бессарабова. Дневник. С. 364). В дневнике 9 декабря 1943 г. М.-М. цитирует первое четверостишие и комментирует: «Всё, что приходило ко мне от некоторых людей схожего с этим звездным излучением, стало для меня признаком принадлежности их к общему со мной “звездному братству” <...> Похожий луч всю жизнь исходит для меня от Ольги».
- С. 287. **«Синим, синим жгучим небом...»**. *Мангустан* (мангостан, мангустин; лат. *Garcinia mangostana*) – вечнозеленое плодое дерево семейства клузиевые; растет в экваториальном климате. *Теревинф* (лат. *Pistacia terebinthus*) – дерево из семейства фисташковых, растет в южной Европе. *Менуры*, птицы-лиры (лат. *Menuridae*) – семейство птиц, обитающих в Австралии. *Бурну* – королевство в Африке. Композиционно стихотворение перекликается со стихотворением В.Ф. Ходасевича «Леди долго руки мыла...».
- С. 288. **«Может быть, мне это снилось...»**. *Танкред* (ум. 1112) – участник первого крестового похода 1096–99, князь Антиохии; воспет Т. Тассо в «Освобожденном Иерусалиме».
- С. 291. **«О, Кантакана, конь мой верный...»**. *Эпиграф* – не Упанишады, а эпизод из жизнеописания Будды, по книге А. Шопенгауэра «Мир как

воля и представление»: «...Когда Будда еще в качестве будхисатвы велит в последний раз оседлать коня, чтобы бежать из отцовской резиденции в пустыню, он обращается к коню со следующим стихом: “Уже давно ты со мною в жизни и смерти, теперь же ты перестанешь носить и влачить. Только еще раз унеси меня отсюда, о Кантакана, и когда я исполню закон (стану Буддой), я не забуду тебя” (ссылка на французский перевод книги китайского путешественника V века)».

- С. 293. **«Златокрылый, нежный, ясноликий...»**. *Фра Беато Анжелико* (1400–1455) – итальянский художник раннего Возрождения. Ангел с лютней изображен на его темпере «Мадонна Умилиение».
- С. 294. **«Сквозь алый бредовой покров...»**. Второе стихотворение триптиха с зачеркнутым названием «Болезнь».
- С. 297. **«Не спится мне, не спится...»**. В дневник записаны варианты первых двух строф: 6 января 1950 г. – 7 и 8 строки: «где многим затеряться / пришлось бы кораблям»; 14 марта 1951 г.: перемены в 4 строке («молитве») и 6–8 строках: «По всем ночным морям, / Где гибель угрожает / Разбитым кораблям...».
- С. 297. **«Глядит сова незрячими очами...»**. ...*мост св<этого> Марка* – фантом, образовавшийся соединением символов Венеции: площади и базилики Св. Марка, моста Риальто и моста Вздохов.
- С. 300. **«Выйду рано на Божью ниву...»**. Это и последующее стихотворения – третье и четвертое в безымянном цикле из четырех стихотворений. *Мара* (Морена, Моряна) – языческое славянское божество Смерти, Зимы. В дневнике 20 августа 1952 г. припоминаются второе и третье четверостишия, с незначительными отличиями. 5 строка: «Мара, Маряна, Марена». 9 строка: «Я жду косы твоей взмаха».
- С. 301. **«Море синих облаков...»**. *Арьякас Лидия Семеновна* (урожд. Леонтьева) – жена Гуго Яновича Арьякаса (1894 – расстрелян 20.08.1938), ученица М.-М. Вместе с М.-М. и Скрябиными уехала из Ростова в Москву, поселилась в Сергиевом Посаде. См. о ней: Бессарабова. Дневник. (По ук.). Реальный комментарий к стихотворению – в записи О. Бессарабовой от 25 июля 1922 (по ст. стилю): «Вавочка сначала отдыхала на большой копне, потом трогательно сгребала сено. И домой пошла с граблями на плечах – ясная и праздничная, как именинное дитя» (Бессарабова. Дневник. С. 485).
- С. 303. **«Поездка в Горячие ключи...»**. Эпиграф – из народной песни «Не одна во поле дороженька». В списке О. Бессарабовой – объясняющая пометка: «Поездка на санях: Варв<ара> Гр<игорьевна>, Оля, Борис, Наташа – в деревню Горячие ключи». *Борис* – Борис Александрович Бес-

сарабов (1897–1970) – красноармеец, художник-дилетант, брат О.А. Бессарабовой, *Оли. Наташа* – Наталья Ивановна Бессарабова (1895–1981), художница, жена Бориса Бессарабова (см. о ней: Бессарабова. Дневник. С. 675 и др. по ук.). *Егорий* – герой духовных эпических стихов Егорий Храбрый (св. Георгий). С образом Б. Бессарабова связана поэма Марины Цветаевой «Егорушка» (январь-февраль 1921 г.). См. об этом: *Громова Н.* Предисловие // Бессарабова. Дневник. С.3–6. Прямые отсылки к одному из центральных сюжетных мотивов цветаевской поэмы (Егорий – волчий пастух) содержатся в 3-й части цикла.

- С. 307. «**Песни мои, песни...**». Стихотворение написано через месяц с небольшим после смерти матери М.-М. *Моряна* – см. выше, примечание к стихотворению «Выйду рано на Божью ниву...».
- С. 309. «**Напоена морозной мглою...**». «Первое стихотворение, записанное мной в Сергиевом Посаде. Утром, во время затапливания печки, Вавочка позвала меня к столу и продиктовала... За окном был иней на траве...» (запись О. Бессарабовой на листке с этим стихотворением).
- С. 310. «**На закате розовые дали...**». Четвертое стихотворение из цикла «Снега», состоящего из шести частей.
- С. 312. «**Золотая осень озарила...**». Ср. слова в письме М.В. Шика к М.-М. от 18/ IX (1/X) 1918 г.: «Золотая осень на дворе и золотая о Тебе тоска в сердце» (МЦ. КП 4680/272).
- С. 317. **Ad suor nostra Morte** – К сестре нашей Смерти (*итал.*). Выражение «сестра моя Смерть» восходит к Франциску Ассизскому. Антонимичная формула, выбранная Б.Л. Пастернаком для названия своего сборника 1922 г. (стихи которого создавались летом 1917 г.) – «Сестра моя жизнь» – в своем истоке также восходит к Франциску Ассизскому. «Mors–Tod–Morte–Death, смерть – как люблю я это слово, какой огромный обет в нем и сила» (из письма М.-М. к О. Бессарабовой, 2 июля 1920 – Бессарабова. Дневник. С. 321).
- С. 322. «**Всклоченный, избитый, неумытый...**». Первое стихотворение триптиха без названия.
- С. 323. «**Жнец пошел с серпом на поле...**». *Синец* – синяк (лат. *Echium vulgare*), травянистое растение.
- С. 325. «**Как страшно жить в семи слоях...**». Дневниковая запись 10 ноября 1950 г.: «В каждом человеке есть материала больше, чем для двух “оборотней”, какие в сказках: человек и змей. В одном из стихотв<орений> моих я у себя когда-то насчитывала чуть ли не шесть или семь таких существ, из каких состоит лицо моего “я”. И не у меня одной это так». Ср. выше,

в комментариях к стихам из книги «Братец Иванушка», письмо М.-М. к М.В. Шику об имени Иоанн. Еще раз первые две строчки стихотворения записаны в дневнике 11 ноября 1953 г.

- С. 326. **«Уснуть бы. Так уснуть глубоко...»**. Прообраз стихотворения – монолог шекспировского Гамлета «Быть или не быть».
- С. 328. **«От каждого есть яда...»**. *Безоар* – конкремент из плотно сваленных волос или волокон растений в желудке или кишечнике животных; ему приписывали свойства спасти своего владельца от ядов. *Кукельван* – плод тропического растения анамирта. *Кучино* – подмосковный поселок (ныне микрорайон города Железнодорожный). Хотя в 1925–1931 гг. там жил А. Белый, стихотворение не может иметь связи с ним: летом 1928 г. Белый отдыхал на Кавказе, в Грузии и Армении и вернулся в Кучино 14 августа.
- С. 333. **«Так тесен круг моих желаний...»**. Ср. запись в дневнике 23 декабря 1932 г.: «У стихотворчества (у моего, а м.б. и у всякого?) вот главные враги: 1. срочные и неприятные житейские заботы; 2. дети; 3. лишние разговоры; 4. письма (если много их пишу); 5. что-нибудь точащее совесть».
- С. 445. **«"Не умерла, но спит". Не спит, но умерла...»**. Эпиграф – Матф. 9: 24.
- С. 336. **«Глубже, глубже, круг за кругом...»**. Первая строфа воспроизведена в дневнике 29 июля 1948 г., первые две строфы – 10 апреля и 23 июня 1953 г. с изменением слова «дух» на слово «жизнь» в 7 строке.
- С. 338. **«Игра стоцветных самоцветов...», «Синеет сумрак за окном...»**. М.-М. колебалась, к какому циклу отнести эти стихотворения: «Преддверье» или «Огненные ступени».
- С. 339. **«Я полумертвое пшеничное зерно...»**. Эпиграф – Матф. 24: 32.
- С. 342. **«Памяти трамвайной встречи с китайцем»**. В другом списке стихотворение называется «Памяти трамвайной встречи» и имеет посвящение Вл. Соловьеву.
- С. 343. **Эскизы Interior'ов («Фиолетовый приют...»)**. Перед первым стихотворением пояснения: «у Жени» – т.е. у Е.Н. Бируковой (см. о ней комментарий к стихотворению «Ирис мой лиловоглазый...»). Перед вторым: «А.В.Р.» – т.е. Анна Васильевна Романова (см. о ней комментарий к стихотворению «Кораблик белый...»). Шутливому описанию ее комнаты, сделанному М.-М., вторит серьезное повествование Е.Н. Бируковой (более позднего времени): «Когдаходишь и за тобой падает тяжелый ковер коричневых тонов, – сразу как бы отрекаешься от мира. Справа от двери притягивают взгляд трое святых стражей кельи: Василий Великий

и апостолы Петр и Павел – прекрасные иконы древнего письма, в полноту человеческого роста, спасенные из закрытого храма <...> Иконы, образа и фотографии служителей церкви из святого угла простираются на две стены, покрывая их священным панцирем <...> Левая стена почти сплошь одета огромным туркестанским паласом <...> Сочные краски, восточный узор как бы говорят нам о ее молодых годах, когда она вся была в поисках Красоты и Истины на инородных душе, экзотических путях, о ее заглядывании в область теософии, учений йогов и прочего. Передняя стена <...> – просвет во внешний мир: городской многокрышный пейзаж и простор неба...» (*Бирукова Е. Душа комнаты // http://www.klenniki.ru/mechev-obchin/mechevskaya-mirnye/255-dusha-komnaty*). Перед третьим стихотворением – помета: «А.В. Коваленский, А.Ф. Доброва». *Снов Мировича созданыя* – т.е. рисунки М.-М. Кольцовский мужичок – из стихотворения А.В. Кольцова «Что ты спишь, мужичок...» (1839); «*София*» – комплект журнала «София» (1914, вышло 6 номеров. Издание К.Ф. Некрасова. Редактор П.П. Муратов; у Некрасова работала Н.Д. Шаховская); *Два Шмакова не в подъем* – двухтомник философа-мистика *Владимира Алексеевича Шмакова* «Основы пневматологии. Теоретическая механика становления духа» (Т. 1–2. М., 1922). «*Следопыт*» – журнал приключений и путешествий «Всемирный Следопыт», выходил в издательстве «Земля и Фабрика» (1925–1932). Ср. запись О. Бессарабовой: «С Женей Бируковой зарабатываю корректурой» (Бессарабова. Дневник. С. 643). *Плахта* – старинная украинская женская поясная одежда, или ткань, из которой шилась такая одежда. *Романов Пантелеймон Сергеевич* (1884–1938) – прозаик; *Надежда Васильвна Крандиевская* (в замужестве Файдыш; 1891–1963) – скульптор, сестра поэтессы Натальи Крандиевской-Толстой, автор скульптурных портретов С.Я. Парнок (1913), А.Н. Толстого и М.И. Цветаевой (оба 1915). Маску Пушкина вылепила в 1910-е годы. *Биша* – домашнее имя Коваленского. «*Такса*» – книжка детских стихов Коваленского (1927). «*Неопалимая купина*» – икона.

- С. 346. «**Наугольник, отвес, молоток...**». *Коловион* – орденское имя знаменитого просветителя и масона Николая Ивановича *Новикова* (1744–1818).
- С. 347. **Портрет N.N. («На работе в саду латышка...»)**. Стихотворение зачеркнуто.
- С. 349. **Святой Варваре («Агница Божия, чьей девственной кровью...»)**. *Святая Варвара* Илиопольская (ум. в 306) – христианская великомученица, умерла от руки своего отца *Диоскора* (он отрубил ей голову). Считается покровительницей от внезапной смерти.
- С. 350. «**Фра-Беато-Анжеликовских...**». О *Фра Беато Анжелико* см. комментарий к стихотворению «Златокрылый, нежный, ясноликий...».

Епифанова Татьяна Дмитриевна – сотрудница Гослитиздата, двоюродная сестра Е.Н. Бируковой. *Vicoque* – хибарка (франц.), «в одном из переулков недалеко от Москва-реки, где жила Ирис [Е. Бирукова. – Т.Н.] со своей двоюродной сестрой Таней и потом с Майей К<ювилье> (впоследствии m-me Ромен-Роллан). В *Vicoque* фантастическая богемность. Все три молодых существа, в нем обитавшие, жили в “эмпириях”...» (мемуарная запись в дневнике 5 сентября 1948 г.). *Умное делание* – практика внутренней молитвы.

- С. 351. **Одной женской жизни («Подорожник, подорожник...»)**. Т.Р. – *Татьяна Васильевна Розанова* (1895–1975) – дочь В.В. Розанова. Е.В.Д. – *Елена Владимировна Держиз* (1890–1973) – пианистка, сестра М.В. Фаворской.
- С. 351. **[Живописцы] (Матисс. Дени. Гогэн)**. *Анри Матисс* (1869–1954), *Морис Дени* (1870–1943), *Поль Гоген* (1848–1903) – французские художники. М.-М. интересовалась биографией Гогена (что отразилось в ее дневнике и письмах).
- С. 353. **День Ильи-пророка («Под знаком огненным пророка Илии...»)**. День Ильи-пророка приходится на 2 августа, когда и написано стихотворение. *Наташа* – Н.Д. Шаховская-Шик. *Знаменье-Дитя* – С.М. Шик, см. о нем во вступительной статье. Венчание М.В. Шика и Н.Д. Шаховской состоялось 20 июля (по ст.ст., по новому – 2 августа) 1918 г.
- С. 354. **«Обедни, утрени, вечерни, парастазы...»**. Правильно: *парастас* (греч.) – служба об умерших.
- С. 356. **«Лежу, укравшись с головою...»**. *Киновия* – христианская монашеская коммуна, монастырь общежитского устава.
- С. 357. **«Обменяться улыбкой с вечерней звездой...»**. *Двойник* – из теософской концепции жизни и смерти: «И “смерть” триумфально овладевает телом, когда эфирный двойник, наконец, извлечен, и тонкий шнур, который соединяет его с телом, разорван» / *Безант А.* Смерть... а потом? (Теософское руководство № 3). Исключительно выразительное визуальное выражение этой концепции запечатлено в шедевре шведского кино – фильме В. Шёстрёма «Возница» (1920), по роману С. Лагерлёф.
- С. 358. **В вагоне («Про теленка и козленка...»)**. Помимо очевидной неприязни к органам ГПУ в стихотворении сказалось органическое неприятие М.-М. канцелярской стороны жизни: ср. запись в дневнике Бессарабовой 4 марта 1917 г.: «Вавочка хотела было помочь работать там [в исполнительном революционном комитете. – Т.Н.], но у нее от слов “директивы” и “номера” разболелась голова и она ушла поскорее» (Бессарабова. Дневник. С. 161).

- С. 359. **Уголок летнего Арбата, 10 ч. утра («Ослепший на фронте...»)**. *Гретхен, Зибель* – героини поэмы Гете «Фауст». «Мистерия-Буфф» – пьеса В. Маяковского, поставленная В. Мейерхольдом. «Приключения Бим-Бома», «Любовь старика» – фильмы(?). Выяснить, что имеется в виду, не удалось.
- С. 363. **«Я живу в избе курной...»**. Стихотворение записано в письме к О.А. Бессарабовой в Долгие Пруды.
- С. 371. **«Под низким потолком спрессованные люди...»**. *Триполье, Плюты* – села в Обуховском районе Киевской области, примерно в 40 км от Киева. В контрастном контексте Триполье и *подсолнухи* упомянуты Д. Андреевым, спутником М.-М. в этом путешествии, в «Розе мира»: «Лично у меня всё началось в знойный летний день 1929 года вблизи городка Триполье на Украине. Счастливо усталый от многоверстной прогулки по открытым полям и по кручам с ветряными мельницами, откуда распахивался широчайший вид на ярко-голубые рукава Днепра и на песчаные острова между ними, я поднялся на гребень очередного холма и внезапно был буквально ослеплен: передо мной, не шевелясь под низвергающимся водопадом солнечного света, простиралось необозримое море подсолнечников...» (*Андреев Д.* Роза мира. М., 1998. С. 82).

ПОЗДНИЕ СТИХИ 1931–1953 ГОДОВ

В первый подраздел включены стихотворения, переписанные О. Бессарабовой.

- С. 378. **Из цикла «Зубовский бульвар» («...Не оттого ль мне худо...», «Дождя волнистая завеса...»)**. На Зубовском бульваре (д. 15, кв. 23) жила семья Н.Д. Шаховской. Два стихотворения, не соседствующие в тетради, но имеющие одинаковое название «Зубовский бульвар», видимо, были задуманы как части единого цикла.
- С. 383. **«Сон от глаз бежит. Бессонница...»**. Стихотворение содержит реминисценции из Пушкина («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы...») и «Дар напрасный, дар случайный...»).
- С. 383. **«Когда над жизнью что-нибудь...»**. *Малоярославец* – город в 101 км от Москвы, куда в 1931 г. была вынуждена переехать из Томилино семья М.В. Шика.
- С. 384. **«Вдалеке туманным силуэтом...»**. *Левада* – огороженный изгородью участок пастбища, предназначенный для летнего выпаса лошадей. *Дарни-*

ца – станция киевской железной дороги. *Нежин* – город в Черниговской области Украины.

- С. 386. «У заповедного порога...». *Азраил* – ангел (архангел) Смерти в исламе и иудаизме, поэтическое олицетворение смерти.
- С. 390. «Соедини раскинутые нити...». *Оля (Лис)* – О. Бессарабова.
- С. 393. «Частоколы высоки...». А.К. Тарасова сыграла Катерину в фильме «Гроза» по одноименной пьесе А.Н. Островского (1934; режиссер В.М. Петров).

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ДНЕВНИКА

- С. 397. **В трамвае («Теснились усталые люди в трамвае...»)**. «Не знаю, для чего захотелось записать в стихах эту быль. Тянет порой к стиху, как алкоголика к спиртным напиткам» – в дневниковой записи того же числа.
- С. 398. **Комната Даниила («На абажуре Бенарес...»)**. Ср. цикл «Эскизы Interieur'ов». *Даниил* – Д.Л. Андреев. *Бенарес* – священный город индуистов. См. произведения Д. Андреева: стихотворение «Бенарес! Негаснущая радуга...», поэма «Бенаресская ночь». И.В. Усова вспоминала стоящую на столе «лампу под голубым абажуром, воспетым им в одном из стихотворений» (*Усова И.В.* Даниил Леонидович Андреев в моей жизни // Андреев Д. Собр. соч. В 3 тт. Т. 3., кн. 2. М., 1997). Ср.: «В комнате висел разрисованный им абажур, где русские церкви были изображены попеременно с буддийскими храмами, образуя своеобразный орнамент» ([*Норден А.П.* Воспоминания]. Цит. по статье: *Белгородский М.* «Заблудившийся трамвай»: Александр Норден и Даниил Андреев: <http://forum.gozamira.org/index.php?showtopic=1737>). *Культ коровы* как священного животного распространен в Индии. *Портрет отца* – писателя Леонида Андреева. *Биша* – см. комментарий к циклу «Эскизы Interieur'ов». Д. Андреев высоко чтит Коваленского и посвящал ему стихи.
- С. 398. **Дождь («Май. Пришествие весны так грустно...»)**. *Ирис* – Е.Н. Бирюкова (см. о ней комментарий к стихотворению «Ирис мой лиловоглазый...»). Примечание О. Бессарабовой к слову «*улыбается*» в последней строке: «Рот у кудлатого с прямым пробором Османа устроен так, что он, как Гуинплен, непрерывно улыбается» (*Гуинплен* – герой романа В. Гюго «Человек, который смеется»). *Кулеш* – блюдо украинской кухни, суп с добавлением пшена и других ингредиентов.
- С. 402. «Глухие уши мои...». *Сиддхарта* (Сиддхартха) – имя Будды, данное ему при рождении. *Я всё услышал. Я иду* – после встречи выросшего

в роскоши и безмятежности Сиддхарты с мертвецом, больным, старцем и отшельником, открывших ему «тщету и суету земного», он ушел из отчего дома в поисках истинного знания. *Грохот бомб над Испанией* – Гражданская война в Испании 1936–1939, в ходе которой испанские города подвергались разрушительным налетам итальянских и германских бомбардировщиков. *Плач изгнанников Чехии* – в октябре 1938 г. Германия захватила т. н. Судетскую область, в марте 1939 г. оккупировала все чешские земли и объявила их (за исключением отторгнутых в 1938 г.) «Протекторатом Богемии и Моравии». *Телемак* – сын Одиссея. Так в дневнике М.-М. называла сына Аллы Тарасовой, Алексея.

- С. 406. «**Мелкие брызги потока...**». Записано в дневник с пометой: «Ночь. У себя за ширмой». *Мальстрем* – водоворот у северо-западного побережья Норвегии. Литературный источник образа – рассказ Э.По «Низвержение в Мальстрем».
- С. 407. «**Пришла белокурая женщина...**». *Из Загорска (а был он Сергиев)* – Сергиев был переименован в Загорск в 1930 г. (с 1991 г. – Сергиев Посад). ...с бедной моею старицей – с матерью, В.Ф. Малахивой, М.-М. жила с августа 1920. В 1929 г., похоронив в Сергиеве мать (умерла 31 декабря 1928 г.), М.-М. переехала жить в Москву.
- С. 408. «**Ох, тошно мне, тошнехонько...**». Записано в дневник 15 октября 1940 г. с пояснением: «Необходимо научиться нитку своих дум присоединять к пряже мирового горя». Сведения о М.В. *Янушевской* из дневника М.-М.: «заходил Дима <Шаховской> с мешком картофеля для М.В. Я<нушевской>, старинной знакомой Тарасовых и моей. Два года тому назад она, зная, что Дима – “сиротка” и нуждается в бумаге для рисования, подарила ему рублей на 300 прекрасной ватмановской бумаги, оставшейся от сына, “пропавшего без вести”. И я, и Дима преисполнились благодарностью, но только через два года раскачались для действенного доказательства ее. Очень ценю, что Дима в последнее время сам стал напоминать: “Когда же мы, Баб-Вав, соберемся, наконец, к М.В. с картошкой?”» (27 января 1945 г.); «М.В. (Янушевская), трикотажница, “полковничья жена”, старенькая приятельница Леониллы, которая приходит порой всячески облегчать ей труды домоводства» (28 апреля 1945 г.).
- С. 411. «**Темно горит моргасик-часик...**». Записано в дневник 26 августа 1949 г. *Моргасик* – керосиновая лампа без стекла. Последняя строчка – на стыке цитат из «Евгения Онегина» и романа «Гори, гори, моя звезда...».
- С. 411. «**Кто волей Бога очертил...**». Переложение 90-го псалма Давида «Живый в помощи всевышнего». Записано в дневник 3 мая 1945 г. С переменной в начале 3-й строфы («Неодолим») и в последней строке («Да не преткнется»).

С. 413. «Твоя любовь почилa надо мною...». Лис – О. Бессарабова.

С. 415. «Не та мать – сирота...». Записано в дневник вместе с историей его возникновения: «Ульяна (интимно, застенчиво, и даже с робостью, шепчет, оглядываясь): Что я хочу Вам сказать, В.Г.: как узнала я от Л.Н., что Вы необнакновенный [так! – Т.Н.] человек, и у вас такая [душа], что всё может сочинить... Хочу вас попросить – сочините мне про осиротелую мать. Это про мою жизнь.

– Какая же вы осиротелая? Вы недавно, как в Ленинград ехали, говорили, что там у вас две дочери и сын.

– Бывает так, В.Г. Две дочери и два сына. И все-таки мать – сирота. Вы здесь никому ничего не говорите. Я вам одной, как вы – необнакновенный человек. И хочу я вас просить: есть у меня мечта: сложите вы про мое горе так складно, чтобы я поплакала (тут она грязным фартуком осушает глаза). И... чтобы когда я пошлю листок этот дочкам, они бы тоже пришли в чувство... хоть ... одну бы слезинку на мой счет уронили...

Я объяснила ей, что по заказу это не делается, но что если придут нужные слова, м.б., даже сегодня, я запишу их. К моему удивлению и к несказанной Ульяниной радости, пока я готовила себе на ночь постель, эта “заплачка” оказалась в моей голове в готовом виде, а через четверть часа была прочитана Ульяне с листа и орошена, как и руки мои, ее горячими слезами».

С. 416. **Симфония уходящего в вечность дня («По столу ходит Алла на кухне...»)**. Ср. «Северная симфония (1-я, героическая)» и «Симфония (2-я, драматическая)» – ранние произведения Андрея Белого, «принципиально новый, доселе никому не ведомый литературный жанр – эксперимент фронтального построения литературного текста в соответствии со структурными канонами музыкального произведения» (А.В. Лавров). Алла – А.К. Тарасова. *Генерал* – третий муж А.К. Тарасовой, генерал-майор авиации Александр Семенович Пронин (1902–1974). *Согбенная бабушка* – мать А.К. Тарасовой, гимназическая подруга М.-М. Леонилла Николаевна Тарасова. Екатерина Павловна *Калмыкова* – подруга М.-М. Владимир Григорьевич *Чертков* (1854–1936) – лидер толстовства, друг Л.Н. Толстого, редактор и издатель его произведений, общественный деятель. *Александра Львовна Толстая* (1884–1979) – дочь Л.Н. Толстого, его секретарь, с 1929 в эмиграции; издательница и популяризатор произведений отца, основатель Толстовского фонда помощи русским беженцам, автор книги «Об уходе и смерти Л.Н. Толстого» (Тула, 1928). *Астапово* – станция, где скончался Л.Н. Толстой. *Дима* – Д.М. Шаховской (р. 1928), сын Н.Д. Шаховской-Шик и М.В. Шика. *Алексей Залесский* – врач, брат участницы «Кружка Радости» Нины Залесской, младший друг М.-М.

- С. 420. **[Из цикла, обращенного к В.А. Ватагину]**. РГАЛИ. Ф. 3022. Оп. 1. Ед. хр. 182. *Василий Алексеевич Ватагин* (1883/1884–1969) – график и скульптор-анималист. Об отношении к Ватагину говорит дневниковая запись 19 апреля 1947 г.: «Я слушала, и только порой из глубин подсознания доносилось до меня: ведь это Ватагин. И вы не виделись с ним целый год. А перед этим – века. Естественно же было для вас видеться каждый день... И это было. Давно». «Ватагинский цикл» сформирован в конце 1940-х гг. из написанных в разное время 12 стихотворений. Сохранились и другие стихи М.-М., обращенные к Ватагину: «Стою в немом очаровании...» (апрель 1946); «Мне хочется, маэстро наш любимый...» (8 июня 1947).
- С. 422. **«Когда вчера я увидела...»**. *Татьяна Владимировна Усова* (1904–1992) – филолог, гражданская жена Д. Андреева до 1944 г.; в 1947 г. арестована по его делу и осуждена на десять лет, освобождена в 1956 г. См. о ней воспоминания сестры: *Усова И.В.* Даниил Леонидович Андреев в моей жизни // Андреев Д. Собр. соч. В 3 тт. Т. 3., кн. 2. М., 1997. Стр. 397–451, 535–537. *Салтвора* – правильное было бы: Салватерра (лат. terre salvationis) – земля спасения, «термин» Д. Андреева, ср. mons salvationis – гора спасения – Монсальват. См. также комментарий к стихотворению «Да будет так. В мистерии кровавой...». *И где Ваш брат из Салтвореры / Изменой путь свой приземлил...* – Д. Андреев, автор поэмы «Песнь о Монсальвате», вернувшись с фронта, соединил свою жизнь с А. Мусатовой.
- С. 423. **«Продувная эта шелка...»**. *Екатерина Васильевна Кудашева* (урожд. Стенбок–Фермор, потом Толстая; 1866–1944) – свекровь Майи (Марии Павловны) Кудашевой (Кювилье); близкая подруга М.-М.
- С. 425. **После кораблекрушения («Я плыву на обломке подгнившей доски...»)**. Машинопись из архива О. Бессарабовой (МЦ. КП 4683/58). В дневниковой записи от 14 октября 1950 г. 2 строка: «В безграничную даль океана». Стихотворение – единственный известный письменный отклик М.-М. на совершившиеся в 1948 г. аресты широкого круга близких ей лиц (Коваленского, Добровых и многих других) по т.н. делу Даниила Андреева. Причиной арестов стал роман Д. Андреева «Странники ночи», одной из слушательниц которого была М.-М. Классический прообраз стихотворения – «Арион» А.С. Пушкина.
- С. 428. **«Ничто не проходит. Все с нами...»**. Записано в дневнике 8 апреля 1948 г.; 9 мая 1949 г., 7 февраля и 6 августа 1953 г.
- С. 428. **«У пустынных львов – пещера...»**. Записывая в дневник 16 октября 1948 г. этот найденный в папках при уборке стих, М.-М. поясняет: «понравилась его папильонная легкость, летучесть».

- С. 428. **«Как холодно, как сыро, неуютно...»**. Комментарий из дневниковой записи, сделанной в тот же день в квартире Аллы Тарасовой: «Вписываю косолапые строчки, какими разгоняла печеночное томление (вместо грелки, здесь, по хозяйским условиям, часто недоступной)».
- С. 429. **«Как мне поведать несказанное...»**. Записано в дневнике 11 ноября 1953 г. с пометой: «Стихотворение, родившееся 2 или три года тому назад».
- С. 431. **«Черный ворон! Предсказанья...»**. *Денисьевна* (мать Дионисия) – монахиня в миру, жившая в Сергиевом Посаде. Ухаживала за престарелой матерью М.-М., подруга М.-М.
- С. 432. **«Пиши, перо. Диктуй, тетрадка...»**. Записано в дневнике с пометой: «Бледно, бедно, бессильно. Отложено до лучших времен, если они еще будут».
- С. 432. **«День прошел как сон. О чем – не знаю...»**. Записано в дневнике, «на краю кровати».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- «Агница Божия, чьей девственной кровью...» (СВЯТОЙ ВАРВАРЕ), 349
«Аллеи лиственниц лимонных...» (ПАРК В УДИНО), 123
«А у меня в груди орган...», 132
«Аменти – край закатный. Розы...», 282
«Апатично, безрадостно, Дима...» (СИМФОНΙΑ УХОДЯЩЕГО
В ВЕЧНОСТЬ ДНЯ, V), 417
«Асфальт намокших черных тротуаров...», 385
«Ах, какими тешит сказками...», 258
«Ах, эта стройная сосна!..», 399
«Ах, я не смею тосковать...», 197
- «Бабочка крылом меня задела...», 82
«Багряно-алые, страстные...», 204
БАТАЙСКИЕ ДНИ (1–18), 181
«Баю, баю, баю, Лисик...», 114
«Бегите, мысли, быстрее лани...», 382
«Безветренный сентябрьский день...» (НЕСКУЧНЫЙ САД), 314
«Безлюбовный и безверный...», 272
«Безлюдье улицы убогой...», 277
«Безмолвен Кремль. Навек Иван затих...» (В КРЕМЛЕ), 315
«Безнадежно далекий, прекрасный...», 226
«Безнадежность – высшая надежда...», 135
БЕЛАЯ НОЧЬ («По Неве, где даль речная...»), 14
«Белеют призрачно березы...», 19
БЕСПЛОДНЫЕ МЫСЛИ ВО ВРЕМЯ ГОЛОВНОЙ БОЛИ (I–VII), 364
БЕСПЛОДНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ, 140
«Бессилью моему дай право стать усильем...», 242
«Бессонной долгой ночью...», 152
«Благословен звенящий зной...», 337
«Благословен удел изгнанья...», 430
«Благословенная дорожка...» (В ДНИ ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ), 426
«Бледно-зеленым океаном...», 256
БЛУДНИЦА РОАВ («Остановись, прохожий, на мгновенье...»), 245
«Боже воинств, великой Твоей благодатью...», 125
«Боль-боляницу...» (ЗАГОВОРЫ, 9), 112
«Больная нежная заря...», 23
«Боязливые бледные люди...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ), 182

- «Братец Иванушка, сегодня приснился...», 176
 «Бродит бездомный котенок...», 163
 «Будем как дети. Сядем под ветви...», 317
 «Будет ли рождать еще земля...», 180
 «Будут звоны колокольные...», 228
 «Бывают дни опустошения...», 403
 «Был вечер, полный чарованья...», 136
 «Был день, когда вошел могучий...», 204
 «Было ли чудо в Вифании...», 232
- «В белоснежной колыбели...», 310
 «В бессолнечной угрюмости осенней...», 89
 В ВАГОНЕ (1–3), 256
 В ВАГОНЕ («Про теленка и козленка...»), 358
 «В газетах уже писали...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ, 4), 182
 «В горниле тяжких испытаний...», 144
 «В гробу лежала Лидия-девица...», 265
 В ДНИ ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ («Благословенная дорожка...»), 426
 «В домино играют старухи...», 409
 «В золоте мимозы нежной...» (ПАМЯТИ РИВЬЕРСКИХ ДНЕЙ), 141
 «В кавалерии красной Данила...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ, 18), 186
 «В какой ореховой скорлупке...», 325
 В КАМЫШАХ («Там, в тени речного сада...»), 18
 «В катакомбах гвоздем начертила...», 264
 «В комарином звоне гулком...», 158
 В КРЕМЛЕ («Безмолвен Кремль. Навек Иван затих...»), 315
 «В круговорот времен, в пределы тварной жизни...», 236
 «В лазурно-туманной дали...» (НА СТАРОМ КЛАДБИЩЕ), 400
 «В луже пространной, похожей на пруд...» (BLANC ET NOIR), 418
 «В моем предутреннем томлении...», 405
 «В мою келью неприветную...» (РЯСОФОРНЫЕ, 5), 66
 «В мою неубранную горницу...», 229
 «В неопикуемой грязи моя стезя...», 367
 В ОПУСТЕЛОЙ ДЕТСКОЙ («Грустно мячик одинокий...»), 149
 «В осияньи белом инея...», 115
 «В первое утро мира / Слетелись эльфы...» (ПЕРВОЕ УТРО МИРА), 119
 «В первое утро мира / Ева поздно встала...» (ПЕРВОЕ УТРО МИРА), 119
 «В подземном тайнике тюрмы...», 389
 «В полдень жарко смола растворяется...», 15
 «В полночь глухую меня ты покинул...», 175
 «В полярный круг заключена...», 48
 «В сердце лезвие измены...», 85

«В серебре пушистом инея...», 8
В СТЕНАХ (1, 4, 5, 6, 9), 99
«В сиреневых вечерних розах...», 276
«В твоём пространстве многомерном...», 129
«В тонком видении мне нынче приснилось...» (РЯСОФОРНЫЕ, 3), 65
В ТРАМВАЕ («Теснились усталые люди в трамвае...»), 397
«В третьем годе...» (НЕВЕСТЫ ХРИСТОВЫ, 5), 62
«В череду умерла старушка...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ, 14), 185
«В черном платке, с ногой забинтованной...», 150
«Вдалеке туманным силуэтом...», 384
«Ведовских даров не хочу я...», 301
«Велико избрание быть красивым...», 37
«Вершин сосновых шум...», 224
«Вечер. Осень. Яркие златницы...», 368
«Вечерний благовест...», 41
«Вечерний час. В прихожей печка...», 356
«Взамен погибших упований...», 162
«Влачу, как змий влачит на чреве...», 198
ВО ДВОРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА, 267
ВО ДНИ СОДОМА И ГОМОРРЫ, 285
«Воет ветер неумный...», 95
«Вокруг пустыня снежная...» (ЭПИЛОГ), 73
«Вой сирен автомобильных...», 374
«Вот и кончилось мое послушание...» (СТАРИЦЫ, 7), 71
«Вот тут алчба разгоралась...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ, 11), 184
«Впивайтесь, въедайтесь, могучие боли...», 388
«Всё бред и сон. Душа сломалась...», 43
«Всё в мире движется. И ты...», 283
«Всё полынь да полынь...», 261
«Всё сны да сны. Когда же будет жизнь?..», 285
«Всё триедино во Вселенной...», 39
«Всё чаще старость навевает...», 319
«Всё это сон. Любовь, борьба...», 87
«Всклопоченный, избитый, неумытый...», 322
ВСТРЕЧНОМУ ПРОХОЖЕМУ («Что мне до твоей судьбы...»), 341
«Всю ночь нынче соловушек...» (ЧЕРНИЦЫ, 7), 58
«Всю ночь сегодня я помню, что кошка...», 294
«...Второй уж день, как будто в отлученьи...», 430
«Входит. Лицо молодое...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ, 13), 184
«Вчера полунощное бдение...» (ЧЕРНИЦЫ, 3), 55
«Выбилась меж камней травка...», 381
«Выйду рано на Божью ниву...», 300

- «Вынула жребий Лахезис слепая...» (ТРИ ПАРКИ), 25
 «Выплываю из пещеры Ночи...» (РАССВЕТ), 194
 «Высоко над ломаной волною...», 214
- «Где этот берег, что во мраке...» (ЗАТЕРЯННОМУ В ПУСТЫНЯХ МИРА), 343
 «Генерал ею любитесь...» (СИМФОНΙΑ УХОДЯЩЕГО В ВЕЧНОСТЬ ДНЯ, II), 416
- ГИАЦИНТЫ («Предсмертное благоухание...»), 99
 «Глаша и Луша – такие насмешницы...» (СТАРИЦЫ, 1), 68
 «Глубже, глубже, круг за кругом...», 336
 «Глупо, глупо, неумело...», 199
 «Глухие уши мои...», 402
 «Глухой и слепой...», 250
 «Глухота и жуть ноябрьской ночи...», 369
 «Глядит сова незрячими очами...», 297
 «Гляжу с вниманием прилежным...», 247
 «Говорит мне тетка Пелагея...», 160
 «Говорят, воронье налетело...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ), 185
 ГОГЭН («Медвяной пряностью янтарного банана...»), 352
 «Голубая ночь баюкает...», 125
 «Голубая тень на сером камне...», 208
 «Горит светильник мой не прямо...», 219
 «Горних высей высота...», 249
 «Горят мои царства, и веси, и грады...», 235
 «Господи Иисусе Христе! Мать Христодула...» (ЧЕРНИЦЫ, 4), 56
 «Господи, высоко Твой престол...», 87
 «Гроздия белого инея...» (СТАРИЦЫ, 6), 70
 «Грустно без тебя мне, крохотный мой друг...» (ОСЕНЬЮ), 90
 «Грустно мячик одинокий...» (В ОПУСТЕЛОЙ ДЕТСКОЙ), 149
- «Да будет так. В мистерии кровавой...», 93
 «...Да – это много: жить, дышать...», 406
 «Далеко, далеко, за алмазной горой...», 176
- ДАНЕ АНДРЕЕВУ («Я видела крестик твой белый...»), 116
 «Два озера лесных – глаза...» (ПАМЯТИ ЕЛЕНЬ ГУРО), 128
 «Две куклы крохотных: растерзанный верблюд...» (РЕБЕНКУ), 100
 «Двенадцать лет земных жила...», 227
 «Дева, роза Назарета...», 240
- ДЕНИ («Этот остров золотистый...»), 352
 «День начинается сварой...», 370
 «День и ночь. Зенит. Надир...», 282

- ДЕНЬ ИЛБИ-ПРОРОКА («Под знаком огненным пророка Илии...»), 353
«День солнечный, а на душе туманно...», 199
«День прошел как сон. О чем – не знаю...», 432
«Держи неослабной рукою...», 45
ДЕТСКОЕ («Жемчугами и алмазами...»), 161
ДЕТСТВО («Помнишь юные, говорящие...»), 15
«Дикий лес, загадочные страны...», 206
«Длинноногим птицам...» (ЛИЛИНА КОМНАТА, I), 145
«Длинный-длинный перрон...», 274
«Дождя волнистая завеса...», 379
ДОЖДЬ («Май. Пришествие весны так грустно...»), 398
«– Дойдешь и вернешься, старая...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ, 8), 183
«Долго ли ходить мне по мукам...», 227
«Дрова переложены в клетку...» (ЗАКЛИНАНИЕ), 145
«Душа моя – свечечка малая...» (НЕВЕСТЫ ХРИСТОВЫ, 2), 60
«Душа полна рыданий затаенных...», 160
«Душа признала власть Твою...», 189
«Душно мне, родненький, сын мой Иванушка...», 97
- «Елизавете Михайловне Добровой...» (РОЖДЕСТВЕНСКИЕ
ПОСВЯЩЕНИЯ), 116
«Если мир лежит во зле...», 252
«Если с ветки упала жемчужина...», 29
«Есть у нас могилка безымянная...» (СТАРИЦЫ, 3), 69
«Еще, еще один стремительный...», 30
- «Жало заботы дневной...», 296
«Жалобно струны звенят...», 170
ЖАННА АСКУЭ («Заря алеет над горами...»), 12
«Жду сумерек. Тревожным знаком...», 380
«Желтый лист на тонкой ветке...», 150
«Жемчугами и алмазами...» (ДЕТСКОЕ), 161
«Жесткий ветер колет, режет...» (В ВАГОНЕ, 3), 257
«Живая лазурь над вершинами елей...», 22
[ЖИВОПИСЦЫ], 351
«Жизнь твоя – чаша хрустальная...», 28
«Жнец пошел с серпом на поле...», 323
«Жужжала муха, так жужжала...», 369
- «За высокою нашей оградой...» (РЯСОФОРНЫЕ, 4), 65
«За угол длинной змеєю...» (НА ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ, II), 388
«Забрели ко мне под вечер...», 254

«Завеса неба голубая...» (ПАМЯТИ А.Н. СКРЯБИНА, I), 106
«Завороженной тишиной...», 314
ЗАГОВОРЫ (1–10), 108
«Заглушая боль сознания...», 373
«Задрожала тень узорная...», 145
«Задумчиво стою у райского порога...», 7
«Зажгу лампаду голубую...», 221
«Заката розовое пламя...», 401
ЗАКЛИНАНИЕ («Дрова переложены в клетку...»), 145
«Закоулок паутинный...» (МОЯ КОМНАТА), 131
«Закружились хороводом...», 222
«Залохматились бурьяны...», 372
«Заповедным темным бором...», 308
«Запустил мое окошко...», 42
«Заря алеет над горами...» (ЖАННА АСКУЭ), 12
«Засинела в поле синь...» (ПОЕЗДКА В ГОРЯЧИЕ КЛЮЧИ, 4), 303
«Засыпан снежною пургою...», 200
ЗАТЕРЯННОМУ В ПУСТЫНЯХ МИРА («Где этот берег, что во
мраке...»), 343
«Затмились дали...», 200
«Зацвели мои белые тернии...», 94
«Зачем борьба, зачем смятенье?...», 218
«Зачем в спеленутое тело...», 230
«Зачем говорить об уродстве жизни...», 50
«Зачем душа боится муки...», 79
«Зачем ты ко мне наклоняешься...», 93
«Зашумели снега ручьями узывными...» (НЕВЕСТЫ ХРИСТОВЫ, 1), 60
«Звездной музыкой сияет...», 142
ЗВЕЗДНОМУ ДРУГУ («Ненастные упали тени...»), 157
«Звенит морозная земля...», 412
«Звонко плещется ведро...» (ЧЕРНИЦЫ, 8), 58
«Звонят, звонят у Митрофания...», 91
«Здесь, на этом камне придорожном...», 31
«– Здравствуй, Иванушка, братец родимый...», 177
«Земля Асура еле дышит...», 279
«Златокрылый, нежный, ясноликий...», 293
«Змеей свилась телеграфная проволока...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ), 182
«Змея Змеёвна...» (ЗАГОВОРЫ, 1), 108
«Знахарке, травы лесные...», 302
«Золотая осень озарила...», 312
«Золотые маковки обители...» (СТАРИЦЫ, 4), 69
«Золотьясь и пламенно краснея...» (ОСЕНЬЮ, II), 11

- «...И в дни потопа говорили...», 276
«И вдруг покинуть стало жалко...», 213
«И всё под теми же звездами...», 188
«И дом, и сад мой не в порядке...», 330
«...И опять тарелки, чашки...», 380
«И продают и покупают...», 372
«И снилось мне, что надо мною...», 32
«И это не сон, что вокруг...» (БЕСПЛОДНЫЕ МЫСЛИ ВО ВРЕМЯ ГОЛОВНОЙ БОЛИ, II), 364
«Игра стоцветных самоцветов...», 338
«Игрой моей любимой в детстве было...», 197
ИЗ КНИГИ ИОВА («О, Боже! Плотскими ли смотришь очами...»), 20
ИЗ КНИГИ ЭККЛЕЗИАСТА («Суета и томление духа пустое...»), 20
«Из моей тоски о природе...», 405
«Из окна моего только небо и сад...», 415
«Из-под раздавленного льда...», 277
«Из-под шляпы странно высокой...», 139
«Из старого скорбного шкафа...» (У АПТЕЧНОГО ШКАФА), 99
ИЗ ЦИКЛА «ЗУБОВСКИЙ БУЛЬВАР», 378
ИЗ ЦИКЛА «МАТЕРИ», 154
ИЗ ЦИКЛА, ОБРАЩЕННОГО К В.А. ВАТАГИНУ, 420
ИЗ ЦИКЛА «ПЕРВОЕ УТРО МИРА», 119
ИЗ ЦИКЛА «РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ», 116
ИЗ ЦИКЛА «СЕМЬ СМЕРТНИКОВ», 267
ИЗ ЦИКЛА «ТАТЬЯНЕ ФЕДОРОВНЕ СКРЯБИНОЙ» (2, 4), 102
ИЗ ЦИКЛА «Ю. СКРЯБИНУ» (3, 5, 7), 103
«Имя дьявольское – Ложь...», 203
«Инжир, кишмиш, товарищи...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ, 9), 183
ИНОПЛАНЕТНЫМ («Они меж нами пребывают...»), 130
«Ирис мой лиловоглазый...», 166
«Испугано сердце твоей красотой...», 21
- «К огню чужого камелька...», 256
К ПОРТРЕТУ НЕИЗВЕСТНОГО («Печальной тайною волнующе согреты...»), 117
«К чему слова? Душа проходит...», 203
«Как бело, хмельно и метельно...», 235
«Как белый лебедь Лоэнгрин...», 281
«Как в сердце иногда, бесплодном и сухом...», 192
«Как верблюд, согбенная бабушка...» (СИМФОНИЯ УХОДЯЩЕГО В ВЕЧНОСТЬ ДНЯ, III), 416
«Как вожделенна страна познания...», 42

- «Как вспомнишь, что я медведя боялась...», 178
- «Как жадно страждущее поле...», 240
- «Как зрелый плод на землю упадет...», 47
- «Как лебеда пустынный крик...», 148
- «Как мне поведать несказанное...», 429
- «Как примириться сердцу...», 254
- «Как серный дождь на гибнущий Содом...», 237
- «Как стая вспугнутая птиц...», 222
- «Как страшно жить в семи слоях...», 325
- «Как тень убитого от места не отходит...», 88
- «Как тихо на Голгофе было...», 229
- «Как тихо у меня в душе...», 131
- «Как тихо. Оливы сплетают...», 8
- «Как холодно, как сыро, неудобно...», 428
- «Какая темная преграда...», 346
- «Какие странные народы...» (ПАМЯТИ ТРАМВАЙНОЙ ВСТРЕЧИ
С КИТАЙЦЕМ), 342
- «Каким безумием движенья...», 46
- «Калмыкова бранит Черткова...» (СИМФОНΙΑ УХОДЯЩЕГО
В ВЕЧНОСТЬ ДНЯ, IV), 416
- «Камни холодны сегодня...», 218
- «Камушек по камушку...» (ЗАГОВОРЫ, 8), 111
- «Каплю меда сот Христовых...», 227
- КИЕВУ («Прощай, красавец безобразный...»), 159
- «Кипят мои наговорные травы...», 33
- «Кладбищенской тропкой мать Феодора...» (СТАРИЦЫ, 8), 71
- «Ко всему человек привыкает...» (БЕСПЛОДНЫЕ МЫСЛИ ВО ВРЕМЯ
ГОЛОВНОЙ БОЛИ, IV), 365
- «Ковчег над бурным океаном...», 253
- «Ковыли-ковылики...» (ЗАГОВОРЫ, 3), 109
- «Когда в Еноне у Салима...», 243
- «Когда в полночный час младенца Самуила...», 34
- «Когда вчера я увидала...», 422
- «Когда живешь в своей пустыне...», 19
- «Когда над жизнью что-нибудь...», 383
- «Когда сознание не вмещает...», 31
- «Когда схватит горло клещами...», 151
- «Когда уппадают лицом в подушку...», 425
- «Когда я в мире крест подъял...», 372
- «Когда я с тобой говорила...», 30
- «Коза с улыбкой Мефистофеля...», 429
- «Колыбель моя качается...», 27

- КОЛЫБЕЛЬНАЯ («Молнии с неба слетают...»), 79
- КОЛЫБЕЛЬНАЯ («Спит над озером тростиночка...»), 114
- «Колышется ива на облаке светлом...» (ИЗ ЦИКЛА «ТАТЬЯНЕ ФЕДОРОВНЕ СКРЯБИНОЙ», 4), 102
- КОМНАТА ДАНИИЛА («На абажуре Бенарес...»), 398
- «Комната Шуры Доброй...» (РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ), 116
- «Конец и бурям, и покою...» (УПАВШЕЙ СОСНЕ), 35
- «Кончен день бесполезной тревоги...», 7
- «Кораблик белый...», 40
- «Коршун всё ниже, всё ниже кружится...», 22
- «Косное, ленивое, тупое...», 331
- «Косят, косят, убирают...», 407
- КРАСЮКОВКА («Не гляди в окно. Всё та же...»), 355
- «Крепким красным светом края...» (МАТИСС), 351
- «Крещеньем огненным креститься...», 241
- «Кровь коралловой рябины...», 313
- «Кровь холодеет в старых жилах...», 332
- «Крокодилы зубастые...» (ЗАГОВОРЫ, 4), 109
- «Кружечка. Сода. Рука терпеливая...» (ИЗ ЦИКЛА «МАТЕРИ»), 154
- «Крылатым сердцу надо стать...», 335
- «Крякнула-стукнула палка...», 347
- «Кто в рубище на костылях...», 387
- «Кто волей Бога очертил...», 411
- «Кто счастливей этой нищей...», 92
- «Кто это, мама, страшный...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ, 15), 185
- «Кудрявый плотничек Гриша...» (ЧЕРНИЦЫ, 2), 55
- «Кукушка летала...», 95
- «Лампады алой моей сияние...» (НЕВЕСТЫ ХРИСТОВЫ, 6), 62
- «Ласточка высоко чертит круги...» (СЕСТРЕ), 141
- «Легкой поступью Оэлла...», 287
- «Лед на лед...» (ЗАГОВОРЫ, 2), 108
- «Лежу, укрывшись с головою...», 356
- «Лепит в окна мокрый снег...», 333
- «Лестница моя шатается...», 50
- «Лететь, лететь, но не во сне...», 22
- «Летят, летят и падают смиренно...», 105
- «Леший, леший, если хочешь...» (ПОЕЗДКА В ГОРЯЧИЕ КЛЮЧИ, 3), 304
- «Ливень, проливень. Шумные всплески...», 83
- ЛИЛИНА КОМНАТА (I–IV), 145
- «Ловлю потаенные знаки...», 35

- «Луч Воли Божьей камнем стал...», 292
«Людской волны томительные всплески...», 315
- «Май. Пришествие весны так грустно...» (ДОЖДЬ), 398
МАТИСС («Крепким красным светом кроя...»), 351
«Матюшка Сепфора стоит у плиты...», 74
«Мать с Младенцем Боттичелли...» (ЛИЛИНА КОМНАТА, III), 146
«Маятник жизни моей!..», 410
«Медвяной пряностью янтарного банана...» (ГОГЭН), 352
«Мелкие брызги потока...», 406
«Мечется выюга, сбивает шапки...» (НА ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ, I), 388
- «Милый друг, мне жизнь не полюбить...», 41
«Минуты как годы, часы как столетья...», 234
«Мне сладко спать, но слаще умереть...» (НОЧЬ), 47
«Мне снится часто колыбель пустая...», 34
«Мне так легко переселяться...», 207
«Много ли нужно раненой птице?...», 83
«Многоочиты Херувимы...», 207
«Могильное упокоенье...», 52
«Могла бы тайным заклинаньем...», 136
«Могучий гуд аэроплана...», 327
«Может быть, мне это снилось...», 288
«Мой путь не прям...», 232
«Мой спутник, светлый и таинственный...», 26
«Молнии с неба слетают...» (КОЛЫБЕЛЬНАЯ), 79
«Молодость, твоим росистым лугом...», 264
МОНАСТЫРСКОЕ, 55
«Море синее! Давно ты ждешь меня...», 406
«Море синих облаков...», 301
«Морозные дали сияют...», 180
МОЯ КОМНАТА («Чайник пунцовый с отбитым носом...»), 131
МОЯ КОМНАТА («Закоулок паутинный...»), 324
«Моя ладья без страха выплывает...», 391
«Мы пришли, но тяжкие засовы...», 188
«Мы утонули в свете перевозданном...», 38
- «На абажуре Бенарес...» (КОМНАТА ДАНИИЛА), 398
«На гору горянскую...» (ЗАГОВОРЫ, 7), 111
«На гребне волны сияет пена...», 414
«На дверях у них три пустые катушки...» (ЧЕРНИЦЫ, 5), 57
«На закате розовые дали...», 310

- «На Илью Пророка сын мой родился...», 97
- «На короткой цепи прикована...» (БЕСПЛОДНЫЕ МЫСЛИ ВО ВРЕМЯ ГОЛОВНОЙ БОЛИ, III), 365
- НА ЛЕСНОЙ ОПУШКЕ («Пращурь мои лесные...»), 400
- «На мохнатых лапах ели...» (ПОЕЗДКА В ГОРЯЧИЕ КЛЮЧИ, I), 303
- «На мраморную балюстраду...», 124
- «На мяльцах мяли...», 253
- «На осенние флоксы, на бархат вербен...», 312
- «На песках бесплодных у моря...», 37
- «На работе в саду латышка...» (ПОРТРЕТ N.N.), 347
- «На распутии всех дорог...» (НА СВЯТКАХ, I), 299
- «На решетках балкона...» (О РОСТОВЕ), 124
- НА СВЯТКАХ (I–III), 299
- НА СТАРОМ КЛАДБИЩЕ («В лазурно-туманной дали...»), 400
- «На стене моей мертвая муха...» (ИЗ ЦИКЛА, ОБРАЩЕННОГО К В.А. ВАТАГИНУ), 421
- НА ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ (I–II), 388
- «На той стене, где были фрески...», 275
- НА ТЮРЕМНОЙ ПРОГУЛКЕ («Опять мне идти по той же дорожке...»), 195
- «На этот синий купол в иное...», 196
- «Надо, надо вспомнить мне иное...», 212
- «Наливается знойной болью...», 231
- «Наливается и зреет...», 274
- «Напоена морозной мглою...», 309
- «Напоенные медом заката...», 211
- «Наугольник, отвес, молоток...», 346
- НЕВЕСТЫ ХРИСТОВЫ (1-7), 60
- «Не всё ли равно, где умирать...», 25
- «Не гляди в окно. Всё та же...» (КРАСЮКОВКА), 355
- «Не гляди на меня так печально...» (РАЗЛЮБЛЕННОМУ ДРУГУ), 166
- «Не грустите, милые сестрицы...» (НЕВЕСТЫ ХРИСТОВЫ, 7), 63
- «Не задуй моей лампы...», 88
- «Не знает, не знает...», 260
- «Не касайся меня, Магдалина...», 126
- «...Не надо книг. И думать лень...», 409
- «Не обмолвится прощаньем...», 105
- «...Не оттого ль мне худо...», 378
- «Не плакала, не трепетала...», 336
- «Не поверю. Не скажу...», 212
- «Не подарю тебе стиха...», 138
- «Не спится мне, не спится...», 297

- «Не стой на станции глухой...», 225
«Не схожу ли я с ума?...», 165
«Не та мать – сирота...», 415
«Не троньте эту былинку, не рвите...», 30
«Не туманься, не кручинься...», 399
«Не угадаешь, как метко и остро...», 392
«”Не умерла, но спит”. Не спит, но умерла...», 335
«Не шумите, ветры, так приветно...», 194
«Небеса нынче синие, синие...» (РЯСОФОРНЫЕ, 6), 66
«Небо точно в перьях голубиных...», 224
«Небожитель, ангел мой хранитель...», 232
«Нежная былинка тихо задрожала...», 16
«Неизглаголанной печали...», 243
«Немного песен мне осталось...», 332
НЕСКУЧНЫЙ САД («Безветренный сентябрьский день...»), 314
«Несут коринфскую колонну...» (ВО ДВОРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА), 267
«Нет на земле прозрачнее эфира...», 162
«Неугасимая лампада...» (ЭСКИЗЫ INTERIEUR’ОВ, III), 345
«Нищге говорит о душах...», 410
«Ничто не проходит. Всё с нами...», 428
НИЩЕМУ ПОЭТУ («Я люблю тебя за это...»), 382
«Ночи горячие. Смолы кипучие...», 98
«Ночи стали холоднее...» (СТАРОСТЬ), 89
НОЧЬ («Мне сладко спать, но слаще умереть...»), 47
«Ночь. Еще не глубокая...», 404
«Ноябрьское небо хмурится...», 169
«Нужен мрак. Нельзя в потоке света...», 271
- «О, Боже! Плотскими ли смотришь очами...» (ИЗ КНИГИ ИОВА), 20
«О, давно за тебя не творю я молитвы...», 190
«О, друг мой, у меня ослепшие глаза...», 163
«О дух, исполненный гордыни...», 27
«О затерянных в хладном мире...», 231
«О, как грустен долгий этот вечер...», 284
«О, как мне странно, что я живу...», 51
«О, каким несчастным и преступным...», 48
«О, Кантакана, конь мой верный!..», 291
«О, кто мне душу озарит...», 215
«О листья, листья золотые...», 28
«О, печальные спины покинутых людей...», 36
О РОСТОВЕ («На решетках балкона...»), 124

- «О, Скифия, о, пьяные рабы...», 278
- «О странных двоящихся судьбах...», 210
- «Об отлете, о попутных ветрах...», 313
- «Обвилась могильною змеею...», 293
- «Обедни, утрени, вечерни, парастазы...», 354
- «Обезножела старая тетя...» (ТЕТЯ), 100
- ОБЛАКО («Помнишь знаменье из света...»), 85
- «Облако над яблоневым садом...», 370
- «Обменяться улыбкой с вечерней звездой...», 357
- «Огонь пылал – и догорел...», 236
- «Однажды я, зайдя к соседке в сени...», 366
- «Однодневка в золотом уборе...», 251
- ОДНОЙ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ («Подорожник, подорожник...»), 351
- «Ожерелье из слез моих жемчужинок...», 178
- «Ой, горячо, ой, колко...» (ЗАГОВОРЫ, 5), 110
- «Ой, матушка, солнце садится...» (ИЗ ЦИКЛА «МАТЕРИ»), 155
- «Ой, тяжелое нагружение...» (ЗАГОВОРЫ, 10), 112
- «Окончив речь свою, прославил...», 252
- «Окутанный февральскими туманами...» (В ВАГОНЕ, 2), 257
- «Он всех бесправней на земле...», 86
- «Он поляной шел в часы заката...», 80
- «Она нежна, она добра...», 134
- «Они меж нами пребывают...» (ИНОПЛАНЕТНЫМ), 130
- «Опасно сердце открывать...», 25
- «Опустела горница моя...», 223
- «Опять мне идти по той же дорожке...» (НА ТЮРЕМНОЙ ПРОГУЛКЕ),
195
- «Опять сплетенные руки...», 341
- ОСЕНЬЮ (I–II), 11
- ОСЕНЬЮ («Грустно без тебя мне...»), 90
- «Осеребрилась грязь дорожная...», 133
- «Остановись, прохожий, на мгновенье...» (БЛУДНИЦА РОАВ), 245
- «Остановись. Трусливо под крыло...», 284
- «Остеклевшим взором из-под камня...» (ВО ДНИ СОДОМА И
ГОМОРРЫ), 285
- «Острым лезвием утраты...», 319
- «Остудим горячее, злое...», 237
- «Осуетился падший ум...», 226
- «От каждого есть яда...», 328
- «От очей твоих и от речей...», 189
- «Отворяется тяжкая дверь...», 398
- «Открой смеженные ресницы...», 190

«Отнимается дитя у матери...» (БЕСПЛОДНЫЕ МЫСЛИ ВО ВРЕМЯ ГОЛОВНОЙ БОЛИ, VI), 366

«Отовсюду веют, реют крылья...» (СТРАСТЬ), 39

«Отрезвонил пономарь к обедне...», 362

«Отходя ко сну, невольно...», 353

«Отчего китайские птицы...», 147

«Отчего ты, звездочка моя...», 123

«Ох, тошно мне, тошнехонько...», 408

ПАМЯТИ А.Н. СКРЯБИНА (I–III), 106

ПАМЯТИ ЕЛЕНЫ ГУРО («Два озера лесных – глаза...»), 128

ПАМЯТИ РИВЬЕРСКИХ ДНЕЙ («В золоте мимозы нежной...»), 141

ПАМЯТИ С.С. ЦЯВЛОВСКОЙ («Упал на сердце молот. И разбилось...»), 166

ПАМЯТИ ТРАМВАЙНОЙ ВСТРЕЧИ С КИТАЙЦЕМ («Какие странные народы...»), 342

ПАМЯТИ ФЕДОРА СОЛОГУБА («Светило бледно-золотое...»), 149

ПАРК В УДИНО («Аллеи лиственниц лимонных...»), 123

«Паруса утопают крылатые...», 36

«Парусина занавески...», 262

«Пели песни подблюдные...» (НА СВЯТКАХ, III), 300

ПЕРЕД ГРОЗОЙ («Темные ризы у Господа...»), 24

«Перед грозою...», 17

«Передо мною японские птицы...», 390

«Передул дорогу снег...» (ПОЕЗДКА В ГОРЯЧИЕ КЛЮЧИ, 7), 306

«Песни мои, песни...», 307

«Печальной тайною волнующе согреты...» (К ПОРТРЕТУ НЕИЗВЕСТНОГО), 117

«Пёсьи головы – опричники...», 275

«Пиши, перо. Диктуй, тетрадка...», 432

«Плывет с холма на холм дорога...» (ПОЕЗДКА В ГОРЯЧИЕ КЛЮЧИ, 6), 306

«По многозвездной среброзвучной...», 214

«По Неве, где даль речная...» (БЕЛАЯ НОЧЬ), 14

«По привычке протянула руку...», 153

«По столу ходит Алла на кухне...» (СИМФОНИЯ УХОДЯЩЕГО В ВЕЧНОСТЬ ДНЯ, I), 416

«Повернулись раз и раз колеса...», 261

«Поверь: создавший гусеницу...», 266

«Повисла нить. Шепчу: Куда же...», 422

«Погиб корабль. Уже сомкнулись волны...» (СЕМЬ СМЕРТНИКОВ), 267

«Под ветвями лепечущей ивы...», 280

- «Под знаком огненным пророка Или...» (ДЕНЬ ИЛЬИ-ПРОРОКА), 353
 «Под коварной этой синей гладью...» (ИЗ ЦИКЛА «Ю. СКРЯБИНУ», 3),
 103
- «Под мерный стук колес уснули пассажиры...» (В ВАГОНЕ, 1), 256
 «Под навесом хмурой хвои...» (ИЗ ЦИКЛА «МАТЕРИ»), 156
 «Под низким потолком спрессованные люди...», 371
 «Под солнцем первого утра...» (ПЕРВОЕ УТРО МИРА), 121
 «Под хмурым низким небом...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ, 1), 181
 «Подайте страннице убогой...», 270
 «Подорожник, подорожник...» (ОДНОЙ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ), 351
 ПОЕЗДКА В ГОРЯЧИЕ КЛЮЧИ (1–7), 303
 «Пойдем, пожимаясь от холода...», 132
 «Поймали тайных сил природы...» (РЕНТГЕНУ), 219
 «Покровы бархатные ночи...», 371
 «Поломан якорь...» (СЕРГЕЮШКЕ), 137
 «Полночь. Лампа догорает...», 330
 «Полуразрублено плечо...», 279
 «Помнишь глинистую гору...» (СЕРГЕЮШКЕ. ПИСЬМО), 167
 «Помнишь знаменье из света...» (ОБЛАКО), 85
 «Помнишь юные, говорящие...» (ДЕТСТВО), 15
 «Помоги, угодник Божий...», 221
 «Порог священный Магомета...», 148
 ПОРТРЕТ N.N. («На работе в саду латышка...»), 347
 ПОСЛЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ («Я плыву на обломке подгнившей
 доски...»), 425
- «Послушание наше – идти по крапиву...» (НЕВЕСТЫ ХРИСТОВЫ, 4), 61
 «Потоки радости бегут...» (В СТЕНАХ, 9), 101
 «Пращуры мои лесные...» (НА ЛЕСНОЙ ОПУШКЕ), 400
 «Предел сужденных испытаний...», 161
 «Предсмертное благоухание...» (ГИАЦИНТЫ), 99
 «Привыкает без руки...», 328
 «Привык я спать в моей могиле...» (СТРАШНЫЙ СУД), 269
 «Приготовьтесь к шествию в пустыне...», 242
 «Прилетели новые птицы...», 169
 «Приснилось мне – застывшая земля...», 286
 «Приставлен грозный часовой...», 283
 «Пришла белокурая женщина...», 407
 «Продувная эта щелка...», 423
 «Прозвенели бубенцами...» (НА СВЯТКАХ, II), 299
 «Пролетит и не вернется птица...», 250
 «Проносится галочьей стаей...», 384
 «Про теленка и козленка...» (В ВАГОНЕ), 358

- «Прощай, красавец безобразный...» (КИЕВУ), 159
 «Прощай, прощай... Но ты уже далёко...» (СОН), 419
 «Птицей залетной из края чужого...», 49
- «Рабы – как ветхо это слово...», 135
 «Радуйся, Невеста, Невеста Невестная!..» (ЧЕРНИЦЫ, 6), 57
 «Разве выйти на дорогу...», 209
 «Разве сердце наше знает...», 49
 «Разломать бы Кощееву горницу...» (ИЗ ЦИКЛА «МАТЕРИ»), 155
 РАЗЛЮБЛЕННОМУ ДРУГУ («Не гляди на меня так печально...»), 166
 «Разные есть утешения...» (БЕСПЛОДНЫЕ МЫСЛИ ВО ВРЕМЯ ГОЛОВНОЙ БОЛИ, VII), 366
 «Разорвался ремень на фабрике...» (БЕСПЛОДНЫЕ МЫСЛИ ВО ВРЕМЯ ГОЛОВНОЙ БОЛИ, V), 365
 «Раны заживают...», 329
 «Расписала Аннушка игуменье писанку...» (СТАРИЦЫ, 5), 70
 РАССВЕТ («Выплывают из пещеры Ночи...»), 194
 «Рассыпала четки черница...», 75
 РЕБЕНКУ («Две куклы крохотных: растерзанный верблюд...»), 100
 «Река прозрачна и мелка...», 307
 РЕНТГЕНУ («Поймали тайных сил природы...»), 219
 «Рога, копыта, когти, зубы...» (ИЗ ЦИКЛА, ОБРАЩЕННОГО К В.А. ВАТАГИНУ), 420
 «Росами Твоими вечерними...» (РЯСОФОРНЫЕ, 2), 64
 «Росой сияющего сада...», 391
 «Ручей бежит...», 278
 «Рыбак Андрей сказал сурово...», 157
 «Рябит, рябит, и, как стекло, дробится...», 168
 РЯСОФОРНЫЕ (1–7), 64
- «С безумным грохотом трясется грузовик...», 260
 «С ветки слетела ворона...» ([ИЗ ЦИКЛА, ОБРАЩЕННОГО К В.А. ВАТАГИНУ]), 420
 «С колокольни нашей высокой...» (ЧЕРНИЦЫ, 1), 55
 «С неба сыплется дождик упорный...», 373
 «С нищей братией убогой...», 209
 СВЕРСТНИКАМ («Уже не идем, а ползем...»), 414
 «Светило бледно-золотое...» (ПАМЯТИ ФЕДОРА СОЛОГУБА), 149
 «Светлой, гордой и счастливой...», 84
 СВЯТОЙ ВАРВАРЕ («Агница Божия, чьей девственной кровью...»), 349
 СВЯТОМУ СЕРГИЮ («Ты ходил тропинкою лесистою...»), 127
 СЕВАСТОПОЛЬ («"Слава павшим, слава убиенным"...»), 46

СЕРГЕЮШКЕ («Поломан якорь...»), 137
СЕРГЕЮШКЕ (Письмо. «Помнишь глинистую гору...»), 167
СЕСТРЕ («Ласточка высоко чертит круги...»), 141
СЕСТРЕ А.Г.М. («Твой озаренный бледный лик...»), 118
СЕСТРЕ МОЕЙ СМЕРТИ («Шаги твои уже слышны...»), 317
«Седая изморозь ложится на траву...», 17
«Седой старик и юноша навеки...», 138
«Сень серебристых тополей...», 306
«Сергей и Сусанна...», 423
«Серенький зверек...» (ПЕРВОЕ УТРО МИРА), 121
СИМФОНΙΑ УХОДЯЩЕГО В ВЕЧНОСТЬ ДНЯ (I–IX), 416
«Синева рассвета борется...», 295
«Синеет сумрак за окном...», 340
«Синим, синим жгучим небом...», 287
«Сказывают в песнях, сестрица Мариша...» (НЕВЕСТЫ ХРИСТОВЫ, 3),
61
«Сквозь алый бредовой покров...», 294
«Сквозь малую души моей орбиту...», 202
«Сквозь мрамор берез белоствольных...», 337
«Сколько плевел и пустых колосьев...», 323
«Скучно березам качаться...», 220
«Слабому, прекрасному, святому...», 142
«”Слава павшим, слава убиенным”...» (СЕВАСТОПОЛЬ), 46
«Сладко ящерице спится...» ([ИЗ ЦИКЛА, ОБРАЩЕННОГО К
В.А. ВАТАГИНУ]), 421
«Слишком, слишком много моли...», 386
«Словно опал драгоценный...» (ЦЮРИХСКОЕ ОЗЕРО), 23
«Сломан стебель колоска...», 318
«Слышен песен лебединых...», 86
«Слышишь ты или не слышишь...», 296
«Смертельно раненый зверек...», 134
«Смотрит месяц к нам в окошко...», 34
«Смуглая и стройная рабыня...», 248
«Смущает бес...», 143
«Снег на солнце пахнет морем...», 311
«Снега зыбучей пеленой...», 309
«Снегом повитое поле...», 377
«Снилось мне, иду на богомолье...», 289
«Совмещать несовместимое...», 239
«Соедини раскинутые нити...», 390
«Созрел тоски тяжелый плод...», 338
«Сомкнулись воды надо мною...», 38

- СОН («Прощай, прощай... Но ты уже далёко...»), 419
 «Сон от глаз бежит. Бессонница...», 383
 «Сосны, ели, над буграми...», 223
 «— Сосны! Зачем в небеса вы глядите...», 426
 «Сосны, храм нерукотворный!..», 427
 «Спит над озером тростиночка...» (КОЛЫБЕЛЬНАЯ), 114
 «Спит твоя девочка там, меж крестами...», 91
 «Стану ль завидовать птице крылатой...», 255
 СТАРОСТЬ («Ночи стали холоднее...»), 89
 «Статуетка. Мальчик крадет...» (ЛИЛИНА КОМНАТА, II), 146
 «Стой в своем стойле...», 168
 «Стонет зверь в лесном капкане...», 251
 «Страна сияющего инея...», 270
 «Страшные сны нынче снятся...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ, 16), 185
 СТАРИЦЫ (1–8), 68
 СТРАСТЬ («Отовсюду веют, реют крылья...»), 39
 СТРАШНЫЙ СУД («Привык я спать в моей могиле...»), 269
 «Страшным совиным чучелом...», 367
 «Строгий ангел у порога...», 424
 «Строгий и печальный взгляд...», 151
 «Стройный образ миссис Сидонс...» (ЛИЛИНА КОМНАТА, IV), 146
 «Суета и томление духа пустое...» (ИЗ КНИГИ ЭККЛЕЗИАСТА), 20
 СУМЕРКИ («... Часы таинственной отрады...»), 13
 «Сухостоя, бурелома...», 163
 «Сяду я на пне корявом...», 216
- «Так близко, близко я к горнилу...», 234
 «Так день за днем и час за часом...», 211
 «Так некогда явился Искуситель...», 202
 «Так тесен круг моих желаний...», 333
 «Такая лежит она пригожая...» (РЯСОФОРНЫЕ, 7), 67
 «Такая тишина, что ловит чуткий слух...», 26
 «Такой же дух бесприютный...» (СИМФОНИЯ УХОДЯЩЕГО
 В ВЕЧНОСТЬ ДНЯ, VI), 417
 «Такую ночь, такие звезды...», 191
 «Там, в тени речного сада...» (В КАМЫШАХ), 18
 «Там, где нога твоя земли коснется...», 127
 «Там, на ветке, опушенной...» (ПОЕЗДКА В ГОРЯЧИЕ КЛЮЧИ, 5), 305
 «Тающий дым от кадила...» (ИЗ ЦИКЛА «Ю. СКРЯБИНУ», 5), 103
 «Твой озаренный бледный лик...» (СЕСТРЕ А.Г.М.), 118
 «Твои одежды черные...» (ИЗ ЦИКЛА «ТАТЬЯНЕ ФЕДОРОВНЕ
 СКРЯБИНОЙ», 2), 102

- «Твоя любовь почил надо мною...», 413
«Темно горит моргасик-часик...», 411
«Темные рызы у Господа...» (ПЕРЕД ГРОЗОЙ), 24
«Теснились усталые люди в трамвае...» (В ТРАМВАЕ), 397
ТЕТЯ («обезножела старая тетя...»), 100
«Тиару с бесовскими харями...» (СЕМЬ СМЕРТНИКОВ), 268
«Тигры полосатые...» (ЗАГОВОРЫ, 6), 110
«Тихо плачут липы под дождем...», 7
«Тихо шиповник коралловый...» (ОСЕНЬЮ, I), 11
«Тихой благовест с морей былого...», 41
«То нездешнее меж нами...», 80
«Того, что я в тебе искала...», 210
«Тоска опять, как раненная птица...», 381
«Тоскливо пискнула в подполье...» (ИЗ ЦИКЛА, ОБРАЩЕННОГО К
В.А. ВАТАГИНУ), 420
«Тоскует дух, и снятся ему страны...», 96
«Тот во мне, кто как дитя смеется...», 208
«Точило ярости Господней...», 90
«Точно ангелы попели...» (ИЗ ЦИКЛА «Ю. СКРЯБИНУ», 7), 104
«Тревожно, грустно и светло...», 249
«Трепещет в сердце стих, как птица...», 402
«Три волхва идут ночной пустыней...», 265
ТРИ ПАРКИ («Вынула жребий Лахезис слепая...»), 25
«Три посвящения ступени...», 392
«Тридцать лет друзья и спутники...» (СИМФОНΙΑ УХОДЯЩЕГО
В ВЕЧНОСТЬ ДНЯ, VII), 417
«Тринадцать лет мне минуло вчера...», 280
«Тропинка дальняя, прикрытая...», 192
«Туманы утренние тают...», 193
«Тучи синими горами...», 165
«Ты дал нам белые одежды...», 44
«Ты, за мной надзирающий...», 386
«Ты ко мне приходила, родимая...» (ИЗ ЦИКЛА «МАТЕРИ»), 156
«Ты меня не спросишь, кто такая...», 320
«Ты святой Софии вольница...», 272
«Ты ходил тропинкою лесистою...» (СВЯТОМУ СЕРГИЮ), 127
«Тяжела работа Господня...», 44
«Тяжело росток придавлен...», 239
«Тяжким медленным биеньем...», 220
- У АПТЕЧНОГО ШКАФА («из старого скорбного шкафа...»), 99
«У заповедного порога...», 386

- «У колодца ведра плескались...», 246
«У моря Галилейского ладья...», 263
«У пустынных львов – пещера...», 428
«Убирай, старик, свои потребности...», 430
«Угасают дальние пристрастья...», 318
УГОЛОК ЛЕТНЕГО АРБАТА, 10 Ч. УТРА, 359
«Удаль и грусть. И приволье...» (ПОЕЗДКА В ГОРЯЧИЕ КЛЮЧИ, 2), 304
«Ударила в колокол мать Аглая...» (РЯСОФОРНЫЕ, 1), 64
«Ударило в стену соборную...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ, 3), 181
«Уж вы елочки...», 271
«Уж предрассветной бирюзою...», 224
«Уж провела Кассиопея...», 158
«Ужасное слово “массы”...», 152
«Уже не идем, а ползем...» (СВЕРСТНИКАМ), 414
«Узел, узел, узелок...», 238
«Унеси меня на волке сером...», 175
УПАВШЕЙ СОСНЕ («Конец и бурям, и покою...»), 35
«Упадем в слезах покаяния...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ), 181
«Упала ночь горячей тенью...», 16
«Упала на сердце молот. И разбилось...» (ПАМЯТИ С.С. ЦЯВЛОВСКОЙ),
166
«Уснуть бы. Так уснуть глубоко...», 326
«Успокойся, двойник мой, очнись!...» (СИМФОНИЯ УХОДЯЩЕГО
В ВЕЧНОСТЬ ДНЯ, IX), 418
«Утешитель и целитель...», 290
«Утихнули ночные шумы...», 259
«Утренним воскресным славословьем...», 337
«Учись доверчиво и просто...», 431
«Ушла с воскресной вестью Магдалина...», 217
«Ущербной доли не смягчая...», 322
«Ущербный месяц выплывает...», 196
- «Филодендрон спутанные листья...», 170
«Фиолетовый приют...» (ЭСКИЗЫ INTERIEUR’ОВ, I), 343
«Фра-Беато-Анжеликовских...», 350
- «Ходила я, старица недостойная...» (СТАРИЦЫ, 2), 68
«Ходят стаями и парами...», 96
«Хорошо в лесу заблудиться...302»,
«Хорошо вечеряющим лугом...», 83
«Хрустит обтаявшею коркой...», 357
«Худо исполнен урок мой дневной...», 324

- «Цикламена бабочки застыли на столе...», 140
ЦЮРИХСКОЕ ОЗЕРО («Словно опал драгоценный...»), 23
- «Чайник пунцовый с отбитым носом...» (МОЯ КОМНАТА), 131
«Частоколы высоки...», 393
«...Часы таинственной отрады...» (СУМЕРКИ), 13
«— Чего искали? — Оружия...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ, 10), 183
«Черен и глух...», 362
ЧЕРНИЦЫ (1–8), 55
«Черный ворон! Предсказанья...», 431
«Черными пастями окна...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ), 183
«Чистоту души моего народа...» (БАТАЙСКИЕ ДНИ), 184
«Что изменилось во мне иль в мире...», 340
«Что мне до твоей судьбы...» (ВСТРЕЧНОМУ ПРОХОЖЕМУ), 341
«Что мне шепчет шум протяжный...», 164
«Чудная странница...», 320
«Чудно – ночами всё не спится...», 289
«Чужой души таинственный порыв...», 45
- «Шаги твои уже слышны...» (СЕСТРЕ МОЕЙ СМЕРТИ), 317
«Шевелится дождик под окном...», 10
«Шел Иуда полями...», 247
«Шелесты. Нежные лепеты...», 251
«Шепчутся листы...», 320
«Шесть откормленных купчин...», 368
«Шире, шире, сердце, раздавайся...», 238
«Шумы, гамы, звоны, трески...», 385
- «Элегантная молельня...» (ЭСКИЗЫ INTERIEUR'ОВ, II), 344
ЭСКИЗЫ INTERIEUR'ОВ (I–III), 343
ЭПИЛОГ («Вокруг пустыня снежная...»), 73
«...Эти взгляды, мимо скользящие...» (СИМФОНИЯ УХОДЯЩЕГО
В ВЕЧНОСТЬ ДНЯ, VIII), 416
«Это было тоже...» (ПЕРВОЕ УТРО МИРА), 120
«Это ветер, ветер позёмный...», 29
«Это не сон и не фантазмагория...» (БЕСПЛОДНЫЕ МЫСЛИ ВО ВРЕМЯ
ГОЛОВНОЙ БОЛИ, I), 364
«Этот остров золотистый...» (ДЕНИ), 352
- «Я бреду уединенно...», 81
«Я видела крестик твой белый...» (ДАНЕ АНДРЕЕВУ), 116
«Я дом построил на песке...», 331

- «Я живу в жестоких буднях...», 193
 «Я живу в избе курной...», 363
 «Я за тебя на страже полуночной...», 187
 «Я знаю ужас низвержения...», 51
 «Я иду одна тропинкой белой...», 82
 «Я иду по знойным тротуарам...», 262
 «Я – Каин. Брата моего...», 273
 «Я ль руку возложил на плуг...», 220
 «Я люблю тебя за это...» (НИЩЕМУ ПОЭТУ), 382
 «Я люблю полусон...», 10
 «Я молча руки простираю...», 238
 «Я не взойду на гору Гаризин...», 213
 «Я не рыцарь, я не пахарь...», 327
 «Я ничего не сотворила...», 216
 «Я одна в саду Арифамея...», 230
 «Я плыву на обломке подгнившей доски...» (ПОСЛЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ), 425
 «Я полумертвое пшеничное зерно...», 339
 «Я – революция. Я пламень мировой...», 255
 «Я сестра, сестра твоя, любимый...», 187
 «Я сплю. Но слышны мне сквозь сон...», 266
 «Я тебя не знаю, я тебя не знаю...», 94
 «Я умираю, умираю...», 24
 «Я у подножья эшафота...», 241
 «Я шел к заоблачным вершинам...» (СЕМЬ СМЕРТНИКОВ), 268

[Цикл без названия], 366

BLANC ET NOIR (Эскиз «Загорское»: «В луже пространной, похожей на пруд...»), 418

NOCTURNE («Полупрозрачных эльфов крылья...»), 106

ETRANGET<E> («Сколько духов налетело...»), 107

СОДЕРЖАНИЕ

РАННИЕ СТИХИ (1883–1915)

«Задумчиво стою у райского порога...»	7
«Кончен день бесполезной тревоги...».....	7
«Тихо плачут липы под дождем...».....	7
«Как тихо. Оливы сплетают...»	8
«В серебре пушистом инея...»	8
«Шевелится дождик под окном...»	10
«Я люблю полусон...»	10
ОСЕНЬЮ	
I. «Тихо шиповник коралловый...»	11
II. «Золотясь и пламенно краснея...».....	11
ЖАННА АСКУЭ	12
СУМЕРКИ	13
БЕЛАЯ НОЧЬ	14
ДЕТСТВО	15
«В полдень жарко смола растворяется...».....	15
«Упала ночь горячей тенью...».....	16
«Нежная былинка тихо задрожала...»	16
«Седая изморозь ложится на траву...».....	17
«Перед грозюю...»	17
В КАМЫШАХ	18
«Когда живешь в своей пустыне...».....	19
«Белеют призрачно березы...».....	19
ИЗ КНИГИ ИОВА	20
ИЗ КНИГИ ЭККЛЕЗИАСТА	20
«Испугано сердце твоей красотой...»	21
«Лететь, лететь, но не во сне...».....	22
«Живая лазурь над вершинами елей...»	22
«Коршун всё ниже, всё ниже кружится...»	22
ЦЮРИХСКОЕ ОЗЕРО.....	23

«Больная нежная заря...»	23
«Я умираю, умираю...»	24
ПЕРЕД ГРОЗОЙ	24
ТРИ ПАРКИ	25
«Не всё ли равно, где умирать...»	25
«Опасно сердце открывать...»	25
«Такая тишина, что ловит чуткий слух...»	26
«Мой спутник, светлый и таинственный...»	26
«Колыбель моя качается...»	27
«О дух, исполненный гордыни...»	27
«О листья, листья золотые...»	28
«Жизнь твоя – чаша хрустальная...»	28
«Это ветер, ветер позёмный...»	29
«Если с ветки упала жемчужина...»	29
«Еще, еще один стремительный...»	30
«Когда я с тобой говорила...»	30
«Не троньте эту былинку, не рвите...»	30
«Когда сознание не вмещает...»	31
«Здесь, на этом камне придорожном...»	31
«И снилось мне, что надо мною...»	32
«Кипят мои наговорные травы...»	33
«Смотрит месяц к нам в окошко...»	34
«Мне снится часто колыбель пустая...»	34
«Когда в полночный час младенца Самуила...»	34
УПАВШЕЙ СОСНЕ	35
«Ловлю потаенные знаки...»	35
«Паруса утопают крылатые...»	36
«О, печальные спины покинутых людей...»	36
«На песках бесплодных у моря...»	37
«Велико избрание быть красивым...»	37
«Мы утонули в свете первозданном...»	38
«Сомкнулись воды надо мною...»	38
СТРАСТЬ	39
«Всё триедино во Вселенной...»	39
«Кораблик белый...»	40
ВЕЧЕРНИЙ БЛАГОВЕСТ	41
«Тихой благовест с морей былого...»	41
«Милый друг, мне жизнь не полюбить...»	41

«Как вожденна страна познания...»	42
«Запустил мое окошко...»	42
«Всё бред и сон. Душа сломалась...»	43
«Тяжела работа Господня...»	44
«Ты дал нам белые одежды...»	44
«Чужой души таинственный порыв...»	45
«Держи неослабной рукою...»	45
«Каким безумием движенья...»	46
СЕВАСТОПОЛЬ	46
НОЧЬ	47
«Как зрелый плод на землю упадает...»	47
«В полярный круг заключена...»	48
«О, каким несчастным и преступным...»	48
«Птицей залетной из края чужого...»	49
«Разве сердце наше знает...»	49
«Зачем говорить об уродстве жизни...»	50
«Лестница моя шатается...»	50
«О, как мне странно, что я живу...»	51
«Я знаю ужас низвержения...»	51
«Могильное упокоенье...»	52

МОНАСТЫРСКОЕ

I. ЧЕРНИЦЫ

1. «С колокольни нашей высокой...»	55
2. «Кудрявый плотничек Гриша...»	55
3. «Вчера полунощное бдение...»	55
4. «Господи Иисусе Христе! Мать Христула...»	56
5. «На дверях у них три пустые катушки...»	57
6. «Радуйся, Невеста, Невеста Неневестная!...»	57
7. «Всю ночь нынче соловушек...»	58
8. «Звонко плещется ведро...»	58

II. НЕВЕСТЫ ХРИСТОВЫ

1. «Зашумели снега ручьями узывными...»	60
2. «Душа моя – свечечка малая...»	60
3. «Сказывают в песнях, сестрица Мариша...»	61

4. «Послушание наше – идти по крапиву...»	61
5. «В третьем годе...»	62
6. «Лампады алой моей сияние...»	62
7. «Не грустите, милые сестрицы...»	63
III. РЯСОФОРНЫЕ	
1. «Ударила в колокол мать Аглая...»	64
2. «Росами Твоими вечерними...»	64
3. «В тонком виденьи мне нынче приснилось...»	65
4. «За высокою нашей оградой...»	65
5. «В мою келью неприветную...»	66
6. «Небеса нынче синие, синие...»	66
7. «Такая лежит она пригожая...»	67
IV. СТАРИЦЫ	
1. «Глаша и Луша – такие насмешницы...»	68
2. «Ходила я, старица недостойная...»	68
3. «Есть у нас могилка безымянная...»	69
4. «Золотые маковки обители...»	69
5. «Расписала Аннушка игуменье писанку...»	70
6. «Гроздия белого инея...»	70
7. «Вот и кончилось мое послушание...»	71
8. «Кладбищенской тропкой мать Феодора...»	71
Эпилог	73
[ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ 1928 Г., ОТНЕСЕННЫЕ К КНИГЕ «МОНАСТЫРСКОЕ»]	
«Матушка Сепфора стоит у плиты...»	74
«Рассыпала четки черница...»	75

СТИХИ 1916–1930

КОЛЫБЕЛЬНАЯ	79
«Зачем душа боится муки...»	79
«То нездешнее меж нами...»	80
«Он поляной шел в часы заката...»	80
«Я бреду уединенно...»	81
«Я иду одна тропинкой белой...»	82
«Бабочка крылом меня задела...»	82
«Много ли нужно раненой птице?...»	83

«Ливень, проливень. Шумные всплески...»	83
«Хорошо вечереющим лугом...»	83
«Светлой, гордой и счастливой...»	84
«В сердце лезвие измены...»	85
ОБЛАКО	85
«Он всех бесправней на земле...»	86
«Слышен песен лебединых...»	86
«Всё это сон. Любовь, борьба...»	87
«Господи, высоко Твой престол...»	87
«Как тень убитого от места не отходит...»	88
«Не задуй моей лампы...»	88
СТАРОСТЬ	89
«В бессолнечной угрюмости осенней...»	89
«Точило ярости Господней...»	90
ОСЕНЬЮ	90
«Звонят, звонят у Митрофания...»	91
«Спит твоя девочка там, меж крестами...»	91
«Кто счастливей этой нищей...»	92
«Да будет так. В мистерии кровавой...»	93
«Зачем ты ко мне наклоняешься...»	93
«Зацвели мои белые тернии...»	94
«Я тебя не знаю, я тебя не знаю...»	94
«Кукушка летала...»	95
«Воет ветер неумный...»	95
«Тоскует дух, и снятся ему страны...»	96
«Ходят стаями и парами...»	96
«На Илью Пророка сын мой родился...»	97
«Душно мне, родненький, сын мой Иванушка...»	97
«Ночи горячие. Смолы кипучие...»	98
В СТЕНАХ	
1. Гиацинты	99
4. У аптечного шкафа	99
5. Ребенку	100
6. Тетя	100
9. «Потоки радости бегут...»	101
ИЗ ЦИКЛА «ТАТЬЯНЕ ФЕДОРОВНЕ СКРЯБИНОЙ»	
2. «Твои одежды черные...»	102
4. «Колышется ива на облаке светлом...»	102

ИЗ ЦИКЛА «Ю. СКРЯБИНУ»	
3. «Под коварной этой синей гладью...»	103
5. «Тающий дым от кадила...»	103
7. «Точно ангелы попели...»	104
«Летят, летят и падают смиренно...»	105
«Не обмолвится прощанием...»	105
ПАМЯТИ А.Н. СКРЯБИНА	
I. «Завеса неба голубая...»	106
II. Nocturne	106
III. Etranget	107
ЗАГОВОРЫ	
1. «Змея Змеёвна...»	108
2. «Лед на лед...»	108
3. «Ковыли-ковылики...»	109
4. «Крокодилы зубастые...»	109
5. «Ой, горячо, ой, колко...»	110
6. «Тигры полосатые...»	110
7. «На гору горянскую...»	111
8. «Камушек по камушку...»	111
9. «Боль-боляницу...»	112
10. «Ой, тяжелое нагружение...»	112
КОЛЫБЕЛЬНАЯ	114
«Баю, баю, баю, Лисик...»	114
«В осияньи белом инея...»	115
ИЗ ЦИКЛА «РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ»	
Комната Шуры Добровой	116
Елизавете Михайловне Добровой	116
Дане Андрееву	116
К ПОРТРЕТУ НЕИЗВЕСТНОГО	117
СЕСТРЕ А.Г.М.	118
ИЗ ЦИКЛА «ПЕРВОЕ УТРО МИРА»	
1. «В первое утро мира...»	119
2. «В первое утро мира...»	119
3. «Это было тоже...»	120
4. «Серенький зверек...»	121
5. «Под солнцем первого утра...»	121
«Отчего ты, звездочка моя...»	123
ПАРК В УДИНО	123

О РОСТОВЕ	124
«На мраморную балюстраду...»	124
«Боже воинств, великой Твоей благодатью...»	125
«Голубая ночь баюкает...»	125
«Не касайся меня, Магдалина...»	126
«Там, где нога твоя земли коснется...»	127
СВЯТОМУ СЕРГИЮ	127
ПАМЯТИ ЕЛЕНЫ ГУРО	128
«В твоём пространстве многомерном...»	129
ИНОПЛАНЕТНЫМ	130
«Как тихо у меня в душе...»	131
МОЯ КОМНАТА	131
«А у меня в груди орган...»	132
«Пойдем, пожимаясь от холода...»	132
«Осеребрилась грязь дорожная...»	133
«Смертельно раненый зверек...»	134
«Она нежна, она добра...»	134
«Рабы – как ветхо это слово...»	135
«Безнадежность – высшая надежда...»	135
«Могла бы тайным заклинаньем...»	136
«Был вечер, полный чарованья...»	136
СЕРГЕЮШКЕ	137
«Седой старик и юноша навеки...»	138
«Не подарю тебе стиха...»	138
«Из-под шляпы странно высокой...»	139
БЕСПЛОДНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ	140
«Цикламена бабочки застыли на столе...»	140
ПАМЯТИ РИВЬЕРСКИХ ДНЕЙ	141
СЕСТРЕ	141
«Звездной музыкой сияет...»	142
«Слабому, прекрасному, святому...»	142
«Смущает бес...»	143
«В горниле тяжких испытаний...»	144
ЗАКЛИНАНИЕ	145
«Задрожала тень узорная...»	145
ЛИЛИНА КОМНАТА	
I. «Длинноногим птицам...»	145
II. «Статуэтка. Мальчик крадет...»	146

III. «Мать с Младенцем Боттичелли...»	146
IV. «Стройный образ миссис Сидонс...»	146
«Отчего китайские птицы...»	147
«Как лебедя пустынный крик...»	148
«Порог священный Магомета...»	148
ПАМЯТИ ФЕДОРА СОЛОГУБА	149
В ОПУСТЕЛОЙ ДЕТСКОЙ	149
«В черном платке, с ногой забинтованной...»	150
«Желтый лист на тонкой ветке...»	150
«Строгий и печальный взгляд...»	151
«Когда схватит горло клещами...»	151
«Ужасное слово “массы”...»	152
«Бессонной долгой ночью...»	152
«По привычке протянула руку...»	153
ИЗ ЦИКЛА «МАТЕРИ»	
«Кружечка. Сода. Рука терпеливая...»	154
«Ой, матушка, солнце садится...»	155
«Разломать бы Кощееву горницу...»	155
«Под навесом хмурой хвои...»	156
«Ты ко мне приходила, родимая...»	156
ЗВЕЗДНОМУ ДРУГУ	157
«Рыбак Андрей сказал сурово...»	157
«В комарином звоне гулком...»	158
«Уж провела Кассиопея...»	158
КИЕВУ	159
«Душа полна рыданий затаенных...»	160
«Говорит мне тетка Пелагея...»	160
«Предел сужденных испытаний...»	161
ДЕТСКОЕ	161
«Нет на земле прозрачнее эфира...»	162
«Взамен погибших упований...»	162
«Бродит бездомный котенок...»	163
«О, друг мой, у меня ослепшие глаза...»	163
«Сухостоя, бурелома...»	163
«Что мне шепчет шум протяжный...»	164
«Не схожу ли я с ума?...»	165
«Тучи синими горами...»	165
РАЗЛЮБЛЕННОМУ ДРУГУ	166

«Ирис мой лиловоглазый...»	166
ПАМЯТИ С.С. ЦЯВЛОВСКОЙ.....	166
СЕРГЕЮШКЕ	167
«Стой в своем стойле...»	168
«Рябит, рябит, и, как стекло, дробится...»	168
«Прилетели новые птицы...»	169
«Ноябрьское небо хмурится...»	169
«Филодендрон спутанные листья...»	170
«Жалобно струны звенят...»	170

ИЗ РУКОПИСНЫХ КНИГ 1915–1931

Из книги «БРАТЕЦ ИВАНУШКА»

«Унеси меня на волке сером...»	175
«В полночь глухую меня ты покинул...»	175
«Далеко, далеко, за алмазной горой...»	176
«Братец Иванушка, сегодня приснился...»	176
«— Здравствуй, Иванушка, братец родимый...»	177
«Ожерелье из слез моих жемчужинок...»	178
«Как вспомнишь, что я медведя боялась...»	178

Из книги «Во дни войны»

«Будет ли рождать еще земля...»	180
«Морозные дали сияют...»	180

БАТАЙСКИЕ ДНИ

1. «Под хмурым низким небом...»	181
2. «Упадем в слезах покаяния...»	181
3. «Ударило в стену соборную...»	181
4. «В газетах уже писали...»	182
5. «Боязливые бледные люди...»	182
6. «Змеей свилась телеграфная проволока...»	182
7. «Черными пастями окна...»	183
8. «— Дойдешь и вернешься, старая...»	183

9. «Инжир, кишмиш, товарищи...»	183
10. «— Чего искали? — Оружия...»	183
11. «Вот тут алчба разгоралась...»	184
12. «Чистоту души моего народа...»	184
13. «Входит. Лицо молодое...»	184
14. «В череду умерла старушка...»	185
15. «Кто это, мама, страшный...»	185
16. «Страшные сны нынче снятся...»	185
17. «Говорят, воронье налетело...»	185
18. «В кавалерии красной Данила...»	186

Из книги «Орион»

«Я сестра, сестра твоя, любимый...»	187
«Я за тебя на страже полуночной...»	187
«И всё под теми же звездами...»	188
«Мы пришли, но тяжкие засовы...»	188
«Душа признала власть Твою...»	189
«От очей твоих и от речей...»	189
«Открой смеженные ресницы...»	190
«О, давно за тебя не творю я молитвы...»	190
«Такую ночь, такие звезды...»	191

Из книги «Остров изгнания»

«Как в сердце иногда, бесплодном и сухом...»	192
«Тропинка дальняя, прикрытая...»	192
«Я живу в жестоких буднях...»	193
«Туманы утренние тают...»	193
«Не шумите, ветры, так приветно...»	194
РАССВЕТ	194
НА ТЮРЕМНОЙ ПРОГУЛКЕ	195
«На этот синий купол в инее...»	196
«Ущербный месяц выплывает...»	196
«Ах, я не смею тосковать...»	197
«Игрой моей любимой в детстве было...»	197
«Влачу, как змий влачит на чреве...»	198
«День солнечный, а на душе туманно...»	199

«Глупо, глупо, неумело...».....	199
«Засыпан снежной пургою...».....	200
«Затмились дали...».....	200

Из книги «УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА»

«Так некогда явился Искуситель...».....	202
«Сквозь малую души моей орбиту...».....	202
«К чему слова? Душа проходит...».....	203
«Имя дьявольское – Ложь...».....	203
«Багряно-алые, страстные...».....	204
«Был день, когда вошел могучий...».....	204

Из книги «РАСПУТЬЕ»

«Дикий лес, загадочные страны...».....	206
«Мне так легко переселиться...».....	207
«Многоочиты Херувимы...».....	207
«Голубая тень на сером камне...».....	208
«Тот во мне, кто как дитя смеется...».....	208
«С нищей братией убогой...».....	209
«Разве выйти на дорогу...».....	209
«О странных двоящихся судьбах...».....	210
«Того, что я в тебе искала...».....	210
«Так день за днем и час за часом...».....	211
«Напоенные медом заката...».....	211
«Надо, надо вспомнить мне иное...».....	212
«Не поверю. Не скажу...».....	212
«Я не взойду на гору Гаризин...».....	213
«И вдруг покинуть стало жалко...».....	213
«Высоко над ломаной волною...».....	214
«По многозвездной среброзвучной...».....	214
«О, кто мне душу озарит...».....	215
«Я ничего не сотворила...».....	216
«Сяду я на пне корявом...».....	216
«Ушла с воскресной вестью Магдалина...».....	217
«Зачем борьба, зачем смятенье?...».....	218
«Камни холодны сегодня...».....	218

РЕНТГЕНУ	219
«Горит светильник мой не прямо...»	219
«Скучно березам качаться...»	220
«Тяжким медленным биеньем...»	220
«Я ль руку возложил на плуг...»	220
«Зажгу лампаду голубую...»	221
«Помоги, угодник Божий...»	221
«Закружились хороводом...»	222
«Как стая вспугнутая птиц...»	222
«Сосны, ели, над буграми...»	223
«Опустела горница моя...»	223
«Уж предрассветной бирюзою...»	224
«Небо точно в перьях голубиных...»	224
«Вершин сосновых шум...»	224
«Не стой на станции глухой...»	225
«Осуетился падший ум...»	226
«Безнадежно далекий, прекрасный...»	226

Из книги «СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА»

«Каплю меда сот Христовых...»	227
«Долго ли ходить мне по мукам...»	227
«Двенадцать лет земных жила...»	227
«Будут звоны колокольные...»	228
«В мою неубранную горницу...»	229
«Как тихо на Голгофе было...»	229
«Я одна в саду Аримафея...»	230
«Зачем в спеленутое тело...»	230
«Наливается знойной болью...»	231
«О затерянных в хладном мире...»	231
«Было ли чудо в Вифании...»	232
«Мой путь не прям...»	232
«Небожитель, ангел мой хранитель...»	232

Из книги «ОГНЕННЫЕ СТУПЕНИ»

«Минуты как годы, часы как столетья...»	234
«Так близко, близко я к горнилу...»	234

«Горят мои царства, и веси, и грады...»	235
«Как бело, хмельно и метельно...»	235
«Огонь пылал – и догорел...»	236
«В круговорот времен, в пределы тварной жизни...»	236
«Остудим горячее, злое...»	237
«Как серный дождь на гибнущий Содом...»	237
«Я молча руки простираю...»	238
«Узел, узел, узелок...»	238
«Шире, шире, сердце, раздавайся...»	238
«Совмещать несовместимое...»	239
«Тяжело росток придавлен...»	239
«Дева, роза Назарета...»	240
«Как жадно страждущее поле...»	240
«Крещеньем огненным креститься...»	241
«Я у подножья эшафота...»	241
«Приготовьтесь к шествию в пустыне...»	242
«Бессилью моему дай право стать усилием...»	242
«Когда в Еноне у Салима...»	243
«Неизглаголанной печали...»	243

Из книги «О ПРЕХОДЯЩЕМ И ВЕЧНОМ»

БЛУДНИЦА РОАВ	245
«У колодца ведра плескались...»	246
«Гляжу с вниманием прилежным...»	247
«Шел Иуда полями...»	247
«Смуглая и стройная рабыня...»	248
«Горних высей высота...»	249
«Тревожно, грустно и светло...»	249
«Пролетит и не вернется птица...»	250
«Глухой и слепой...»	250
«Однодневка в золотом уборе...»	251
«Стонет зверь в лесном капкане...»	251
«Шелесты. Нежные лепеты...»	251
«Если мир лежит во зле...»	252
«Окончив речь свою, прославил...»	252
«Ковчег над бурным океаном...»	253
«На мяльцах мяли...»	253

«Забрели ко мне под вечер...»	254
«Как примириться сердцу...».....	254
«Я – революция. Я пламень мировой...».....	255
«Стану ль завидовать птице крылатой...».....	255
«Бледно-зеленым океаном...».....	256
«К огню чужого камелька...»	256
В ВАГОНЕ	
I. «Под мерный стук колес уснули пассажиры...»	256
II. «Окутанный февральскими туманами...»	257
III. «Жесткий ветер колет, режет...».....	257
«Ах, какими тешит сказками...»	258
«Утихнули ночные шумы...».....	259
«С безумным грохотом трясется грузовик...»	260
«Не знает, не знает...».....	260
«Всё полынь да полынь...»	261
«Повернулись раз и раз колеса...»	261
«Парусина занавески...»	262
«Я иду по знойным тротуарам...».....	262
«У моря Галилейского ладья...».....	263
«Молодость, твоим росистым лугом...».....	264
«В катакомбах гвоздем начертила...»	264
«Три волхва идут ночной пустыней...»	265
«В гробу лежала Лидия-девица...»	265
«Я сплю. Но слышны мне сквозь сон...»	266
«Поверь: создавший гусеницу...»	266
ВО ДВОРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА	267
ИЗ ЦИКЛА «СЕМЬ СМЕРТНИКОВ»	
II. «Погиб корабль. Уже сомкнулись волны...»	267
V. «Тиару с бесовскими харями...».....	268
VI. «Я шел к заоблачным вершинам...»	268
VII. Страшный суд	269
«Страна сияющего инея...»	270
«Подайте страннице убогой...»	270
«Нужен мрак. Нельзя в потоке света...».....	271
«Уж вы елочки...»	271
«Ты святой Софии вольница...»	272
«Безлюбовный и безверный...»	272
«Я – Каин. Брата моего...».....	273

«Наливается и зреет...»	274
«Длинный-длинный перрон...»	274
«На той стене, где были фрески...»	275
«Пёсьи головы – опричники...»	275
«...И в дни потопа говорили...»	276
«В сиреневых вечерних розах...»	276
«Из-под раздавленного льда...»	277
«Безлюдье улицы убогой...»	277
«Ручей бежит...»	278
«О, Скифия, о, пьяные рабы...»	278
«Земля Ассура еле дышит...»	279
«Полуразрублено плечо...»	279
«Под ветвями лепечущей ивы...»	280
«Тринадцать лет мне минуло вчера...»	280
«Как белый лебедь Лоэнгрина...»	281
«Аменти – край закатный. Розы...»	282
«День и ночь. Зенит. Надир...»	282
«Приставлен грозный часовой...»	283
«Всё в мире движется. И ты...»	283
«Остановись. Трусливо под крыло...»	284
«О, как грустен долгий этот вечер...»	284

Из книги «Сны»

«Всё сны да сны. Когда же будет жизнь?..»	285
ВО ДНИ СОДОМА И ГОМОРРЫ	285
«Приснилось мне – застывшая земля...»	286
«Легкой поступью Оэлла...»	287
«Синим, синим жгучим небом...»	287
«Может быть, мне это снилось...»	288
«Снилось мне, иду на богомолье...»	289
«Чудно – ночами всё не спится...»	289
«Утешитель и целитель...»	290

Из книги «За гранью»

«О, Кантакана, конь мой верный!..»	291
«Луч Воли Божьей камнем стал...»	292

Из книги «БЕССОННИЦА»

«Обвилась могильною змеею...»	293
«Златокрылый, нежный, ясноликий...»	293
«Всю ночь сегодня я помню, что кошка...»	294
«Сквозь алый бредовой покров...»	294
«Синева рассвета борется...»	295
«Жало заботы дневной...»	296
«Слышишь ты или не слышишь...»	296
«Не спится мне, не спится...»	297
«Глядит сова незрячими очами...»	297

Из книги «ЯЗЫЧЕСКОЕ»

НА СВЯТКАХ

I. «На распутье всех дорог...»	299
II. «Прозвенели бубенцами...»	299
III. «Пели песни подблюдные...»	300
«Выйду рано на Божью ниву...»	300
«Ведовских даров не хочу я...»	301
«Море синих облаков...»	301
«Хорошо в лесу заблудиться...»	302
«Знахарке, травы лесные...»	302

ПОЕЗДКА В ГОРЯЧИЕ КЛЮЧИ

1. «На мохнатых лапах ели...»	303
2. «Удаль и грусть. И приволье...»	304
3. «Леший, леший, если хочешь...»	304
4. «Засинела в поле синь...»	305
5. «Там, на ветке, опушенной...»	305
6. «Плывет с холма на холм дорога...»	306
7. «Передул дорогу снег...»	306
«Сень серебристых тополей...»	306
«Песни мои, песни...»	307
«Река прозрачна и мелка...»	307
«Заповедным темным бором...»	308

Из книги «Зима»

«Снега зыбучей пеленой...»	309
«Напоена морозной мглой...».....	309
«В белоснежной колыбели...»	310
«На закате розовые дали...».....	310
«Снег на солнце пахнет морем...»	311

Из книги «Осеннее»

«Золотая осень озарила...»	312
«На осенние флоксы, на бархат вербен...».....	312
«Об отлете, о попутных ветрах...».....	313
«Кровь коралловой рябины...».....	313
НЕСКУЧНЫЙ САД	314
«Завороженной тишиной...».....	314
ИЗ ЦИКЛА «ГОРОД»	
В Кремле	315
«Людской волны томительные всплески...».....	315

Из книги «AD SUOR NOSTRA MORTE»

СЕСТРЕ МОЕЙ СМЕРТИ.....	317
«Будем как дети. Сядем под ветви...».....	317
«Сломан стебель колоска...»	318
«Угасают дольные пристрастья...».....	318
«Острым лезвием утраты...»	319
«Всё чаще старость навевает...»	319
«Ты меня не спросишь, кто такая...».....	320
«Шепчутся листы...».....	320
«Чудная странница...».....	320

Из книги «СЕБЕ САМОМУ»

«Всклокоченный, избитый, неумытый...».....	322
«Ущербной доли не смягчая...»	322
«Сколько плевел и пустых колосьев...».....	323
«Жнец пошел с серпом на поле...»	323

«Худо исполнен урок мой дневной...»	324
МОЯ КОМНАТА	324
«Как страшно жить в семи слоях...»	325
«В какой ореховой скорлупке...»	325
«Уснуть бы. Так уснуть глубоко...»	326
«Я не рыцарь, я не пахарь...»	327
«Могучий гуд аэроплана...»	327
«От каждого есть яда...»	328
«Привыкает без руки...»	328
«Раны заживают...»	329
«Поздно. Заперты ворота...»	329
«Полночь. Лампа догорает...»	330
«И дом, и сад мой не в порядке...»	330
«Я дом построил на песке...»	331
«Косное, ленивое, тупое...»	331
«Немного песен мне осталось...»	332
«Кровь холодеет в старых жилах...»	332
«Так тесен круг моих желаний...»	333
«Лепит в окна мокрый снег...»	333

Из книги «ПРЕДДВЕРИЕ»

«"Не умерла, но спит". Не спит, но умерла...»	335
«Крылатым сердцу надо стать...»	335
«Не плакала, не трепетала...»	336
«Глубже, глубже, круг за кругом...»	336
«Утренним воскресным славословьем...»	337
«Сквозь мрамор берез белоствольных...»	337
«Благословен звенящий зной...»	337
«Созрел тоски тяжелый плод...»	338
«Игра стоцветных самоцветов...»	338
«Я полумертвое пшеничное зерно...»	339
«Синеет сумрак за окном...»	340
«Что изменилось во мне иль в мире...»	340

Из книги «ПРОХОДЯЩИМ И УШЕДШИМ»

«Опять сплетенные руки...»	341
ВСТРЕЧНОМУ ПРОХОЖЕМУ	341
ПАМЯТИ ТРАМВАЙНОЙ ВСТРЕЧИ С КИТАЙЦЕМ	342
ЗАТЕРЯННОМУ В ПУСТЫНЯХ МИРА	343
ЭСКИЗЫ INTERIEUR'ОВ	
I. «Фиолетовый приют...»	343
II. «Элегантная молельня...»	344
III. «Неугасимая лампада...»	345
«Наугольник, отвес, молоток...»	346
«Какая темная преграда...»	346
«Крякнула-стукнула палка...»	347
ПОРТРЕТ N.N.	347
[СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИМЫКАЮЩИЕ К КНИГЕ «ПРОХОДЯЩИМ И УШЕДШИМ»]	
СВЯТОЙ ВАРВАРЕ	349
«Фра-Беато-Анжеликовских...»	350
ОДНОЙ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ	351
[ЖИВОПИСЦЫ]	
I. Матисс	351
II. Дени	352
III. Гогэн	352
«Отходя ко сну, неволью...»	353
ДЕНЬ ИЛЬИ-ПРОРОКА	353
«Обедни, утрени, вечерни, парастазы...»	354

Из книги «Быт»

КРАСЮКОВКА	355
«Вечерний час. В прихожей печка...»	356
«Лежу, укрывшись с головою...»	356
«Хрустит обтаявшею коркой...»	357
«Обменяться улыбкой с вечерней звездой...»	357
В ВАГОНЕ	358
УГОЛОК ЛЕТНЕГО АРБАТА, 10 Ч. УТРА	359
«Отрезвонил пономарь к обедне...»	362
«Черен и глух...»	362

«Я живу в избе курной...».....	363
БЕСПЛОДНЫЕ МЫСЛИ ВО ВРЕМЯ ГОЛОВНОЙ БОЛИ	
I. «Это не сон и не фантазмагория...»	364
II. «И это не сон, что вокруг...»	364
III. «На короткой цепи прикована...».....	365
IV. «Ко всему человек привыкает...»	365
V. «Разорвался ремень на фабрике...»	365
VI. «Отнимается дитя у матери...»	366
VII. «Разные есть утешения...».....	366
[ЦИКЛ БЕЗ НАЗВАНИЯ]	
I. «Однажды я, зайдя к соседке в сени...».....	366
II. «В неопикуемой грязи моя стезя...»	367
«Страшным совиным чучелом...»	367
«Вечер. Осень. Яркие златницы...»	368
«Шесть откормленных купчин...»	368
«Глухота и жуть ноябрьской ночи...»	369
«Жужжала муха, так жужжала...».....	369
«Облако над яблоневым садом...»	370
«День зачинается сварой...»	370
«Под низким потолком спрессованные люди...».....	371
«Покровы бархатные ночи...»	371
«Залохматились бурьяны...».....	372
«И продают и покупают...».....	372
«Когда я в мире крест подъял...»	372
«Заглушая боль сознания...».....	373
«С неба сыплется дождик упорный...»	373
«Вой сирен автомобильных...»	374

ПОЗДНИЕ СТИХИ 1931–1953 ГОДОВ

«Снегом повитое поле...»	377
ИЗ ЦИКЛА «ЗУБОВСКИЙ БУЛЬВАР»	
«... Не оттого ль мне худо...».....	378
«Дождя волнистая завеса...»	379
«... И опять тарелки, чашки...».....	380
«Жду сумерек. Тревожным знаком...».....	380

«Выбилась меж камней травка...»	381
«Тоска опять, как раненная птица...»	381
НИЩЕМУ ПОЭТУ	382
«Бегите, мысли, быстрее лани...»	382
«Сон от глаз бежит. Бессонница...»	383
«Когда над жизнью что-нибудь...»	383
«Вдалеке туманным силуэтом...»	384
«Проносится галочьей стаей...»	384
«Шумы, гамы, звоны, трески...»	385
«Асфальт намокших черных тротуаров...»	385
«Слишком, слишком много моли...»	386
«Ты, за мной надзирающий...»	386
«У заповедного порога...»	386
«Кто в рубище на костылях...»	387
«Впивайтесь, въедайтесь, могучие боли...»	388
НА ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ	
I. «Мечется вьюга, сбивает шапки...»	388
II. «За угол длинной змеєю...»	388
«В подземном тайнике тюрьмы...»	389
«Передо мною японские птицы...»	390
«Соедини раскинутые нити...»	390
«Моя ладья без страха выплывает...»	391
«Росой сияющего сада...»	391
«Три посвящения ступени...»	392
«Не угадаешь, как метко и остро...»	392
«Частоколы высоки...»	393

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ДНЕВНИКА

В ТРАМВАЕ	397
«Отворяется тяжкая дверь...»	398
КОМНАТА ДАНИИЛА	398
ДОЖДЬ	398
«Ах, эта стройная сосна!...»	399
«Не туманься, не кручинься...»	399
НА СТАРОМ КЛАДБИЩЕ	400

НА ЛЕСНОЙ ОПУШКЕ.....	400
«Заката розовое пламя...»	401
«Трепещет в сердце стих, как птица...»	402
«Глухие уши мои...»	402
«Бывают дни опустошения...»	403
«Ночь. Еще не глубокая...»	404
«Из моей тоски о природе...»	405
«В моем предутреннем томлении...»	405
«Мелкие брызги потока...»	406
«...Да – это много: жить, дышать...»	406
«Море синее! Давно ты ждешь меня...»	406
«Пришла белокурая женщина...»	407
«Косят, косят, убирают...»	407
«Ох, тошно мне, тошнехонько...»	408
«... Не надо книг. И думать лень...»	409
«В домино играют старухи...»	409
«Маятник жизни моей!...»	410
«Ницше говорит о душах...»	410
«Темно горит моргасик-часик...»	411
«Кто волей Бога очертил...»	411
«Звенит морозная земля...»	412
«Твоя любовь почила надо мною...»	413
«На гребне волны сияет пена...»	414
СВЕРСТНИКАМ	414
«Из окна моего только небо и сад...»	415
«Не та мать – сирота...»	415
СИМФОНΙΑ УХОДЯЩЕГО В ВЕЧНОСТЬ ДНЯ	
I. «По столу ходит Алла на кухне...»	416
II. «Генерал ею любителся...»	416
III. «Как верблюд, согбенная бабушка...»	416
IV. «Калмыкова бранит Черткова...»	416
V. «Апатично, безрадостно, Дима...»	417
VI. «Такой же дух бесприютный...»	417
VII. «Тридцать лет друзья и спутники...»	417
VIII. «... Эти взгляды, мимо скользящие...»	418
IX. «Успокойся, двойник мой, очнись!...»	418
BLANC ET NOIR	418
СОН	419

ИЗ ЦИКЛА, ОБРАЩЕННОГО К В.А. ВАТАГИНУ

«Рога, копыта, когти, зубы...»	420
«Тоскливо пискнула в подполье...»	420
«С ветки слетела ворона...»	420
«Сладко ящерице спится...»	421
«На стене моей мертвая муха...»	421
«Повисла нить. Шепчу: Куда же...»	422
«Когда вчера я увидала...»	422
«Сергей и Сусанна...»	423
«Продувная эта щелка...»	423
«Строгий ангел у порога...»	424
«Когда упадают лицом в подушку...»	425
ПОСЛЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ	425
В ДНИ ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ.....	426
«– Сосны! Зачем в небеса вы глядите...»	426
«Сосны, храм нерукотворный!...»	427
«Ничто не проходит. Всё с нами...»	428
«У пустынных львов – пещера...»	428
«Как холодно, как сыро, неудобно...»	428
«Коза с улыбкой Мефистофеля...»	429
«Как мне поведать несказанное...»	429
«Убирай, старик, свои потребности...»	430
«...Второй уж день, как будто в отлученьи...»	430
«Благословен удел изгнанья...»	430
«Учись доверчиво и просто...»	431
«Черный ворон! Предсказанья...»	431
«Пиши, перо. Диктуй, тетрадка...»	432
«День прошел как сон. О чем – не знаю...»	432

Т. Нешумова.

Жизнь Варвары Григорьевны Малахиевой-Мирович .....

434

Т. Нешумова.

Поэтический мир В.Г. Малахиевой-Мирович .....

482

Комментарии .....

508

Алфавитный указатель стихотворений .....

552

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1
М18

Малахиева-Мирович В. Г.

М18 Хризалида: Стихотворения / Сост. Т. Нешумова. – М.: Водолей, 2013. – 608 с. – (Серебряный век. Паралипоменон).

ISBN 978–5–91763–131–8

Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович (1869, Киев – 1954, Москва) – автор почти четырех тысяч стихотворений. Первые ее сохранившиеся стихи датируются 1883-м годом, последние написаны за год до смерти. Подруга Льва Шестова и Елены Гуро, Даниила Андреева и Игоря Ильинского, переводчица Бернарда Шоу и «Многообразие религиозного опыта» Уильяма Джеймса, Малахиева-Мирович – старейший автор неофициальной литературы, оставшийся до конца дней верным символизму, но открывший внутри символистской системы возможности иронически отстраненного реалистического письма.

Основу издания составил свод избранных стихотворений поэта, никогда не появлявшихся в печати, а также единственная изданная при жизни книга стихотворений «Монастырское» (1923) и немногочисленные прижизненные публикации.

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1

Малахиева-Мирович Варвара Григорьевна

Хризалида

Стихотворения

Технический редактор *А. Ильина*

Корректор *Н. Федотова*

Подписано в печать 07.01.13. Формат 60x90/16. Бумага офсетная

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Печ. л. 38

Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Водолей»

127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23

Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>

E-mail: info@vodoleybooks.ru

ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента
Российской Федерации

Генеральный директор **Э.А. Галумов**

127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д.5.

Контактные телефоны: 694-36-36, 694-30-20

e-mail: izd.izv@ru.net

97859171631318

Алексеева Л. А. Горькое счастье: Собрание сочинений. 2007. – 416 с. – (Малая серия).

Големба А. С. Я человек эпохи Миннезанга: Стихотворения. 2007. – 384 с. – (Малая серия).

Меркурьева В. А. Тщета: Собрание стихотворений. 2007. – 608 с. – (Малая серия).

Соловьев С. М. Собрание стихотворений. 2007. – 856 с. – (Большая серия).

Петров С. В. Собрание стихотворений: В 2 кн. 2008. – 616 + 640 с. – (Большая серия).

Позняков Н. С. Преданный дар: Избранные стихотворения. 2008. – 176 с. – (Малая серия).

Щировский В. Е. Танец души: Стихотворения и поэмы. 2008. – 200 с. – (Малая серия).

Голохвастов Г. В. Гибель Атлантиды: Стихотворения. Поэма. 2008. – 576 с. – (Большая серия).

Верховский Ю. Н. Струны: Собрание сочинений. 2008. – 928 с. – (Малая серия).

Барт С. В. Стихотворения. 1915–1940. Проза. Письма. 2008. – 336 с. – (Малая серия).

Лозина-Лозинский А. К. Противоречия: Собрание стихотворений. 2008. – 648 с. – (Большая серия).

Тарловский М. А. Молчаливый полет: Стихотворения. Поэма. 2009. – 672 с. – (Большая серия).

Вега Мария. Ночной корабль: Стихотворения и письма. 2009. – 528 с. – (Большая серия).

Нарциссов Б. А. Письмо самому себе: Стихотворения и новеллы. 2009. – 440 с. – (Малая серия).

Голохвастов Г. В. Лебединая песня: Несобранное и неизданное. 2010. – 352 с. – (Малая серия).

Садовской Б. А. Морозные узоры: Стихотворения и письма. 2010. – 568 с. – (Большая серия).

Зальцман П. Я. Сигналы Страшного суда: Поэтические произведения. – 2011. – 480 с. – (Малая серия).

Кугушева Н. П. Проржавленные дни: Сборник стихотворений. – 2011. – 336 с. – (Малая серия).

Петров С. В. Сборник стихотворений: Неизданное. 2011. – 688 с. – (Большая серия).

Кленовский Д. И. Полное собрание стихотворений. 2011. – 704 с. – (Большая серия).

Цетлин М. О. (Амари). Цельное чувство: Сборник стихотворений. 2011. – 400 с. – (Большая серия).

Бородаевский В. В. Посох в цвету: Сборник стихотворений. 2011. – 400 с. – (Большая серия).

Гомолицкий Л. Н. Сочинения русского периода. В 3 т. 2011. – 704 + 672 + 704 с. – (Большая серия).

Аверьянова Л. И. Vox Humana: Сборник стихотворений. – 2011. – 416 с. – (Малая серия).

Тарусский Н. А. Знак земли: Сборник стихотворений. – 2012. – 272 с. – (Малая серия).

Корвин-Пиотровский В. Л. Поздний гость: Стихотворения и поэмы. – 2012. – 688 с. – (Большая серия).

Ширман Г. Я. Зазвездный зов: Стихотворения и поэмы. – 2012. – 736 с. – (Большая серия).

Коплан Б. И. Старинный лад: Сборник стихотворений (1919–1940). – 2012. – 160 с. – (Малая серия).

Зальцман П. Я. Сигналы Страшного суда: Поэтические произведения. – 2011. – 480 с. – (Малая серия).

Настоящее издание впервые в приближающемся к полноте объеме знакомит читателя с поэтическим творчеством художника Павла Яковлевича Зальцмана (1912–1985). Зальцману-поэту, прошедшему школу Павла Филонова и близкому к кругу ОБЭРИУ, удалось в своих произведениях объединить формальный эксперимент с непосредственностью поэтического высказывания и с уникальной экспрессией передать катастрофизм эпохи и трагедию творческой личности. Тексты подготовлены по материалам рукописного архива поэта и сопровождаются текстологическим и реальным комментарием.

Кугушева Н. П. Проржавленные дни: Собрание стихотворений. – 2011. – 336 с. – (Малая серия).

В последний раз Наталья Петровна Кугушева (1899–1964) увидела свое стихотворение напечатанным, когда ей было тридцать лет. Вторая половина ее жизни вместила многое: пятнадцатилетнюю добровольную ссылку в Казахстане, куда она последовала за репрессированным мужем, одиночество, почти полную нищету, забвение. Но все эти годы она продолжала писать стихи, чудом дошедшие до наших дней. Большая часть их впервые печатается в настоящем издании.

Петров С. В. Собрание стихотворений: Неизданное. 2011. – 688 с. – (Большая серия).

Сергей Владимирович Петров (1911–1988), поэт огромного масштаба, долгое время был известен широкому читателю только как переводчик. Его творческое наследие ошеломляюще и по объему, и по художественной значимости. Сам поэт увидел опубликованными лишь два десятка стихотворений в последние шесть лет жизни; первый авторский сборник Петрова вышел в свет спустя девять лет после его кончины.

Настоящее издание продолжает вышедшее в 2008 г. Собрание стихотворений в двух книгах. В него вошли стихи 1930–1980-х гг., по различным причинам не включенные в предыдущие тома; стихотворения, объединенные в циклы; поэтические произведения, написанные в музыкальных жанрах; поэмы.

Кленовский Д. И. Полное собрание стихотворений. 2011. – 704 с. – (Большая серия).

«Последний акмеист», «последний царскосел», «последний поэт серебряного века» – так именовали критики Дмитрия Иосифовича Кленовского (наст. фам. Крачковский; 1892–1976). Выпустив первую книгу перед самой революцией, Кленовский в советские годы замолчал и вновь начал писать стихи лишь четверть века спустя, уже в эмиграции, где он оказался в 1942 году. Однако в отличие от ранних изящных и утонченных стихов, напоминающих стихи Кузмина, эмигрантские сборники Кленовского представляют собой философскую лирику самой высокой пробы.

После смерти Георгия Иванова Кленовский многими признавался первым поэтом эмиграции и одним из лучших поэтов второй половины XX века.

В издании объединены все одиннадцать его книг плюс стихи, не вошедшие в сборники. В приложении впервые публикуются две книги, подготовленные Кленовским в начале двадцатых годов, но так и не увидевшие свет: книга стихов «Предгорье» и перевод «Сельских и Божественных игр» Анри де Ренье.

Цетлин М. О. (Амари). Цельное чувство: Собрание стихотворений. 2011. – 400 с. – (Большая серия).

Настоящее издание представляет собой наиболее полное собрание стихов поэта М.О. Цетлина (Амари) (1882–1945). В него вошли не только все его поэтические сборники, но и стихи, публиковавшиеся в периодической печати, а также переводы. В приложении печатаются очерки «Наталья Гончарова» и «Максимилиан Волошин».

Творчество Цетлина (Амари) – неотъемлемая часть искусства Серебряного века и истории русской поэзии XX века в целом.

Бородаевский В. В. Посох в цвету: Собрание стихотворений. 2011. – 400 с. – (Большая серия).

Валериан Валерианович Бородаевский (1874–1923), самобытный поэт религиозно-философского склада. В 1909 г. довольно ярко заявил о себе сборником стихотворений, вышедшим в издательстве Вяч. Иванова «Орь», но, выпустив в 1914 г. второй сборник, отошел от литературного процесса и надолго оказался забыт. Настоящее издание – первый опыт полного собрания стихотворений Бородаевского, значительная часть которых публикуется впервые.

Гомолицкий Л. Н. Сочинения русского периода. В 3 т. 2011. – 704 + 672 + 704 с. – (Большая серия).

Межвоенный период творчества Льва Гомолицкого (1903–1988), в последние десятилетия жизни приобретшего известность в качестве польского писателя и литературоведа-русиста, оставался практически неизвестным. Данное издание, опирающееся на архивные материалы, обнаруженные в Польше, Чехии, России, США и Израиле, раскрывает прежде оставшуюся в тени грань облика писателя – большой свод его сочинений, созданных в 1920–30-е годы на Волыни и в Варшаве, когда он был русским поэтом и становился центральной фигурой эмигрантской литературной жизни.

Вступительная статья, представляющая не известные ранее документы и сведения о жизни Гомолицкого и анализирующая многочисленные критические выступления молодого поэта в столичной и провинциальной прессе, позволяет убедиться в том, что место Польши в истории литературы русского Зарубежья в 1930-е годы было сопоставимо с «русским Парижем» и «русской Прагой». Первый том содержит опубликованные и рукописные сборники и циклы стихотворных произведений Гомолицкого, ярко выявляя детали резкой эволюции поэтического сознания и литературной позиции автора на протяжении 1921–1942 гг.

Второй том, наряду с разбросанными в периодических изданиях и оставшихся в рукописи стихотворениями, а также вариантами текстов, помещенных в первом томе, включает ценные поэтические документы: обширный полузаконченный автобиографический роман в стихах «Совидец» и подготовленную поэтом в условиях немецкой оккупации книгу переводов (выполненных размером подлинника – силлабическим стихом) «Крымских сонетов» Адама Мицкевича. В приложении к стихотворной части помещен перепечатываемый по единственному сохранившемуся экземпляру сборник «Стихотворения Льва Николаевича Гомолицкого» (Острог, 1918) – литературный дебют пятнадцатилетнего подростка. Книга содержит также переписку Л. Гомолицкого с А.Л. Бемом, В.Ф. Булгаковым, А.М. Ремизовым, Довидом Кнутом и др.

Третий том содержит многочисленные газетные статьи и заметки поэта, его беллетристические опыты, в своей совокупности являвшиеся подступами к недошедшему до нас прозаическому роману, а также книгу «Арион. О новой зарубежной поэзии» (Париж, 1939), ставшую попыткой подведения итогов работы поэтического поколения Гомолицкого.

Аверьянова Л. И. Vox Humana: Собрание стихотворений. – 2011. – 416 с. – (Малая серия).

Лидия Ивановна Аверьянова (1905–1942) – талантливая поэтесса и переводчица, автор пяти не вышедших в свет сборников стихов, человек драматической и во многом загадочной судьбы. Лирика Л. Аверьяновой вызвала сочувственный интерес у Ф. Сологуба, А. Ахматовой, В. Набокова, Г. Струве и др. Наиболее ценная часть ее литературного наследия – «Стихи о Петербурге»; в 1937 г. они обрели статус «стихов-эмигрантов» и посмертно, в извлечениях, публиковались за рубежом под присвоенным автору псевдонимом А. Лисицкая.

Поэтическое творчество Л. Аверьяновой представлено в книге во всей возможной полноте, большая часть стихотворений печатается впервые. В основу издания легли материалы из фондов Пушкинского Дома (СПб.) и Гуверовского института (США).

Тарусский Н. А. Знак земли: Собрание стихотворений. – 2012. – 272 с. – (Малая серия).

В настоящем издании впервые собраны под одной обложкой стихи Николая Алексеевича Тарусского (наст. фам. Боголюбов; 1903–1943). Малоаметный (или сознательно выдерживающий дистанцию) участник литературной жизни 1930-х гг., врач, путешественник, охотник, рыболов, Тарусский был поэтом редкого у нас тематического спектра: в его внешне невозмутимые описания природы вплетены эсхатологические проекции, выраженные скупым и звучным стихом. Часть стихотворений печатается впервые.

Корвин-Пиотровский В. Л. Поздний гость: Стихотворения и поэмы. – 2012. – 688 с. – (Большая серия).

Поэт первой волны эмиграции Владимир Львович Корвин-Пиотровский (1891–1966) – вероятно, наименее известный из значительных русских поэтов XX века. Он играл немалую роль в период краткого расцвета «русского Берлина», однако и позднее оставался заметной фигурой в других центрах русской диаспоры – Париже и Соединенных Штатах. Ценимый еще при жизни критиками и немногочисленными читателями – в том числе Бердяевым, Буниным, Набоковым, – Корвин-Пиотровский до сих пор не обрел в истории русской литературы места, которое он, несомненно, заслужил.

Собрание сочинений В. Л. Корвин-Пиотровского выходит в России впервые. Помимо известного двухтомного собрания «Поздний гость» (Вашингтон, 1968), не успевшего выйти при жизни поэта, оно содержит произведения, которые автор, опубликовав в ранние годы творчества, под конец жизни не признавал, а также значительное количество никогда не публиковавшихся стихотворений.

Ширман Г. Я. Зазвездный зов: Стихотворения и поэмы. – 2012. – 736 с. – (Большая серия).

Творчество Григория Яковлевича Ширмана (1898–1956), очень ярко заявившего о себе в середине 1920-х гг., осталось не понято и не принято современниками. Талантливый поэт, мастер сонета, Ширман уже в конце 1920-х выпал из литературы почти на 60 лет. В настоящем издании полностью переиздаются поэтические сборники Ширмана, впервые публикуется анонсировавшийся, но так и не вышедший при жизни автора сборник «Апокрифы», а также избранные стихотворения 1940–1950-х гг.

Коплан Б. И. Старинный лад: Собрание стихотворений (1919–1940). – 2012. – 160 с. – (Малая серия).

Борис Иванович Коплан (1898–1941) был более известен как историк русской литературы XVIII и первой половины XIX веков. Он выпустил лишь небольшой сборник «Стансы» (1923), хотя стихи продолжал писать всю жизнь.

В основу книги положен авторский рукописный сборник, сохранившийся, несмотря на аресты, заключение, ссылку автора и его гибель в тюрьме во время блокады Ленинграда. Настоящее издание полностью представляет читателю поэтическое наследие Б. Коплана. Более 50 стихотворений публикуются впервые.

**Книги издательства «Водолей»
можно приобрести в следующих магазинах Москвы:**

ГУП «ОЦ»Московский Дом книги»

119019, Москва, ул. Н.Арбат,7

тел. (495) 789-35-91

ТД «Библио-Глобус»

101990, Москва, ул. Мясницкая, 6\3, стр. 1

тел. (495) 781-19-00

Дом книги «Молодая гвардия»

119180, Москва, ул. Б. Полянка, 28, стр. 1

тел. (495) 238-00-32

ТДК «Москва»

125009, Москва, ул. Тверская, 8, стр. 1

тел. (495) 629-73-55, (495) 629-64-83

Галерея книги «НИНА»

Москва, ул. Бахрушина,28

тел. (495) 959-21-03. (495) 959-20-94

Книжный магазин «Русское зарубежье»

109240, Москва, ул. Н.Радищевская,2

тел. (495) 915-00-83, (495) 915-27-97

Книжный магазин «Фаланстер»

109012, Москва, М. Гнезниковский пер.,12\27

тел. (495) 749-57-21

Оптовая торговля: ООО «КнАрт»

E-mail: knarttd@mail.ru   тел. 8-916-119-67-20